

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХОСРОВ И ШИРИН

К 810-ЛЕТИЮ
МУСАВИ ГИЛГАТИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЭ

СОКРОВИЩНИЦА ТАВИ
ХОСРОВ И ШИРИН
ЛЕВЛИ И МЕДЖИМ
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕР-НАМЕ

БАКУ—1983

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХОСРОВ И ШИРИН

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫЧЫ»

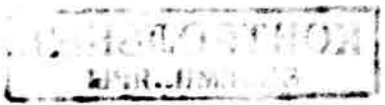

2-585142

$6(a_1 = a_2)^3 + a_3$

С(Аз)1
№5

Перевод *К. Липскерова*
Научный редактор, автор вступительной статьи
и комментариев
проф. *РУСТАМ АЛНОВ*

© Вступительная статья, комментарии, Язычи, 1983.

ВСТУПЛЕНИЕ

Восемьсот лет назад произошло событие, которое наложило впоследствии неизгладимый отпечаток на весь дальнейший ход развития художественной литературы не только нашего народа, но и всех народов Ближнего и Среднего Востока. В 1181 г. гениальный азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви завершил свою знаменитую поэму «Хосров и Ширин», которая открыла совершенно новую эпоху в истории развития художественной, этической и эстетической мысли. В своей поэме Низами впервые за все существование мусульманского мира провозгласил право женщины на любовь, непреходящую ценность человеческих чувств, воспел прекрасный мир чистых и благородных движений человеческой души, создал свое стройное учение о возвышенной любви, которое в Европе стало завоевывать себе признание лишь семь столетий спустя. Образы Ширин и Фархада стали не только неотъемлемой частью духовной жизни всех последующих поколений читателей, но и олицетворением чистой, беззаветной любви и душевного величия, целомудрия и верности, так же, как образы других героев поэмы — Хосрова, Ормуза, Михрибану и Шапура — символами определенных этических и нравственных понятий.

Форма поэмы еще задолго до Низами была известна эпическому жанру персоязычной литературы. Дидактические поэмы Рудаки (ум. в 940), от которых до нас дошли отдельные, разрозненные двустишия, гениальная эпопея Фирдоуси (ум. в 1036), любовно-рыцарские стихотворные романы Унсури (ум. в 1040), которые дошли до нас лишь частично, произведение Фахраддина Гургани (ум. в 1073), суфийско-мистические поэмы Маджлуда Саеви (ум. в 1141), философско-автобиографическое сочинение Хагани (ум. в 1199) и т. д. в XII в. пользовались широкой известностью.

Но все эти безусловно выдающиеся для своего времени произведения тускнеют на фоне великолепного шедевра Низами. Созданные его юдешней кистью великие творения не имеют себе равных. В своей поэме, которая по существу является скорее «романом в стихах», поэт впервые изобразил свободную, независимую личность, действия которой определяются не волей провидения и предначертаниями неких сверхъестественных сил, а логикой характера, внутренними нравственными законами. В своем произведении Низами пропел вдохновенный гимн человеческой свободе, провозгласил независимость и самостоятельность чувств и помыслов личности, раскрепостил своим пером женщину, лишенную почти всех прав в мусульманском обществе, создал красочную галерею высокохудожественных типических образов, которые до сих пор волнуют читателей. При этом Низами изобразил характеры своих героев в развитии и становлении, убедительно раскрыл нюансы психологии и тончайшие изгибы человеческой души. Тем самым поэт впервые громко, во всеуслышание заявил, что каждый индивид — это целый неповторимый мир.

Низами обожествил и страстно воспел возвышенную любовь, явившись в этом плане предтечей Данте, Петрарки и трубадуров в европейской литературе. Приступая к созданию своей поэмы, он, несомненно, ставил перед собой определенную общественно-этическую задачу — создать такое произведение искусства, которое могло бы внушить людям высокие идеалы, воспеть нравственную чистоту и благообразие помыслов и доставить читателям истинные радость и наслаждение.

Поэт блестяще выполнил эту сверхзадачу. В ходе нековой борьбы за лучшую, более счастливую жизнь человечество помнит и выделяет из своей среды людей, которые видят дальше других и показывают миру пути в грядущее. И пусть кажутся их идеалы несуществующими для современников. Последующие поколения убеждаются в том, что за много веков до них в мире уже жили люди, которые предвидели завтрашний светлый день. И поэтому, не забывая и не умаляя труда и страданий миллионов людей, творивших до нас историю, мы с особой благодарностью вспоминаем имена великих мыслителей, поэтов, художников, ученых, зодчих, предвосхитивших звездные часы человечества.

Низами является одним из таких титанов, вошедших в историю нашего народа и всех народов мира. Он воплотил в своем творчестве самые заветные мечты, думы и чаяния передовых людей своего времени,

создав утопический прообраз счастливого общества, в котором нет ни классов, ни раздоров, где господствует всеобщее равенство, счастье и братство, где люди умирают не от болезни, а только в силу естественного хода времени, прожив долгую и счастливую жизнь.

Творчество Низами предопределило характер дальнейшего развития литературы не только Азербайджана, но и многих других народов Ближнего и Среднего Востока, создавших свою письменную культуру на турецких, персидском, урду и других языках. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что на протяжении восьми столетий творения Низами воспринимались поэтами, писателями, мыслителями, художниками как произведения современные, как живые соучастники художественного творчества разных эпох. «Питериза» Низами стала эталоном истинно высокой поэзии, мерилом подлинной художественности. Все выдающиеся поэты последующих эпох, пытаясь доказать свое мастерство и желая получить «выходной билет» в храм искусства, вынуждены были писать пятистишия или отдельные поэмы на темы Низами. История литератур Востока насчитывает сотни таких поэм и пятистишия, написанных поэтами разных народов на темы Низами.

Прошлые поколения прекрасно сознавали величие Низами, его выдающуюся роль в этическом, эстетическом и художественном формировании человека. Бессмертные образы Ширин, Лейли, Фархада, Меджнун и других героев Низами составляют неотъемлемую часть, мощный пласт духовной культуры человечества. Однако, несмотря на это, наука в прошлом сделала не так уж много для изучения и тщательного анализа творчества Низами. Лишь после установления Советской власти в Азербайджане началось подлинное исследование и популяризация богатого наследия поэта. Труды Е. Э. Бертельса, З. М. Буниятова, Г. М. Араслы, А. А. Ализаде, А. Е. Крымского, И. Ю. Крачковского, М. Рафики, А. Н. Болдырева и других советских ученых щедро пролили свет на эпоху, жизнь и творчество Низами. Однако при всем внушительном объеме работы, проделанной советскими учеными, проблемы восстановления подлинного, очищенного от последующих наслоений и перевода текста, полного филологического и художественного переводов на азербайджанский и русский языки, поэтического анализа его произведений, тщательного разбора социально-политических, этических и эстетических взглядов Низами до сих пор остаются полностью не решенными. Исходя именно из этого обстоятельства, ЦК Компартии нашей

республики и в январе 1979 г. принял специальное решение об улучшении изучения, издания и популяризации литературного наследия великого азербайджанского поэта и мыслителя.

0001

Чтобы понять и осмыслить в полной мере идейное богатство, значение того или иного литературного шедевра, необходимо знать историю его создания, причины, побудившие художника обратиться к данной теме. Это вдвойне справедливо, когда мы говорим о поэме «Хирун и Ширин», ибо история ее создания и образ прекрасной Ширин неразрывно переплелись с собственной судьбой Низами. Именно это обстоятельство обусловило предельную искренность повествования, его пронзительный лиризм. Можно без преувеличения сказать, что вся поэма написана кровью сердца, она волнует сегодня читателя так же, как много веков назад волновала современников Низами.

Обратимся к истории создания поэмы. Известно, что Низами, наряду со своей бессмертной «Питерийей», создал также целый Диван прекрасных лирических стихов — газелей, касид, рубай. К сожалению, из этого Дивана до нас дошли лишь отдельные произведения. В лирике поэта важное место занимали касиды — довольно большие по объему стихотворения того времени посвящали касиды похвалению несуществующих стихотворения, в основном дидактического характера. Если приливные их доблестей и щедрости шахов и эмиров, то Низами в касидах излагал свои воззрения о лучшем переустройстве мира, призывал правителей блюсти справедливость, не попирая интересы своих подданных, заботиться о благе государства, всего народа.

Случилось так, что одну из своих почитательных касид поэт посвятил правителю Дербенда — Дарию ал-Малик ал-адил Музаффару, сыну Мухаммеда, сына Халифа (правил, примерно, с 1155 по 1170 г.).

По стечению обстоятельств в это же время ему был преподнесен другой подарок — юная красавица-тюроканка из племени кыпчаков по имени Аннаг («белая», «беленькая», в арабской передаче — Афак, ибо в арабском языке нет звука «п»). Точно не известно, кто подарил молодницу Дербендскому правителю. Возможно, это были его грузинские родственники, в войсках которых насчитывалось много кыпчакских

наемных отрядов, а может быть, она вместе с семьей попала в плен во время частых военных стычек с кыпчаками, населявшими в то время огромную территорию от устья Волги до Черного моря. Дарий Музаффар, соблазненный красотой юной пленницы, захотел украсить ею свой гарем. Но свободолюбивая, гордая и целомудренная Афак не покорилась воле правителя Дербенда. Видимо, ни уговоры, ни подарки, ни угрозы не смогли склонить волю Афак, ибо, как мы читаем у Низами, она основательно «оказала» своего господина, «надав ему ушп». Тогда Музаффар, вероятно, и решил подарить ее поэту в качестве своеобразного «гемюрара» за касиду. Не исключено, что при этом он хотел, с одной стороны, посмеяться над поэтом за его слишком навязчивые мучения, всучив ему драчливую рабыню, чтобы она и ему распаранала душу, а с другой стороны, унизить Афак, подарив ее белому поэту и лишь, таким образом, дорогих нарядов и драгоценных яств. Однако Дарий Музаффар, сам того не желая, оказал Низами огромную услугу: он ослепил поэта, который в честь любимой Афак впоследствии создал непревзойденную поэму, по праву входящую в золотой фонд мировой литературы.

Это событие произошло в 1170 г. После встречи с Афак тридцатилетний поэт впервые в жизни испытал подлинное чувство привязанности, познал настоящую любовь. Низами ввел Афак в свой дом не как невольницу и рабыню, а как законную и почитаемую жену.

Афак сыграла значительную роль в жизни и творчестве Низами. Как говорилось выше, она была родом из кыпчаков, одной из крупнейших тюркских народностей, которых на Руси звали половцами. Арабские путешественники Ибн-Фадлан (921 г.) и Ибн-Батута (30-е годы XIV в.) отметили их красоту, изящество, свободолюбивый характер, чувство собственного достоинства. Даже два века спустя после принятия ислама кыпчакские женщины, как и большинство тюркских женщин, ходили без покрывала, с открытым лицом, что немало смущало правителей мусульманских путешественников.

Описывая Афак, воспевая ее красоту, изящество, расторопность, преданность, поэт неоднократно подчеркивал ее целомудрие и независимый нрав. Афак не была образованна, не знала ни персидского, ни арабского языков, не была искусна в литературе, но зато, как упоминает поэт, она обладала необычайной внутренней культурой, прекрасно знала народные сказания и песни, героические легенды своего народа. Рас-

сказки Афак об обмачах и правах своих соплеменников позднее нашли отражение в поэмах Низами. Афак, сыграв заметную роль в судьбе поэта, помогая ему создать впоследствии образ Ширин, способствовала становлению в душе поэта учения о возвышенной любви, гармоничных взаимоотношениях между женщиной и мужчиной.

В 1174 г. у Низами родился сын, которого он назвал Мухаммедом. Эти годы были самой счастливой порой в жизни поэта. В этот период он нашел себя как художник, сложились его общественные идеалы, этические и эстетические воззрения. Продолжая писать газели и нраво-учительные касиды, в которых он проповедовал благородные гуманистические идеи служения обществу, Низами решил изложить свое учение в законченном крупном произведении. Примерно в первой половине 1177 г. он приступает к созданию своей первой поэмы «Махзан-и-Асар» («Сокровищница тайн»), в которой впервые изложил в дидактическом ключе на фоне большого художественно-иллюстративного материала свои сокровенные раздумья о человеческой судьбе, жизни и смерти, цели бытия, справедливом переустройстве общества, избилчил тиранов и власть имущих, призвал к искренности населения, гнетя, воспел труд простого человека как одну из высших добродетелей.

«Сокровищница тайн» имела огромный успех и вызвала к жизни множество подражаний. Но, несмотря на это, жизнь Низами после этого мало изменилась. Правда, Бахрам-шах, правитель Эрзинджана, которому была посвящена поэма, сказал: «Если бы было возможно, то целые казначейства и сокровищницы послал бы и в награду и дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам». Однако судя по тому, что дальнейшая жизнь поэта прошла в лишениях и нужде, он не получил обещанных даров. Но как бы то ни было, 70-е годы были самой счастливой порой в жизни поэта — это был период его творческого взлета, возмужания таланта, пора личного счастья и семейного благополучия. Однако счастье это продолжалось недолго. Через четыре года, в 1178 г. умерла Афак, оставив в память о себе малолетнего Мухаммеда. Смерть ее потрясла Низами. Описывая гибель героини в поэме «Хосров и Ширин», поэт с такой душевной мукой вспоминает Афак, что эти строки до сих пор нельзя читать без волнения.

После смерти Афак поэт долго не мог обрести душевный покой, эта рана так и не зажила до самой смерти. В своей лебединой песне —

второй части «Искендер-наме» поэт вспоминает ее так, словно совсем недавно расстался с ней:

Ее лишь спешил саму лулу (т. е. луна была
пешкой перед ее красотой),
Она конем целомудрия объявляла мат многим шахам,
Она была благодатной розой, чьей пылью стала моя кровь.
В мире не было у нее мужчин, кроме меня.
Она была светочем моих глаз,
От моих глаз ее удалил дурной глаз.
Похититель — колесо небосвода так ее похитило, что
Ты бы сказал: Ее вовсе не было, но она же была.
За ту радость, которую она дарила мне,
Что мне сказать? — Да будет доволен ею господь.

(Подстрочный перевод)

После смерти Афак Низами после долгих и мучительных раздумий решил увековечить ее образ в поэзии. Об этом он прямо говорит в заключении книги, в главе, которая называется «Смысл сказа о Хосрове и Ширин»:

Вини сказу этому, пролей потоки слез,
Омой мою Ширин водой из горьких роз.
Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилой.
Кыпчацкий мой кумир! Мой нежный крупный элак!
Погибла, как Ширин, и ты моя Афак!
Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.
Ее фата была, как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех.
Всем недоступная и всех прекрасных строже
Она стелила мне супружеское ложе...

И вот как раз в это время атабек Джохан-Пахлаван самолично заказал поэту написать в его честь поэму о любви, обещая достойным образом вознаградить его:

Ковать обязан ты, дохнул из горна пламень,
Для твоего ключа железо отдал камень, —
Так приказал мне тот, кто правил миром, —
вплоть
Ты в этот мир пусти великую любовь!..
Ты бирюзу вправил в наш перстень, мы
ведь рады
Все Соломоновы тебе отвернуть клады»

Заказ, видимо, пришелся Низами по вкусу прежде всего тем, что он полностью совпадал с творческими планами самого поэта. Тема будущей поэмы была полностью предоставлена на усмотрение самого Низами, что его очень обрадовало: он был свободен в выборе сюжета. Другая причина, побудившая поэта взяться за незнакомый ему жанр, была обусловлена новыми эстетическими запросами эпохи. Время дидактического жанра и громоздких эпикей было позади. Хотя значение «Шахнаме» Фирдоуси для культурной жизни народов Ближнего и Среднего Востока было очень велико, многие художники слова уже не сознавали, что исторические условия, вызвавшие к жизни «Книгу царей», отошли в прошлое. Вместе с тем Низами понимал, что дидактический метод, использованный им в «Сокровищнице тайн» для проповеди своих социальных, политических, этических и эстетических воззрений, не всесилен. Поэт постиг ту истину, что с помощью одних только сентенций, увещаний, проповедей, в какую бы совершенную форму они ни были облачены, донести до людских сердец свои идеи ему не удастся, что настало время воздействовать на людей не через их разум, а через их чувства. В одной из вступительных глав к «Хосров и Ширин» он пишет:

«Сокровищницу тайн» создать я был во власти,
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к странникам о страстях.

Иными словами, во времена поэта читателям нравились любовные романы, и Низами решил идти в ногу со временем. Он задумал создать качественно новый тип поэмы и поставил перед собой задачу: сделать героем своих произведений отдельную личность, раскрыть с помощью

поэтических средств художественного выражения внутренний мир человека во всей его противоречивости, показать столкновение разума с влечениями души.

Выражаясь словами поэта, он решил «замесить страсть со сладостной приправой для всех отравленных любовною отравой» и «с такой страстностью явить страсть, чтобы все пристрастившиеся к страсти припали к его стихам».

Чтобы претворить в жизнь свой замысел — увековечить память о прекрасной Афак — и одновременно выполнить заказ атабека, летом 1180 года поэт приступил к созданию поэмы «Хосров и Ширин».

Желая сделать главной героиней своего романа женщину, поэт избрал широко известную на Ближнем и Среднем Востоке легенду о Ширин и Хосрове. Сюжет этой легенды во всех отношениях отвечал новой творческой установке Низами и в то же время давал возможность создать образ идеальной женщины, воспеть всеобъемлющую, возвышенную любовь.

Чтобы осуществить свою задачу, Низами должен был преодолеть два препятствия: во-первых, оправдать то, что героями его поэмы являются не мусульмане, а домусульманские огнепоклонники, что он собирался «обратить в рабский сад каллине огня», «Воскрешать образы огнепоклонников» с точки зрения ортодоксального ислама было кощунством. Поэтому Низами, чтобы обезопасить себя от обвинений в ереси, написал специальную главу «В оправдание этой книги». Тем не менее, опасения поэта сразу же оправдались — обвинения посыпались на него, едва он приступил к сочинению. Друг примчался к нему и начал обвинять его в том, что он «на бронзу наводит позолоту», что он «воздвигает Казбу над идолами». Это обстоятельство наложило свой отпечаток на композицию и сюжет поэмы. Низами впоследствии пишет специальные главы: «Хосров видит пророка Мухаммеда во сне», «Пророк пишет письмо Хосрову», «Вознесение пророка», «Осуждение завистников» и другие, не укладывающиеся в рамки логического развития сюжета.

Во-вторых, Низами было необходимо как-то смягчить кривотолки о том, что главным действующим лицом своего романа он сделал женщину. Как известно, в мусульманском мире в середине века женщина была лишена почти всех прав, она рассматривалась лишь как средство для продолжения рода. Однако среди тюрок женщины (даже спустя долгое время после принятия ими ислама) пользовались известной сво-

бодой, принимая активное участие в общественной жизни, не носил чадры и ходил с открытым лицом. Так, близким помощником и советником атабека Шамс ад-Дина Ил-Девиза была его любимая жена Мумине-хатун, мать Арслан-шаха, Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана.

Над поэмой Низами работал вдохновенно, без передышки, с начала 1180 г. и завершил ее в конце 1181 года. Как отмечал сам поэт: «Он написал добрую книгу, и если перепищики искажат ее, то они совершат великий грех перед ним».

Из намеков, содержащихся в разных частях поэмы, видно, что во время работы над ней (как и впоследствии) поэт испытывал нужду и терпел лишения. Однако ничто не могло заставить его отказаться от своей свободы. Он «довольствовался хлебом ячменным», жил вдали от шумной и роскошной придворной жизни, в уединении, «ночами сжигал свое сердце, чтобы высечь искры из гранита слова».

Поэт отправил свою поэму Джахан-Пахлавану в конце 1181 года. Но она дошла до адресата лишь в 1182 г., ибо атабек находился в походах. Поэма была принята благосклонно, однако щедрые обещания не были исполнены. Впрочем, поэту было не прижимать к этому. После отправки поэмы Низами продолжал работу над ней, редактировал, неоднократно переписывал, тщательно отделял и перерабатывал ее. Вторую окончательную редакцию поэт завершил примерно в 1192 году, уже после окончания своей третьей поэмы «Лейли и Меджнун». Во вторую редакцию были включены новые главы: «Хосров видит во сне пророка», «Послание пророка Хосрову», «Вознесение пророка», «Наставление», «Порицание завистников» и др.

Среди этих глав интерес представляет та, в которой поэт рассказывает о своей поездке в ставку Кызыл-Арслана. Этому предшествовали следующие события. В 1186 г. Джахан-Пахлаван умер, и атабеком при султане Тогруле III стал Кызыл-Арслан.

При торжественном въезде атабека в столицу именитые граждане должны были выехать ему навстречу. Низами к тому времени был признан «предводителем всех поэтов». Вместе со славой поэта росла и слава о его святости. Скромный и уединенный образ жизни вдали от мирской суеты, мишуры, занятия науками, постоянный творческий труд, воздержанность, — все это делало его в глазах окружающих «святым».

Поэтому Кызыл-Арслан отправил к Низами специального гонца. Ме-

его встречи Низами и Кызыл-Арслана точно не установлено — на этот счет нет никаких конкретных указаний. Единственное свидетельство об этом — рассказ самого поэта:

Вдруг явился гонец с письмом в руке,
Торопливо поздоровался он со мной и сел:
«Соверши трехдневную поездку, ибо сейчас
в своем пути
Подъехал на (расстояние) тридцати фарсангов
везд шаха.
Он хочет видиться с тобой несколько
дней,
Ключ от своего счастья не оставяя под
замком.
Он дал мне указ, говоря: «Вот подишь
шаха;
Она тебе и начальник, и талисман в пути».

Фарсанг равен шести-семи километрам или расстоянию, которое можно проехать на коне за один час. В день на коне обычно покрывали до 10 фарсангов пути. Значит, лагерь Кызыл-Арслана находился на расстоянии примерно 200—210 км от Гянджа.

Далее поэт указывает:

С решимостью услужить шаху я вскочил с места,
Закинул ногу на спину коня.
Погнал я его торопливо в сторону... равнины,
Ташчуя на коне по горам и степям...
У кажной горы и реки ветерок счастья
Сообщал мне радостную весть о милости шаха.

Из этого сообщения становится очевидным, что по пути к лагерю атабека находились горы, реки и равнины. Когда же поэт приблизился к его дворцовой палатке, то

Его сторонники (гвардейцы) из Саксина до
Самарканда
Стояли на страже его дворца, опоясанные.

До сих пор исследователи не обращали внимания на то, что Саксин — Сакасена (арм. Шакашена) — это старая форма названия города Шаки (не путать с современным Шеки), который находился на месте нынешнего Сисиана. Кызыл-Арслан ехал в Гянджу из Нахичевани — второй столицы Азербайджана, и путь этот проходил через Сакасену (Шаки). Таким образом, поэт выехал из Гянджи, ехал равниной до Тертера, а оттуда до Агдама, Шуши и далее в Шаки.

Атабек принял поэта весьма приветливо и с большим почтением. Из рассказа его не ясно только, присутствовал ли на приеме султан Тогрул III.

Когда прибыл Низами, атабек веселился на пиру: узкоглазые пениш-турчанки, облаченные в шелка, играли на чаше и руде и исполняли как раз гезели Низами. Выночерши подносили шаху чашу за чашей, «он пил, а наливались его враги». Когда ввели поэта, атабек из уважения «к воздержанности поэта, а не к его чалме», приказал музыкантам и певцам смолкнуть, убрать со стола вино, и, положив свою руку ему на плечо, усадил поэта рядом с собой. Низами пригласил своего декламатора (рави), который прочел касыду, сложенную поэтом в честь Кызыл-Арслана. Затем они долго беседовали, и поэт преподал шаху «добрые советы и наставления, подобающие царям». В конце беседы атабек, похвалив поэму «Хосров и Ширин», сказал:

И на мне и на моем брате

Лежал долг обеспечить тебя пропитанием, словно
материнским молоком.

Брат, который был царем царей мира,

Миру был царем и богатырем,

За ту книгу, над которой ты трудился годы,

Что дал тебе в награду из самоцветов и сокровищ?

Слышал я, что вытянул он жребий на избавление тебя
[от нужды].

Занисал на тебя две деревни из своих личных имений.

Что ты скажешь, дали тебе те деревни или нет?

Ярлык на деревню послали или нет?

Из этих вопросов Низами понял, что покойный Джахан-Пахлаван взамен обещанных «китайских шелков, гуламов, рабынь, коней с цар-

ственными уборами» выделил ему две деревни, однако чиновники не исполнили воли своего государя. Он дипломатично ответил, что смерть атабега помешала исполнению его воли. Тогда Кызыл-Арслан велел отписать поэту одну из своих захудалых деревень под названием «Хамдуниня». Как выяснилось потом, Хамдуниня представляла собой «жалкую развалину, тесную, словно печь, длинной и шириной в полфарсанга», далеко на границе с Грузией. Деревня эта не только не приносила дохода, но требовала больших затрат. Насчет этого «царского дара» впоследствии немало злорадствовали завистники поэта.

В 1187 г. поэт, побуждаемый, видимо, чисто житейскими соображениями, женился второй раз. Брак этот оказался несчастливим, и вскоре, в 1188 г., жена, имени которой поэт не упоминает, скончалась. Впоследствии он женился еще раз, однако и третья его жена долго не жила и умерла в 1199 г., не оставив, по-видимому, о себе особой памяти у поэта.

Низами принадлежал к категории тех художников, между словами и делами которых не было расхождения. Он придерживался тех нравственных принципов, которые проповедовал в своих произведениях. Так, в то время «уважающие себя», «солдатские» мужчины имели, как правило, одновременно четырех жен. Низами не одобрял этого обычая и открыто выступал против многоженства:

Одной только напарницы тебе достаточно,

Ибо муж, у которого много жен, одинок.

Потому-то изменчивым и стало время,

Что у него семь отцов и четыре матери.

Для создания в поэме идеального женского образа, воплощающего одновременно целомудрие и нежность, ум и красоту, доброту и преданность, одним словом, все существующие добродетели, Низами долго искал достойный прототип в древней истории. До Низами в литературе арабов и иранцев были созданы прекрасные женские образы — Лейля в арабской легенде, Судабе, Фирангиз и Маниже в «Шах-наме» Фирдоуси, Азра в поэме Унсури. Однако ни один из этих женских образов не отвечал требованиям Низами как по характеру, так и по тому, что они уже были разработаны в предшествующей поэзии.

Наконец он остановил свой выбор на Ширин, одной из жен знаменитого

2-585/42

того иранского царя Хосрова Парвиза. Жизнь и деяния Хосрова Парвиза и его любимой жены Ширин описаны в «Шах-наме» Фирдоуси, однако там образы их очерчены лишь приблизительно, не отражены их внутренний мир, психология, они не обобщены, не типизированы. Такой исторический прообраз Афак, как Ширин, во всех отношениях устраивал поэта, во-первых, потому, что давал возможность воплотить в нем самые идеальные черты, а во-вторых, тем, что тема эта не была подробно разработана в предшествующей литературе.

Хосров и Ширин — реальные исторические лица, но их судьбы, облик дошли до Низами измененными до неузнаваемости, приукрашенными легендами и народными сказаниями. Хосров Парвиз (буквально «Царь победитель») был одним из выдающихся царей династии Сасанидов, господствовавших начиная с 224 г. вплоть до завоевания Ирана арабами в 650 г.

Жизнь и деяния Хосрова впервые стали предметом художественной литературы в творчестве Фирдоуси. В своей эпопее «Книга царей» он вослед на основе прозаической «Летописи царей» царствование Хосрова и его возлюбленной, супруги Ширин. Основные вехи деяний и жизни Хосрова, описанные Фирдоуси, почти полностью совпадают с сообщениями византийских и восточных летописей. И это понятно, ибо великий поэт ставил своей целью правдиво, на основе проверенных традиций и «Летописи царей» воссоздать историю иранских царей, а попутно вводить в ткань своего повествования персонажи, сыгравшие определенную роль в жизни тех или иных шахов.

Низами же преследовал совершенно иную художественную задачу. Он не только обрабатывал исторические хроники и их интерпретации, но и широко привлекал при работе над поэмой легенды и сказания, созданные творческой фантазией народа. Он дал гораздо большую волю и своему художественному вымыслу, что позволило ему ввести в свою поэму персонажи и события, которые не происходили в действительности, но которые не противоречили логике изображения жизни тех времен.

Если Фирдоуси излагал жизнеописание Хосрова, уделяя основное место его похождениям, сражениям, богатству, дипломатической деятельности, подробно описывая величие его выездов, строительство дворцов и т. д., то Низами стремился в основном изобразить движущую душу Хосрова, Ширин и Фархада, создать образы, раскрывающие типичные

свойства человеческих характеров. Он вложил в свою поэму весь жар своей души, вдохновения, таланта. В поэме, содержащей более двенадцати тысяч стихов, он не только воспева драму жизни Ширин, Фархада и Хосрова, но и поделился с читателями своими сокровенными мыслями о лучшем мироустройстве, воспитании чувств, внутреннем долге человека.

В «Хосрове и Ширин», как и в последующих своих произведениях, Низами объединил особенности лирического и эпического жанров, сделал единое целое лирические медитации и широкомасштабное повествование. При этом доминирующим началом все же является эпическое, ибо изображение исторической действительности осуществляется в этом в законченных характерах и сюжетах, действительно реальных, ярких образах. Эта дуализированность позволяет отнести произведение Низами скорее к типу так называемых «романов в стихах», чем поэм. Классическим образцом такого романа в стихах является «Хосров и Ширин».

Поэма начинается нетрадиционно: вместо славословий, с которых обычно начиналось любое произведение, поэт обращается с мольбой к богу, чтобы тот «показал Низами путь к истине»:

Ты помыслил дурным стать предо мной преда
И отведи меня от недостойных дел.
Ты в глубь души моей своим проинки светом.
Позволь моим словам благим служить заветам...

Во вступлении поэт специально подчеркивает, что главным героем его произведения является Ширин (Сладостная). Далее следует глава «Восхваление бога», которая тоже представляет значительный интерес, ибо и сей поэт не просто славословит Аллаха, но излагает свои суждения об Абсолюте, свое богопонимание. Эти суждения резко отличаются как от ортодоксальных исламских представлений о творце, так и от многочисленных теософских течений того времени.

Последующий раздел «В разъяснение прямого постижения и познания разумом» не был необходим с точки зрения традиционного построения книги. Он, видимо, написан поэтом специально для того, чтобы обосновать то, что в произведении будут фигурировать идола, Храмы огня и т. д. Доказывая единство Аллаха и его абсолютность доводами чистого разума и при помощи логики, поэт хочет сказать, что нет ничего предосудительного в речах об идолах, храме огня, зунгаре (поиске, ко-

торый носили христиане и зороастрийцы), ибо все люди — творения бога и созданы им, ведь даже пророк Ибрахим (библейский Авраам) вырос в семье Азера, который изгибал идолов и поклонялся им. Поэт пишет:

Пусть блещут идолов прельщающих огни,
Но не себе поют хваления они.
Они вращаются, свои вращая очи,
Чтоб отыскать того, кто вызвал их из нечи.

За этой главой снова следует «Мольба о прощении», в которой развивается предыдущая тема, но в несколько ином ключе. Поэт говорит о том, что он, может быть, ошибается в своих суждениях, но что его утешают милость, великодушие, всепрощение бога:

Я правой веры друг иль идолов нескатель, —
Каков бы ни был я, прости меня создатель.

Далее, согласно литературным канонам, следует восхваление «великого пророка». Следует отметить, что против обыкновения этот раздел занимает незначительное место — он содержит всего 23 двустишия. Для сравнения укажем на аналогичный раздел, помещенный в «Сокровищнице тайн», который включает целых пять (!) восхвалений пророка. Это отклонение от канона, по-видимому, было замечено читателями из числа знати и об этом было указано поэту. Только этим можно объяснить, что во время второй и третьей редакций книги были написаны специальные главы, восхваляющие пророка и описывающие его мираж (вознесение к богу). Эти главы включены в конец книги, что было в то время не принято. В разделе «О том, что предшествовало написанию книги», на который мы уже ссылались выше, поэт излагает обстоятельства, при которых атабек Джахан-Пахлаван Ил-Деншз попросил его написать книгу «о великой любви». Некоторые биографы Низами почему-то считают, что заказчиком поэмы был иракский султан Тогрул II. Так, Г. Ю. Алиев по этому поводу пишет: «Во вступительной части поэмы «Хосров и Ширин» есть глава, посвященная восхвалению правителя Ирака Сельджукида Тогрула II (1174—1194), в которой поэт говорит:

Так повелел царь царей мира:
Повую любовь заставь подняться на путях мира.

Из дальнейшего изложения мы узнаем, что султан Ирака, обещав Низами награду, предложил ему написать поэму, основной темой которой была бы любовь. Вскоре поэма была закончена¹.

Это утверждение, по нашему мнению, не соответствует действительности. Прежде всего, Тогрул II не мог заказать поэту поэмы, ибо он правил иракским султанатом всего три года — с 1132 по 1135 г.² Речь может идти лишь о Тогруде III, который был султаном Ирака с 1176 по 1194 год.

Как установлено, султан Тогрул III был сводным племянником Джахан-Пахлавана и Кызил-Арслана. После смерти Тогрула II, в 1135 г. атабек Шамс ад-Дин Ил-Деншз женился на его вдове Момине-хатун. От Тогрула у нее был сын Арслан-шах, а от атабека Шамс-ад-Дина два сына — Джахан-Пахлаван и Кызил-Арслан. Шамс ад-Дин Ил-Деншз в руках которого была сосредоточена власть иракского султана, в 1161 г. объявил своего сводного брата номинальным султаном. После смерти Арслан-шаха Джахан-Пахлаван, вершителю судеб иракского султаната, опять-таки ради формальности, в 1176 г. «посадил на трон султана семилетнего сына Арслан-шаха Тогрула III, став одновременно его атабеком»³. Малолетний Тогрул III был игрушкой в руках своих дядей — Джахан-Пахлавана и Кызил-Арслана и лишь номинально считался султаном. Подлинным же властителем и интересующий нас период был атабек Джахан-Пахлаван. Говоря «царь царей» — «шаханшах», Низами имел в виду именно атабека, ибо он и в дальнейших главах, обращаясь к нему, величает его подобным титулом. Это ясно видно и из последующих глав, посвященных Тогруду III, Джахан-Пахлавану и Кызил-Арслану. В славословии, посвященном Тогруду III, Низами называет его «султаном», «шахом», а в главе «В восхваление атабека, великого Шамс ад-Дина Абу Джафара Мухаммеда ибн-Ил-Деншза» говорится в обращении: «Шаханшах» — «царь царей»:

¹ Г. Ю. Алиев. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960, с. 59.

² З. М. Бунятов. Государство атабеков Азербайджана. Баку, «Эдм», 1978, с. 238.

³ З. М. Бунятов. Там же, с. 68.

Имя наря царей и сделал чеканкой этого
письма.

Он — глава и глава всех шахов и шах всех горизонтов...

Согласно традиции, во времена поэта посвящение верховному правителю состояло из двух частей. Первая часть называлась «В похваление» (таково-то наря или султана), а вторая часть — «Обращение во время целования земли» (Хитабе-эзмибус). В «Хосрове и Ширин» лишь посвящение атабеку состоит из указанных двух частей. Таким образом, нет никакого сомнения в том, что заказчиком поэмы был атабек Джамал-Пахлаван, которому поэт и посвятил свое произведение. Третье «Восхваление» посвящено брату атабека Музаффар ад-Дину Кызыл-Арслану. Все эти посвящения представляют большой интерес с точки зрения конкретной информации, заключенной в них, ибо поэт не только восхищается султанами и атабеками, но и приводит массу неизвестных или малоизвестных фактов о внешней политике современных ему правителей, об их походах и завоеваниях, о своих взаимоотношениях с ними, о своем положении и т. д. Сведения, заключенные в этих главах, до сих пор еще не становились объектом подробного исследования.

Для иллюстрации насыщенности «восхвалений» разнообразной информацией ограничимся двумя примерами. Так, в главе «В восхваление шаха Музаффар ад-Дина Кызыл-Арслана» имеются такие строки:

От сближения никаких звезд людям века
Не наступит конец, если правитель не тиран.
Затемнения светил нечего бояться нам,
Если властитель справедлив, а судья — правосуден.

Здесь поэт, развенчивая одно из знаменитых астрономических предсказаний, понуто излагает свои мысли о справедливом правителе. Дело в том, что в середине семидесятых годов XII в. группа хорасанских астрономов, в том числе и знаменитый поэт-планетрист Анвари, предсказала, что в результате сближения «несчастливых звезд» в сентябре 1186 г. произойдет страшная катастрофа — буря уничтожит все, что есть на поверхности земли. Всех охватила паника, долгое время и власть имущие жили в страхе. Некоторые правители даже приготовили для себя подземные убежища. Низами на какое-то время тоже поверил в пред-

сказание астрологов, среди которых были знаменитые ученые и поэты. Он даже посвятил одну из «бесед» («Сокровищница тайн») выступавшую коша мира и призывал властителей образоваться, не творить насилия хотя бы в тенише оставшегося срока. В дальнейшем, однако, поэт отказался от своей веры и в конце мира и даже вывел звездочетов.

В приведенном отрывке поэт утверждает, что никогда никакое стихийное бедствие не сможет выдуть род людской, все бедствия, существующие на земле, являются порождением тиранов и деспотов.

Вторым примером могут служить известные строки из главы «В похвалу Тогрул-Арслану:

Пусть скажет султан атабеку: «О владетель мира,
Низами и в то же время сити унижений!
Разве не наступило время, чтобы приласкать его,
Чтобы устроить дела этому личному благополучию...
Ты (всехим) сити и мехсини за газели
За одну ночь даруешь сити сорокни, и это стало
уже пашворной

Если его гумно откроется от наших щедрот,
То, являясь Аллахом, ни на йоту не убавится
наше богатство.

Смысл этих строк легко понять, если вспомнить обычай придворной жизни атабеков. Обращаясь к одиннадцатилетнему султану Тогрулу III, Низами просит у него заступничества перед атабеком Мухаммедом Джамал-Пахлаваном и хочет сказать, что не подобает правителю проявлять невнимательность по отношению к такому достойному поэту, как Низами.

Атабеки, как и все наря и правители того времени, держали при дворе специальный штат певцов и танцовщиц. Звали их «сити» (скаражен, от арабского «сбидати» — «госпожа», но без отрицательного, пренебрежительного оттенка), а главную среди этих певцов и танцовщиц — мехсини («старшая госпожа»). Эти сити и мехсини вечерами услаждали слух своих хозяев веселыми песнями, а их наряды — искусными танцами, пели сладострастные газели, которые зачастую отличались весьма игривым, эротическим и гедонистическим содержанием. «Труд» этих сити

оплачивался песьма щедро. Намекая на данное обстоятельство, поэт жалуется на то, что атабек Джахан-Пахлаван каждую ночь всяким придворным певцам за их стишки дарует целые сокровища, а такому мастеру слова, как Низами, не уделяет внимания.

После всех указанных посвящений следует глава, в которой Низами излагает свои творческие принципы, взгляды на поэтическое слово. Называется эта глава «О проникновении в сущность сей книги». Обращаясь к своим современникам — придворным поэтам, наводнившим «рынок слов» своими низкопробными виршами, поэт призывает их остановиться, не умалять достоинство слова, которое является первым божьим творением и должно служить источником мудрости, глубоких мыслей, доставлять людям подлинное духовное наслаждение:

Не сложно нанизать слова свои на стих,
Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них...

Немного говори, дай речн удила,
Знай: избыток слов есть избыток зла...

В словах — душа, Душа на все возьмет права.
Твоя бесценна жизнь, — бесценны и слова.

Низами произносит приговор всей современной придворной поэзии: «лживой», «продажной», «блестящей снаружи и гнилой внутри»:

Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай,
Взгляни: они продать за хлеб готовы душу.

Прежде чем приступить к созданию поэмы, поэт долго размышлял над смыслом поэтического творчества, прислушивался к «шпотаемым словам» своего сердца:

В уединении, в котором сердце — море,
Бьют все источники, с душой твоей не споря...

Хоть все вмещать в слова живущим и дано,
И может в их ключе все быть заключено, —

Но если отражать в них истину мы можем,
То неблагицы мы с их помощью не множим.

Провозглашенные в этих строках творческие принципы Низами успешно претворял в жизнь. Он создал четыре поэмы (романа в стихах), изобразив в них совершенно разные социальные среды, эпохи, на фоне которых художественно полноценно раскрыл характеры своих героев со всеми их внутренними противоречиями. Исходя из этого, с точки зрения принципов отражения жизни, можно считать Низами художником-реалистом.

Низами отчетливо осознавал внутренние закономерности развития изображаемых им характеров и, описывая коллизии чувств, переживания и поступки своих героев, всегда исходил из этих закономерностей. Поэт никогда не отступал от художественной правды во имя каких-то отвлеченных, абстрактных идей и тенденций, в угоду каким-либо политическим или иным соображениям, продиктованным временем.

Низами придавал образам своих героев такую жизненность, достоверность, что они до сих пор предстают перед нами как живые реальные люди из плоти и крови. Не удивительно поэтому, что образы Низами воспринимались также читателями и во все последующие эпохи, ибо поэт стремился создать образы, характеры с такими чертами и свойствами, которые присущи человеческому роду вообще, людям всех времен.

В указанной главе Низами рассказывает читателям еще об одной стороне своего творчества. Сказание о Хосрове и Ширин, говорит поэт, было всем известно, и более сладостную повесть трудно придумать. Но лик этой отрадной повести был скрыт под покровом неизвестности. «Беловая рукопись» сказания отсутствовала, а черновик находился в тайниках у старцев города Берды (Барды).

Эти старцы будто бы уговорили поэта обратиться к легенде о Ширин:

...И спуски не были известны. И Берда
Таила этот сказ немалые года.
И в книге древних дней, мне некогда врученной
В той местности, сей сказ прочел я, восхищенный.
И старцы, жившие поблизости, меня
Ввели в старинный сказ, исполненный огня.

Как явствует из этих строк, в основу своего романа Низами положил не исторические хроники, «Летописи царей», как это сделал Фир-

доуси, а обработанную народным творчеством легенду, запись которой хранилась у старца г. Берды. Если даже принять за поэтический вымысел существование записи легенды о Хосрове и Ширин, несомненно, что сформировавшееся народное сказание о легендарной любви Ширин к Хосрову послужило основой для поэмы Низами. Поэт приводит далее ряд аргументов, доказывающих правдивость сказания, в частности ссылается на изображение Шебдиза — коня Хосрова на скалах Бисутуна, на «канал, прорытый Фархадом» и т. д.

И как же правдою всю правду нам не счастье?
Есть письмена о ней, и памятник есть:
И очертания Шебдиза в сердцеvine
Скалы, и Бисутун, и замок в Медане,
Безводное русло, что выдолбил Фархад...

В этих строках поэт говорит о барельефах на скалах примерно в 10 километрах к северо-востоку от г. Кирманшаха. Так как это место находилось неподалеку от одной из древних оживленных дорог, ведущих из северной Месопотамии в Иран, оно было легко доступно путешественникам, с рассказами которых Низами мог быть знаком.

Далее Низами отмечает, что сказание о Хосрове и Ширин впервые было воплощено в поэтической форме в «Шах-наме» Фирдоуси. Однако последний ставил перед собой лишь такую художественную задачу, как воссоздание жизни и деяний царя Хосрова. Низами же преследовал совершенно другую цель — героиней его поэмы стала любовь, воплощенная в образе благородной Ширин. Низами так характеризует повесть Фирдоуси о Хосрове и Ширин:

Мудрец сказал о них, но не дал он рассказу
К сказанию о любви приблизиться ни разу...
Тогда достигнул он шестидесяти лет
И от стрелы любви уже забил он след.
О том, как сладких стрел неистова отага,
Повествовать в стихах он счастье не мог за благо.

К рассказу мудреца не тронулся я вспяшь,
Уже звучащих слов не должно повторять.
Я молвлю о делах, оуцннших великим,
Ведениям любви внимаю многоликим.

После этого поэт переходит к изложению своей концепции любви, которая нашла свое отражение во всех поэмах «Пятиречи». Надо сказать, что любовь давно, начиная с VII в., служила темой философских трудов многих мусульманских авторов — арабского писателя ал-Джахиза (776—868), философов ал-Кинди (801—866), ал-Фараби (874—950), Мухаммеда ибн-Закария Рази (865—925), Абу Али ибн-Сины (980—1037), членов общества «Братья по чистоте» (Ихван ас-Сафра), Мухаммеда Газали (1057—1111) и других, посвятивших исследованию любви специальные трактаты или разделы в своих философских трудах¹.

Суждения мусульманских философов о любви нашли свое наиболее законченное завершение в «Трактате о любви» Абу Али ибн-Сины, где рассматриваются и классифицируются различные виды любви, начиная от животной плотской страсти и кончая любовью возвышенной (божественной).

Официальные теоретики ислама впоследствии многое заимствовали из учений о любви этих философов, которые долгое время считались «опасными», одиозными фигурами. Так, знаменитый мусульманский теософ, имам Мухаммед Газали в своем фундаментальном труде «Возрождение религиозных наук» уделил значительное место учению о любви. Он считал, что существуют пять разновидностей этого чувства, в том числе «любовь к тому, с кем у него есть скрытая внутренняя гармония».

Низами, разумеется, был в курсе всех этих учений о любви. Его взгляды на любовь, сложившиеся впоследствии в стройную теорию, возникли не на пустом месте. Творчески осмыслив и восприняв суждения античных и мусульманских философов, он создал в своих поэмах собственную гармоничную концепцию любви.

Любовь — душа души, она заключена во всех субстанциях, и благодаря ей все эти субстанции притягиваются к своему центру. Влага, образующаяся из паров на небе, благодаря своему тяготению к земле, устремляется вниз, огонь, пылающий в недрах земли, прорвав земную оболочку, устремляется вверх.

Любовь, проникнув в сердцевину камня, превращает его в жемчужину, ибо ее основное свойство — облагораживать, очищать. Она делает лучше, добрее, красивее, счастливее все, к чему прикасается. Если

¹ См. С. Б. Сербряков. Трактат Ибн-Сины о любви. Тбилиси, Мешинереба, 1976.

ты живое существо, то должен влюбиться хотя бы в кошку. Те, кто смысл жизни видят в еде и сне, подобны камням, лишенным способности притяжения.

Любовь по своей природе священна, ибо она порождена всемирной душой, и поэтому влюбленные должны подвигать в себе низменные инстинкты, чтобы достичь духовной гармонии, развития всех сил души. Телесное слияние влюбленного с возлюбленной допустимо лишь тогда, когда разумные силы души достигли полного сличества с близкой душой и строго охвачены силой взаимного притяжения.

Низами своей концепцией любви оказался в одном ряду с таким передовым мыслителем, как Ибн-Сина. Последний в своем учении освободил любящих от необходимости следовать крайнему аскетизму, хотя высшую оценку отдает благородной любви, основанной на духовном родстве.

Низами в своем учении также воспевает возвышенную, облагораживающую человека силу земной любви, когда влюбленный обожествляет свою возлюбленную, его чувство к ней подобно любви к божеству. В образах Ширин и Фархада поэт воплотил именно такую любовь. Приведем несколько бейтов, где ярко запечатлены эти мысли:

Всех зовов сладостной любви всевластный зов,
И я одной любви покорствовать готов!..
Все ложь, одна любовь указ беспрекословный,
И в мире все игра, что вне игры любовной...
Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б стократ он был исполнен жизни...
Нет, без любви ничья не прорастает зерна,
Лишь в доме любящих спокойно и просторно...

В образе Ширин Низами воплотил свою идею о том, что любящий человек должен уметь противостоять земным соблазнам, не быть их игрушкой. Подлинно любящий должен стремиться к слиянию гармоничных, настроенных на один лад душ, а не к простому удовлетворению телесных потребностей.

Композиционно поэма «Хосров и Ширин» построена на коллизиях характеров, чувств, событий. Главными героями поэмы являются прекрасная Ширин, царевич (а затем царь) Хосров и искусный вытесль и

каменотес Фархад. Остальные действующие лица, хотя и представляют вполне самостоятельные, законченные образы, но играют вспомогательную роль, их основное назначение — способствовать раскрытию характеров главных героев. Место действия в поэме — средневековый Иран со столицей в Медине и Арран (Азербайджан) со столицей в Берде. Арраном правит могущественная царица Михин-Бану (Великая госпожа):

Нет мужа у нее, но есть почет и власть,
И жить ей весело: ей все на свете влады.
Она — ей от мужчин в отваге нет отличья —
Великой госпожой зовется за величие.

У Михин-Бану есть племянница по имени Ширин (Сладкая).

Она, что гурья! О нет! Она — луна!
Владычица венац укрытая она,
Лик — месяц молодой, и взор прекрасен черный,
Верь: черноокая — источник животворный...

Ширин воспитана в духе обычаев своей родины. Она свободолюбива и независима, прекрасна и нежна, образованна и начитанна, обладает великолепным слухом и слагает стихи, она добросердечна и ласкова, мудра и умна и при том всегда печется о благе тех, кто служит ей; ведь она — наследница трона. Ширин выросла на лоне природы, она любит и понимает ее. Вместе с Михин-Бану и девушками из своей свиты она любит бывать в различных живописных местах своего родного края.

Она окружена «роем девушек, явившихся из рая». Они живут и веселятся, и общество их недоступно мужским взорам:

Их ровно семьдесят, прекрасных, как луна,
Ей так покорны все, ей каждая верна.

Ширин внутренне созрела для большой, страстной любви, ради которой она будет способна отказаться от престола, свободы, родных гор и муганских роз. Но она еще не сознает этого.

Так же подробно описывает Низами происхождение Хосрова и годы его юности. Отец его, царь Ирана Ормуз, правил справедливо и разумно. Но он несчастлив, ибо у него не было наследника-сына. После долгих молитв и жертвоприношений бог, наконец, даровал ему сына, которого нарекли Хосровом (Кесарем). Царь на радостях издал справедливый закон, который гласил:

«Пасти коней в чужих полях нельзя,
К плодам чужих садов заказана стезя.
Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама» и т. д.

Хосров рос прекрасным и статным юношей. Он превосходил в ловкости, смелости, красноречии своих сверстников. Его благородная внешность, остроумие восхищали всех. Он любил радости жизни, проводил время, веселясь в обществе красивых певцов и музыкантов. Наслаждение и радости жизни он ценил превыше интересов государства или каких-либо высоких нравственных идеалов. Поэтому он оказался первым, нарушившим приказ своего отца. Однажды во время охоты он остановился у одного крестьянина и всю ночь веселился в обществе своего певца, а в это время его конь потравил посевы, а его раб срывал виноград в чужом саду. Узнав об этом, царь велел перерезать сухожилия любимому коню Хосрова, раба и трон царевича подарить пострадавшему крестьянину, а музыканту обрезать ногти и оборвать струны его инструмента.

Эта притча нужна была поэту, во-первых, чтобы подчеркнуть легкомыслие, свойственное натуре Хосрова, а во-вторых, чтобы пронаести приговор своему времени:

Где ж правосудие здесь великое, как рок?
Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?
Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.
Да, мусульмане мы, а он — язычник был.
Коль то — язычество, в чем мусульманства пыл?

Опозоренный Хосров задумывается о своем образе жизни и глубоко раскаивается:

Он понял: для себя он в прошлом не был другом,
Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.

Однако вскоре после примирения с отцом он забывает обо всем. Во сне Хосров видит своего деда Ануширвана Справедливого, который упрекает его и сулит ему в будущем взамен утраченных благ гораздо большие блаженства: золотой престол, любовь прекраснейшей женщины, быстрого коня Шебдиза, сладкоголасного певца Барбеда:

Утратив камешки — клад золотой найдешь,
Костяшки потеряя — ты перлов рой найдешь.

В окружении Хосрова был художник по имени Шапур, глубоко постигший тайны живописи. Шапур много путешествовал, побывал в разных странах, в том числе и в Азербайджане. Смысл его жизни заключался в постоянных поисках красоты в людях и в природе. Зная слабость царевича к женской красоте, преклоняясь перед Ширин как перед самым совершенным творением божественного искусства и желая соединить двух молодых людей, Шапур, рассказывая о чудесах мира, поведал Хосрову и о «прекраснейшей женщине в мире», искусно описав ее молодость, душевную красоту и мудрость. Рассказ Шапура производит на Хосрова большое впечатление, его пылкое воображение воспламеняется. Хосров велит художнику найти способ познакомиться с Ширин. Написав несколько портретов Хосрова, Шапур отправляется туда, где Ширин в это время пребывает на лоне природы. Он незаметно подбрасывает ей три раза портреты Хосрова. Увидев портрет Хосрова, Ширин не остается равнодушной к его красоте:

Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
И вот оно в руках! И счастье и страданье!

Семена, брошенные Шапуром, попадают на благодатную почву. Любовь к Хосрову овладевает всем существом Ширин, становится единственным смыслом ее жизни. После долгих раздумий она решает отправиться на поиски своего счастья. С разрешения царя Михин-Бану, которая заменила ей мать, Ширин в мужском платье вместе со своими подругами отправляется на охоту. Там она, отделавшись от своей сестры, одна на верном коне Шебдизе скачет в столицу Ирана к Хосрову.

Здесь поэт вводит в повествование новый сюжетный ход. В то время, как Ширин стремится к своему избраннику, отрекаясь от престола, власти и даже от Михин-Бану, Хосров тоже мчится в Барду, к Ширин. Но Хосров бежит вовсе не потому, что без Ширин ему не мила власть и блеск придворной жизни. Он вынужден бежать потому, что его враг Бахрам Чубине, стремящийся захватить власть, оклеветал его перед отцом-Ормузом. Он, чтобы очертить Хосрова перед царем, отчеканил дирхемы с именем Хосрова и пустил их в обращение. Естественно, старый шах охвачен тревогой: он решил, что «юный лев хочет захватить престол седого волка». Узнав о том, что ему грозит опасность, Хосров, спасаясь от гнева царя, бежит в Азербайджан, не забыв предварительно попрощаться со своими «мускусокудирями и месяцеликами» красотками, развлекающими его в его зеленом дворце. Он наказывает им достойно принять Ширин, если она прибудет в его отсутствие. По дороге Хосров и Ширин встречаются, но не узнают друг друга. Это происходит так. Изможденная трудной скачкой, покрытая дорожной пылью, Ширин останавливается у источника в беломом месте, чтобы искупаться и отдохнуть. Через некоторое время у того же источника останавливается и обесцвеченный Хосров, который видит из засады купающуюся Ширин. Поэт с исключительным мастерством, тонким волшебной кистью рисует картину купания Ширин, чувства и переживания Хосрова и Ширин при встрече:

Не роза ли из воды возникла, полускрывая,
Лазурной пеленой окутана по пояс,
И мириады цветком, отрадные суля,
Была вода. Ширин — орешком мириады.
В воде сверкающей и роза станет графе.
Еще нежней Ширин — в прозрачной водной чаше.

После этой краткой встречи Ширин поспешно мчится дальше. Она приезжает в замок Хосрова в Медани. Луноликие обитательницы зеленого дворца Хосрова при виде красоты Ширин от зависти вынуждены прикусить языки. Жизнь в замке в окружении завистливых куртизанок наводит на Ширин тоску, она просит построить ей замок на лоне природы.

В это время Хосров приезжает в Барду, к Михин-Бану, которая оказывает ему поистине царский прием. Он проводит свои дни в ирущ-

ках, на охоте, по-прежнему наслаждается беззаботной жизнью. Он посылает Шанура и Медани за Ширин. Первый раз Ширин, стыдясь, не хочет возвратиться в Барду. Тогда Хосров второй раз посылает Шанура за ней. Как раз в это время Хосров узнает, что его отец умер, а сам мчится в свою столицу, чтобы унаследовать трон отца. Здесь он узнает, что Ширин вместе с Шануром уехали в Барду.

Но молодой царь не спешит ехать за Ширин, он предается утехам, веселью. В это же время против Хосрова открыто выступает Бахрам Чубине. Этому эпизоду Низами уделяет в книге небольшую главу. Он не описывает походы Хосрова, сражения, победы, чему Фирдоуси посвятил несколько тысяч строк. Низами ограничивается лишь сообщением о том, что, когда Парвиз взшел на трон, все помысли Бахрама устремились к Парвизову престолу. Восстановив всех против Хосрова, Бахрам занимает его столицу. У Хосрова не оказалось опоры в решающую минуту, и вот он садится на коня Ширин Шедиза и бежит, направляясь в Арран, а оттуда в Мугань. Здесь наконец он встречается на охоте с Ширин:

И два охотника, одним замкнутым кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом...
Два друга — им любовь, как хмель, затмила око, —
Пылая, всех друзей оставили далеко...

Хосров и Ширин встречаются каждый день. Они проводят дни на охоте, в веселых празднествах и пирах, читают стихи, слушают музыку. Однажды Хосров один выходит на единоборство со львом и убивает его. Ширин все больше привязывается к Хосрову. Его необыкновенная привлекательность, смелость, изысканные манеры, красноречие и остроумие, благородное поведение все больше покоряют девушку. Любовь к нему становится смыслом ее жизни, овладевает всем ее существом. Любовь для Ширин существует ради самой любви — это чистое, неземное, священное чувство, в нем нет ничего от телесной страсти. Ширин жаждет соединиться с Хосровом, ради этого она готова пожертвовать даже жизнью, но только не честью. Чем больше она любит, тем больше разит самой любви и своего любимого она должна оберегать девичью честь. Близость с Хосровом — самый желанный шаг в ее жизни, но этому священному акту должен предшествовать свадебный обряд. Беспредель-

и потому нет пастбищ и нет молока, которое она прижимала вить. Шапур советует проложить канал через скалы и пустить по этому каналу с пастбищ молоко прямо в замок. Выполнение этой работы он возлагает на своего друга Фархада, искусного скульптора, архитектора и каменщика. Фархада приглашают в замок. Так на сцену вступает новый герой, которому суждено стать символом самоотверженной любви, героем легенд на протяжении многих последующих веков.

Ширин по обычаям того времени не выходит к Фархаду и все переговоры ведет с ним из-за занавеса. Пленительный голос пареням так очаровывает богатыря, что он обещает в месяц выполнить возложенную на него непосильную работу. Фархад влюбляется в Ширин так же сильно, беззаветно и чисто, как она в Хосрова. По своей натуре, нравственным идеалам, благородству и целомудрию он под стать Ширин. Ширин понимает это, глубоко уважает его, но сердце ее по-прежнему отдано Хосрову. Родство душ позволяет ей понять и оценить всю глубину чувства Фархада, увидеть величие его души, но Ширин ничего не может поделать с собой — она любит только Хосрова, любит, невзирая на его нестремность, легкомыслие, эгоизм. Узнав о любви Фархада, Хосров испытывает ревность. Она вызывает скульптора к себе. Диалог Хосрова с Фархадом — кульминационная точка поэмы:

Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?».

Фархад: «Сладчайшая — душа влюбленной сладость».

Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон».

Фархад: «Когда усну, но недосуген сон».

Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?».

Фархад: «Когда усну, прикрою себя землею».

Полуустоявав, что он не может ни устроить, ни подкупить Фархада, Хосров ставит ему заведомо невыполнимое условие: если Фархад проложит дорогу через гору Бисутун, которая состоит из сплошного гранитного монолита, то он волен добиваться любви Ширин. Фархад соглашается и, вдохновляемый великим чувством, начинает сокрушать Бисутун Ширин, восхищенная подвигом Фархада, его титаническим трудом, отправляется посмотреть на его работу. Когда Ширин приближается к Фархаду, кони ее коня скользят по скале, и она оказывается в опасности, но тут Фархад подхватывает мощной рукой коня вместе с всадницей и на своих плечах относит в замок.

Охваченный яркой ревностью и зная, что Фархад выполнит поставленное условие, Хосров решает на гнусное предательство. Он подсылает к Фархаду вестника, который сообщает тому ложную весть о смерти Ширин. Удар расцелан точно. Сраженный этой вестью, Фархад словно пронзен острием копья в грудь — он умирает от горя. Ширин горько оплакивает его и строит для него прекрасную гробницу. Хосров тоже поражен гибелью Фархада. Мучимый раскаянием, он чувствует, что его постигнет тяжкая кара.

В это время умирает жена Хосрова Мариам. Хосров свободен. Но вместо того, чтобы искупить свою вину перед Ширин, он наносит ей еще одну рану — женится на красавице Шекер. Однако вскоре Хосров понимает, что он не может забыть Ширин. Однажды, во время охоты близ замка Ширин, Хосров, рассчитывая на слабость и беззаветную любовь ее, подсызает к замку. Однако гордая Ширин не впускает паря. Падает снег, холодно. Ширин наказывает встретить царя подобающими почестями, но не впускать во дворец. Она поднимается на ступень и оттуда ведет свой диалог с Хосровом. Этот диалог является одним из ключевых моментов в поэме. Слова Ширин, исполненные чувства собственного достоинства, ее нескрываемая любовь, но в то же время и ее непреклонная воля — все это заставляет Хосрова очнуться.

Униженный и печальный, он возвращается в слезах, предаваясь невеселым размышлениям. Между тем, после мучительной душевной борьбы Ширин садится на коня и мчится вдогонку за шахом. Хосров же в это время, чтобы развеять грустные мысли, устраивает пир, на котором знаменитые певцы и музыканты Барбед и Некиса своими песнями стараются рассеять печаль царя. Ширин незаметно пробирается во дворец и уговаривает певцов, чтобы они в своих песнях изложил историю их любви. Под влиянием песен Барбеда и Некисы Хосров прозревает окончательно, он понимает, что до сих пор по своему легкомыслию пренебрегал величайшим счастьем, подлинной любовью, которая редко выпадает на долю человека. В эту минуту на пиру появляется Ширин.

Хосров собирает своих вельмож и тут же в их присутствии совершает свадебный обряд по всем правилам старины. Наконец-то Ширин соединяется с Хосровом. Но Хосров продолжает вести прежний образ жизни.

То на золотой доске он в нард играл, то бегом
Шебдиза тешился, былым отдавшись негам.
То он Барбеда звал, то слушал водомет,
То обнимал Ширина, как бы вкушая мед.
Ширина и царский трон, Барбед и бег Шебдиза, —
Излюбленный предел всех радостей Парвиза.

Между тем Ширин возмущена произволом и гнетом, царящими в стране. Своими «медоточивыми устами» она преподносит царю горькое снадобье своих наставлений, стремится пробудить его от беспечности, заставить заботиться о подданных. Поэт устами Ширина произносит свой приговор царю Хосрову и в его лице современным правителям, грозит им неминуемой карой:

...И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за зло твое в тугие схватит сети.
Без пользы закричишь, горе глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев...
Насилий не чини, не угнетай свой край.
И подданных своих приветливо ласкай.

Советы Ширина оказывают отрезвляющее действие на Хосрова. Ему становится ясно, что забавы и утехы не могут быть единственной целью в жизни. Он окружает себя учеными, мудрецами, старается мудро править страной, отдает разумные распоряжения. Но как раз в то время, когда он, казалось бы, достигает вершины счастья, кара за содеянное ранее постигает его.

От Маряма у Хосрова был сын по имени Шируйе («Льенок»). Юноша, увидев Ширина, страстно влюбляется в нее. Он переманивает на свою сторону вельмож, свергает отца с престола и заключает его в темницу. Но Ширин готова делить с Хосровым любые невзгоды, она идет вместе с ним в тюрьму. Тогда Шируйе подсылает в тюрьму убийцу, который наносит Хосрову смертельную рану. Хосров просыпается, он чувствует, что жизнь покидает его, хочет разбудить Ширин, мирно спящую рядом с ним, но потом ему приходит в голову мысль, что она много ночей провела в тюрьме без сна и теперь в первый раз задремала. И он, так и не разбудив ее, безмолвно умирает. Этим эпизодом

Низами показывает, как переродился эгоист, избалованный царевич, никогда в жизни не думавший о других и искавший только утех для себя. Здесь Хосров поднимается до уровня человека, способного на самопожертвование во имя любви.

Отцеубийца Шируйе хочет овладеть своей жертвой, но Ширин обманывает его. Она притворно соглашается на требования Шируйе, но ставит условие, чтобы он предварительно уничтожил все, что связано с именем Хосрова: сжег его дворец, убил Шебдиза и предал пышному погребению тело отца. Когда тело шаха вносят в склеп, Ширин входит туда, закрывает двери и закалывается кинжалом над прахом своего возлюбленного.

Поэма «Хосров и Ширин» — величественный и пламенный гимн любви. В ней поэт с огромной художественной силой воспел страстную, чистую, гордую и умную красавицу Ширин, показал, как сумела она своей любовью переродить Хосрова. Хосров в начале поэмы — безвольный юноша, ставший жизненные утехы превыше всего, но под благотворным влиянием любви Ширина он меняется, становится гуманным правителем, заботящимся о своих подданных и ведущим достойный образ жизни. Хосров в конце поэмы как бы воплощает в себе те черты, которые, по мысли поэта, должны быть присущи идеальному вещищу.

Поэма «Хосров и Ширин» имела поистине эпохальное значение. Не нужно забывать, что она написана на сто с лишним лет раньше «Божественной комедии» Данте, на сто пятьдесят с лишним лет раньше сонетов Петрарки. Но, несмотря на это, в ней мы видим образ прекрасной любящей женщины, готовой на смерть ради любимого, но неспособной преступить законы чести. Ширин беззаветно и глубоко любит Хосрова, но любовь не ослепляет ее, она видит все его недостатки. Ширин не любит Фархада, но глубоко уважает его чувства. Образ Фархада превосходит образы провансальских, а позднее итальянских поэтов эпохи Возрождения, воспевавших беззаветную любовь. Исключительно интересен, типичен для своего времени образ Хосрова — человека с «роем благородных задатков», безвольно отдающегося страстям, но находящего в конце концов в себе силы под влиянием Ширин стать иным, лучшим человеком и справедливым правителем. Образ Хосрова — живой упрек современным Низами вещищам, повторяющим все недостатки Хосрова, но не сумевшим, конечно, достичь его нравственного величия к концу жизни.

Предлагаемое вниманию читателей издание — перевод, сделанный одним из лучших переводчиков Низами на русский язык К. А. Лиске-ровым. Его отличают верность духу оригинала, полноценная передача идейного и художественного богатства поэмы. При подготовке издания в тексте поэмы были сохранены принятые переводчиком написание собственных имен, географических названий и восточных слов, даже если они несколько расходились с современной их трактовкой, чтобы сохранить в полной мере ритмику, а в некоторых случаях — рифмы и особенности инструментовки гласных (Бехрам, Ильдигиз, Ферхад, Джихан-Пехливан и т. д.).

ХОСРОВ И ШИРИН

В ВОСХВАЛЕНИЕ БОГА

Во имя давшего всем существам названия¹,
Земле — ее покой, а звездам — их мерцанье;
Тому, пред кем все мы моление свое
Возносим, распознав, что в нем — все бытие;
Непостижимому, не кажущему лика,
Тому, кто наречен «властителей владыка»;
Тому, кто твердь воздвиг, возжег огни планет,
Кто в разум наш с высот прямой бросает свет;
Кто в жемчуг обратил благие мысли наши,
Кто обращает в дни ночей сапфирных чаши;
Нам давшему восторг, печаль, надежду, страх,
Поднявшему луну в полночных небесах;
Дающему горам всю мощь их основанья!
Все сущее — лишь знак его существованья!
И каждый видящий во всем сей видит знак,
Из сущности творца возник творенья знак.
Созвездья поднял он могучими руками,
Искусно небеса украсив жемчугами.
Он — прозорливый взор всех пламенных творцов,
Он — в кротком разуме смиренных мудрецов².
Он тот, что, будучи восславлен как Владыка,
Не молвит: «Моего ты не увидишь лика».
Лишь в нем вся мощь владык, искать ли нам другой?
Он — лучший властелин. Так стань его слугой.
Он вне того, что есть миров его основа —
Вне постижения, вне разума, вне слова.

Чтоб распознать его, скакнув на звездный дол,
 Конь постижения подковы расколел.
 Чтоб разыскать его, поднялся трезвый разум,
 Но в безграничности свой путь утратил разум.
 И так постичь его ты сможешь, что, дивясь,
 С привычным для ума свою утратишь связь.³
 Уаришь очами высь, забыв земные очи,
 От глаз откинуть ткань всех зримых узорочий⁴.
 Не медленен, не скор в своих решениях он,
 Нет глубин, высоты, нет у него сторон.
 Читай слова о нем не на его скрижали,
 Так сделай, чтоб они в душе твоей лежали.
 На сто частей себя, как роза, разрывай:
 С собою разлучась, войдешь в надзвездный край.
 Откуда ты сошел под мглу ночного крова,
 Из нашего шатра туда взойдешь ты снова,
 Богопознания проверены ль весы?
 Все домыслы ума — ничтожнее росы.
 Рассудка доводы в одно мгновенье мигнут,
 Как только доводы творца их опрокинут.
 Знай свой единый путь, пребывь в пути своем,
 Не то дойдешь до круч иль рухнешь в водоем⁵.
 Когда узнал, кому несешь ты поклонения,
 Тогда откинь навек причин и следствий звенья.
 В огне любой свечи поймешь ее завет:
 В сиянии всех свечей — творца единый свет.
 Из праха розу он поднял во всем величье,
 И создал из воды людское он обличье.
 Он людям разум дал, чтоб нам его познать,
 Чтоб полным разумом он мог бы страх внушать.
 И на доску земли он бросил знаки; знаем,
 Их девять — цифра сфер! — и мир мы постигаем⁶.
 Чтоб в нас росла душа, сок сердца дал он ей.
 Светильнику ума дал масло из очей.
 Шесть воротов он дал пространства дивной шири,
 Объятиям земли — жемчужины четыре⁷.
 И как он начинал творенья? Человек

На тайну всех начал своих не векинет век.
 И как разрушит он созданыя? Смертным взглядом:
 Не глянуть в будущность, грозящую распадом,
 По образу людей ты бога не твори,
 Пред силою его в бессилии царя⁸.
 Бог уничтожит все, что создал он цветущим,
 Могушеством он поведает сущим.
 Вседаряющий в своем избытке сил,
 Основы первые он щедро сотворил.
 Призвал к служению он каждую основу
 Свой путь она нашла, его внимая слову;
 Той — щедрость дал, чтоб все дарить она могла,
 Ту — сделал алчною, чтоб все она брала.
 И о дарах вовек не знает ни дариший,
 Ни одаряемый, дары куда-то мчаший.
 Не ведает огонь, что в пламени — беда,
 О блеске струй своих не ведает вода.
 Ни с кем не делит бог своей верховной воли,
 Все — исполнители веления, не боле!
 У исполнителей вовек не станет сил,
 Чтоб изменить пути им созданных светил.
 Не сокрушит того, что создал бог когда-то,
 Всем вихрям не умчат ни капли аромата.
 Да славится творец, что смертный наш удел
 Дивит всей стройностью своих великих дел!

В РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЯМОГО ПОСТИЖЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ РАЗУМОМ

Зачем паломники заоблачной равнины
 Тескут вокруг земли — сей звездной сердцевины⁹?
 Кому в михраб земли несут они мольбы?
 Какой для странствия хотят они судьбы?²
 Зачем влекут шатры по облачным увалам³,

К каким в полночи спешат они привалам?
 Кто шамозвил одним: «Вращайтесь»? Кто, рукой
 Оставовив других, назначил им покой?
 Их препоясан стан. Ты молишь: «Их горенье,
 Как их движение, — не есть ли поклоненье?»¹
 И редко ль думал я, едва смирил свой жар,
 Что в храме идолюском надел бы я зуннар?²
 Но все ж, когда душа к борьбе была готова,
 Мгновенно — «Низами!» — с высот я слышал слово, —
 Пусть блещут идолов презыщающих огни,
 Но не себе поют хваления они!³
 Они вращаются, свои вращая очи,
 Чтоб отыскать того, кто вызвал их из ночи.
 Ты сам могуч, как царь, сильнее, чем цари,
 Дверь храма идолов ты накрепко запри.
 Хоть идолов ты чтил, как Ибрагим, но все же
 От них очисти храм: ведь он отверг их тоже.
 На идола взглянув, ты склонись пред ним.
 На идола ступи! Будь господом храним!»
 Мы весь тайник творца измерить не могли бы.
 Печать на тайнике: мир от Луны до Рыбы!⁴
 Путь к тайнам тайника — неодолимый путь.
 Но разлومي печать и с господом пребывай.
 Пусть чувства каждые умчатся друг за другом.
 И только разом свой своим ты сделай другом.
 Не лгнешь, красой небес! Что веровать в мечту!
 Как этих звездных уз осилишь тесноту?
 По таинствам высот где сыщется водитель?
 Что ведаю о них, — земли смиренный житель?
 Когда бы в тайну мог людской проникнуть взор,
 О тайне молвил бы сверкающий узор.
 И в этих куполах какое излученье?⁵
 Что видим мы с земли, что ясно нам? — Вращенье.
 И явственно для нас: вращенье должный круг —
 Предначертание непостижимых рук.
 Несет вращение всем людям извещение,
 Что есть вращающий: вращается вращенье.

И, к колесу небес свой устремляя дух,
 Спеши его сравнить ты с прядками старух.
 Ведь прядку завертеть нам следует сначала,
 Чтоб колесо она в кружении помчала.
 Коль чья-нибудь рука слегка ее толкнет,
 Она повернется немного и замрет.
 Вращение небес подобно прядке. Всякий
 Поймет сне, коль он небес достигнул знаки.
 Мерля звездное, ума служитель — взор
 Уму не разъяснит надоблачный узор,
 Коль не сойдет к нему создатель мироздания.
 Напрасно ждать вестей! Напрасны все гаданья!
 Ты в черном камне, друг, без пользы ищешь свет.
 Свет сыщешь у луны, а в камне света нет.
 Светлам виден бог с его сиянем ясным
 Во всем им созданном, великом и прекрасном.
 Гадают смертные по зернам ячменя,
 По черным двум камням, сомненья отстраняя.⁶
 От зерен и камней не ждать нам поученья,
 И колеса небес к чему колотовращенья?
 Твердишь, что жизни нам стихиями даны,
 И то, что звездами стихии рождены.
 Зачем же говоришь ты в дерзости бескрайной
 Лишь об орудии, а не о силе тайной?
 Кто взял орудие, творя весь мир, — кто он?
 И кем орудия рычаг был сотворен?
 Пусть ветер, и огонь, и прах земной, и воды
 В общены, созданном велением природы, —
 Но только божьего приказа письмена
 Всем душу ниспослуют; да властвует она!
 Не каждый божий раб — служитель верный бога.
 Коль раб самовлюблен, то служит он убого.
 Себя для господа ты должен перевозмочь.
 С горящим, ярким днем кто совместил бы ночь!
 Творец того сочтет своим слугою верным,
 Кто позабыл себя в служении безмерном.
 Ты чашу встречи пить желаешь? О, пойми,
 Себя обязан ты утратить, Низами!

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ

Творец! Ты глину взял и создал нас, и людям
 Ты поведенья дал. Им следовать мы будем!
 Ты молвил смертному: «Служить мне будешь рад»,
 И он спокойно ждет обещанных наград.
 И коль мы служим все, покада изнеможем,
 И если, страждуя, свое служенье множим, —
 Ты, всепрощающий, к тому, кто сир и слаб,
 Сойдешь с прощением, твой не погибнет раб.
 Твоею милостью спасаемый от века,
 Стал дерзновенным ум тлетворный человека.
 Но, услышав слова указа твоего,
 Как мы осмелимся не выполнить его?
 Ты, не в ущерб себе, в комке земли и влаги²
 Найдешь служение; служа тебе, мы в благе.
 Коль нерадивым ты зришь кого-нибудь,
 О всепрощении своем не возабудь!
 И, милосердия нас озаряя силой,
 Дай лицезреть себя! Спаси нас и помилуй!
 Я прах, но ты в мой мозг свое вложил зерно.
 Вот сердце — бабочка! К тебе летит оно!
 Я тот, кого, слепня, кому назначив грани,
 Ты сделал избранным среди своих созданий.
 Ты осветил мой лик, — направь мой взор в свой край.
 Мне благо даровав, — будь благодарным дай!
 Дай мне в моем труде долготерпенья, боже,
 Когда мой легок путь, — пребудь со мною тоже!
 Открой передо мной глубокий свой тайник,
 Да тень, беспечности мой не застелит лик!
 Дай, чтобы мощь твоя, со дней моих начала
 Мне все подав, — от благ меня не отлучала.
 Пускай мой долгий путь проступками изрыт, —
 Своим заступником я призываю стыл.
 Коль худо вымолвилу, перечерки. Так зыбок
 Моих речений пути! Как быть мне без ошибок?

Троп семьдесят и две, но путь у нас один³.
 Путь — в розах; в терниях все выгибы тропин.
 Мне веры паланкин даруй. К спасенья странам
 Хочу благим путем стремиться с караваном.
 Мой видит глаз во всем черты твоих основ.
 Ты — цель вот этим ртом произносимых слов.
 И я к достойному — горя с тобой в разлуке —
 И к недостойному протягиваю руки.
 Оставив дом, иду к стопам твоим прильнуть.
 Коль заблудился я, открой мне должный путь.
 К Каабе суждено стремиться мне отныне.
 Кто знает, может быть, погибну я в пустыне!
 Все без тебя — ничто. Что есть добро и зло?
 И в них твой скрытый лик сознание нашло.
 Одних, их сокрушив, к себе призвал ты все же.
 Других, их одарив, ты все ж отринул, боже.
 Но кто же я, скажи? О, как несчастен я!
 Я изгнан? Избран я? Темна судьба моя.
 Я правой веры друг иль идолов искатель, —
 Каков бы ни был я, прости меня, создатель!
 Скажи, творец: «За зло я щедростью воздам».
 Суди меня, творец, не по моим делам!
 Скажи, что значу я со многими грехами
 Пред справедливости небесными вечами?
 Ведь щедрость господя превыше дел моих.
 Ты в должный день, господь, простишь меня за них.
 Позволь же мне, творец, с любой моей судьбою
 В служении радостною склониться пред тобою!
 Пусть бытие мое и пусть небытие
 Возрадуют, господь, дыханье твое!
 Освободи меня от дел напрасных мира
 И зная обо мне, скитающемся сирю,
 Чрезмерных, господи, мне не давай обуз,
 Лишь в силу мышц моих мне назначая груз.
 Своим огнем зажги свечильник мой. Нестрою
 Взгляни на павшего у твоего порога.
 Мой дух ты отрезви: хмель в пламенной груди.

От сна беспечности мой разум пробуди.
 Дай мне сказать, забыв снов горестных угрозы:
 «Быть розовой воде, когда не станет розы»⁴.
 И сделай мой язык возвышенным таким,
 Чтоб смертный мой удел стал сладким и благим.
 Мне скромность исполнили. Даруй, в благой заботе,
 Умеренность моей тебе подвластной плоти.
 И если ты пошлешь мне горечь или беду,
 Пусть в том, что ты пошлешь, я должное найду.
 Мой разум исцели пылинкою любовью
 Из-под ступни того, кто избран был тобою.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА ВЕЛИКОГО,
 ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ
 И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ

О Мухаммед, чей дух сияет в небесах!
 Все сотворенное — пред ним простертый прах.
 Он дал огонь очей пророческому клиру¹,
 Он — мастерской миров дар наилучший миру.
 На войнах верности он — праведный глава,
 Всем праведным полкам приказ — его слова.
 Он тот, кто зачеркнет всех злодеяний списки,
 Он лавшему сулит час всепрощенья близкий.
 Он — утренних садов повеявший рейхан.
 В нем ключ от божеских сокровищниц нам дан².
 Сироты льнут и льнут к его дыханья чарам.
 Он прозван: «Сирота-жемчужина» подаром³.
 Пророкам дав устав, он дал нам книгу книг⁴,
 В своем убежище трон разума воздвиг.
 Указ любой страце — основы шарната,
 И верований нет, вознесшихся когда-то!
 То милосерден он, то ярок, как лев.
 Его глагол — то ключ, то меченосный гнев.

Он стал для господи возлюбленным Айазом,
 Вещи махмудова пылающим алмазом.
 Он — роза радости приверженцев своих,
 Он — кипарис, что бурь не ведает земных.
 Он свод небес одел в зеленые одежды,
 Дал аромат ветрам, что нам ласкают вежды.
 Вознес он свой шатер, созвездья заградив.
 Из праха пред людьми был им изваян див.
 «Друг господи» — Халиль, Келим — «Внимавший
 богу»⁵, —

Ведут его войска, хранят его дорогу.
 Он шел для дум, для сна в пустынные края:
 Его в пещерной мгле не жалила змея⁶.
 А я, я — жаждущий, который не однажды
 Искал его: ведь он все утоляет жажды.
 Как много промахов свершил я, о пророк!
 Путь к исправлению и труден и далек.
 И обращаюсь я к тебе, о сад аллаха,
 Взгляни внимательно на эту горстку праха.
 Ты, немецкий шелк откинув до меж
 Всевышней, подними ладони и скажи:
 «Господи, на Низами ты погляди не яро,
 Синими с его души позор его зунгара!»⁷
 Пусть в тишину твою он будет погружен,
 Пусть будет он прощен, коль может быть прощен.
 Пусть он свои грехи вознес превыше взгорий,
 Но милость господи — неведомое море.
 Прости его, господи, о днях его радей,
 Ведь снисходительно ты милуешь людей!»

О ТОМ, ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО
 НАПИСАНИЮ КНИГИ

За благодати звездой удач несется свита, —
 И вот лицо земли их отблеском покрыто.
 Тьму отнял у небес луч утренний — халиф¹,

До невой белшины свод неба раскалил.
 Шатер небес возник, — ждять в небесах султана;
 Всегда наш видит взор в таких шатрах султана!²
 И стражу пятую, подняв свою игру,
 Хор пробужденных птиц прощелкала поутру³.
 И на подвижный трон внеси Джемшида чашу⁴,
 День подвигла и жизнь всю разукрасила нашу.
 Семи фяфгуров край сверкал; его главам⁵
 Угодно было дать приказ моим словам,
 Восточный хан стихов напал на страны рыно
 И сделал златомеч пером Ночного хана⁶.
 Тем, что сему мечу свою не слази дань,
 Перо, как бы мечом, перерубало длань.
 И острое пера, как мечь, блеснуло; очи
 Я поднял, я был пьян от звезд бессонной ночи,
 И стал и размышлять, с чего бы мне начать,
 С каких сокровищниц сломить бы мне печатъ?
 Каким роскошеством я речь свою украсю,
 Что выберу? Страну чем я взволную нашу?
 И счастье, засняв, открыло дверь мою, —
 И сладких уст его я поцелун пью:
 «Ковать обязан ты, дохнул из горна пламень.
 Дая твоего ключа железу отдал камень⁷.
 Так приказал мне тот, кто правил миром. Вновь
 Ты в этот мир впусти великую любовь!
 Давно погибли все хранители познания,
 И мир оледенел без пламени пылания.
 По голове небес язык твой, что кинжал,
 Сбривая разум их, победно пробегал.
 И обращаешь в гвоздь калам ты Утариду,
 И плащ свой рвет Зухре, — в ней зависть и обида⁸.
 Как Моисей, зажги костер любви. Спеши!
 Как Иисус, носи ты пламенныйк души.
 Ты бирюзу вправляя в наш перстень, — мы ведь рады
 Все соломонины тебе отверзнутьклады,
 И коль мы чтим тебя, и по заслугам чтим, —
 Ответно нас почти творением своим.

Коль мы окажемся не истинны сынами,
 И ты, как Фирдовси, обманут будешь нами⁹, —
 Ты можешь скудный дар, в укор таким скущам,
 Небрежно разбросать шербега продавцам,
 Но если счастлив ты, забудь все опасения
 И жадность ослени себе же во спасение.
 Счастливый, виял гонцу я благосклонных слл,
 И счастье счастливо я шить мне попросил:
 «Час помощи пришел, склонись, ко мне с любовью,
 Ведь сердце жжет меня, все облитое кровью,
 Я ниже тех, что сказ все тот же, все один
 При помощи царей сверляли, как рубин.
 Удача берегла слова былого сказа.
 Дано сверлить рубин лишь с помощью алмаза¹⁰.
 Готовы те слова подвизать до Пляяд¹¹,
 Которые нужды и скорби не таят.
 От мира скрылся я в свой угол неизменный,
 Дорожный мой запас лишь горсть муки ячменной.
 Я над сокровищами будто бы змея¹².
 Лепешку круглую имею на день я.
 Я будто бы пчела; мой дом, как улей тесный¹³,
 Но мед в приюте пчел скрывается чудесный.
 Величие шаха — ветвь, нам сыплющая снедь, —
 И пропитание нам трудно ли иметь?
 Когда б я попросил, — земля раздвинув глады,
 Блеснул бы предо мной хребет безмерной Рыбы.
 Но я от благодати, что свойственна лучу,
 Лишь благосклонности сочувственной очу.
 О, сколько славных дея излетело выше праха,
 Блестяя, как луна, под взглядом шаханшаха¹⁴.
 Но если славы нет, есть и другая честь:
 Есть доблесть в скромности. А есть ли скромность? —
 Есть».

В ПОХВАЛУ ТОГУРУЛ-АРСЛАНУ

Когда султан и царь, шах молодой со счастьем
 Таким же молодым, сошедший к нам с участием,
 Он, освещающий премудрости страну,
 Он, взявший в дань свою все жизни, как одну.
 Тогрул, венец для всех, чья царствениа порфира,
 Царь справедливости и повелитель мира,
 Мелик-Тогрул, сей шах — владыка бытия,
 Шатер щедрот, поток, что льется, всех пою,
 Тогрул, облекшийся в блеск царственного сапа,
 Воссел на царский трон, чтоб заменить Арслана, —
 Тогда лишь вскрыл я клад, чтоб всех людей сердца
 Пленить всей прелестью творимого дворца.
 Рисунок начал я. Был рок благословенным,
 Он рек: «Будь благ» — и стать я смог благословенным.
 Звезда счастливая, благословив меня,
 Мой дух исполнила счастливого огня.
 Я — отражение победных дел султана:
 Все счастливы среди ликующего стана.
 Но в образы свои вложил душевный пыл,
 Я время некое отдохновеенья пил.
 И промедленно явиться было надо:
 Шах вел свои дела, — стихам была преграда.
 Но шах связал Хабеш с Тамгаджем. И удар
 Он за ударом нес: он с Чачем следл Шуштар¹.
 Он Анкой на шатре утешил наши взгляды,
 Не золотой венец надел он, а Пляяды².
 До всех семи небес он взнес свои шатры,
 В Джейхуне взвил коня и прыгнул до горы³.
 Решил семь областей своим он сделать станом,
 И девять высних сфер он сжал своим арканом⁴,
 И шлет ему хахан харадж. И не грозит
 Ему кейсар, а шлет румийский свой газит⁵.
 Аллах! Очами злых да будет не угадан
 К Тогрулу путь; к нему пусть только всходит ладан⁶.

И ладан свой к царю в блаженстве я вознес,
 Как утренний свой вздох, как запах росных роз.
 Чтoб ладан мой, взнесясь благоуханным дымом,
 Сказал бы обо мне, владыкою хранимом,
 Словами, что горят, как драгоценный клад,
 Чтo мир в себе таят и с миром дышат в лад;
 «О ты, что целый мир скрутил, как стебель гибкий!
 Пускай за Низами и числится ошибка,
 Но надо, чтоб твой взор на скорбного глядел,
 Устрой дела того, кому не стало дел.
 Чтoб он прекрасный мир увидел как бы внове,
 Разглядь ему, о шах, наупленные брови,
 Ты сто сокровнищ дал Сити и Мехсити?
 За каждую газель, — их славе расцвети.
 И если ты пред ним откroсь дверь хырмана,
 Зерна достаточно, не будет нам изьяна.
 Владенья велики, удел так счастлив наш,
 Развалинам ты вновь благоустройство дашь.
 Как долго жить певцу в углу своем неярком?
 Как долго к дивному не выйдешь ты с подарком?
 Ведь солнца светлого затем и вечен свет,
 Чтo им весь божий мир в сиянье разодет.
 А туца потому пленяет щедрым нравом,
 Чтo в детстве молоко она дарует травам.
 От наших чашников ни чаши не принял,
 Нам Низами поет возрастанье наших слов.
 Он словно соловей. Но, взвешивая слово,
 Про нашу славу петь совсем ему не ново.
 Ходатайствую — я, он — раб, сияешь нам
 Сияньем луны — ты, что дашь подарком? —
 Джем⁸...

Послушай, Низами! Твои так дерзки взоры,
 Зачем с благой судьбой вступил ты в разговоры?
 Тому, к кому фагфур приходит и хахан
 И пред его дверьми свои преклоняют стан,
 Как извинения ты выскажешь за строки,
 Где дерзновенные нам слышатся упреки?

Есть извращение одно лишь — вот оно:
 Я в царстве, что дворцам божественным равно.
 Тут всех ничтожней тот, кто был всех многощней,
 А чем ты ниже пал, тем стал ты дерзновенней.
 Но может молитва прервать всей жизни нить
 И немощной вдовы светильник засветить.
 Потоки бурные, прорвавшие ограду,
 Для роз питая сад, послали гибель саду.
 Великий Соломон был всех мудрей, зане
 И Рыбе он внимал, не только лишь Луне⁹.
 Золу и золото, ведя свой счет чернильный,
 Писцы включают в счет вблизи печи плавильной¹⁰.
 Пока стоцветен мир и ярок, о аллах,
 Пока в движении высь и неподвижен прах¹¹.
 Дай этот мир тому, пред кем он пал, как пленный,
 И небо подружи с властителем вселенной.
 Пусть благом юности воспользуется тот,
 Кто взял от бытия обилие щедрот.
 Так ведай счастье ты, и пусть венцом царевым
 Сияет вся страна в своем сверканьи новом.
 Пусть ведает весь мир удач твоих следы,
 Пусть будут небеса шатром твоим горды!
 Так будь неколебим в стремлении духа строгим.
 Да будет твой порог святилища порогом!

В ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА ВЕЛИКОГО
 ШАМСЕДДИНА АБУ-ДЖАФАРА
 МУХАММЕДА ИБН-ИЛЬДИГИЗА

Я мирволенье звезд хочу к себе привлечь:
 В благоприятный день я эту начал речь.
 Внося хваления, калам возносим все мы,
 И вот царю царей чеканю я дирхемы.
 Величья аркою он занял кругозор,

Иль мы на бровь его свой устремляем взор?
 Великий атабек, всех наших дней владыка,
 Тот, кто пугает зло огнем благого лика,
 Абу-Джафар, сей шах, что, свой раскинув стан,
 Как некогда Махмуд, захватит Хорасан,
 Над миром правивший, свет правды и возмездья,
 По воле собственной слетает он созвездья!
 Все явственно для нас. Он — солнце, он — один:
 Ведь «Солнце веры» — он, не он ли Шамседдин?¹²
 Как солнце, что дает сияние светилам,
 Он счастье нам дает. К его прибрежнем силам!
 Нам был ниспослан дар и новый послан вслед:
 Есть двое, каждого назвали — Мухаммед².
 Один всей сущностью — предел пророков бога,
 Другой — предел владык в кругу земного лага.
 Тот — пред арабом встал и взор его отверз,
 Другого, как царя, в восторге видит перс.
 Один — освободил от угнетенья веру,
 Другой — законность ввел, дал вес всему и меру³.
 Вот имя! Всем сердцам звучит на свете «эм»,
 В ушах у двух миров не кольца ль — эти «эм»?⁴
 Расколот скорбно мир, — нет, не за ним беда!
 У мира «эм» одно, три «эм» у Мухаммеда.
 Коль щедрости своей даст выйти он из врат,
 Поток его щедрот затопит Арарат⁵.
 Пред ним безмолвствует желание воли звездной,
 Он сам низвергнет всех и всех спасет над бездной.
 Пред шахом океан кланет свою судьбу:
 Он — лишь блестящий пот на суши черном лбу.
 Царь — глубь, но жемчуга взнес шедрими руками.
 Он, яхонты дая, не схож ли с рудниками?
 Мечом своим он бьет как бы из черных туч.
 Сей меч — семь областей нам отомкнувший ключ⁶.
 Рука великого владеет силой лвиной,
 Нет, не владеют львы сей силы половниной.
 Но хоть веселный шах сильнее сильных львов,
 Он лишь на милости для подданных готов.

Сень благочеслия он распростер над светом,
 И мудростью небес мир кажется одетым.
 Все, кроме господя, перед шахом склонено, —
 И все, что белизна и все, что так черно?⁷
 И море бурное, одетое в кольчугу,
 Грозит врагам царя: сродни они друг другу.
 И рудоносных гор взнесенные кремни
 Бьют недругов царя: с ним родственны они.
 Железный колокол — врагов кричащих горло,
 Но к ним железный меч рука твоя простерла.
 Беспечным быть нельзя: не дремлет вражья рать;
 Коль хочешь царствовать, — не надобно дремать.
 Шах светлый Ильдигиз, не вняв укорам света,
 Четыре дал венца семи просторам света⁸.
 Два мира, уходя, он дал душе одной,
 И коли дышишь ты, то он — в стране земной.
 И свет наш оживлен небесных сфер вожатом,
 И свет нам видится душой его объятим.
 Взнеслось его чело до звездной синевы,
 Пусть волос не падет с взнесенной головы!
 Кому дана судьба такая золотая? —
 От Абиссинии все взял он до Китая⁹.
 В Ираке побыл он, исполнив светлых дум,
 И Сирия пред ним склоняется и Рум.
 Зубами войск изгрыз вонитель необорный
 На шлемах Рума крест, подобно неграм, черный.
 И Рум, лишь в Турцию тот с битвами проник,
 Мечом индийским он индийцем сделал вмиг¹⁰.
 Абхазия, Дербент — края его охоты,
 Хорезм и Самарканд, — и с ними свет он счел!
 Кто вышел из Гянджи и ввергся в Хузистан?
 Оман и Исфахан кому — победный стан?
 Да не уйти дуне, светящей детям праха!
 Да не упасть венцу с главы такого шаха!
 Пусть все, к чему царя не мчит стремленья конь, —
 Будь это амброю, — сжигает злой огонь!
 Пусть тот, кто воззовет к враждебному походу, —

Хоть словно сахар он, — падет немедля в воду!
 Пусть каждый ум, что мог лишить владыку сна,
 Как осень, скорчится, хоть был он, как весна!
 Пусть мысли, что царя смущать и мучить рады,
 Останутся в земле, хоть мысли эти — клady!

ОБРАЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАНИЯ ЗЕМЛИ

Живи и охраняй свой вознесенный трон —
 Хранилище щедрот и милосердия он!
 Султанства крепкий щит и халифата голос,
 От твоего меча до смерти — только волос!
 Воскресший Феридун, вновь явленный Джемшид,
 Нет, за слова свои я ощущаю стыд!
 Что Феридун? — Дитя. Мы истине послужим,
 Назвав тебя, о муж, львиноподобным мужем!
 Был ими трон храним, был и венец храним,
 Венцы и троны, шах, бросаешь ты другим.
 Был каждый богатырь властителя хранитель,
 Но сам ты — богатырь, и сам же ты — властитель.
 Был с перстом Соломон, а с правой верой — ты,
 С зеркалом — Искендер, а с верной мерой — ты!
 Не зрели многого, что зрел ты в жизни нашей,
 В зеркале — Искендер, Джемшид — склонялся над
 чашей.

Живи! Цвет юности, воскресшей снова, — ты!
 И всей твердые дией одна основа — ты!
 Коль на спине слона трон созерцаем ныне,
 Когда не твой сей трон, трон созерцаем спиной¹¹.
 Подняв железный меч и весь принявши мир,
 Ты с чашей золотой продлил джемшидов мир.
 Походы кончены; есть через край железа, —
 Для зеркала стихов немного дай железа!¹²
 Рассказов несколько, когда позволит шах,

Я шаху расскажу лишь в нескольких словах,
 Я вдаль бросаю гонимых — слова свои — с размаха,
 Я был как бы звонарь словес волшебных шаха.
 Я птаха первая во всем саду твоём.
 Скажи, мне вороном тут быть или соловьем?⁴
 Твой медлил, медлил раб, но ты, — ты будь незлобен,
 Я медлил — все ж я лев! О да! Я льву подобен!
 Как хорошо сказал все видевший мудрец:
 «Хоть поздно, да найди путь правильный, храбрец!»
 Был сон моих надежд пленителен и яростен:
 Все для владыки мнил я отыскать подарок⁵,
 Но ты ведь, как фатхур, но ты ведь, как Джейпал,
 С каким бы даром я перед тобой упал?
 Вот горстка образов: иль страсть свою неловко
 Поверг, — иль не для них священная цинковка?
 Я днем и вечером служу тебе, о шах,
 Как сердце служил нам, — хоть я лишь только прах⁶.
 Но людям я всегда — тебе сие не тайна —
 Служу молитвами, и сила их бескрайна.
 В безлюдии своем двоятся Низами:
 И укусу он и мед, — таким его прими.
 Из влажности его — все сладостные речи,
 Но сушь его, что груз, легла ему на плечи.
 Источник моего подвижничества — сух,
 Но сочный мой язык всем услаждает слух.
 Я — мускус в мускусном мешочке просветленья,
 Я — Анка, я люблю от мира отдаленье.
 Я шип, и розою не быть мне на пиру.
 Я лишь молитвами чертог твой уберу.
 И службою тебе служу я лишь одною:
 Молитвословием предутренней порою.
 Мой сумасброден ум, а сети ставит свет.
 Душа моя алчна, но страшно мне сует.
 На сумасбродство я надена власяницу,
 Я усмирю алчбы взлетающую птицу.
 С любовью лишь одной останусь я тогда,
 В отдохновенные уйдя края тогда.

И к стремени царя я припаду, участья
 Дождусь я от-царя и поклон буду счастья.
 А коль отгонити ты, — склонюсь вдали у врат,
 Приветитишь, — не найду для радости оград.
 Когда ты месяцем блеснешь, меня лаская,
 Взлечу я светлячком, от радости сверкая,
 Ты — солнце, осыпать ты хочешь не одну
 Мешками золота, а каждую страну.
 Да будет золота полна твоя палата!
 Да будет меч огнем, душа — сильней булата!
 Да узришь: все края для строк твоих — листы.
 И да не будет стран, где не ступал бы ты!
 Пусть в каждой стороне твоих стремлений стремя,
 Блеснув на благо всем, твое прославит время!
 Да будет слава слав навек тебе близка,
 Враги — сраженными, победными — войска!

В ВОСХВАЛЕНИЕ ШАХА МУЗФФАРАДДИНА КЫЗЫЛ-АРСЛАНА

О нежный ветерок, как утра поцелун,
 Пускай на царский пир твои повеют струи!
 Пусть неугою они все души опоят
 В чертогах, поднятых до блещущих Плеяд!
 Он, областям семи являющий примеры
 В делах благой судьбы и светоносной веры,
 Востока славный шах, он — запада приют, —
 Кызыл-Арслан, чей стяг в созвездьях узнают.
 Он — будто бы Махди, дремавший на закате, —
 Велел к востоку течь ему подвластной рати.
 Едва наложит шах на воск печать свою, —
 Китай пошлет харадж, а Рум пошлет джизью,
 Коль меч поднимет он рукой своей прекрасной, —
 Он черный Зенг вспонит рекою русской — красной!¹

И ливнями побед, весь в молнийном свету,
 Он с хиндустанских стран отмоем черноту.
 Как солнце трон его — всем ведомо об этом —
 Вознесся он к луне высокой славы светом,
 И без него не семь, а семьдесят земель
 Исчезли бы, как все рожденное досель.
 Не обрати в раба он старого Сатурна,
 Тот пал бы с кровли, — с той, которая лазурна?²
 Араке бежит, гремит, бурлит страшнее лав,
 Но умолкает вмиг, до моря добежав.
 Хоть враг достичь бы мог и звездного чертога,
 Перед его дворцом он пал бы у порога.
 Скрыв халат судьбы, в который он одет,
 Обрезки отдала на шапки для планет.
 Алмаз его кольца блеснет — и вот над бездной
 Скользит сожженный враг, чудовишный, железный.
 И от железных сил властителя и див
 Бежит; они гремят, всех дивов победив.
 И жизнь его идет с Мессией стремя в стремя,
 До страшного суда его продлит время.
 Его блестящий меч блеск Тигра уронил,
 Как лотос, чистотой стыдя блестящий Нил.
 Нужде народа вняв, его смирия горе,
 Ворота он раскрыл, широкие, как море.
 И к ним дано идти по дням и по ночам
 Хазарским дервишам и румским богачам.
 И месяц, блещущий в просторах неба темных,
 Он сделает кольцом ворот своих огромных.
 Ум светлого — вожак, к пределу мудрых стран
 Ведет он знания потайный караван.
 Беда ль, коль не могло гостям вина остаться,
 Когда могла для них сия луна остаться?³
 Во всех земных делах, что встанут впредь,
 Мы будем праведны, коль есть такой Махди.
 Дня судного самум взревет, — но оборона
 В нем. В этом царственном вся сила Соломона.
 Не убоимся мы затмения светил:

Свой милосердный дух он в мире засветил⁴.
 Есть указания на близость бурь, на ветер,
 Но все они (ведь шах — сама лазурь) — на ветер.
 Поднял его дворец, в себя включивший мир,
 Свой запрокинутый лазоревый потир.
 Как этой высоты достигнуть бедной пыли?
 С усилением облака к таким высотам всплыви.
 О ветер, в том дворце, в благой его сени
 О сотоварище своем упомяни!
 Склоняясь до земли перед владыкой света,
 Промолви: «Низами сказал царю вот это:
 «Пусть время некое и медлил я, но все ж
 Трудился для царя, — слова мои не ложь.
 Заполнил я листы; им шахской благодатью
 Позволили лежать под шахскою печатью.
 Мне стало ведомо, что царственный Джемшид —
 Пускай его аллах от бедствий отрешит —
 Лишь розы лепесток в саду увидит этом,
 К нему склоняется, своим овеив светом.
 Я здесь. Восходит свет на своде голубом.
 Лишь только б господин доволен был рабом!»
 Мне молвил некий друг, в былое взор свой бросив:
 «Был нестоваз юнец, красивый, как Иосиф,
 И был наставником сей усладитель чтим.
 И мудрый все забыл, плененный только им.
 Властителя сердец он в сердце взял с такою
 Большою нежностью, что душу сплел с душою.
 Дай сто садов ему меж царственных оград,
 А не скупию гроздь, — он все ж не будет рад!
 А розу поднесут его любимцу, — сможем
 Сказать: «Наставник стал с весной веселой схожим!»
 Он, в дружбе обрета всех дней своих привал,
 Лишь общей радостью обрадован бывал». —
 Скажу и о царе, любовью всех объятном.
 Любя наставника, его назвал он братом.
 Пусть счастья светлого не изменится лист,
 Пускай напиток сей век остается чист!

Будь шах самой красой, подобной сладким узам,
 Мираджем — ночь его, а день его — Новрузом.
 И ты, о ветерок, в кудрях его летай,
 Взбурли их Индостан, как взвихренный Китай!
 О царь! Бровей не хмурь, врагов умчишь стая,
 Да быть индийцами всем тюркам из Китая!
 Пусть обратится враг, что в тяжких узам смолк,
 В союзника царя, а эти узы — в шелк!
 Пусть чаша полнится у верных и покорных,
 На злобных пусть падут удары молний черных!
 Пусть будет этот дар, в твои возникший дни,
 И юности твоей и дням твоим — сродни!

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ СЕЙ КНИГИ

От снов моей души я ныне недалече.
 Под сводом замыслов я словно слышу речи:
 «Спеши, о Низами, а то минует срок —
 Неверны времена и вероломен рок!
 Из животворных вод весну истории снова
 И облеку весну весенней тканью слова.
 Свой звонкий саз возьми, — твой короток привал,
 Напев твой по тебе давно затосковал.
 В путь опоздаешь, — глядь: ночь сумрак распростерла.
 Некстати запоешь — под нож подставишь горло.
 Как роза, говори лишь только должный срок,
 Болтливый лили привязан язычок?
 Слова — булат. Чекан подобный сшьем где мы?
 Чеканом слов своих чекань свои дирхемы.
 Хоть выкован клинок, но трудность впереди:
 До блеска лезвёв ты камнем доведи.
 Писать не надо слов, идущих не от мысли,
 Их говорить нельзя. Своими их не числи.

Не сложно назвать слова свои на стих,
 Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них.
 Слов много у тебя, — пусть будет их не много!
 Сто авраи в одно, — в одно сто обрaccia строго!
 Коль забурлит река неудержимых стоп.
 Не полноводие увидим, а потоп.
 Коль крови через край и слишком жадно тело,
 Ты накажи его ножом врачевным смело.
 Не много говори, дай речи удала.
 Знай: изобилие слов есть изобилие зла.
 Сдержи потоки слов, им предназначь грани,
 Иль скажут: «Помолчи!» — и нет постыдней брани.
 В словах — душа. Душа на все возьмет права.
 Твоя бесценна жизнь, — бесценны и слова.
 Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай;
 Выгляни: они продать за хлеб готовы душу.
 Слова — жемчужины. Поэт — он подолаз.
 И труден темный путь к ним устремленных глаз,
 Страхатся мастера: им долгий опыт нужен,
 Ведь бережно сверлят ядро таких жемчужин.
 Строги сверляльщики к своим ученикам,
 С опаской жемчуга вручая их рукам.
 Ты трезв иль разум твой весь в опьянении сладком.
 Ты пищи не давай безудержным нападкам.
 Ведь соглядатаев до сотни у тебя,
 Они снуют вокруг, подол твой тербя.
 Будь осмотрителен и не дохли беснечю.
 Не думай про людей: глядят они беснечю.
 И вот, заслушав звук тех потаенных слов,
 Ушел я, словно дух, под свой безлюдный кров.
 В уединении, в котором сердце — море,
 Бьют все источники, с душой твоей не споря,
 И сказку начал я с того благого дня,
 В сад райский обратил я капище огня.
 Но это капище, вновь явленное взорам,
 Я лишь разрисовал мной созданным узором.
 Хоть все вмещать в слова живущим и дано,

И может в их ключе все быть заключено, —
 Но если отражать в них истину мы можем,
 То небывалы мы с их помощью не можем,
 От неправых слов честь димом утечет,
 Предназначается правдивому почет.
 Правильный всем очам с лучами мнится схожим
 Принимаю золото, подобен он вельможам,
 Зеленой кипарис лишь потому, что прям,
 Не предан осенью осенним витарям.
 «Сокровищницу тайн» создал я был во власти,
 К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
 Ни делъ ведь никого из смертных в наших днях,
 Кто б страсти не питал к страшицам о страстях.
 И страсти я замесил со сладостной приправой
 Для всех отравленных любовною отравой.
 С какою зеностью я всем являю страсть!
 К ней пристрастившимся — в моих стихах припасть!
 Я влак твоей сучок, каких и не бывало,
 И фиников из нем цангано немало.
 Известен всем Хосров и знают о Ширин.
 Какой рассказ милой и слаще? Ни один.
 Но хоть предания отдрнее не знали,
 Оно, как лик невест, скрывалось в покрывале,
 И сеники не были известны. И Берда
 Таила этот сказ немалые года.
 И в книге древних дней, мне некогда врученной
 В той местности, сей сказ прочел я, восхищенный.
 И старца, жившие поблизости, меня
 Ввели в старинный сказ, исполненный огня,
 И книга о Ширин людьми сочтена дивом,
 В ней все для мудрого покажется правдивым.
 И как же правдою исто правду нам не счастье?
 Есть ильмени о ней и памятники есть:
 И очертания Шедлиза в сердцеvine
 Скалы, и Бисутув, и замок в Медлинне,
 Безводное русло, что выдолбил Фархад,
 Скулой приют Ширин меж каменных оград,

И город меж двух рек, и царственные влеты
 Дворцов хосрововых, и край его охоты,
 Барбеда памятен десятиструнный саз,
 И члуг Шахруд. Хосров там отдыхал не раз.
 Мудрец сказал о них, но не дал он расказу
 К сказанью о любви приблизиться ни разу.
 Тогда достигнул он шестидесяти лет,
 И от стрелы любви уже забыл он след.
 О том, как сладких стрел неистова отвага,
 Повествовать в стихах он счастье не мог за благо.
 К расказу мудреца не тронулся я вспяты
 Уже звучавших слов не должно повторять.
 Я молвлю о делах, опущенных великим,
 Велениям любви внимаю многоликим.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

Всех зовов сладостей любви всевластный зов,
 И я одной любви покорствовать готов!
 Любовь — михраб петров, к зениту вознесенных,
 И смерть несущит мир без вод страны влюбленных.
 Явись рабом любви, заботы нет иной.
 Для доблестных блеснет какой же свет иной?
 Все ложь, одна любовь — указ беспрекословный,
 И в мире все игра, что вне игры любовной.
 Когда бы без любви была душа миров, —
 Кого бы зрел живым сей круговетный трон?
 Кто стынет без любви, да внемлет укоризне!
 Он мертв, хотя б сто крат он был исполнен жизни.
 Хоть над любовью, знай, не властна ворожба,
 Пред ворожкой любви — душа твоя слаба
 У снеди и у сна один ослы во власти.
 Хоть в кошку, да влюбись, любой отдайся страсти!
 Дерись хоть за нее, ну что ж — достойный гнев!

Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев,
 Нет, без любви ничьи не прорастают зерна,
 Лишь в доме любящих спокойно и просторно.
 Без пламени любви, что все живые чтут,
 Не плачут облака и розы не цветут.
 И гебры чтут огонь, его живую силу,
 Лишь только из любви к поддлевному светилу.
 Ты сердце не считай властителем души:
 Душа души — любовь, найти ее снени!
 Любовь поет кыбду, но помнит и о Лате.
 К Каабе льнет, горит в ямической палате.
 И в камне, — если в нем горит любовный жар, —
 Сверкнет в добычу нам бесценный гаухар.
 И если бы магнит был не исполнен страсти,
 Железо привлекать он не был бы во власти.
 И если бы весь мир не охватила ярь,
 Не мог бы привлекать соломинку витарь.
 Но сколько есть камней, которые не в силах
 Привлечь соломинку, — бездушных и застылых.
 И в веществах во всех, — а можно ли их счастье? —
 Стремление страстное к сосредоточью есть.
 Огонь вскипит в земле, и вот в минуту ту же
 Расколет землю он, чтоб взвихриться снаружи.
 И если в воздухе и держитесь вода,
 Все ж пасть в стремлении придет ей черед.
 Для тяготения в чем сщется преграда?
 А тяготение назвать любовью надо.
 О смертный, разум свой к раздумью призови,
 И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.
 Когда на небесах любви возникла сила,
 Она для бытия нам землю сотворила.
 Был в жизни дорог мне любви блаженный пыл, —
 И сердце продал я, и душу я купил.
 С пожарница любви дым бросил я по странам,
 И очи разума задернул я туманом.
 Я препоясаяся, пылая, — и постичь!
 Любовь сумеет мир, услышавший мой клич.

Не для презренных он! Мой стих о них не тужит,
 Сладкочитающим, взыскательным он служит.
 Вот сказ, но исказит мой стихи писец.
 Страхуешь: приищет мне свои грехи писец.

В ОПРАВДАНИЕ СОМНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Когда, замкнувши дверь, в беседе с небосводом
 Я время проводил, по звездным переходам
 В раздумьи странствуя, ища свои пути
 Меж ангельских завес, чтоб скрытое найти, —
 Я друга верного имел, и не случайно
 Ему была ясна моих мечтаний тайна.
 И в благочестии лев, он был — и знал о том —
 Для всех врагов мечом, а для меня — щитом.
 Лишь знание он чтит, в котором нет мирского.
 Лишь знание он взял из всех сует мирского.
 Вся серебрялась ночь под неземным кольцом,
 И стала серебрян перст, гремя дверным кольцом.
 Но светлый гость вошел не с миром, а для спора.
 И речь его была исполнена укора:
 «Да славившись вовек, ты, миродержец слов,
 Кому счастливый рок способствовать готов!
 Тебе ведь сорок лет, — раздел всей жизни дожкой, —
 Ты благостный свой лист сей повестью не комкай!
 Ты соблюдал посты, ты благочестия свет,
 Ты костью падали не разговляйся, нет!
 Ведь не влеклось к тебе мирское вожделье,
 И ты к мирским делам не мчал свое стремление.
 Когда твое перо, горящее, как луч,
 От всех сокровищниц тебе врученный ключ?
 Зачем на бронзу ты наводишь позолоту?
 Искать лишь золото найди в себе охоту!
 Зачем карунов клад скрыл в недрах ты? Зачем

Ты не учитель всех создателей поэм?
 В дверь господу стучись, всем ведом ты в отчужде.
 Поклонников огня зачем зовешь ты к жизни?
 Ты дух свой умертвил, хоть был он огненным.
 Лишь Зенд-Авесты отец найдет его живым!¹
 И я внимал словам и горестным и ярым,
 Но не обижен был я другом этим старым.
 И я прочел пред ним, не терпящим грехи,
 О сладостной Ширин отменные стихи.
 Свой златотканый шелк явил я, над которым
 Трудился, лишь начав работу над узором.
 Когда увидел друг всю живопись Мани, —
 Сей огнедышащий забыл свои огни.
 Я молвил: «Почему молчишь ты? Или слово
 Для изъяснения хвалений не готово?»
 И вот воскликнул он: «Язык мой только раб,
 Тебе несущий дань. Все выразить он слаб.
 Слова о Сладостной услышал я. Молчанье —
 Единственный ответ на слов твоих звучанье.
 Свои заклятия бесчестно множишь ты!
 Каабу идолам воздвигнуть сможешь ты!
 Так много сладости рука твоя простерла,
 Что сахаром твоим мое застлалось горло.
 И козь от сахара язык я прикусил, —
 Да льется сахар твой! Да не утратит сил!
 Дойди же до конца, козь выступил в дорогу.
 Основа есть, весь дом достройшь понемногу.
 Пускай же небеса твои труды хранят
 И сладость вечную твои плоды хранят!
 Что мелчишь тут? Зачем ждать зова или знака?
 Есть у тебя казна с чеканкою Ирака»².
 Ты справишься со львом; от этих степ Гянджи
 Ты своего коня поспешно отвяжи.
 Стремн коня. Ты свеж, а наше сердце нежним
 На утренних путях мы ароматом свежим.
 В дни наши, Низами, красноречивых лет,
 А козь и есть, таких, как ты, счастливых лет.

Тень счастья, как Хума, брось на свои деянья,
 На филинов обрушь всю тяжесть воздаянья.
 Пусть жалкие певцы и блещут, как свеча,
 Лишь крылышки свои сжигают сгоряча.
 Их свет — в дому; уйдут лишь на два перехода,
 И не видны, но ты — совсем иного рода!
 Ты — солнце. Полный день огнистое кольцо
 Пылает над землей; всем ведом ты в лицо.
 Когда ты выйдешь в путь, твои слышавша речи,
 Глушцы в свои углы пугливо спрячут плечи.
 Всех дарований грань не станет ли ясна?
 И всадника почтит поэзии страна!³
 И молвил я ему, взглянув как можно строже:
 «Ты с мясником не схож и я с бараном — тоже»⁴.
 Светильник мой горит, не дуй на светоч сей.
 От веянья Исы не вздрогнет Моисей»⁵.

Я — пламень. Пламени восславлять не надо,
 В самосжигании одна моя отрада!
 Я — хрупкое стекло; кинь камень — и обид
 Услышу много я, меня покроет стыд.
 Ты бронзой чтнишь меня под легкой позолотой,
 Ты в розах падалю зовешь меня с охотой.
 Ты мнишь, что съезд моя — мне лакомая смесь
 Из самомнения, в котором есть и спесь.
 Мой знаешь гороскоп? В нем — лев, но я сын перети,
 И если я и лев, я только лев из шерсти.
 И мне ли на врага, его губя, идти?
 Я лев, который смог лишь на себя идти!
 Где жизнерадостность? И снов о ней не стало.
 И всей кичливости весенних дней не стало.
 Слов юных похвальба, самовлюбленный бред —
 Лишь опьянение; его потерял след.
 Лет тридцать проживешь иль хоть бы только
 двадцать, —
 С былой беспечностью куда тебе деваться?
 Еще под сорок лет нам радости даны.

А после — крыльев нет пль крылья не волены!
 А минет пятьдесят — ушло здоровье; очи
 Ослабли. И для ног пути уже короче.
 И неподвижны все, когда им шестьдесят,
 И тело в семьдесят как бы впитало яд.
 А в восемьдесят лет пль больше — в девяносто
 Как одолеть нам жизнь и жить нам как непросто!
 Коль дальше выйдешь в путь, и ты дойдешь до ста,—
 Со смертью схожи дни, и жизнь, как смерть, пуста.
 Столетие проживешь пль только день, единый, —
 Все ж различия ты с позитивной долиной.
 Что ж, радостным пребудь на всем своем пути
 И этой радостью создателя почти!
 Будь, как свеча: она в своем восторге яра
 И тает радостно от радостного жара.
 Сверкаше радости ты помни, как свеча, —
 Та, что погашена и уж негоряча.
 И так как радости не слышишь ты без горя
 И так как льется смех, с твоей печалью спора,
 Я дам тебе совет — я знаю, ты толков —
 Лишь радости звать. Послушай, он таков:
 Коль очастливлен ты благой судьбой, — умело
 Ты бедняка, о друг, счастливым также сделай.
 Ведь солнце радостно, а радостно оно
 Затем, что радовать весь мир ему дано.

НАЧАЛО РАССКАЗА

Так начал свой рассказ неведомый сказитель, —
 Повествования о каниушем хранитель:
 Когда луна Кесры во мрак укрылась, — он
 В наследье передал Ормузу царский трон.
 Мир озарил, Ормуз державно создал право.
 И правом созданным прочна была держава.

Обычай отца на месте он держал,
 И веру с милостями вместе он держал.
 И рода своего желяя продолженья,
 Он посвящал творцу все жертвоприношенья.
 Творец, его мольбы отринуть не хотя,
 Дал мальчику ему. О дивное дитя!
 Он был жемчужиной из царственного моря.
 Как светоч, он светил, светилам божьим вторя.
 Был гороскоп хорош и благостен престол:
 Соизволением звезд свой трон он приобрел.
 Его отец, что знал судьбы предначертанье,
 Ему «Хосров Парвиз» дал светлое прозвание.
 Парвизом назван был затем царевич мой.
 Что для родных он был красивой бахромой¹,
 Его, как мускус, и шелк кормилица укрыла², —
 В пушистый хлопок перл бесценный уложила,
 И лик его сиял, все горести топя,
 Улыбка сладкая была прекрасней дня:
 Уста из сахара так молоко любили!
 И сахар с молоком младенцу пищей были.
 Как роза, он сиял на пиршествах царя,
 В руках вурчущих над кубками паря.
 Когда же свой покой он людечный парушил,
 Мир положил его в свою большую душу³.
 Был в те года храним он сменой улач,
 Всему неожиданному был ум его — толмач,
 Уже в пять лет все то, что динно в нашем мире,
 Он постигал, и мир пред ним раскрылся шире.
 Парвизу стройному лет наступило шесть,
 И всех шести сторон мог свойствоз он учесть⁴.
 Его, прекрасного, увидевши одажда,
 «Юсуф Египетский!» — ментал в восторге каждый.
 И к мальчику отец призвал учителей,
 Чтوب жизнь его была полезней и светлей.
 Когда немного дней чредою миновало, —
 Искусства каждого Хосров познал начало.
 И речь подростого всем стала дорога:

Как море, рассыпать умел он жемчуга.
 И всякий красноречив, чья речь ручьем бурлила,
 Был должен спорить с ним, держа в руках мерило,
 Он волос в зоркости прощивал насквозь.
 Ему сплетать слова тончайшее довелось.
 Девятилетним он покинул школу; змея
 Он побеждал, со львом идти на схватку смел.
 Когда ж он киринчи десятилетия стал, —
 Тридцатилетних ум он по веку пускал.
 Была его рука сильнее лапы львиной,
 И столп рассечь мечом умел он в миг единый.
 Он узел из волос развязывал стрелой,
 Коньем кольцо срывал с кольчуги боевой.
 Как лучник, превращал, на бранном целясь поле
 Он барабан Зухре в свой барабан соколий⁵.
 Тот, кто бы натянул с десятков луков, — лук
 Хосровов гнуть не мог всей силой мощных рук.
 Взметнув аркан, с толпой он не боялся схваток,
 Обхват его стрелы был в девять рукояток.
 Он Зло пронзал стрелой — будь тут хоть Белый див⁶,
 Не диво — див пред ним дрожал, как листья ив.
 Коль в скалы он метал коня летучий пламень, —
 Мог острое копы он вбить глубоко в камень,
 А лет четырнадцать к пределу донеслись —
 У Птицы знания взметнулись крылья ввысь.
 Он все укрытое хотел окинуть взором,
 Добро и зло своим отметить приговором.
 Один ученый жил; звался Бузург-Умид⁷.
 Сам разум — знали все — на мудрого глядит.
 Все небо по частям постичь он был во власти,
 И вся земля пред ним свои вскрывала части.
 И были тайны тайн даны ему в удел.
 Сокровищниц небес ключами он владел.
 Хосров его призвал. В саду, к чертогам близким,
 Тот речью засверкал, — мечом своим индийским,
 Он в море знания жемчужины искал,
 Руками их ловил, цевривичу вручал.

Он озаренный дух оведал светом новым, —
 И было многое усвоено Хосровом.
 Кольна Кайвана свет и весь хребет земли⁸, —
 Весь мир именовать слова его могли.
 В недолгий срок во власть морские взял он неара,
 Все знал он, что открыл ему учитель щедро.
 К познанию дух пришел из безраздумных дней,
 В своем пути достиг он царских ступеней.
 Когда же для него — пределов звездных друга —
 Открылись все круги крутящегося круга, —
 Он понял: долга нет отраднее, чем долг
 Служения отцу, и пред отцом он молк.
 Отец его любил сильнее всей вселенной —
 Да что вселенная! — сильней души нетленной.
 Чтоб длительную жизнь на свете сын узнал,
 У длинноруких всех он руки обкарнал⁹.
 И, укрощая зло, гласил стране глашатай:
 «Беда злокозненным!» — и пикнул виноватый.
 Гласил: «Пасти коней в чужих полях нельзя,
 К плодам чужих садов заказана стезя,
 Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама
 Не пребывая в дому турецкого гулама¹⁰,
 Иль Кару понесешь достойную». Не раз
 Шах в этом покаялся, — да помнят все наказ!
 Он к справедливости не погашал стремленье, —
 И в эти дни земля достигла исцеленья.
 И выпустило мир из рук ослабших Зло.
 Не стало злых людей, спасенье пришло.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

Был весел день. Хосров в час утренней молитвы
 Поехал по местам, пригодным для ловитвы.
 Всем любовался он, стрелял зверей, и вот
 Селенье вдалеке веселое встает.

И тут над росами зеленого покрова
 Раскнут был ковер велением Хосрова,
 Пил алое вино на травах он, и, глядя, —
 Злая роза вдалеку стала уплывать!
 Вот солнце в крепости лазоревой на стены
 В шло свой желтый стиг. Но быстры перемены:
 Оно — бегущий царь — алое разожгло,
 Раскрыло мрак шатра, а знамя унесло.
 И под гору оно коня, пылая, гнало,
 Мечами небосвод, ярься, полосовало.
 Но, ослабев, ушло, ушло с земли большой
 И свой простерло шит, как лотос, над водой.
 В селении Хосров потребовал приюта.
 Для мира все собрать пришла теперь минута.
 Он тут среди друзей поночую встретил тень,
 Пил яркое вино, ночь обращая в день.
 Под органа гуд — о, звуков избыток! —
 Пил аргановый он нуриуровый напиток.
 Во фляге булькал смех. Была она хмельная,
 И сыну царскому с ней было не до сна.
 С зарей хосровов конь — безудержный по праву —
 Меж чух-то тучных трав был схвачен за траву.
 А турецкий нежный раб, всем услаждавший взгляд,
 Через ограду крал незрелый виноград.
 И вот лишь, солнце вновь над миром засняло
 И ною голову от тела для отъяло, —
 Уж кое-кто из тех, что носят яд в устах,
 Умчался по дворцу, и там услышал шах,
 Что беззаконие свершил Хосров, что, верно,
 Ему не страшен шах, что шепот будет скверный.
 Промолвил шаханшах: «Не знаю, в чем вина»,
 Сказали: «Путь его — несправедность одна.
 И для его коня не создана ограда,
 И раб его желал чужого винограда.
 И на ночь бедняка лишился он ложа сна,
 И арфа звонкая всю ночь была слышна.
 Ведь если бы он был не отпрыск шаханшаха, —

Он потерял бы все, навелася бы страха.
 Вроч в длань болящего вонзает острие,
 А тело острем он тронет ли свое?»
 «Меч тотчас принести!» — раздался голос строгий,
 И быстрому коню немедля рубят ноги,
 А гурского раба владельцу лоз дают, —
 Сок розы сладостной в поток соленый льют.
 Оставили в жилье, где пили в ночь охоты,
 Как дар, хосровов трон искуснейшей работы.
 Арфисту ногти — прощ, чтоб голос арфы смолк,
 А с арфы смолкнувшей сорвать велели шелк!
 Взгляни, — вот древний суд, для всех неукоснимый,
 Суд даже над своей жемчужиной творимый.
 Где ж правосудье днесь великое, как рок?
 Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?
 Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
 Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.
 Да, мусульмане мы, а он язычник был.
 Коль то — язычество, в чем мусульманства был?
 Но слушай, Низами, пусть повесть вновь струится:
 Безрадостно поет правоучений птица.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОТЦУ

Когда Хосров Парвиз увидел свой позор, —
 Он призадумался, его померкнул взор.
 Он понял: для себя он в прошлом не был другом.
 Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.
 Все дело рук своих! И вот руками он
 Бил голову свою, собою возмущен.
 Двум старцам он сказал, не ощущая страха:
 «Ведите кипарис к престолу шаханшаха!
 Быть может, вашему заступничеству вияв,

Шах снизойдет ко мне, хоть я и был неправ».
 И саваи он надел и поднял меч, — и в мире²,
 Как в судный день, шел плач, звуча все шире, шире.
 С мольбою старцы шли. Смотри смиренно вниз,
 Подобно пленнику, за ними шел Парвиз.
 Лишь к трону подошли, — не умеряя тона,
 В прах, грешник горестный, царевич пал у трона.
 «Так много горести, о шах, мне не снести!
 Великим будь — вину ничтожному прости.
 Юсуфа не считай ты окверненным волком,
 Он грешен, но он юн, он свет не понял толком.
 Ведь рот мой в молоке, и все мне в мире в ночь.
 Что ж мощный лев испить мою жаждает кровь?
 Пощады! Я — дитя! Сразит меня кручина,
 Не в силах вынести я гнева властелина!
 Коль провинился я — вот шея, вот мой меч.
 Тебе — разить, а мне — сраженным наземь лечь.
 Я всякий гнет снесу на перепутьях жизни, —
 Лишь только б царственной не внять мне укоризне».
 Так молвил чистый перл и начал вновь стенать.
 И голову свою склонил к земле опять.
 Покорность, мудрая толпу людей сразила,
 И вновь раздался плач — его возростала сила, —
 И вопли понеслись, как шум листвы в ветрах,
 И жало жалости почувал шаханшах.
 Он видит: сын его, хоть молод он и нежен,
 Уж постигает путь, что в мире неизбежен.
 Он, для кого судьба не хочет вовсе зла.
 Сам хочет одного — чтоб скорбь отца прошла.
 Подумай: как с тобой поступи сын, — он то же
 Увидит от того, кто всех ему дороже.
 Для сына ты не будь истоком зла и мук,
 Пресмычком ему ведь твой же будет вук.
 И на сыновний лик склонился взор Ормуза.
 Он понял: сын ему — целенье, не обуза.
 Он благороден, мудр, и как не разгадать,
 Что божия на нем почила благодать.

Целуя сына в лоб, обвив его руками,
 Ормуз повелевать велит ему войсками.
 Когда, сойдя с крыльца, на двор ступил Хосров,
 Мир засиял опять: с него упал покров.
 Гадал хосровов лик — он был для взоров широм —
 Дано ли в будущем снести ему над миром?

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАНА

Лишь кудри полночи разлили аромат,
 Свет утонул во тьме, и свет был тьмой объят.
 И, тканн мгла развив, блеснул в выси кудесник¹,
 Не чародей дневной, а страстных игр предвестник.
 Вошел во храм Хосров, и там, склонивши стаи,
 Он на ступени сел, еще шепча: «Яздан».
 Вчера из чаши сна не отпил он нимало,
 И дрема сладкая на юношу напала,
 И деда своего увидел он во сне.
 Дед молвил: «Юный свет! Весь мир в твоём огне.
 Ты четырех рабов утратил непароком.
 Четыре радости тебе похлуются роком.
 За то, что ты вкусил столь горький виноград²,
 Но горестным не стал и не померк твой взгляд, —
 Красавицу, о вук, обнимешь ты. Едва ли
 Такую красоту созвездья создавали.
 Затем: за то, что ног лишен твой лучший конь
 Но все ж тебя не жжет неустовый огонь, —
 Шеддиза обретешь. Его летучи ноги.
 Следы его подков не врежутся в дороги.
 А третья: твой отец дал бедному твой трон,
 Но от несчастья в том счастье — не урон.
 Утешен будешь ты сверкающим престолом.
 Он деревом златым возвысится над долом.

Четвертое: за то, что, пылкий, не ведала,
 Хотя шах прогнал паша и струи тебя лишила, —
 Барбеда ты найдешь; внимать ему услада, —
 Припомнившим о нем сладка и чаша яда.
 Утратив камешки — клад золотой найдешь,
 Костяшки потерев — ты перлов рой найдешь.
 Стряхнул царевич тьму дремотного тумана
 И встал, и вновь хвалой прославил он Яздана.
 Он целый день молчал, был думой взор одет,
 Он будто все внимал тому, что молвил дед.
 И, мудрецов созвав, он рассказал им ночью
 О том, что видел он как будто бы воочию.

РАССКАЗ ШАНУРА О ШИРИИ

И некий жил Шанур, Хосрова лучший друг,
 Лахор он знал, Магриб прошел он весь вокруг.
 Знай: от картин его Мани была б обида.
 Как рисовальщик он мог победить Эвклида.
 Он был калама царь, был в ликонисе скор,
 Без исти мысли его могла слетать узор.
 Столь тонко создавал он нежные творенья,
 Что мог бы на воде рождать изображения.
 Он перед троном вал, — и услыхал Хосров,
 Как зажурчал ручей отградных сердцу слов:
 «Когда бы слух царя хотел ко мне склониться,
 Познания моего явилась бы крупица». —
 Дал знак ему Парвиз: «О честный человек!
 Яви свое тепло, не остужай наш век!»
 Разверз уста Шанур. В струены слов богатом
 Он цветом наделал слова и ароматом.
 «Пока живет земля — ей быть твоей рабой!
 Да будет месяц, год и век блажен тобой!
 Да будет молодость красе твоей сожителю!

Твоим желаньям всем да будет исполнитель!
 Да будет грустен тот, кто грусти в тебе родил!
 Тебя печалающий — чтоб в горести бродил!
 По шестисводному шатру моя дорога!
 Во всех краях земли чудес я видел много.
 Там, за чредою гор, где весь простор красив,
 Где радостный Дербент, и море, и залив, —
 Есть женщина. На ней бласк царственного сана,
 Кипеше войск её достигло Исфахана.
 Владот до Армении Аррана мезный край
 Ей повинуется. Мой повелитель, знай:
 Немало областей шлют ей покорно дань.
 На свете, может быть, счастливей нет созданий.
 Без счета крепостей есть у нее в горах,
 Как велика казна — то ведает алаях.
 Четвероногих там исчислить не могли бы,
 Ну, сколько в небе птиц? Ну, сколько в море рыбы?
 Нет мужа у нее, но есть почет и власть.
 И жить ей весело: ей все на свете власть.
 Она — ей от мужчин в отъезде нет отличья —
 Великой госпожой зовется за величье.
 Шемору видел я, прибывши в ту страну.
 «Шемора» — так у них звучит «Михин-Бануз»?
 Для месяцев любви, в землях широтах разных
 Пристаишь у нее не честь многообразных.
 В дни розы Госножа отправится в Мугани,
 Чтоб росы поирать, весны приема дань.
 В горах Армении она блуждает летом
 Меж роз и тучных нив, пленясь их ярким цветом,
 А осень желтая надвинется, — и вот
 На дичь в Абхазии вершит она падет.
 Зимой она в Барде. Презревши смены года,
 Живет она, забыв, что значит непогода.
 Там дышит радостей, где легче дышит грудь,
 Отградный обрета в делах житейских пути.
 И вот в ее дворце, в плену его красивом,
 Живет племянница. Ее ты съел бы дивом.

Она, что гурья! О нет! Она — луна!
 Владычица веша укрытая она!
 Лик — месяц молодой и взор прекрасен черней,
 Берь: черноокая — источник животворный,
 А косы блещущей, — ведь это негры вьвязь
 Для сбора фиников по палыме подыклась!
 Все финики твердят про сладость уст румяных,
 Н рты их в сахаре от их мечтаний пизных,
 А жемчуга зубов, горящие лучом!
 Жемчужины морей им не равны ни в чем.
 Два алах сахара — два в ясной влаге лаза,
 Арканы кос ее чернеют небывало.
 Ивины локонов влекут сердца в силки,
 Спустив на розы щек побегов завитки.
 Дыханьем мускусным она свой взор согрела, —
 И сердешина глаз агатом заблестела.
 Сказала: «Будь мой взор, что черный чародей.
 Шепчи свой заговор всех дурноглазых злей».
 Чтоб чарами в сердца бросать огонь далече,
 Сто языков — во рту, и каждый — сахар мечет.
 Улыбка уст ее вечною солопа!
 Хоть сладкой соли нет — соль сладкая она.
 А носик! Прямой с ним равен меч единый,
 И яблоко рассек он на две половины.
 Сто трещин есть в сердцах от Сладостной луны,
 А на самой луне они ведь не видны.
 Всех бабочек влекут свечи ее сверканья,
 Но в ней не слышишь, к ним лукавого винманья.
 Гей шепчет ветерок и лик и мгла кудрей,
 То миг ему бобер, то горностаи милей!
 Прямликою очей разит она украдкой.
 А подбородок, ах, как яблочко, он сладкий!
 Ее прекрасный лик закрутал строй планет.
 Луну он победил и победил расцвет!
 А груди — серебро, два маленьких граната,
 Дарехмами двух роз украшены богато,
 Не вкроят поведуй ее уста — строга;

Рубины разомкнешь — рассыпашь жемчуга!
 Пред шеей девушки лань опускает шею,
 Сказав: «Лишь слезы лить у этих ног я смею».
 Источник сладостный! Очей газельных вид
 Тем, кто сильнее льва, сном злым грозит!
 Она немало рук шпанами наполнила:
 Кто розу милл сорвать, не преуснет нимало,
 Хоть зрят ее во сне сто сотен человек, —
 Им вьвязь ее не зреть, как солнца в ночь, вовек.
 Она, браня свой взор, ника исток дурмаков,
 В глазах газельных находит сто изъюнов.
 Узрев париссы глаз, в восторге стал бы нем
 Сраженный садовый, хоть знал бы он Ирем.
 Как месяц, бровь ее украсит праздник каждый.
 Отдаст ей душу тот, с кем встретится однажды.
 Меджуна бы смутить мечты о ней могла, —
 Ведь красота ее страшна красе Лейли!
 Пятью каламами рука ее владеет!¹⁰
 И подписать приказ: «Казнить влюбленных» —
 смеет.

Луна себя сочтет лишь родинкой пред ней.
 По родинкам ее предскажешь, путь почей!¹¹
 А ушки нежные! Перл пропелтал: «Недужен
 Мой блеск! Хвала купцу! Каких набрал жемчужин!»
 Слова красавицы — поток отрадных смуг,
 А губы — сотням губ свой нежный сахар шлют.
 Игривостью полны кудрей ее побеги,
 А лал и жемчуг рта зовут к истомной неге.
 И лал и жемчуг тот, смеясь, она взяла,
 И от различных бед лекарство создала!¹²
 Луной ее лица в смятенье ввержен разум,
 Кудрями взвихрены душа и сердце разом.
 Красой ее души искусство смущено,
 А мускус пал к ногам: «Я раб ее данно».
 Она прекрасней роз. Ее назвали Сладкой:
 Она — Ширин. Взглянув на лик ее украдкой!¹³
 Всею сладости я вкусил, вдохнул я всю весну.

Последней она слышит Михин-Бану,
 Рой знатных девушек, звявщихся из рая,
 Ей едужат, угодить желанием сторая.
 Их равно семьдесят, прекрасных, как луна,
 Ей так поверны все, ей каждая верна.
 Покой душ найдешь, коль их увидишь лики.
 От дуновениях мир в восторг принес великий.
 У каждой чаша есть, у каждой арфа есть.
 Повсюду свет от них, они — о звездах весть,
 Порой на круг луны свисает мускус; вина
 Там пьют они порой, где в розах все долина.
 На светлых лицах их нет гнета покрывал.
 Над ними глаз дурной в беседы б изывал.
 На свете их красы хмельнее нету зелья.
 Им целый свет — ничто, им дайте лишь веселья.
 Но вырвут в должный час — они ведь так ловки —
 И когти все у льва и у слова — какки.
 Вседенной душу жгут они набегом грозным
 И копытами очей грозят мерцающим звездным.
 О турках твердят, что ими слышен рай.
 Нет, не в раю они — сей украшают край.
 Но все ж Михин-Бану, владея всей страной,
 Владеет не одной подобною какою.
 Привязан в стойле коль, Дивись его логам:
 Летит — и пыль от ног не ухватит ветрам,
 Его стремительность не уловит рассудком.
 Он в волны бросится, подобно диким уткам.
 Он к солнцу вскинется — так что ему до степ!
 Он перенрыгнет вмиг небесных семь арен!¹⁴
 В горах взрывают скалы железные концыта,
 А в море пена волн с хвостом волнистым слита.
 Как мысли — бег его, движения — бег времен.
 Как ночь — всзнающий, как утро — бодрый он.
 Зовут его Шибдиз, им целый мир гордится,
 О нем грустят, как в ночь грустит Ночная птица!¹⁵
 Умюлк Шапур, чья речь свершила все сполна:
 Покой свалился с ног, а страсть — пробуждена.

«Ширин, — сказали все, — должны почесть мы
 дивом!».

Охотно вторят все устам сладокорешным:
 «Все, что возности он, возвышенным считай;
 Ведь живописно он предлетел бы в Китай!¹⁶»
 В мечтах за повестью Хосров несется следом.
 Стал сон ему не в сон и отдых стал несведом.
 Слов о Ширин он ждет, и в них — она одна,
 Уму давали плод лишь «ти семена.
 Дней несколько о ней он был охвачен думой,
 Речами улажен. Но час настал. Угрюмый,
 Он руки заломил, Весь мир пред ним померк
 В тоске он под ноги терние поверг.
 Шапура он зовет, ему внимают слова,
 Не после сам к нему он обращает слово:
 «Все дело, о Шапур, кинучих полный сил,
 Ты ирибера к рукам, я — руки опустял.
 Ты здание заложил искусно и красиво.
 Все заверши. Всегда твой создатель — диво.
 Молчи о сахаре. Твой сказ не зря возник.
 Буль там, где насажден сей сахарный тростник?¹⁷
 Или паломником туда, где этот идол.
 Хочу, чтоб хитростью ты идола мне выдал.
 Узнай, добра ль, узнай, — мне сердца не томц, —
 Общаться может ли со смертными людьми.
 И коль она, как воск, приемлет отпечаток, —
 Отгниши образ мой. Выгмай! Наказ мой краток:
 Коль сердце жестко в ней, — лети назад, как шквал
 Чтоб я холодное железо не ковал!».

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

И мастер слов, Шапур, поклон земной отвесил,
 «Да будет наш Хосров и радостен и весел!
 Чтоб добрый глаз всегда был на его пути,
 Чтоб глаз дурной к нему не мог бы подобит!»

Воздал хвалу Шанур — отборных слов хранитель,
 И вот дает ответ: «О мира повелитель!
 Когда любой узор мой делает калям,
 То славою с Мани делюсь я пополам.
 Я напишу людей, — они задыхат. Птица,
 Написанная мной, в небесный свод помчится!
 Мне с сердца твоего пылинки сдуть позволю,
 Когда на сердце — пыль, в глубинах сердца — боль,
 Все, что задумал я, всегда я завершаю,
 Я все несчастья от власти отрешаю.
 Утихни, веселись, не думай ни о чем.
 За дело я взялся — забудь оно ключом.
 Мой не замедлят путь ни усталъ и ни хворость.
 У птиц полет возьму, а у онагров — скорость.
 Я не усну, пока твой жар не усмилю,
 Приду, когда Ширин придти я умолю.
 Пусть, как огонь, она скует чертог железный
 Иль будет, как алмаз, скалистой скрыта бездной,
 Я силою ее иль хитростью возьму,
 Схвачу алмаз, смету железную тюрьму.
 Я стану действовать то розам, то терню,
 Все огляжу и все свершу ударом верным.
 Коль счастье в Сладостной, — найду добычу я,
 Тебе должна служить удачливость моя.
 А коль увижу я, что не свершу я дела, —
 Вернусь к царю царей и в том признаюсь смело.
 Едва сказав свое, сказавший быстро встал
 И нужное в пути поспешно он собрал.
 Пустыню пересек, скакал в другой пустыне,
 Спустил к Армении, к возвышенной долине.
 Ведь там красавица, бродившие толпой,
 В нагорьях дни вели, покинув тяжкий зной.
 Поднялся ввысь Шанур, там были в травах склоны,
 Там базиликаем путь открыли анемоны.
 Там каждый склон горы цветов окраску взял
 И в складках красных был иль желтых покрывал,
 К вершинам этих гор подъем свершая трудный,

Луга приполюбили ковер свой изумрудный
 До Пажитей Бутри с большой горы Джирам
 Цветы слетали вязь, подобясь письменам,
 В михрабе каменном, а он — устой Ирака,
 И мощный пояс он вершины Анхарака —
 Вздымался монастырь, он был — один гранит,
 Монахи мудрые устроили в нем скит.
 И спешился Шанур у каменного входа:
 Знавал обычай он каждого народа,

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕБДИЗА

И вот о чем ему там рассказал монах,
 Слов жемчуга сверлая в струящихся речах:
 «Вблизи монастыря находится пещера.
 В ней камень схож с конем; того же он размера.
 В дни зрелых фиников спешит из Ремгеле
 Сюда кобыла. Ждет — зачнет она во мгле.
 Она, свершив свой путь в полуночную пору,
 В пещерный лезет вход, как змея лезет в пору.
 И к камню черному в ней страстный жар горит.
 Трепещет, бурная, и трется о гранит.
 Ей волею творца от камня ждать приплота.
 Что дивного? Творцу подчинена природа.
 А конь, что здесь зачат, — всего быстрее он,
 Свой взмах у ветра взял, а скорость — у времени.
 Так был зачат Шибдиз. Уж камня нету ныне.
 Исчез и монастырь, как легкий прах в пустыне.
 Вершины Анхарак скатилась голова,
 У ног ее легла; тут не видна трава.
 В одеждах сумрачных по златоцветным взгорьям
 Камней черной рой сидит, сраженный горем,
 И небо в пьяный жар от стонов их пришло,
 Об их кремнистый стан разбив свое стекло.

Был роком черной рой отчаянно завещан.
 Не заросли окрест — один провалы грешни,
 У бога множество есть наизданий; тут
 Он внятно говорит: «Марите Страшный суд!».
 Столетний нескольких, быть может, приговоры
 Способны повергать вагордившиеся горы.
 Ты ж, глиняный ломоть, замещанный водой!
 Все алчешь вечности в кичливости пустоты!
 О Низами, вернись к забытому рассказу,
 Чтоб в будущем о нем не забывать ни разу.

ШАНУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Когда ночных кудрей раскинулся поток,
 А жаркий светоч дня сторел, как мотылек,
 И черною доской, промолвив: «Шарды бросьте!»,
 Закрыли желтые сверкающие кости¹,
 Всплыла яркий Муштар, держа в руках указ:
 «Шах — выбрался из пут, Шануру — добрый час»².
 И вот в монастыре передохнул немного
 Шанур прославленный: трудна была дорога,
 И старцам, знающим небес крутоверот,
 Шанур почтительный вопросы задает.
 Не скажут ли они, куда пойдет походом
 С зарей красавиц рой, к каким лугам и водам?
 Велеречивые сказали старники:
 «Для пегв дивных жен места недалеко.
 Под грузною горой, там, на дремучих скатах,
 Есть луг, укрывшийся меж зарослей богатых.
 И кипарисов рой сбереется на лужок,
 Лишь их проснувшийся овеет вестерок».
 Шанур, опередить стремясь кумиры эти,
 Свой пояс затянул, проснувшись, на рассвете.

И ринулся он в лес, что вокруг лужайки рос,
 Чтоб с россыпью сойтись багряных этих роз.
 Взяв листик худжете, руки движением самым
 Скучным хосровов лик он набросал каламом.
 Рисунок довершил и в сладостную тень
 Его он поместил, вложив в шербаатый пень.
 И будто бы перй, унесся он отсюда.
 И вот перй сонливей, они чудесней куда,
 Со смехом на лужке они уселись в круг,
 То вязь плетя из роз, то заплетая бук,
 То выжимая сок из розы ручкой гибкой,
 Сняя сахарной и розовой улыбкой.
 И нежит их сердца сок виноградных лоз,
 И розы клонятся в охапкам нежных роз.
 И, зная, что лужок чужим запрещен взорам,
 В хмельной пустылись пляс, живым сплетая узором.
 Меж сладкоустых лиц Ширин прельщала взгляд,
 Сняя, как луна меж блещущих Плеяд³.
 Подруг любимых чти, Ширин запроврала,
 Сама шла вино и милым пить давала.
 Прекрасная, гордись, что лик ее — луна,
 Глядит, — и худжете увидела она⁴.
 Промолвила Ширин: «Рисунок мне подайте,
 Кто начертал его? Скажите, не скрываете».
 Рисунок подали, Красавица над ним
 Склонилась; время шло... весь мир ей стал незрим.
 Она от милых черт отвлечь свой дух не в силах,
 Но и не должно ей тех черт касаться милых.
 И каждый взгляд пьянит, он — что глоток вина.
 За чашей чашу пьет и беспмятитетве она.
 Рисунок видела — и сердце в ней слабело.
 А прятали его — искала оробело.
 И стражи поняли, признав свою вину:
 Ширин прекрасная окажется в плену.
 И в ключья рвут они уточненный рисунок:
 Бледнит китайский он законченный рисунок⁵.
 И говорит они, поспешно ключья скрывя:

«Поверь, его унес какой-то здешний див.
Тут властвуют перси! С лужайки — быстрым бегом!
Вставайте! Новый дуг отыщем нашим негам». —
Сня кадыльница в них бросила огонь,
И окурились все, как бы от злых погонь,
И дымом от огня затмив звезды несчастливы,
Коней погнали в степь, спасаясь от напастей⁶.

ШАПУР ВО ВТОРОЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Лишь только красный конь копытом на горе
Взрыл огненную пыль, пророка о заре,
И в каждой щели он отрыл багрянец клада,
В тот час, когда гора парче пурпурной рада, —
Шапур свой начал день, он снова под горой
Был прежде, чем туда примчался райский рой.
Еще заранее, достав бумагу, снова
Он начертил на ней красивый лик Хосрова.
И, усаждая дух, в тени большой горы
Цель роз опить спелась для песен и игры.
Посрамлена луна, лишь спало покрывало —
Египетская ткань, что их полускрывала.
Как будто нехотя вошли в игру, Росло
Веселье медленно, — и в пляске расцвело.
Но только увлеклись они живой игрою, —
Над ними начал рок шутить своей игрою.
Едва Ширин свой взор приподняла опять, —
Дано ей было вновь Хосрова созерцать.
Глядит: се души затрепетала птица,
Язык утратил речь. Иль этот лик ей снится?
Для опьяненного немного нужно сна.
Дал глине горсть воды — насыщена она.
Зовет она подруг: «Что там? Что значит это?

Игра моей мечты? Игра теней и света?
Картину дайте мне. Рисунок скрыли вмиг,
Но солнца не укрыты! Кто сей забудет лик?
И девы молвили: «Здесь духи смели травы.
Поверь, им не чужды подобные забавы». —
И утварь подняла, стремясь от мнимых гроз
И луг испуганно очистила от роз.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Вот Анка черная, исполненная гнева,
Зерно лучистое в свое внедрила чрево¹.
Вот гурии в степи, что Анджарак зовут²,
Вновь обрета покой, вино по чашам льют.
В хмелю, меж трав степных, заснули девы наши.
У ножек — базилик, в руках — пустые чаши.
День поднял голову из тканей мглы. Конец
Луне пришел. Весь мир золотой надел венеч.
И вещеносные на троне бирюзовом
Вино преподнесли его испить готовым,
И мчатся в монастырь, — он завался Перисуз³, —
В день путь свой совершив, ни в чем не зная уз.
И там, где небеса как цвет глазури синий,
Бродили, протянув узор волнистых линий,
Как души мудрецов — зеленые ковры,
А воздух — ласковость младенческой поры.
Прохладный ветерок приятней ветров рая,
Лужайка в лютиках от края до края.
Камень, словно храм; обнови их выюнки.
Причесывая луг, струятся ветерки.
И говор горлинок и рокот соловьиный
Меж пламенных цветов сплелись в папав едкий.
Пернатых волон лет, не страшно им людей,

Порхают радостно меж третейших ветвей.
 Две пташки, здесь и там, прижавшись друг ко другу,
 Дают пример цветам, дают отряду дугу.
 На луг пришла Шапур, и для услады глаз
 Хосрова светлый лик он воздал в третий раз.
 Узрев безбурный луг под куполом лазури,
 Здесь гурья вино решила пить меж гурья!*,
 И вновь увидели красавица глаза
 То, чем смирилась бы души ее гроза.
 Она поражена подобной ворожбою,
 Уж дев играющих не видит пред собою.
 Сосредоточен взор, встает она, идет,
 Изображение в объятия берет.
 Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
 И вот оно в руках! И счастье и страданье!
 Она в беспамитстве, она стоит едва,
 Шепча неодолимые — забудем их! — слова.
 Да! Коль все меры взять и слить все меры эти,
 И зливо, как людей, в свои поймает сети.
 Лишь те, чей лик из роз и что подобны дню,
 Столпестковую увидели родню.
 Как стало ясно им, что облик сей красивый —
 Не зло, что не грешны тут сумрачные дивы.
 В работу мастера взгляделись, — не скрывать
 Ходит ее теперь, — смотреть и восхвалять.
 Кричат красавицы: «Пусть все придет в движение, —
 Клянемся разузнать, чье здесь изображение!».
 Увидела Ширин, что их правдива речь
 И что хотят они печаль ее пресечь.
 «Ах, окажите мне, — она взывает, — помощь!».
 Ведь от друзей друзьям всегда бывает помощь.
 Чтоб дело подогнать, порою нужен друг,
 Порою нужен он, чтоб дел сомкнулся круг.
 Лишь с другом не темна житейская дорога.
 Нет ни подобия, ни друга — лишь у бога.
 Промолвила Ширин с великою тоской:
 «Навек утрачены терпенье и покой.

Подруги! Этот лик мы от людей не скроем.
 Так выьем за него! Веселие утроим». —
 И снова на лугу — веселие одно.
 Пир начинается, вино принесено.
 И за газелями поются вновь газели,
 И голос кравчего приятней слышен зелий.
 Напиток горький пьет сладчайшая Ширин.
 О горечь сладкая! Властнее нету вин.
 И с каждой чашею в томлении великом
 Ширин целует прах, склоняясь пред милым ликом.
 Когда же страсть и хмель ей крепче сжали грудь, —
 Терпенье тронулось нетерпеливо в путь.
 Ширин, одну Луну поставя при дороге, —
 «Кто ни прошел бы здесь, — приказ дает ей страшной, —
 Узнай, что делает он в этой стороне,
 Об этом облике что может молвить мне?».
 Одних спросили вслух, других спросили тайно.
 Что ж? Все таинственно и все необычайно!
 И тело Сладостной ослабло в злой тоске,
 И все от истины блуждали вдалеке.
 И, как змея, Ширин в тоске сгибалась грозной,
 Из раковины глаз теряя жемчуг слезный.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА В ОДЕЖДЕ МАГА-ЖРЕЦА

Все души Птица Чар измучила вконец!
 Но вот является, Ее обличье — жрец.
 И лишь прошел Шапур три или четыре шага,
 Почудилось Ширин: встретила где-то мага.
 Шапур приятен ей: хоть кисть он позабыл, —
 Рисунок черт своих ей в сердце он вложил.
 «Позвать его сюда, — слова ее приказа, —
 Чтоб здесь он все узнал из нашего рассказа.

Быть может, знает он, кто нарисован тут,
И где его страна, и как его зовут.
И вот прислужница путь истоптали: слово
Шапуру вымолвит — к Ширин несется снова.
Шапур, потупя взор, неслышно прошептал:
«Я далеко зашел, но все ж далеk привал». —
Но уж в своих сетях он видит лапки дичи.
В их беге видит он, что ждать ему добычи.
Он молвил: «Этот перл не надлежит сверлить,
А если и сверлить, то надо спесь забыть».
И вот бегут к Ширин служительницы снова, —
То, что сказал им жрец, сказать ей слово в слово.
Лишь дуолинка услышала их — вмиг
В ней закипела кровь: в душе огонь возник.
Сверкая серебром, жреца покорна власти,
До гор вздымая звон южных своих запястий,
Ширин летит к нему, волнуясь и спеша,
Как тополь, стройная, плавная и хороша.
Хрусталь прекрасных рук опишешь ли каламом!
И схожи законы с буддийским черным храмом?
А косы, обратя в закрученный аркан,
Как бросила она? Обвила ими стан.
И, видя стан ее, и лик ее, и плечи, —
Художник рук своих лишается и речи.
Она — игрушка, да! Но странно... не понять:
Играет тем она, кто ею мнил играть.
Индус! Ты сердце взял рукою ловкой, дерзкий!
Она, как тюрк, за ним! Не быть с обновкой, дерзкий!
О тюркская напасть! Покорствуя красе,
Индусами пред ней склонились тюрки все!
Откинула покров. Жемчужоносным ухом,
Блестя как ракушкой, премудрость ловит слухом.
В ее речах есть соль, в онах лукавство есть.
Так с магом говорит, как понуждает честь.
«Хоть на кратчайший срок ты будь к моим услугам,
Хоть на мгновение ты стань мне добрым другом».
Сей голос услышав, как опытный хитрец,

Замедлить свой ответ замыслил мнимый жрец.
Но, ведавший язык парнассов томных — все же!
Свой разум он забыл и речь утратил тоже.
Вознес хвалу он той, что всех перй милей,
И, как велит перй, садится рядом с ней.
«Откуда ты, скажи, и где твоя обитель, —
Она промолвила, — и здешний ли ты житель?»
Тут опытная речь Шапура расцветала:
Я много знал добра и много ведал зла.
Я — избран, для меня нет тайны ни единой,
Ни у подошвы гор, ни у одной вершины.
Я запад ведаю и ведаю восток.
Все страны я познал, познать всю землю смог.
Да что земля! О всем, что от Луны до Рыбы,
Мои уста, поверь, тебе сказать могли бы.
Увидела Ширин: самоуверен он, —
И задает вопрос: «Кто здесь изображен?»
И отвечает ей художник тонкий, мудрый:
«Да будет глаз дурной далеk от пышнокудрой,
Сказ о начертанном завел бы в долгий лес.
Но тайна образа за тьмою моих завес.
И все события, что в сердце мной хранямы,
Тебе поведаю, но здесь ведь не один мы».
И вот велит кумир кумирам быть вдали,
Велит, чтоб звездный круг вдали они плели.
И звезды растеклись. Шапур не медлил боле, —
Пустил словесный мяч он на пустое поле!
«Пред этим ликом лик померкнул бы любой.
Здесь областей семи светило пред тобой.
Он мощью — Искендер, своим огнем он — Дарий,
Он — Искендер, и вновь скажу о нем: он — Дарий!
В сознании небес он с блеском солнца слит.
Он — семя, что земле оставил сам Джемшид.
Он — царь царей — Хосров, и вымолвлю я смело:
Того, где он царит, счастливей нет предела».
С душой он говорил, текли его слова,
На душу гурри он простирал права.

Текли его слова. Ширин ему вникнула,
 И речь отрадная ей сердце обнимала.
 В реченье каждое вникала, и опять
 Все о Хосрове должен был он повторять.
 И слово каждое в душе ее пылало,
 Преображенное, как рднный пламень дала.
 Как тайны не было, с нее совлек покров
 Шапур, явя Ширин ручей прозрачных слов:
 «Напрасно от меня ты тайну укрывала,
 Что держишь речь свою за тенью покрывала?
 О роза, распустись, чтоб сделались видны
 Все лепестки. Слова открыто течь должны.
 Когда ты обрести желаешь исцеленье,
 От лекаря скрывать недуг свой — преступленье».

В кудрях чуть видный, потушился кумир.
 Милей смущения еще не видел мир.
 То за полу беря, то в грудь вонзая жало,
 Любовь ее слова на привязи держала.
 Но, на него взглянув, она решила вдруг
 С сосуда крышку снять: пред ней надежный друг.
 Шапура не страшась, к нему подседа ближе,
 Со рта сняла печать и жемчуг речи низлет:
 «Чтобы господь всегда доволен был тобой,
 Ты сжался над моей печальною судьбой.
 Мою сжигают кровь черты изображенья.
 Целую вновь и вновь черты изображенья.
 Рок спугал дни мои, спокойствие круша,
 Как кудри, скручена, запутана душа.
 Мне помоги в любви, о друг мой, хоть немного.
 И от меня, дай срок, придет тебе помога.
 Все скрытое в душе я в твой вложила слух.
 И ты мне все открой, мой дух не будет глух».

И чародей Шапур уж не считает лживость
 Оружьем, что верней и лучше, чем правдивость.
 И, как запытая, он припал к ее рукам.
 И, как запытая, он упал к ее ногам.
 И восклицает он: «О светоча спящие!

О всех увенчанных надежда и мечтанье!
 Мрачнее сумрака тебе хотящий зла!
 Как месяц молодой, твоя душа светла!
 Покорно чья того, кто служит мне защитой,
 Тебе открою все, с твоим желаньем слитый.
 Рисунок этот мой, и мною создан он.
 На нем Хосров Парвиз был мною изображен.
 Обличья уловил я каждую приметку,
 Но лишь рисунок тут, души в нем все же нету.
 Я знаю живопись, ей обучился я,
 Но душу принести не смог в твои края.
 В подобье влюблена! Оно — лишь тень! Взгляни-ка
 На предель тонкую его живого лика!
 Увидишь целый мир, что создан из лучей,
 Свет, озаривший мир, но все еще — ничей.
 Могуч и ловок он, искусен в каждом деле.
 Во гневе — лютой лев, в любви — нежней газели.
 Он роза, что зимы не ведала невзгод.
 Он юность, в нем весна сияет круглый год.
 Вкруг розовых ланит еще не видно тени⁸,
 И с лилией он схож, с нежнейшим из растений.
 Дохнет — и сто дверей пред ним раскроет рай.
 Луну повергнет ниц ланит расцветший май.
 Он сидит на коня — и он Рустама краше,
 Он Кей-Кобад, когда в его деснице — чаша.
 Когда дары сберет для любящих сердец, —
 Каруновых богатств разломится венец.
 Реченьем извлечет жемчужины из дала⁹,
 Его рука сердца из барсов извлекала.
 Когда же тронет он в порыве стремени, —
 Ему погоня бурь уж будет не страшна.
 Спроси — откуда он? Он от Джемшида родом.
 Спроси про сан его — он царь земле и водам.
 На небе стяг его, нет, не в земной пыли!
 И для его коня узки пути земли.
 Однажды он во сне твой увидел очи,
 И потерял он сон с блаженной этой ночи.

Не поднимает чаш, ни с кем не пьет вина.
 Забыл дивной покой, и нет ночного сна.
 Другой подумал он: лишь ты в померкшем **взоре**,
 Пусть никого не жжет такое злое горе!
 Я от него пришел, я лишь его гонел.
 Я все тебе открыл — моим словам **конце**.
 Тож эи жемчужину сверлил многообразно¹⁰,
 Немало ловких слов пред ней рассылал разных.
 И, сладкоречием смущенная, Ширин
 Вздунала речь его, как сладость душиных вин.
 Изнемогла она, сто раз была готова
 Упасть, — и превозмочь себя умела снова.
 Помедлила, потом промолвила: «Мудрец,
 Как нашей горести положишь ты конец?»
 «Ты солнца яркого внимашь укоризне:
 Ты ирче, — рек Шавур, — знай только счастье
 в жизни!

Ты помыслов своих Бану не дай постичь¹¹,
 А завтра ты скажи: «Стрелять желаю дичь».
 Ты на Шеддиза сядь и, будто без заботы,
 Ты на охоту мчись, а там беги с охоты.
 Твой не задержат бег ни воины, ни знать:
 Их резвым скакунам Шеддиза не догнать.
 Пространство пролетай, как быстрое светило,
 И мчатся за тобой дана мне будет сила».
 С Хосрова именем он перестень ей дает:
 «Возьми и совершай поспешный свой поход.
 Коль юного вара увидишь ты дорогой,
 Яви свою лулу, не будь напрасно строгой¹²,
 Знатноподкованный под ним гарцует конь,
 В рубинях весь наряд, их радостен огонь.
 В рубинях плаш его, в венце его — рубины,
 И рот — рубин, и все — рубинный блеск единый.
 Не встретишь ты вара, — узнай где Медани,
 Спроси про верный путь меж взгорий и долини.
 Когда отыщешь путь в пределы Медани,
 Увидишь, Медани — сокровищница долини.

Там замок у царя — пред ним ничто Фархар,
 Рабыни в нем полны необычайных чар.
 У входа встанет конь, в прах поги врыт с размаха,
 Привратнику яви горящий перстень шаха.
 О кнjarи! Тот сад принять тебя готов.
 Будь радостной, как ветвь под тяжестью плодов.
 К Парвиза красоте простри свободно длани
 И подведи итог томлений и желаний.
 Но я — лишь только тень, венцу я не под стать.
 И как же смею я тебя увещевать!».

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИН-БАНУ В МЕДАНИ

Умолк Шавур, и вот Лулу объяли чары,
 А хитрость в турки раздула пламень ярый.
 И он ушел, решил: «Надежда мне дана»,
 Лулу покинул он: луни была одна.
 Бегут прекрасные к своей Ширин и рады
 С ней рядом заблестать, как светлые Плеяды.
 И месяц приказал блестящим звездам: «Прочь!
 Отсюда всем бежать, пока не минет ночь,
 Подковами коней горородобных горы
 Разрыть, как рудники, побег начавши скорый!»²,
 Целительницы душ, оправив паланки,
 Пустылись в путь, блести над ширями долини.
 Беседу, смеясь, речам не зная края,
 Путь провели, — и вот дуга родного края.
 Всем отдохнуть дает родной приветный кров,
 Но сердце Сладостной под тяжестью оков.
 Вот полночь. Целый мир наполнен дамом ночи,
 И сном наполнены ночного мира очи.
 Навесили покров над солнечной главою,
 Цветок пылающий укрыли под листвою³.

Ширин пришла к Бану. «Я к солнцу, я к величю
 Пришла. Позволь с зарей мне выехать за днюю.
 Назантра прикажи — о ты, чье имя тут —
 Шебдиза бурного освободить от пут.
 Помчусь я на коне, стреляя дичь проворно,
 А вечером к тебе приду служить покорно».
 «О светлая луна! — в ответ Михин-Бану, —
 Что кони! Тебе отдать могла б я всю страну!
 Но вороной Шебдиз, запомнить это надо,
 Неудержим. Скакать — одна его отрада.
 Грохочет спок его, что громыханы буре.
 Он бешеней ветров, всклокочивших лазурь.
 Шебдиз! Нет ничего быстрее у природы.
 В огонь он обратит своим кипением воды.
 Ну что ж! Коль на него ты все же хочешь сесть, —
 Он — полночь, ты — луна, твоих красот не счесть.
 Взауздай коня уздой в серебряной оправе
 И приучи к своей уверенной управе».
 Розоволикая, как роза, расцвела,
 Склонилась ниц, ушла, — и сладостно спала.
 Вот синему ларцу с узором из жемчужин —
 Так порешил Китай — замок червоный нужен⁴.
 Выходит из ларца мечта китайских нег⁵.
 В мечтанных начертан поспешный свой побег.
 Явились ей служить китайские изделия
 Иль кипарисов ряд — очей благое зелье⁶.
 Увидела Ширин черты любимых лиц,
 И молвит дасково склоняющимся ниц:
 «В степь, ради лучшего, что есть на нашем свете,
 Помчимся: сотни птиц хочу поймать я в сети».
 Появки сбросили красавицы с голов,
 Чтоб по-мужски внимать звучанью властных слов.
 Надев мужской кулах на головы, охотно
 Укрыли под плашом тончайшие полотна.
 Так должно: девушки, охотясь по степям,
 По виду кажлая должна быть, как гуляям.
 И вот пришли к Ширин, одетые пригоже,

Вот на седле Ширин, они на седлах тоже.
 Вот выехали в ширь с дворцового двора.
 И каждая, как Хызр, шашедший злато, бодра.
 И мчатся по степи своей веселой цетью,
 В одной степи летят, летят другою степью.
 Рой гурий сладостных, быстрее быстрых буре,
 На луг проник, а луг был яркая лазурь —
 Земля зеленая! Тут носится газели,
 Порывы ветерков тут прясется в «газели».
 И вскачь пустились вновь прибывшие сюда,
 Для скачки отпустив свободно повода.
 Шебдизом правящий был смелостью богатый
 И опытный ездок, а конь под ним — крылатый.
 Все горячит коня Ширин моя и вдруг
 Свернула, — и летит от скачущих подруг.
 Подруги говорят: «Шебдиз понес». Не анули,
 Что это в ней самой желанья бунтовали.
 Как теши, спуганный летят за нею вслед.
 Хоть теи ее поймать, — но даже теи нет⁷.
 Подруги рыскали за ней до самой ночи.
 И вот надежды нет, и мчатся нету мочи.
 Водительница их во мраке, далеко,
 Устали их тела, их душам нелегко.
 К дворцу Михин-Бану стеклись порою ночью
 Созвездья. Их луна — за черной пеленою.
 Они, к престолу путь очами подметя,
 Сказали о Ширин, волнуясь и грустя,
 Сказали, не пада ея судьбы каприза:
 «Она не в силах, видно, удержать Шебдиза».
 Встает Михин-Бану, внимает им, кланяет
 Несущий бедствия судьбы круговорот.
 Сошла со ступеней, полна тоски и страха, —
 И в прахе голова склоненная до праха.
 И, руки заломив над горестной главой,
 Потоки слез лила, страх не скрывая свой.
 Все плачет о Ширин, все помнит брата, —
 Отца Ширин. Иль вновь к ней близится утрата?

«Не дурноглазым ли, — в сердцах твердит она, —
 Я к одиночеству, к тоске присуждена?
 О роза милая, ты сорвана! В какие
 Ты брошена шипы и бедствия людские?
 Иль более твоей не стою я любви?
 За кем ты следуешь? Ты мне их позави!
 О лавы! Тебе свои наскучили газели?
 Иль ты в плену у льва? О милая! Ужели?
 Луна, зачем же ты ушла от звезд своих?
 Не солнце ты, — луна. Ты быть должна меж них!
 Моя душа — твой сад, о кипарис мой! Жаждай
 Я по тебе томлюсь, грущу о ветке каждой.
 Кому твой светит лик, о милая Луна?
 Я горем и бедой рассудка лишена!»
 Так до зари она стенала, и возрастала
 Ее тоска и боль и возгласы печали.
 Когда ж из кладезя, где замкнут был Бижен,
 Светило дня взошло, свой рассоргал плен, —
 Войска к Михни-Бану явились и стояли
 И приказанья безмолвно ожидали.
 Когда бы повелеть решила им Бану —
 На молниях-конях обшарили б страну.
 Но молвила Бану, что покидать не надо —
 Подобно ей самой — оград родного града.
 Предвидела она сию беду во сне:
 Умчался сокол прочь, блестя в дневном огне.
 Но только сожалеть она об этом стала, —
 Уселся сокол вновь ей на руку устало,
 Бану сказала им: «Хоть птицами нам стать,
 Хоть знать все тайное нам было бы под стать, —
 Но ведь не отыскать нам даже водопоя,
 Где вобыл мой Шедбиз, копытом землю роя.
 За птицей быстрою ей не следует лететь.
 Поймать не сможем дичь, увидевшую сеть.
 Не плачь, что голубь твой твой покинул руки.
 Он — твой, он прилетит, не вытерпит разлуки.
 Я молнии узрю, терпение храня,

Из-под копыт ее стропитивого коня,
 Сокровнице мое отыщется, и снова
 Я буду счастлива. Я к радости готова.
 В сокровищницу вновь сокровнице верну,
 Даров на радости немало разверну.
 И вот войска Бану, услышав эти речи,
 Ей повинуются. А где Ширин? Далече.
 Да, той порой Ширин кипучий нес Шедбиза.
 А в мире для Ширин был только лишь Парвиз.
 С планетой схожая, неслась она; привала
 Не делала нигде, неслась, не уставала.
 Как будто бы гуляя, свой повязавши плащ,
 Селеньями неслась, и ветер был свистящ,
 Грозил ей враги, неслась она в тревоге
 По взгорьям, по степям, дорогой, без дороги.
 Гороводобный конь был, словно ветер, скор,
 Был ветер позади, как ряд мелькнувших гор.
 Ведь, верно, знаешь ты старинное преданье,
 Как встарь ворожей свершила волхвовадьба⁸.
 Не здесь ли зеркало она и гребенюк
 На землю бросила, и небо долгий срок
 Их не могло найти: одно воздвигло горы,
 Другой лесами стал, а ведьма, что просторы
 Сумела преградить, вошла в стволы деревьев
 И в камин этих гор, — в свой колдовской погосв.
 Но путь все ж поддался наезднице успью,
 И взгорий и лесов она покралась нилью.
 Ее усталый лик стал призрачен и бел,
 А нежный нрав ее в скитаньях погубил.
 Четырнадцатый день, сияя светлым ликом,
 Луна свершала путь в горении великом.
 Она спешит вперед — ей остановки нет —
 Рассирашная всех, сама лица примет.
 И побеждал скакун ветров прыгучих илеми,
 Сказав земле: «Забудь, что есть на свете время».

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассвет. Уже вдали мерцает бледный свет,
 А изнуренной тьме уже надежды нет.
 Наринисов тысячи с крутящихся просторов
 Скатились. Веселят рубин меж облачных уборов¹.
 Поляна и горечи и страстного огня,
 Ширин торопит бег прекрасного коня.
 И распростерся лет, мерцающий росой,
 И чистый ключ сверкнул эдемского красой.
 Стыдятся блестящих вод источника, поник,
 Померк живой воды преславленный родник.
 Скиталца Ширин! Ее разбито тело.
 Пыль с головы до ног прекрасную одела.
 Вокруг источника — усадья этих мест —
 Все кружится она; безлюдие окрест.
 И спешилась Ширин, и скакнула — на привязь,
 И взор ее блеснул, безлюдьем ослепляясь.
 Источник радости к источнику идет,
 Блести; он взор небес своим блистанием жжет.
 Вот сахарный Сухейль оспособлен от шерети,
 И вскрикнул Тинтрин, увидев прелесть перси².
 Лазурная вилась вокруг пресела ткань. Кумир
 Вошел в ручей, и вот — огнем охвачен мир.
 Лазурью скрытыя, чуть виделься Плеяды.
 Шиповник с лотосом сплетаться были рады³.
 Вот всю ее стеной обводит синева
 Луны над синевой сияет голова⁴.
 Сеть, свитую из кос, влачит она в затоне,
 Не рыба, а Луна попалась ей в ладони⁵.
 О мускус черных кос над бледной камфарой!
 Мир гаснул пред ее победной камфарой⁶.
 Иль час грядущего ее душе был ведом?
 Иль знала, кто за ней сюда прибудет следом?
 Из вод ключа Ширин, что сладостью всего,
 Готовила джуляб для гостя своего.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассказчик, на фарсе о канувшем читавший,
 Рассказывал; узнал рассказчику внимающий:
 Когда Хосров послал Шапура в дальний край,
 Сказав: «Ты о мечтах Прекрасной разувай», —
 И день и ночь, он был в покорном ожиданье,
 Что будет сладкое назиданье свиданье.
 С зарей и в сумерках — как солнце и луна —
 Он службу нес отню; душа была ясна.
 И юный был Хосров, согласно древним сказам,
 Отцовского венца излюбленным алмазом.
 Но хоть сиял отню сей сладостный алмаз,
 Вмг изменилось все: дурной вмешался глаз.
 Тот враг, что козими весь край бы зарекашил,
 Дархемы с именем Парвиза отчеканил¹.
 Он их пустил гулять во многих областях.
 Тревогой был облит персидский старый шах.
 Он мыслит: сын игру затеял не без толка,
 Захватит юный лев престол седого волка.
 И царь задумался: какой же сделать ход?
 Вот первый: юношу в ловушку он запрет.
 О мерах думал он, но думал неглубоко:
 Не ведал он игры играющего рока.
 Не ведал, что всегда Хосров отыщет путь,
 Что месяц молодой в оковы не замкнута,
 Что каждый, истину избрав своим кумиром,
 Мир победит, ни в чем не побежденный миром.
 О шахских замыслах узнал Бузург-Умид.
 Он юношу сыскал, спасая от обид.
 «Взгляни, твоя звезда плывет по небу кинзу,
 Царь в гневе на тебя, — промолвил он Парвицу. —
 Пока не схвачен ты, покинь родимый край,
 От кары удались и голову спасай.
 Быть может, пламень сей останется без дыма,
 Взойдет твоя звезда, вернешься в край родимый». —
 Хосров глядит: беда, плетя за нитью нить,

Ему готовят сеть, желая половить.
 К мускусокурдуним он, в спокойствии великом
 Пошел. И выволился Хосров месящеликам?²
 «На дамка скучного я на немного дней
 Меду: пострелять, мне хочется шерей.
 Желая, чтобы дни вы весело встречали,
 Играйте. Никакой не ведайте печали.
 Когда ж прибывает та, ней даивс черный конь,
 Осанка — что пивани, улыбка — что огонь, —
 О Луна! Вы ее приветствуйте, в оконце
 Взгляните-ка! Она светлей, чем это солнце.
 Ее примите вы и станьте с ней близки,
 Чтоб знала радости, не ведала б тоски.
 Когда ж взгрустнет она в Дворце моем Зеленом³,
 Превращенная иным: дугов зеленым лозом, —
 Вы дуг вденительный найдите, и дворец
 Постройте на дугу влащичице сердца.
 Уже душа ему пророчила о многом,
 И, говоря, Хосров бид вдохновляет богом.
 Среда он вымоливал, как ветер, и — смотри! —
 Пошел, как Сулейман, со спитого пери.
 Он вивал коня, чтоб бил он менее дорогу.
 Он поверил себе к Армешни дорогу,
 Чтоб только не узреть отеческих седли,
 Два перехода он, лети, сивал в один.
 Но обессилели его гулямов кони
 Там, где Луна свой лик увидела в затоне,
 Гулямам он сказал: «Тут сделаем привал,
 Чтоб каждый скакуну тут корма задавал».
 Хосров Париз один, без этой свиты верной,
 Направился к ручью; рыспой он ехал мерной,
 И дуг он пересек, и вот его глаза
 Увидели: блестит затона бирюза.
 Орел на привязи — и где восторгу мера? —
 Не дивный ли фазан у чистых вод Ковсера?⁴
 Конь тихо ел траву у золотых подков,
 И тихо, чуть дыша, в тени сказал Хосров:

«Когда б сей образ лун был мой, — о, что бы стало!
 Когда бы сей скакун был мой, — о, что бы стало!
 Не знал он, что Луну вои этот вороний
 Примчит к нему, что с ней он слит судьбой одной,
 Влюбленных множество приходит к нашей двери,
 Но словно слепы мы: глазами, любви не веря,
 И счастье хочет к нам в ворота завернуть,
 Но не поклич его — оно забудет путь.
 Провел царевич взор небрежно по просторам,
 И вот Луна в ручье его предстал зорам.
 И он увидел сеть, что рок ему постлал:
 Чем дальше он взирал, тем больше он пылал,
 Луну прекрасную его узрели взгляды.
 И место ей не здесь, а в небе, где Плеяды!
 Нет, не луна она, а зеркало и ртуть,
 Луна Нехшебской — стан! Взглянуть! Еще
 взглянуть!»⁵

Не роза ль из воды возникла, полукровья,
 Лазурной пеленой окутана по поясу,
 И мишдаля цветком, отградное суля,
 Была вода. Ширин — орешком мишдаля,
 В воде сверкающей и роза станет краше.
 Еще нежней Ширин в прозрачной подной чаше.
 На розу — на себя — она фиалки кос.
 Их расплетая мглу, бросала в брызгах рос.
 Но кудри вихрились: «Ты тронуть нас посмея-ка!
 Ведь в каждом волоске есть мускусовая змейка!»⁶,
 Как будто их слова над ухом слышал шах:
 «Ты — раб, мы — господа, пред нами чувствуй страх!
 Она была, что клад, а змеи, тайны клада.
 Храня, шептали всем: «Касаться их не надо»⁷.
 Нет, в руки их не брал, колдуя, чародей,
 Сражали колдунов клубки опасных змей».
 Наверно, выпал ключ из пальцев садовода, —
 Гранаты дух грудей открыли дверцы входа⁸.
 То сердце, что узрит их даже вдалеке, —
 Растрескается все — как бы гранат — в тоске.

И Солнце в этот день с дороги повернуло:
 Затем, что на Дуну и на воду взглянуло¹⁰.
 Вот струи на чело лвет девушки рука, —
 То жемчуг на луну бросают облака.
 Как чистый снег вершин, ее сверкает тело.
 Страсть шаха снежных вод изведать захотела,
 Парвиз, уличезрев сей блещущий хрусталь,
 Стал солнцем, стал огнем, пылая, несся вдали.
 На глаз его — из туч — шел дождь. Он плакал, млея:
 Весть поднялася Луна из знака Водолея¹¹.
 Жасминогрудя не видела его
 Из змеескрудого покровра своего.
 Когда ж прошла Луна сквозь мускусные тучи,
 Глядит Ширин — пред ней сам царь царей могучий.
 Глядит: пред ней Хумой оседланный фазан¹².
 И кипарис вознес над тополем свой стан.
 Она, стыдясь его — уж тут ли до отвзги! —
 Дрожит, как лунный луч дрожит в струистой влаге.
 Не знала Сладкая, как стыд свой превозмочь. —
 И кудри на луну забросила, как ночь¹³.
 Скрыв амброю луну — светило спией ночи,
 Мелко солнце прятала, дря затемнила очн.
 Свой обнаженный стан покрывла черным аманг,
 Рисунок чернью аманг на серебре возник¹⁴.
 И сердце юноши, кипевшем объято,
 Бурлило; так бурлит расплавленное злато.
 Но, видя, что от дыла аздакшавшего олень
 Принес в смятенше, глазами ищет сень, —
 Не пожелал Хосров приманчивой добычи:
 Не поражает дев уже сраженной дичи.
 В пристойности своей найдя источник сна,
 Он пламень пламенных желаний погасил.
 Скрыть терпеливо страсть, ему хватает мочи,
 И от стыдливой чести его отводит очн.
 Но бросил сердце он у берега ручья.
 Чья ж новья краса взор утолит? Нишня.
 Взгляни: две розы тут у двух истоков страсти.

Здесь двое жаждущих у двух глубин во власти.
 Хосрову в первый день путь преградил поток,
 Дуну во глубь любви ручей любви повлек.
 Скитальцы у ручьев свои снимают клади,
 Размочат жесткий хлеб и нежатся в прохладе.
 Они же у ключей большую взяли кладь,
 И ключ все мягкое стал в жесткость обращать.
 Но есть ли ключ, скажи, где путник хоть однажды
 Не увязал в песке, горя от страстной жажды?
 О солнце бытия! Ключ животных вод!
 И ты, рождая страсть, обходишь небосвод.
 Когда он от пери отвел глаза, взирая,
 Где паланкин для той, что прибыла из рая, —
 Пери, схвативши плащ, из синих водных риз
 Вспорхнув, бежит к кою, — и мнит ее Шедбиз.
 Себе твердит она: «Коль юноша, который
 Кружился вокруг меня, в меня вперяя взоры,
 Не должен вовсе стать возлюбленным моим, —
 Как сердце взял, как завладел он им?
 Сказали мне: Хосров весь обтает в рубиня,
 На всаднике ж рубин не виден ни единый».
 Не знала, что порой одет не пышно шах:
 Ему грабители в пути винушат страх.
 Но сердце молвило, путь преградил с угрозой:
 «Стой! Этот сахар ты смеешь с душистой розой.
 Рисунок зрела ты, а здесь — его душа.
 Здесь — явь, там — весть была. Вернись к нему,
 снена».

Вновь шенчет ум: «Бежать! Мой дух не будет слабым.
 Не должно смертному молиться двум мхрабам¹⁵,
 Вино в единый круг нельзя нам дважды пить¹⁶.
 Служа двум господам, нельзя достойным быть.
 А если самого я встретила Хосрова, —
 Здесь быть мне с ним нельзя. С ним встретимся
 мы снова.

Пусть под покровами меня увидит шах:
 Кто тканью не покрыт, того покроет прах.

Ведь все еще пока укрыто за завесой,
И мне одна пока защита — за завесой.
И вихрила орла, и вот уж — далека.
И гром копыт смугил и Рыбу и Быка!¹⁷
И ветер, гонясь за ней, узнал бы поражение.
Она была быстрее, чем времени движенье.
Победа в быстроте. Прекрасная перь!
От дива унеслася. Смотри! Скорей смотри!
Мгновенье, — и Хосров взглянул назад, — и что же!
Не встретил никого. Нет, мой рассказ не ложь!
И начал он, дивясь, коня гонять окрест,
Но сердце взывающая ушла из этих мест.
Вот у источника он спешился; пылливый,
Склонился, искал следов жемчужины красивой.
Дивился дух его: как быстрая стрела,
Куда направиться красавица могла?
То зорко он взирал на древние деревья...
Хосров! Иль птицами взята она в кочевья?
То он омычал он водами ручья, —
В ручье ль его Луна? О, где она, о чья?
Он пальцем мостика облил своей слезою,
Он мост дивух рук своих ломал над головою.
Поток предместного! Ширин! Ее одну
Он видел. Он упал, как рыба, в глубину.
Он горестно стонал, Поняв его стезяны,
Запладал небосвод, пославший испытанье.
Шедиза он искал и светлую Луну.
«Где ворон с соколом?», — будил он тишину.
Пылился он кругом, как на охоте сокол.
Где ворон? Вместе с ним ушел в полете сокол!¹⁸
Злой ворон быстротой какое создал зло!
Весь мир так черен стал, как ворона крыло.
День — ворон сумрачный, не сокол он красный.
Он, что колющий лес, — не мускусные нвы.
Царевич иной стал. Душа его мрачна!¹⁹
И слезы падают, как нвы семена.
Где Солнце? Скорбен вид согнувшегося стая.

Стан — ива. Вот и стал он клюшкой для цовгана!²⁰
Из сердца пылкого пошел палящий стон:
«Да буду, как шепя, я пламенем спален!
Лишь миг я зред несну! Горька моя утрата!
Не освежил я уст прохладною Евфрата!
Жемчужину пайда, не смог ее схватить!
Что ж! Камень я схвачу, чтоб камнем сердце бить!
Я розу повстречал, да не сорвал с зарюю, —
И ветер взял ее и мгла сказала: «Скрою».
Я снежный зред парцисе над гладью синих вод, —
И воды замерли, и стали словно лед.
Бывает золото в воде под льдиной мутью.
Что ж сделалась она вмг ускользнувшей ртутой!
Хума счастливую мне даровала тень,
И трон мой вознесла в заоблачную сень.
Но, как луна, и тень покрыл своей полою,
И света я лишен, и стал я только мглой.
Мой нат уже в крови. Уж близок я к беде!
Меч палача, он где еще свирепей? Где?
Возникла из ключа сверкающая роза.
Все видел я во сне. Мне этот сон угроза:
Теперь, когда в ключе уж этой розы нет,
Не броситься ль в огонь? К чему мне божий свет!
Кто мне велел, краю и взором ты не трогай,
Блаженство повстречал, ступай другой дорогой?
Какой злокозненный меня попутал див?
Я сам покинул рай, раздуку породив.
Терпением обладать — полезен сей обманяй.
Лишь мне он вреден стал; расстался я с добычей.
Я молнией души зажечь костер смогу.
На нем попарю терпенье я сожгу.
Когда б вкусил я вод источника, такое
Из сердца своего не делал бы жаркое.
Из моря скорбных глаз я слезный жемчуг лью.
Готов наполнить им я всю полу свою.
Излечится ли тот, кто болел злым недугом,
Пока не лустит кровь? О рок, ты стань мне другом!»

Рыдал он у ручья меж зарослями роз,
 Ладонями со щек стирая капли слез.
 И падал паземь он, рассудку не внимая,
 Как розы цепкие, источник обнимая.
 Где стройный кипарис? Исчез! Его уж нет!
 Стан юноши поник, и роз не розов цвет!
 О стройный кипарис! Вот он лежит во прахе.
 Трепещет, как от бурь трава трепещет в страхе.
 Он шепчет: «Коль она — лишь смертный человек,
 То бродит по земле, меж пажитей и рек.
 Когда ж она — перй, то к ней трудна дорога, —
 Ведь у ключей лесных видений бродит много.
 Остерегись, Хосров, уста свои запри.
 Не разглашай, что ты влюбляешься в перй.
 Что обрету я здесь? Мечтать ли мне о чуде?
 Перй бегут людей, всегда им чужды люди.
 Ведь сокол с уткую — не пара, и вовек
 С перй свою судьбу не спасет человек.
 Да! Сделаться я должен Сулейманом, —
 Потом смирать перй, за их гоняться станом!»
 Он горестно роптал: «Забудь ее, забудь!»
 Он жалобы вздымал, терзающий грудь.
 Он сердце бедное от девы светлолицей
 Отвел, К армянской он отправился столице.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАИНЕ

Судьба, нам каждый шаг назначивши, порой
 Намерена своей потешиться игрой.
 Пускай для бедняка придет достатка время, —
 Обязан он сперва труда изведать бремя.
 «Когда им на пути от терний нет угроза,
 Они, — решает рок, — не ценят нежность роз».

Верь: за чредою дней, что шли с клеймом разлуки,
 Отрадней взор любви и дружеские руки.
 Ширин от ручейка была уж далека, —
 Но за царевичем неслась ее тоска.
 И вот она, узнав, где пышный сад Парвиза,
 Пылая, в Медаин направилась Шиблиз.
 За суженым спеша, обычный дев презрев,
 Уж не была Ширин в кругу обычных дев!
 И спешиться Ширин с кольцом Хосрова рада
 У меданского отмыканного сада.
 Прислужницы, смотря на дивные черты,
 От зависти свои перекусали рты.
 Но знали чин двора — и под царевым кровом
 Различья не было меж гостьей и Хосровом.
 Ей молвили они: «Знать, севши на коня,
 Для поклонения Хосров искал огня.
 И вот достал огонь, блистающий, как зори,
 И зависти огонь зажжет он в нашем взоре».
 И хочет знать рабынь шумливая гурьба,
 Как привела сюда красавицу судьба.
 «Как имя? Где выросла? Что в думах на примете?
 Откуда, панка, ты? Из чьей вперхнула сети?»
 Ширин уклончива. Не опустив ресниц.
 Она им бросила крупицы небылиц.
 «Она, мол, о себе сказать могла бы много,
 Да скоро и Хосров уж будет у порога.
 Пред сном он вас в кружок сберет, и при огне
 Он сам потешит вас рассказом обо мне.
 А этого коня беречь и холить надо:
 Ведь ценный этот конь, ценней любого клада».
 Так молвила Ширин веселая, — и вот
 Окружена она уж тысячью забот.
 Сосуд с водой из роз ей дан для омовенья.
 В коношнях царских конь привязан во мгновение.
 Ей привесли парад. Он был ей во плечу.
 Узором жемчуга украсили парчу.
 В саду ее надежд раскрылась роза встречи.

Отрадню спит Ширин, тяжелый путь — далеке.
Сахароустую хранившие чертог
Рабынею сочли, — кто б вразумить их мог?
Сахароустая не чванилась. Отныне,
Играя с ними в пард, была она — рабыней.

ПОСТРОЙКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

И сада нежного хранила колыбель
Ширин, чьих сладких уст касался нежный хмель!
И месяц миновал в спокойствии, и снова
Покой пропал: твердят, что нет вблизи Хосрова,
Что он охотился, а будто бы потом
В Армению бежал, отцовский бросив дом.
Чем горе исцелить? Уяло сердце, плача.
Воистину бежит за него неудача!
Не долго охранял красавицу дворец, —
Уж сердце страстное измучилось вконец.
Все стало ясно ей: тот юноша, который
Испридержав коня, во взор ей бросил взоры,
Был сам Хосров; свой путь забыв, ее одну
Он видел, он взирал, как солнце на луну.
Она бранит себя, хоть мало в этом проку,
Но вот — отвергла скорбы, но вот — покорна року.
Но вот — тернием как будто бы полна,
Но вот — воскликнула: «Я тягостно болела!
Мне замок надлежит на высоте просторной
Построить, чтоб сплел мне кругозор пагорный!
Горника я, Меж роз я рождена. Тут зной
Из всех желтит. На мне — цвет алой ни одной!»
И вдруге молвила подруг лукавых стая:
«Напрасно, как свеча, ты изнываешь, тая.
Велел властитель наш создать тебе приют
В горах, где ветерки прохлады подают.

Когда прикажешь ты — приказов исполнитель
Построит на горе отрадную обитель».
Ширин сказала: «Дат! Постройте мне скорей
Дворец, как приказал вам это царь царей».
Рабыни — ревности их всех пронзало жало —
Там, где ничья душа словам их не мешала,
Строителю жужжат: «Из Вавилонских гор
Колдунья прибыла, ее всеслепен взор!»
Велит она земле: «Взлетай, земля! — поспешно
Поднимутся пески, день станет алой кроменшой.
Прикажет небесам застыть, — и вмиг тогда
Застынут небеса до страшного суда.
Она велела там построить ей жилище,
Где обращает зной и камни в пепельце,
Чтоб не было окрест из смертных никого:
В безлюдии творит колдунья колдовство.
Для вёшей ты сверши свой путь необычайный,
Найди тлетворный лог и огненный и тайный.
Там замок сотвори, не покладая рук,
А плату с нас бери, какую знаешь, друг».
Потом несут шелка, парчу несут и золото:
Ослиный полный груз — строители оплатя.
Строитель принял клад. Обрадованный, в путь
Он тронулся, в пути не смея отдохнуть.
Ища безлюдных мест, он в горы шел, и горы
На горы вставшие, его встречали взоры.
Есть раскаленный край, на мир глядит он зло.
Дня в неделю б там состариться могло.
В фарсангах десяти он от Кирманшахана,
Да что Кирманшахан! Он марево тумана.
Строитель приступил к работе: «Не найду
Я края пламенней, — сказал он, — и в аду.
И тот, кого б сюда загнать сумели бури,
Поймет: вертог в аду построен не для гурий».
На вечер мускусом ночная пала мгла.
Не жарко, — и Ширин свой путь начать смогла.
Отроковицы с ней. Но было их не много —

Не знавших, что любви злокозненна дорога.
И в замкнутой тюрьме, в которой жар, пылал,
Ширин жила в плену, как сжатый камнем лад.
И, позабыв мира, полна своим недугом,
Своих томлений жар она считала другом.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИИ-БАНУ

Покинувши ручей, Хосров печален. Он
Струит из глаз ручьи; его покинул сон.
Пленительный ручей! Виденьем стал он дальним,
И делался Парвиз все более печальным.
Но все ж перевозмогал себя он до поры:
«Ведь не всплыла еще заря из-за горы.
Ведь если поспешу я в сторону востока, —
Мне солнца встретится сверкающее око».
И роза — наш Хосров — достиг нагорных мест, —
И к стражам аромат разносится окрест.
Вельможи у границ спешат к нему с дарами:
С парчой и золотом. Он тешился пирами.
И не один глядит в глаза ему кумир, —
Из тех, что сердце жгут и улаживают мир.
Ему с кумирами понравилось общение,
Тут на немногие дни возникло промедленье.
Затем — в Мугани он; затем, свой стройный стан
Являя путникам, он прибыл в Бахарзан.
Гласят Михии-Бану: «Царевич недалече!», —
И вот уж к царственной она готова встрече.
Навстречу путнику в тугом строю войска,
Блестя доспехами, спешат издалека.
В казну царевичу, по чину древних правил,
Подарки казначей от Госпожи направила.
Жемчужин и рабов и шелка — без конца!

Изнемогла рука у каждого писца,
К Великой Госпоже вошел Парвиз в чертоги.
Обласкан ею был пришедший к ней с дороги.
Вот кресла для него, а рядом — царский трон.
Вокруг стоит народ. Садится только он.
Спросил он: «Как живешь в своем краю цветущем?»
Пусть радости твои умножатся в грядущем!
Немало мой приезд принес тебе хлопот.
Пустькай неожиданной беды не принесет».
Михии-Бану, познав, что речь его — услада,
Решила: услужать ему достойно надо.
Ее румяных уст душистый ветерок
Хвалу тому вознес, пред кем упал у ног!
Кто озарил звездой весь мир ее удела,
Любой чертог дворца своим чертогом сделал.
Неделю целую под свой шатровый кров
Подарки приносил все новые Хосров.
Через неделю, в день, что жаркое светило
Считало лучшим днем из всех, что засветило,
Шах восседал, горя в одежде дорогой.
Он был властителем, счастливый рок — слугой.
Вокруг него цветов слетаются победы,
С кудрями схожие, зоря к блаженной неге.
На царственном ковре стоит рабы; ковер
Как стройноцветильный сад Хосрову нежит взор.
Застольного в речах не забывают чина, —
И все вознесены до звания господина.
Веселье возросло, — и в чем тут был отказ?
Налить себе вина проси хоть сотню раз.
Михии-Бану встает. Поцеловавши землю.
Она сказала: «Шах!». Он отвечает: «Внемлю».
«Мою столицу, гость, собой укрась; Берда
Так весела зимой! Ты соберись туда.
Теплей, чем там зимой, не встретишь ты погоды.
Там травы сочные, там избылины воды».
Согласье дал Хосров. Сказал он: «Поюзжай.
Я следом за тобой направлюсь в дивный край».

Привал свой бросил он, слова запомнив эти, —
И, званый, в «Белый сад» помчался на рассвете¹.
Прекрасная страна! Сюда был привезен
Бене сверкающий и государев трон.
Зеленые холмы украсились шатрами,
И все нашли приют меж синими горами.
В палате царственной Хосрова ни одну
Услугу не забыть велит Михин-Бану.
У шаха день и ночь веселый блеск во взоре:
Пьет горькое вино он — Сладостной на горе.

ПИРШЕСТВО ХОСРОВА

Хоть есть Новруза ночь, есть ночь еще милей
Она, сражая грусть, всех праздников светлей.
В шатре Хосрова шум. Под сводом величавым
Здесь собрались друзья с веселим, легким нравом,
И мудрецов они припоминают речь,
И от шуточных слов их также не отвлечь.
Вкруг шахского шатра, что в средоточьи страны,
Радостланы коими из дальнего Алана.
Для вражеских голов угрозу затаив,
Ко входу два меча простерли лезвий¹.
В шатре курения, все разгоняя злое,
Вдымают балдахн из амбры и алоэ.
Нашитки зыблются, пленительно шиян,
Жаровня иарская полным-полна огня.
Армянский уголь здесь, он поднимает пламя,
Подобен негру он, вздымающему знамя.
²Чтоб черный цвет затмить — где созданы цветы?
Лишь только от огня зардеет чернота.
Идъ шучен огонь чредой времен упорных,
³Что похищают цвет волос, как уголь, черных²
Сад пламени, а в нем садовник — уголь; он
В саду фиалки жнет, тюльпанами стеснен³.

Так люб зиме огонь, как лету вздох рейхана.
Рейханом зимним став, огонь возрастает рьяно⁴.
Тут кубки пышные подобны петухам,
Что во время зари провозглашают нам⁵.
Их огненным нутрам завидую и сладким,
То утки на огне, то следом — куропатки⁶.
Вот сиди жареной воздвигнута грядя.
Вот перелегка напослонила блюда.
Вот к яблокам уста прижиди апельсины,
А к чашам золотым — рубиновые вина.
Нарциссы ясных глаз! Фиалки! Слово сад.
Всю эту ширь шатра воспринимает взгляд⁷.
К гранатам нежно льнут те ветерки, в которых
Есть взворотливость, как в пляшущих танцорах⁸.
Все пьют и поднят мир душой своей живой,
Все утро проведя за чашей крутой.
Звук чангов, проносясь во вздохам легковоющих,
Завесы все сорвал; всех выдал он и любленных,
О пехлевийский лад! О чанга грустный знои!
И в камне бы огонь зажег столь нежный стон.
Вздохнула кеманча, подобно Моисею⁹.
И вымолвил певец: «Я с ней поспорить смею».
И песню он заел и струнам дал ответ:
«Веселью мой привет и радости привет!
О, как бы сладкий сад, сад жизни, был прекрасен,
Когда б осенний хлад был саду не опасен!
О, как бы весел был чертог, чертог времен,
Когда б на все века он мог быть сохранен!
Но ты не доверяй холодному чертогу!
Чуть место обогрел — тебя зовут в дорогу.
О праха монастырь! О мир — непронный храм!
Так вылей же вина — предай его ветрам!
Прошедший смутен день, грядущий день — неведом
За днем умчавшимся другой умчится следом.
Хоть день сегодняшней как будто бы нам дан, —
Но вечер близится, и этот день — обман.
Так смейтесь же, уста! Так отлетай, кручина!

Пусть в мир и нам в сердца вливают радость вина!
 На эту ночь одну промовли сну: «Долой!»
 Ведь бесконечно спать придется под землей»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

Хосров уже хмелеет. Не медлит кравчий. Звучи
 Порхают: чаг поет о встречах, о разлуке.
 Рабыня нежная вошла, потупя взгляд,
 И вот услышал он (пропавший найден клад!):
 «Шапур приема ждет. Виустить его ниль надо
 Сказать, что поздний час для встречи с ним —
 преграда?»

Хосров обрадован. Векочил, затем на трои
 Себя принудил сесть, к рассудку возвращен.
 Он входа распахнуть велит сейчас же полог!
 Дух завизел: ведь был срок ожданья долог.
 И жил с душою он, раздвоенной мечом,
 И скорбной тьмой одет и радостным лучом.
 Мы идем — и сердце в нас разбито на две части.
 Взор не сводить с дорог — великое несчастье.
 Повзгода каждый терзает нашу грудь,
 Повзгоды худшей пет — безлюдным видеть путь.
 Коль в горести, о друг, ты смотришь на дорогу, —
 Со счастьем дни твои идти не могут в ногу.
 И вот Шапур вошел — Парвиз его позвал —
 И подслушавши он прах разрисовал?
 И, стан расправивши, стоял он недвижимо
 С авторностью, что нам в рабах вседневно зрима.
 И, на художника сложивши приветный взор,
 Хосров сказал: «Друзья, покиньте мой шатер».
 Шапура он спросил про горы и про реки,
 Про все, на что Шапур в скитаньях поднял веки.
 С молитвы начал речь разумный человек:

«Пусть шаха без конца счастливый длится век!
 Войскам его всегда лететь победной тучей.
 С его чела не пасть венец благополучий.
 Его желаньям — удаче быть вождем.
 Пусть дни его твердят: «Мы лишь удачи ждем».
 Все бывшее с рабом в пути его упорном
 Является ковром — большим, хитроузорным.
 Но если говорить получен мной приказ, —
 Приказ я выполню; послушай мой рассказ».
 С начала до конца рассказывал он мерно
 О непомерном всем, о всем, что беспримерно,
 О том, что скрылся он, как птица, от очей,
 Что появился он, как между скал ручей,
 Что он у всех ручьев был в предрасветной раи,
 Что смастерил луку, уподобясь Муклаине,
 Что к лику одному — другой припал с алчибой?
 Что бурю лодил он умелой ворожкой,
 Что сердцу Сладостной, как враг, нанес он рану
 И к шахскому ее направил Туркестану?
 Когда его рассказ цветка весны достиг?
 Невольный вырвался у властелина крик.
 «Мне повтори, Шапур, — вскричал он в ярой
 страсти, —
 Как сделалась Луна твоей покорна власти?»
 И геометр сказал: «Я был хитер, и рок
 Счастливый твой пошел моим узловкам впрок.
 Был в давке лучника твой мастер стрел умелый,
 И выбрал нужный дук, давно имея стрелы».
 Едва сыскал Ширин, не напрягая сил,
 Серебряный кумир уже и уносил?
 Уста Ширин ни к чьим устам не прищипали.
 Лишь в зеркале — в хмелю — свои уста ласкали,
 И рук не обвила вокруг человека. Ночь
 Своих кудрей не вить лишь было ей невмочь?
 Так тонко стан ее, как самый тонкий волос,
 Как имя Сладостной, сладки уста и голос,
 Хоть весь смутила мир прекрасная Луна,

Пред образом твоим смутилась и она,
 Ей сердце нежное направивши в дорогу,
 Я на Шедбиза речь направил понемногу,
 Делящую Луну копь поднял вороной.
 Так все исполнено задуманное мной.
 Здесь, утомившийся, остался я на время,
 Хоть должен был держать я путьницу за стремя,
 Теперь, все трудности пути преодолев,
 Она в твоём саду, среди приветных дев,
 Художника обняв, подарками осыпав
 Его Хосров, — и дёнь Шапуру светлый выпал.
 На рукаве свосем «Сих не забыть заслуг» —
 Парвизом вышито. Был им возвышен друг⁹,
 Луна в источнике, миг их нежданной встречи,
 Поток её кудрей — все подтверждало речи.
 Смог также государь немало слов найти,
 Чтoб рассказать о том, что видел он в пути.
 Да, птичка милая — им вся ясна картина —
 Перенорхнула вмг в пределы Меданна.
 Решили всё. «Я вновь, — сказал Шапур, — лечу,
 Подобно бабочке, к прекрасному лучу.
 Вльвь изумруд верну и рудинку. Дурмана
 Жди сладкого опять от нежного рейхана»¹⁰.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

Прекрасен край, где смех свою находит сень,
 Прекрасен день, когда он молодости день.
 На свете ничего нет благодатней жизни.
 Что юности милей? Вино веселья, брызги!
 Веселенной властелин, венец державных прав,
 Был юн и радостен, имел веселый нрав.
 Глотка вина испить не мог бы он без песни,
 За песней чаша дней казалась полновесней.

Не плату он давал своим певцам за труд, —
 То жемчуг им дарил, то лад, то изумруд.
 И вот он пировал, вино его кипело,
 Вошла Михин-Бану, с Хосровом рядом села.
 Ей оказал Хосров особенный почет.
 Приятно речь его любезная течет.
 Снедь подана; Хосров — им прервана беседа —
 «Барсема вача» ждёт от чинного мобеда.
 За каждой трапезой, что совершал Хосров,
 Обычай сей блюсти он с радостью готов.
 «Барсема вача» в том обычное значенье,
 Что приступить к еде дастся разрешенье.
 Мобед решает все. Он молвит, снедь одна
 Годна к приятно, другая — не годна.
 Вот Госпоже Хосров сказал: «Вина отведай», —
 И потчевал её за тихую беседой.
 И с той, которой все для радости дано,
 Из чаши царственной царевич пил вино.
 Когда ж он захмелел, испив из горькой чаши,
 Он речь повел о той, что всех на свете краше.
 И, молвя о Ширин, он слов не оборвал,
 Лиюющий в душе, он — соболезповал.
 «Твоя племянница выросла такой пригожей,
 Такою стройною и с дивной розой схожей,
 Но необузданный её похитил копь!
 И скрыт её очей пленительный огонь!
 Сегодня был гонец; с ним все реняя вместе,
 Мы поняли, что к нам о ней доходят вести.
 Коль я останусь тут недели две, — Луна
 Отыщется. Поверь, — узнаем, где она.
 За розою гонца отправлю я, продлится
 Недолгий срок, сюда влетит она, как птица».
 Услышала Бану, что молвил ей Хосров,
 И от волнения найти не может слов.
 Как прах, на землю пав, склоняется в поклоне.
 И вся её душа в её протяжном слове.
 «О, где жемчужина? Коль зрю её во сне,

То не в объятьях зрю, а в моря глубине.
 Тем, кто, добыв ее, в мою укроет душу,
 Всю душу я отдам. Я клятвы не нарушу». ²
 Перед престолом вновь она подымлет стон:
 «О месяц и Зухре! Сей любызайте трон!
 От Рыбы до Луны, всегда сбирая дань,
 Ты на обширный мир свои протянешь длани!
 Ведь говорила я, она придет. Не слаб
 Мой дух пророческий, а светлый рок — твой раб.
 Он помощь нам подаст, — и мы найдем дорогу,
 Добычу приведем к дворцовому рогу,
 Но если хочет шах послать за ней гонца,
 То надо привести сюда скорей гонца.
 Ему Гульгуна дам. Гульгун мой быстрonoгий
 Родной Шейбдиза брат; с ним все легки дороги.
 Шейбдиза бурный бег и яростен и прям.
 Так мчится и Гульгун, когда он не упрям.
 Когда Шейбдиз у той, с черногазельным взглядом,
 Сумеет лишь Гульгун с Шейбдизом мчаться рядом,
 Когда Шейбдиз не с той, что всех светлее луи,
 Достоин ей служить лишь огненный Гульгун».
 «Гульгун поможет нам. Пусть скакуна такого
 К Шапуру отведут!» — решение Хосрова.
 Сел на седло Шапур, Хосрову дорогой.
 Под ним гарцует конь, на поводу — другой.
 Он в Медани к Ширин свой бег направил скорый,
 Но с месяц все ж искал тот месяц янновзорый!³
 Стал сад Хосрова пуст, усладу не храни, —
 К игольному дворцу Шапура погнался коня.
 Стучит. Открыли дверь. Не говоря ни слова,
 Страж пропустил его, узрев печаль Хосрова.
 И радость идет в покой безвестный он,
 В чертог, построенный для светоча времен.
 Но лишь взглянул вокруг — где радости избыток?
 Он хмурится: дворец? Иль место лютых пыток?
 Как! Драгоценный перл с камнями в ладу?
 В разю рожденная запрягана в аду?

Стал лик его — рубин. Земли коснулся ликом
 Он пред жемчужиной в смущении великом.⁴
 Хвалы ее красе он все же смог найти,
 Затем спросил ее о трудностях пути,
 Сказал, что будет он, как прежде, ей пригоден,
 Что от её колода колодник не свободен⁵,
 Что и невзгоды все и трудности прошли,
 Что уж отрадный свет вздымается вдали.
 «Пусть беспokoйство ты перенесла такое, —
 Невзгоды кончены, ты дождалась покоя,
 Но грустен этот край, он горестен, уныл.
 Кто разум твой смутил и в сумрак заманил?
 Как может светлая быть с этой мглою рядом?
 Как может гурня довольствоваться адом?
 Да, повод к этому, пожалуй, есть один:
 Ведь ты — рубин; в камнях всегда лежит рубин⁶.
 В его речах узрев всю живопись Китая,
 К своим желаньям ключ внезапно обретаю,
 Ширин прикрыла лик стыдливою рукой
 И, восхвалив гонца, дала ответ такой:
 «Когда б решилась я в напрасном упованьи
 Все беды передать в своем повествованьи,
 Все то, что на своем я видела пути,
 Я не смогла бы слов для этого найти.
 Был мне указан край; когда ж достигла сада,
 Нашла проклятых в нем; взяла меня досада. —
 Ведь без присмотра рой прислужниц посягнул
 На чин дворца; в саду раскинулся разул.
 И руки, как Зухре, открыв, они в замену
 Стыдливости свою всем объявили цену!
 Невесте должно быть невиншей голубиц.
 Я удаления искала от блудниц.
 Я от неустовых, едва их постигая,
 Уединенного потребовала края.
 Они же в ревности — ведь этот пламень яр! —
 Забросили меня в край беспричинных кар.
 О город горести! О, нет мрачнее мира!

От горечи черны здесь камни, словно мирра.
 Смолила я, найдя удел мой полным злом.
 Я с ними ладила. Что сделать я могла?»
 Шанур сказал: «Вставай! К пути готовься снова.
 Все указания имею от Хосрова».
 И на спину коня вознес он розу роз!
 В сад шахских помыслов Сладчайшую повез.
 И, на Гульгуна сен и киувиши ограды,
 Ширин была быстрее, чем быстрые Плеяды.
 Благой Хумю стал блистательный Гульгун.
 И мчался, как ветер, сладчайшая из Луи.
 А вдалеке Хосров, меж горького досуга,
 Все друга номинал, все ожидал он друга.
 Да! Ожидание — тягчайшая беда.
 Но кончится оно — все радостно тогда.
 О ты, что вдали взирал, не опуская вежды!
 Надеющийся! Глянь — исполнены надежды.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Чуть опьяненный, шах вздремнул; мечтает он:
 Его благой удел свой позабудет сон.
 И вот спешит гонец, и вот он в шахском стане, —
 И развернул Слоуи рассказ об Индостане!
 Фарфор китайский — взор: он влагой полонен,
 Как волос негра — стан: весь изогнулся он.
 О крючья черных строк! О черная кручина!
 Бесчинна смерть, — и пуст и Зенга трон и Чина!
 Где шах? Лишь ты взирай на все его края.
 Ему лишь посох дан, уж нет ему конья!¹⁹
 Владыка мира, верь, уж не увидишь мира,
 А ты — владычеству, тебе дана порфира.
 И приближенные, а было их не шесть.
 Друг другу не сказав, ему послали весть.

«Остерегайся. В путь разбирайся во мгновение.
 Мир выскользнет из рук, опасно промедление.
 Хоть в глине голова, — ты сам ее не мой.
 Хоть слово начал ты, — умолкни, как немой».
 Когда Хосров узрел, что дней круговоротом
 Он трону обречен и горестным забытым, —
 Постиг он: с индиги хранит поспешный рок
 Бакан, и укус дней от меда недалек,
 И воздух, что родит земли неверной долы, —
 То шершня кружит он, то в нем летают пчелы.
 Она, почести, любовь, и злость, и яд
 С напитком сладостным — все это дни таят.
 Земля! Какой ручей ты не засыплешь прахом?
 Твой камень много чаш одним ломает взмахом.
 Кто скован бытием — идет путями бед.
 Покой — в бытии. Пути другого нет.
 Брось на ветер скорей свой груз напрасный — душу!
 Замкни темницу за, моря забудь и сушу.
 Весь мир — индусский вор; чтоб он не отнял кадь,
 Чтоб не скрутил тебя, — с грабителем не ладь!²⁰
 Знай, в этой лавочке ты не отыщешь нитки
 Без колющей иглы, лишь иглы в ней в избытке.
 Вот тыквенный кувшин, вода в нем, что кристалл,
 Что ж от водянки ты, как тыква, желтым стал?
 Деревьям лишь тогда в весенней быть одежде,
 Когда все почки их разломятся, — не прежде.
 Пока не сломит рок согнувшийся хребет,
 Он снадобья не даст для исцеления, нет!
 Наденешь саван ты, зачем же — молви толком —
 Как шелковичный червь, ты весь облекся шелком?
 Зачем роскошество — носил бы полотно.
 Тебя в предбаннике разденут все равно!²¹
 В простой одежде будь, она пойдет с тобою,
 Пока ты бродяши здесь дорогою любовью.
 Ты отряхни подол от множества потреб,
 Доволен будь, когда один имешь хлеб.
 Творить неправду, мир, намерен ты доколе?

Тебе — веселым быть, мне — корчиться от боли?
 Я в горе — почему ж твой слышится мне смех?
 Я свержен — и тебе я не хочу утек.
 Ты продаешь ячмень, а нам кричишь: пшеница!
 Ячмень в твоём пшене сгнивающий таятся.
 Я — лишь зерно пшена, и желт я, как ячмень.
 Пшеницы мне не дав, молотъ меня не дель?
 Довольно предлагать да прибирать пшеницу!
 А мне — быть жерновом, перетирать пшеницу!
 Уж лучше в омуте, где ночь, лишь ночь одна,
 Ловить ячменный хлеб я буду, как луна.
 О Низами! Из дней уйди ты безотрадных,
 Весь этот грустный мир оставь для травоядных.
 Питайся зернами да езди на осле.
 Ты жди Исй, томясь в земном житейском зле.
 Ты — ослик. Вот и клады! Одну ты знай заботу.
 Ведь ослики — не съедь. Их ценят за работу.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

Когда промчалась весть, что царствования груз
 Велением творца сложил с себя Ормуз,¹
 Шах, в юном счастье не ведавший урона,
 В столице поднялся на возвышенне трона.
 Хоть в мыслях лишь к Ширин влекла его стезя,
 Все ж царство упустить наследнику нельзя.
 То государство он залечивал недуги,
 То взоры обращал он в сторону подруги.
 И за строительство его уж люди чтут,
 Уж много областей он охранил от смут.
 В несчастья вверженных залечивался рана:
 Шах справедливостью затмил Ануширвана.
 Но вот закончились пасаущие дела.

Опять к любви, к вину душа его влекла.
 Мгновенья не был он без чаши, без охоты.
 Когда ж он о Ширин вновь полон стал заботы —
 Спросил придворных он, что слышали о ней.
 Ему ответили: «Уже немало дней,
 Как из дворца, что там, где сумрачно и хмуро,
 Она умчалась прочь. С ней видели Шапура». ²
 Круговращеньем бед внезапно поражен,
 Шах небо укорял. Но что мог сделать он?
 Воспоминания он предавался негам,
 И черный конь прельщал его горячим бегом.
 Как ночь, его Шибдиз, ну, а Луны — все нет!
 Он камнем тешился, но помнил самоцвет³.

ШАПУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

Ширин в ее края примчал художник снова, —
 Но встреча не сбылась: там не было Хосрова.
 С Гульгуна сняв Ширин, в цветник Михин-Бану
 Ее он снова ввел, как светлую весну.
 И снова гурия меж роз родного края
 Дарила свет очам, огнем очей играя.
 И приближенные, и слуги, и родня,
 Которые давно такого ждали дня,
 Увидевши Ширин, ей поклонились в ноги
 И, прахом ставши, прах лобзали на дороге.
 И благодарственным молениям и дарам
 Предела не было, и был укреплен храм.
 А что с Михин-Бану? Да словно от дурмана,
 Ей тесно сделалось в пределах шадурвана,
 Как сердцу старому, что стало юным вновь,
 Что мнило умереть, а в нем выиграла кровь.
 Беглянки голову Бану к себе прижала, —
 И пробудился мир и начал жить сначала.
 Как ласкова Бану! Какой в ней пламень жил!
 Ну кто бы сотней стюк все это изложил?⁴

Введя Ширин в простор дворцового предела,
 Ей предложила все: «Что хочешь, то и делай!».
 Покровами стыда ей не затив чела,
 Ей омрачить чела печально не могла.
 Ведь понимала все: ее побег — сноровка
 Неосытной любви, влюбленности уловка.
 И в шахе виделись ей признаки любви.
 Ей шепот Луи открыл огонь в его крови!
 Вино бродящее укрыть она старалась,
 Свет глиною укрыть — хоть солнце разгоралось?
 Яну твердит Луи: «Покорной надо стать,
 Домашний, тихий мир, как сладобье, принять».
 И с ней она нежна и создала — в надежде
 Все прошлое вернуть — все то, что было прежде.
 И снова куколочек, прекрасных, как весна,
 Дано ей семьдесят, — чтоб тешилась она.
 Круговорот небес, что кукольник, баюкал
 И пробуждал к игре сереброгрудых кукол.
 Ширин, увидев их, — как прежде порою,
 Луною рассекла веселый звездный рой.
 Ширин опять в дому. Как праздник новоселья —
 Опять открыт базар досуга и веселья.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Победы ключ сверкнул. Он грозен стал: могуч
 Рассудок — золотой преодолений ключ!
 Рассудок победит могучих с их мечами.
 Венец, прельщая всех, царит над силачами.
 Лишь разуму дано тьму воинов смести, —
 Мечом ты их сметешь не больше десяти.
 На трон взошел Парвиз. Все помысли Бехрама
 К парвизову венцу влекли его упрямо.
 И он схватил венец, когда к нему простер

Он руку ловкую. Был ум его остер
 И клевету творить Бехраму — не в обузу.
 Он всем шептал: «Хосров пронзил глаза Ормузу»,
 Хоть знал он, что когда Юсуф умчится вдали,
 Якубу — света нет: все затемнит печаль?
 Он тайно разослал посланья людям разным,
 Благое исказив рисунком безобразным.
 «Ребенку ли владеть вселенной суждено?
 Отцеубийце быть владыкой не дано.
 Ста братьев кровь прольет он за глоток напитка,
 Напитка, что в домах имеем до избытка.
 Арфисту — царство даст: над арфами дрожит.
 Что царство! Песнею он больше дорожит.
 Горячий — он путей к делам не примечает,
 Незрелый — он добра от зла не отличает.
 Клеймо любовных игр горит на нем. И страсть
 К неведомой Ширин над ним простерла власть
 Зол. обезглавливать за малое готовый.
 Утратив голову, не обретают ною,
 Оковы бы сковать, чтоб им греметь на нем!
 Исправить бы его железом и огнем!
 Пусть покорится нам! Не покорится — верьте,
 Отцеубийцу нам предать разумней смерти.
 Ему закройте путь, нежданый меч воздев,
 И знайте — я иду, могущественный лев».
 Вот так-то этот лев, взыскающий признанья,
 Свел шахских подданных с дорог послушанья.
 И видит шаханшах — счастливый рок смущен.
 И подданных своих в смятенный видит он.
 И силу счастья он крепил казной златою,
 И слепоту врага он множил слепотою³.
 И так тянулися дни. Но враг привел войска, —
 И тотчас поднялась восставшая рука.
 Опоры не было — был сломлен трон Парвиза, —
 И с трона пересел он на спину Шебдиза.
 От вихрей, взвившихся из-за камней венца,
 Эту голову унес: она ценней венца.

Уж всеносца нет. Владычества порфира
И мира — брошена возжаждавшему мира.
Когда по воле звезд узрел смятенный шах
Меча бехрамова над головою взмах,
В сей шахматной игре, что бедами богата,
Без «шаха» для него уж не было квадрата.
С удовок сотнею, свои потерявши сан,
По бездорожью проникнул он в Арран.
Оттуда он в Мугань направился: в Мугани
Жила Ширин; в сей храм свои понес он дани.

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

Сказитель говорил: мое познание пей.
Когда Хосров Парвиз, домчавшись до степен,
Стрелял и стрелы в дичь без счета попадали, —
Вдали взметнулась пыль: неслась Ширин из дали.
В кругу своих подруг с дворцового двора
Ширин охотиться отправилась с утра.
И два охотника одним замкнуты кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом.
И стройных два стрелка, дворцов покинув сень,
Друг в друга целились, как целятся в мишень.
Два друга — им любовь, как хмель, затмила око —
Пылая, всех друзей оставили далеко.
Хосров — ему венец рука судьбы дала;
Ширин — та сто венцов с Хосрова сорвала.
Здесь — гиаинты кос над нежной розой гнутся,
А там — по розам щек их лепесточки вьются.
Здесь — амброю кудрей прикрыты уши, там —
Арканы мускуса сплзают по плечам¹.
Здесь — облачко пушка вокруг луны играет,
Там — подбородка грань луну оберегает².
Глазами так они друг другу жгут глаза,

Что на зрачках у них уж светится слеза.
Вблизи Ширин — Парвиз: их бег согласный страстен,
Гульгуна обогнать Шейбиз уже не властен.
Ну как заговорить? Она Ширин. — иль нет?
Парвиз ли перед ней? Достаточно ль примет?
И вот лазвали их. И вот, узнав друг друга,
Без чувств, упав с коней, они лежат средь дуга.
Беспмятельство прошло, и, головы подняв,
Они свой жемчуг слез рассыпали меж трав.
И, встав, беседуют, по правилам дворцовым
Друг другу поклонясь. Но много ль молвишь словом?
О благе и о зле сказали все, — и вот
Примолкли: «Ждать и ждаты!» — лишь это разум
жжет

И, чтоб связать с землей ширь голубого крова,
Как птицы на древа, на седла сели снова³.
Тут каждый, кто скакал, поводья натянул,
Коней под лунами глухой умолкнул гул⁴.
И видят спутницы: Луна и Солнце рядом⁵
И, встретясь в синеве, друг друга манят взглядом.
В их души обронею огонь любовных спов.
Как бы вдавились в топь копыта скакунов⁶.
И подъезжавших всех дивило это диво:
Они — равны красотой, все в них равно красиво.
Шептали муравьи, что в тесный круг сползлись:⁷
«Взгляни, сам Соломон и савская Билдикис».
Все новые войска спешили, подъезжали.
Хосрова и Ширин рядами окружали.
Когда сомкнулся строй на склонах ближних гор,
Стон сдавленной земли был для Быка — укор⁸.
И говорит Ширин: «Твой свет на всех высотах!
Как тысячи рабов, и я в твоих тенетах.
Твой царственный престол земле дарует честь.
О благе твой венец в лазури направил весть.
Хотя семь областей, во всем их протяженьи⁹,
В твоём, о царь земли, находится владеньи, —
Недалеко от нас — подарок пышный твой —

В узорах высится шатер наш кочевой.
 Коль снизойдет к нам шах и примет просьбу нашу,—
 Чтоб услужить ему, я стану своей препояшу¹⁰.
 Коль слон покажет на муравья ковер, —
 В восторг придет мураш, его заблещет взор¹¹.
 Промолвила государь: «Коль ты приниет готова,
 Войду, возликовав, под сень благого крова».
 Склонилась ниц Ширин, чтоб юношу почтить,
 И словословий вновь ему сплетает нить.
 На сменных скакунах она к Бану послала
 Служителя, — и та не медлила шмало:
 Известье получив, хозяйственных хлопот
 Не устращается: Хосрова в гости жлет.
 Навстречу выехав, под синими горами
 И Солнце и Луну осыпала дарами.
 Юнца в какой дворец направила судьба!
 Что было схоже с ним? Лишь райская туба.
 Дворец приподнят был под купол небосвода,
 Как два майдана, ширь от входа и до входа.
 Прощения прося за скромный дар, послы
 Роскошеством даров заполнили столы.
 И здесь Парвиз такой осыпан был казною,
 Что новостью о ней не скажешь ни одною.
 И вот в душе царя звучит лишь крик: «Ширин!»
 Его душою стал прекрасный лик Ширин.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

Когда свое зерно крестьянин бросит чистым, —
 Родится чистым то, что было в прахе мглетом¹.
 Коль чистый человек имеет чистый род, —
 Бредя в земной грязи, подол он подберет².
 И чистая Бану была в невольном страхе,
 Узнав и о Ширин и о влюбленном шахе.

Раздумия о них никак ей не избить.
 Ну, как ей с хворостом огонь соединить?
 И говорит она: «Ширин моя, ты сладость.
 Не только для меня, ты всем прекрасным радость.
 Твой черный томный взор — сто царских областей,
 От Рыбы до Луны длина косы твоей.
 Две тени у тебя, и тень вторая — счастье³.
 Благополуние, Ширин, твоё занятие.
 Ты освещаешь мир сияньем красоты,
 А красота твоя — в чертоге чистоты.
 Ведь ты — сокровище: так будь запечатленна⁴.
 Ведь благо есть в миру, и есть в нем то, что тленно.
 Лукаво и хитро умест мир играть:
 И красть жемчужины и яхонт растирать.
 Мне сердце весть дало, и мне, о роза, мнится,
 Что хочет царь царей с тобой соединиться.
 Коль сердце отдал он, то счастья ты не клещь
 Иного: дивную ты заманила дичь.
 Но, увидав его от истернения пьяным,
 Не покоряйся ты, Ширин, его обманам.
 Он так остер: тебе — слова любви новы.
 Страхуюсь: бесплатно он отведает халвы⁵.
 Он посрамленною тебя оставит; страстный,
 К другой он бросится, охвачен страстью властной.
 Я не хочу, Ширин, — мою запомни речь, —
 Чтоб ты скорей, чем хлеб, к нему попала в печь.
 Ведь десять тысяч роз есть у него красивых,
 Об этом говорят слова людей неживых.
 Коль мнится сердцем он к великолепию роз,
 Привяжется ль к одной, обвитый цепью роз?
 Но коль не сможет он тайком схватить алмаза,
 Не отвратит лица, чтоб не купить алмаза.
 Узнав, как ты чиста, как ты ясна на взгляд, —
 Ко мне он явится. Так правила велют.
 Озарена небес ты будешь чистым лопом,
 И наградит земля тебя царевым треном.
 Коль чистоту души мечты твои таят, —

Противоядием преодолеешь яд.
 Но, если б овладеть тобою смог влюбленный,
 Тебя он, верно б, счел беспечной, ольяненной.
 Смотри, чтоб над тобой позор твой не навис.
 Стыдом в умах людей была покрыта Вис.
 Он — месяц, ты — луна, и род наш так же славен.
 Да, мы — Афраснаб, коль он Джамшиду равен.
 Поверь, не мужество — мужчинам вслед бежать.
 Такая смелость, верь, невестам не под стать.
 Сорвали много роз, чуть приодетых в росы,
 Вдохнули аромат, — и бросили в отбросы.
 Немало было вин, что привлекали взор,
 Но чуть вкусили их, — и вылились во двор.
 Ты ведаешь сама: под праведности знаком
 Нет лучше нежных игр, чем озаренных браком»
 И сладость пьет Ширин, к Бану склонив лицо.
 Чтоб вдет совет в ушко, как рабское кольцо⁶.
 Ведь сердцем отвечать на сладостное слово,
 Столь близкое душе, давно она готова.
 И клятву крепкую дает Ширин. Зарок
 Она дает Бану: «Твой выполош урок.
 Хоть пью любовь к нему я огненною чарой,
 Клянусь, что будем с ним мы лишь законной парой».
 Так молвила Ширин и клятвою такой
 Уверенность Бану вернула и покой.
 Та разрешила ей в дому и на майдане
 Быть с гостем, чтоб иных не ожидал он свиданий.
 Чтоб он в безлюдии не требовал утех
 И все, что говорит, чтоб говорил при всех.

ХОСРОВ И ШИРИН ИГРАЮТ В ЧОВГАН

Когда проснулся мир, зарей охвачен алой,
 И ясный жемчуг звезд преобразился в дала¹,
 То солнце, чтоб часов мелькала череда,

Зухре и Муштари вручило повода².
 Он — захотел игры, она — пежна, как воздух, —
 Сказала, чтобы к ней собираться стали звезды³.
 К ней семьдесят пришло подружек, — юных львиш
 Ваволованности жару касался нежных лиц.
 Бесстрашных я сравню с самим Исфаендаром,
 Как лунниц, их сравню с самим Рустемом ярым.
 Играя же в човган, умело мчались вскачь,
 И у небес они могли похитить мяч.
 И олоясавшись и привязав колчаны,
 На седла вскинули они тугие станы.
 Прикрыв сиянье лун волною покрывал,
 К Хосрову прибыли: к нему их долг призвал.
 И приняты они хаджибом шахским были.
 Хосров был рад, что здесь об играх не забыли.
 Он восхвалял Ширин и поднялся; на трон,
 Правей себя, Ширин усаживает он.
 Что видит он? Да тех, что дух смущают смелый,
 Двор, полный сахара, гостинцев город целый!⁴
 Как будто не они и ловки и храбры.
 И на конях вершат все трудности игры!
 Прослушав их призыв приветный, величавый,
 Сел на коня Парвиз. Милы ему забавы.
 И поскакали все; примчались на майдан.
 И луноликих взор стал от веселья пьян.
 На лунах нежных лиц был солнца отпечаток.
 Оди орлы вокруг, не стало куропаток.
 Тут птахл каждая уже иной была:
 Для роши — голубки, для дичи — соколá.
 Хосров сказал Ширин: «Давай-ка, погоняем
 Коней! Давай-ка, в мяч немного поиграем».
 И вот бросают мяч и клюшку для царя.
 Порхает дивный рой, от радости горя.
 От клюшек ивовых вся площадь лесом стала.
 Луна от блеска лун явила цвет сандала⁵.
 И клюшки каждый взмах, что мяч у ветра брал,
 Над синим воротом мяч солнечный ломал⁶.

С той стороны — Луна в веселом звездном круге,
 А здесь — Хосров скакал, и с ним скакали слуги.
 И лев и лань в човган задумали играть,
 И сокол и фазан — набегать совершать.
 Ширин схватила мяч. Хосров — хватает следом.
 Приходят чередой они к своим победам.
 Но вот оставлен мяч: он более не нов.
 Они вокруг лошади помчались скакунов.
 Летят Шибдиз, Гульгуи — являясь как бы знаком
 Того, что светлый день стремится вслед за мраком⁷,
 И вот с майдана в степь направлены каждый конь.
 За дичью гонятся. Нет радостней погонь!
 И столько дичи тут их пастреляли стрелы,
 Что числам не дано найти ее пределы.
 И конья роют прах, пронзить его спеша, —
 Онагры примут их за стебли камыша.
 Хосров глядит вокруг, безмерно он дивится:
 Тут дивной ловкости полна любая лявца.
 Все эти всадники, свой натянувши лук,
 Покрыли ланями трепещущими луг.
 И каждая была как бы Хумой в полете,
 Играя в мяч, а здесь — драконом на охоте.
 И на Ширин Хосров глядит исподтишка.
 Что выпадет ему? Охота нелегка.
 Внезапно, увидав газели быстрой спину,
 Подумал шах: «Стрелой газель я наземь кинчу».
 Но легкая газель, мелькнув пред ним едва,
 Уж больше не газель: она сильнее лва.
 Из-за охотника, что стал его кумиром,
 В дичь превратится тот, кто всем владеет миром.
 Когда павлин высот покинул синий сад
 И розы рвать в саду был черный ворон рад⁸, —
 Утратили свой блеск веселые павлины,
 И унесли домой их вороновы спины.
 И в гнезда головы запрятали: пора
 Им было отдохнуть; и спали до утра.

А утром ко дворцу их привела дорога,
 Вновь у парвизова построились порога.
 И на майдане вновь они играли в мяч.
 И на охоту вновь они помчались вскачь.
 Так месяц пролетел, и было игр немало.
 И в азбуке забав ни буквы не пропало.
 Но шаху не был миг, столь чамый, вручен,
 Чтоб в «деле о Ширин» поставил точку он.
 Все случая он ждал, все поджидал мгновенья.
 Но оставался ключ в оковах промедленья.
 Он молвил раз, когда уж сумрак землю скрыл,
 А все ж Хума любви не распустила крыл:
 «Ширин! Царящая над всем прекрасным! Счастье
 К тебе стремится свой взор, ждет от тебя участь.
 Давай-ка, поутру веселием любым
 С тобой одержим верх над сводом голубым!
 Давай, возьмем вина, чтоб нашим сладким делом
 Стал пир, чтоб счастья свет нам сделался уделом.
 Грустим, смеемся ль мы в ограде, у ворот,
 Равно подхватит нас времен круговорот.
 Нам времена умчат, как всех они умчали.
 Но счастье лучше слез, а радости — печали».
 Тут пальчик свой к очам преподнесла Ширин⁹.
 «Спокойной ночи, шах!» — и вот Хосров — один.
 И, устремясь к луне, к светилу синей ночи,
 Мечтает шаханшах, чтоб ночь была короче.

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИН

Уж старец-небосвод, одетый в бирюзу,
 Дал молодость цветам и оживил лозу, —
 И нежных роз цветник для юных и для старых
 Вновь блещет в розовых и золотых пожарах.

Пусть роза царствует! Фиалки, как павлин,
Свой расстилают хвост по зелени долины.
О, сколько птиц! О зvon — к любви взывать
готовый!

В былых влюбленностях жар пробудился новый.
Веселым стал Хосров; Ширин с ним хороша.
И вспомнил мир весну, веселие дыша. —
Влюбленный, радостный, отринув проволочку,
Играя, разорвал он розы оболочку¹.

А та — взнесла свой стяг, — ведь так отрадно ей:
Прогнали воронов отряды голубей².
Жасмин за кравчего. Призыв нарцисса: «К чаше!»³
Фиалка с розою в хмелю нежней и краше.

Снял с женственных цветов покровы ветерок
И оживлял и звал всех тех, кто изнемог.
А ветер зашумел, затем — единым духом
Согнул «зрачок быка», выиграл «слоновым ухом»⁴.
Земля — ковер; взгляни — весь в анемонах он.
«Мышиных ушек» он узором озарен⁵.

Вон кипарисы ввысь свои вздымают станы,
Свои рубахи рвут от страсти тюльпаны⁶.
Фиалок завиток сцепился с завитком,
А слух шиповника зашептал ветерком⁷.

Рейханы прячут лик, страшась отдаться взорам,
Древа плодовые — под свадебным убором⁸.
А воздух, росами осыпав каждый луг,
Дал изумруду перл движеньем легких рук⁹.
Земля родящая свое забыла бремя:
Уж родилось цветов ликующее племя.
Пьяны веселием газели: сосунки
Снуют близ матерей, игривы и легки.
Фазаны на рейхан роскошным опереньем
Склоняются; рейхан украшен их гореньем.
И ветка каждая — весны цветущей дар.
И роза каждая взяла в ладонь нисар.
Вот песни соловьев, вот песни куропаток —

В них терпение, в них страсти отпечаток.
В те дни, когда кругом любовью все полно,
Грех не любить. Весной — влюбляться суждено.
Хосров с прекрасною бродили днем и ночью,
Склоняя взор к цветам и к травкам зорбчюю.
То пили на лугу сок благодатных роз,
То на горах они собирали пламень роз.
Они с вином в руках, меж роз, по изумруду,
Хмельные в этот день подъехали к Шамруду.
И спешились они; и плещется Шамруд.
Сидят; поет певец, звенит и плачет руд.
С сахароустою легко достигнешь чуда:
Как сахарный тростник, простой тростник Шахруда.
Красу окрестностям ее дарует стан,
Как жемчуг ракушке порой дает Нейсан¹⁰.
Глишь, мускус этих кос дороже амбр; пропала
Вся есь у сахара пред медом рьяным лала¹¹.
Ее улыбок мед весь сахар приманил, —
И в Хузистане плач варений слышен был.
Кусту прекрасных роз промолвил стан: «Достоин
Ты охранять меня, ты мой надежный воин».
Жасмин, что краше роз казаться мог легко,
Страдал: был по уши влюблен в ее ушко.
А роза, разглядев ее глаза, во власти
Свирепой ревности рвала себя на части.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

С Ширин гуляет шах меж радостных долин.
Прекрасно все окрест, прекрасно, как Ширин.
Когда желанная — вершина мироздания,
То место каждое есть место любованья.
И отдыха ниша, глядя: невдалеке

Лишь лютин цветет на сладостном дужке,
 И, козышками прах в таком раю ударив,
 С поспешностью шатер воздвигли государя.
 Гулямя, девушки вокруг шатра видны —
 Нить верища звезда блестит вокруг луны?
 Сидят Хосров с Ширин и песен впемяют звуку, —
 Они ведь за ногу повесили разлуку!¹
 Вот кравчий накрепил рубиновый сосуд,
 И струны говорят: дни радости несут.
 Влюбленность и вино! В них — неги презрбыток.
 Паивит царя царей сей смешанный напиток.
 И вот внезапный лев скакнул из-за куста,
 И в воздух взвил он пыль ударами хвоста.
 Как пьяный, бросился к стоянке он с размаха,
 И вземь воины попадали со страха,
 И, подскокчив к шатру и яростью горя,
 Сын доголиц лесных взметнулся на царя,
 В рубахе, без меча, в свою удачу веря,
 Нетрезвый шаханшах опережает зверя.
 До уха патнул он лука тетиву —
 И грузно рухнул лев: прозвил он сердце льву.
 Льва обезглавили. И вскоре светло-бурой,
 Умело содранной все любовались шкурой.
 И повелось в стране с хосрововых времен:
 Хоть иршестует царь — меч сохраняет ой?²
 Хоть мощен был Парвиз, как лев пустыни дикой,
 Но был владыкой он — медлительна владыки,
 В хмелю он победил своим умением льва.
 Не хмелем славен стал, а одолением льва,
 И эту крепкую, приученную к луку,
 Спасенная Луна поцеловала руку.
 Как розовой воды коснулась сладкий рот.
 И рот в ладошь царя горсть сахара кладет³.
 С прекрасных уст печать уста царя сломали,
 Чтоб не ладоши сласть, а губы принимали.
 Поцеловав уста, он вымолвил: «Вот мед!

Вот поцелует край, куда наш путь ведет».

Тот поцелуй горшом был первым, чтоб второго,
 Такого же, ей ждать от ладного Хосрова.
 Но хоть и множество мы выпьем ночью чаю,
 Все ж чаша первая милей всех прочих чаю.
 О хмель, что нам непить дает впервые чаши!
 Что нам привычных вин неогневые чаши!
 При первой чаше мы восторг найдем в вине.
 Испив последнюю, печаль найдем на дне.
 И роза первая среди весенних станов
 Благоуханнее десятка гиолстанов.
 В жемчужнице зерну отрадно первым быть.
 Что зерен перед ним последующих нить!
 И мало ли плодов мы сладостных встречали,
 И что же! Каждый плод нам сладостней вначале.
 И вот напиток нег обжег влюбленным рот, —
 И отвели они поводья всех забот.
 Спеша к безлюдному чертогу или лугу,
 Как молоко к вину, тинулись друг ко другу.
 Так руку за добром протягивает вор,
 Увидевши, что страж смежил беснечный взор.
 И за врагом они одним следили глазом,
 Другим они к цветам тинулись и к алмазам.
 Лишь на мгновенье враг позабывал свой страх, —
 Они лобзание хватали второпях.
 Когда в руках Ширин вина не примечалось, —
 То птица райская к ее устам не мчалась⁴.
 Когда ж она была беснечной от вина,
 То и на ней была любовная вина⁵.
 Так мощно он сжимал ее в объятьях рыном,
 Что горностаей ее в шелку скрывался ряном⁶.
 Так рот его впывал атлас ее щекки,
 Что меж руминных роз возникли васильки⁷.
 Тогда, из-за стыда возд синими следами,
 И по небу луна шла синими садами⁸.
 Держа в час трезвости и в ночи пьяных гроз
 Белила в скляночке, подобно розе роз⁹.

РАССКАЗЫВАНИЕ ПРИТЧ ХОСРОВИ, ШИРИН,
ШАПУРОМ И ДЕВУШКАМИ

Блестела ночь, и дня была она светлее.
И месяц плыл, и мир лежал, в сияниях млея.
Из сныевы ночной плыл животворный дух, —
Не ветер, чтоб луны светильник не потух,
Простерлась темнота, от мыслей не скрывая,
Что, тьмой укрытая, бежит вода живая!¹
И черный паланкин был тьмой лишь для того,
За полог скромности чтоб принял его².
С чела души сметен был прах рассудка грубый,
А звезды, веселясь, показывали зубы³.
В такой побудь ночи, и станет близкой цель.
К зачатям приведет любви горячий хмель.
Вон там несет Зухре бесценный яркий камень.
Там — ниже дурный дур жемчужин нежный пламень.
Лишь грузами ослов измерить мускус трав!⁴
И воздух — снадобье из сладостных отрав.
Что амбра ветерок! Нежней он с каждым взмахом.
Стал ароматом прах, стал мускусом, не прахом.
Вся область воздуха, где ширится весна,
В злое лучшее весной превращена.
Мелодия Зухре течет во мраке. Вина
Готовится. Луны сияет половина.
Как бы придворных круг, созвездий рой возник,
А с ними Утарид — придворный танцовщик
Бубенчиками птиц звенит ночная риза.
Что колокольчики пред ними Шевавиза!
И все живущие, всю приготовив съезд,
Расселись вокруг нее, чтоб весело запеть.
Различно пели все — и ююши и девы,
Но с песней сумрака сливались их напевы.
Сидел на троне шах, его был светел вид,
Он был, как Феридун, и был он, как Джемшид.
И так в его душе Ширин сияли очи,
Что о светильниках забыл он и о ночи.

Рейханов аромат и луга ветерок,
Как весть о нем, пришли к Прекрасной на порог:
«Таким сиянием звезд бывала ль ночь богата?
Кто ведал веянье такого аромата?
Что миг свидания за далью дымных туч?
Ведь мы с тобой лучи, так пусть мы видим луч.
Мы — кровь; что ж кровь твоя, о, молви, не в
кишенья!»

А коль она кипит — зачем же в отдаленны?
Вдыхать ли? Столько нег и прелести в ночи!
Что ж хлеба нам не печь, коль печи горячи?
Весна не каждый день цветет на этом свете.
И дичь не каждый день к нам попадает в сети.
Ведь яства — для еды, а дело, коль оно
Затеяно, должно быть в срок завершено.
Хлеб на охоту взят. Не пропадать же хлебу,
Чтоб рыбам он пошел и птицам на потребу!
Про хитрую лису поведал притчу волк:
«Я — рыскал, ты — взяла. Какой же в этом толк!»
Луны пленительной достигли эти мысли,
Ее колебля путь, над ней они нависли.
Но все-таки в цепях был ею сдержан див,
И к клятве ангел влек, от дива оградив⁵.
Вот там — воздыгали трон царевич для Хосрова.
Вблизи — чреда рабов, служить ему готова.
Пред троном встал Шапур, друг золотых ночей,
Как пред сокровищем нежданном казначей,
А там — язычником сверкающее чудо⁶,
И десять вокруг него сият гранатоврудых.
Вот — Эджебуш, а вот — Сухейль и Фелекназ.
Здесь — Хамиля, Хоган и Ференгис — алмаз.
Там — Гохермульк видна, там — Сементурк; за него
Лик Перизад; за ним — зрим Хамаюн — лилею⁷.
И все они, смеясь, рубин пустили в ход⁸,
Гранатовым цветком у каждой лик цветет.
Вот скатерти стала уж нету; опьянены
Ее свернуло. Ум, бежав, нашел спасенье.

И, к Лунам обратясь, шах отдаст приказ:
Всем — каждой в свой черед — рассказывать
рассказ.

И вот сидят они: ярки у них рубины.
Сидят, явя луны, а в уши вдев рубины⁹.
У каждой брови — лук, у каждой взгляд — стрела.
Все мыслят правильно и знают все дела.
И каждая из них тут расточала сахар,
А сладкая Ширин разогорчила сахар.
Вот Ференгис слова, как скакуны, летят:
«Была некогда судьбой в земле припрятан клад.
Но подчиняться ли судьбе, ее обидам?
Взрыла землю царь Джемшид, клад вынут был

Джемшидом»¹⁰.

Сухейль сказала: «Там, где кипарисов стаи
Свое начало взял, разгуливал фазан.
Но сокол полетел — таков его обычай —
И нежный стал фазан мгновенною добычей».
Сказала Эджебуш, что с сахаром в ладу;
Скажу о розе я, раскрывшейся в саду.
И птица райская порою таит угрозу:
Она схватила в клюв, она умчала розу».
Еще находчивей сказала Фелекиз:
«Чтоб видеть мир — один у нас был только глаз,
Но глаз другой пришел; они сошлись — и сразу
Стал мир видней. О глаз! Иди к другому глазу».
Сказала Хамия: «Блестящий, как луч,
Меж свежей зелени струился чистый клюв,
И мощный юный лев пришел к ручью однажды
И, выпив светлых струй, уж не страдал от жажды»
Сказала Хамаюн: «Был в россыпи рубин.
Еще кунец о нем не ведал ни один.
Но прибыл властный царь, — и счастье поспешило.
И в завиток венца рубин оно вложило».
Сказала Сементурк: «Однажды рождена
Была жемчужницей жемчужина; она
Ведшем небес между бок о бок скоро

С прекрасным яхонтом царевого убора».
Сказала Перизад: «Вся видела страна,
Как весело в степях охотилась Луна.
Но вот пришло с небес великое светило
И в плен оно Луну внезапно захватило».
Пришел черед Хотан, чей разум был глубок;
«Рос тополь некогда; был тополь — одинок.
Свободный кипарис к нему приник, и взглядам
Они усладу льют, друг с другом вставши рядом».
Вот Гохермулк слова упали с алых уст:
«И для Венеры мир был сумрачен и пуст.
Но счастье родилось. Какой измерить мерой
Восторг сближения Юпитера с Венерой!»
Заговорил Шанур, настал его черед.
Словам любви звучать приказ он отдаст.
«Был в чаше — мед Ширин; как масло — страсть

Хосрова

Над медом пролегла. Я краски вспомнил снова,
И ловкость у меня сливать их такова,
Что я шафраном стал. Так создалась халва».
По-пехлевийски он добавил им: «Вы оба
Да славитесь вовек! Быть рядом нам до гроба!
Еднородные! Вы для вселенной — свет!
Не разрывайте уз: вам разлученья нет!».
И потекли слова с уст ароматных Сладкой.
Стал воздух мускусом от этой речи краткой.
Застенчиво склонясь, промолвила Ширин:
«Был дух мой без любви; он бедствовал один.
Мне послан был Шанур; он ловок был и ярок.
Мне сердце разорвал сверкающий подарок.
Хоть все начертано и час любви настал, —
Предначертание Шанур мне начертал.
За то, что в сладких снах я вижу лик прекрасный,
Сгораю от стыда, мой лик — за тканью красной.
Из рук царя царей я этот кубок нью.
Склоняю, как раба, я голову свою.
Да буду я всегда под венценосным кровом!

Да счастливо всегда руководить Хосровом!
 И вымолвил Хосров: «Леса преодолев,
 По дугу шествовал однажды черный лев.
 Но дням его предел, знать, был назначен ланью.
 Лань кинула петлю, — и лев был схвачен ланью.
 Я — лев, которого Ширин — стрелы быстрей —
 Заполонила в сеть из мускусных кудрей.
 Я — пламень; коль Ширин пылать мне не поможет,
 То погубить меня подувший ветер сможет¹².
 Коль драться выйдет лев среди равнины со мной, —
 Сражу, коль будешь ты, моя Ширин, со мной».
 Друзья согласные веселый круг смыкали,
 И слову каждому они рукоплескали.
 Как ветка пыльная, душа дружка: чиста
 Вмиг станет — постучи лишь кончиком перста.
 Едва замрет Ширин — и запыхает снова,
 И сердце в трепете все требует Хосрова.
 И чаша — вся полна, и губы — не скупей,
 И говорит она Хосрову: «На! Испеи!
 Да усладишься ты сладчайшей этой чашей!
 Да буду для тебя всего на свете краше!
 Как роза, все пышней владыка расцветал:
 Ведь лалы просверляя сверлящий сердце лал¹³.
 «О чаша! — он молил. — Ночь собрала пожитки¹⁴,
 Книи, чтоб смех Ширин мне слышался в избытке!»
 Он восклицал: «Заря! Нет, зубы ты не скалы!
 Пусть не смеется, нет, востока злая даль!»¹⁵
 Созвездья на руке у каждого кумира
 Играли в перстенок в часы ночного пира.
 Но лишь заря взошла — убрали перстень прочь!¹⁶
 Ведь прокричал петух, ведь миновала ночь.
 Кумиры, сменой чаш насытившись веселой,
 Помчались к городу, степные бросив доли.
 Был съеден целый мир, но горя — ни зерна.
 И радость на зерно — нет! — не уменьшена.
 И вновь закатный круг земной коснулся пыли,

И вновь им тесен мир, как тесен плен бутыли.
 И вот бутылки вновь им вручены вина,
 Вновь головы у них полным-полны вина.
 Во взорах радостных пошли играть алмазы,
 И небо начало перебирать алмазы.
 Вино обновлено веселье, и нова
 Над новым пиришеством ночная синева.
 И притчи вновь твердят: забудь свои кручины.
 Вновь гурин сверлят вчерашние рубины.
 Душа Хосрова вновь кшит в любви, и вновь
 За лик Ширин он лоз шьет золотую кровь.
 Вино цветистое! Павлином будь — без змея¹⁷.
 Хурмой стань рот Ширин, лишь сладостью ледя.
 Он чашу винную в руке одной держал.
 Он связку алых роз в руке другой держал.
 Он к розам припикал, склонился к чаше следом.
 Путь к взявшей сердце бил, чтоб сердце взять,
 несведом.

Напитком горестным душа была полна.
 Он сладостно взирал: как сладостна Луна!
 Глазам заговорить дает он приказанье.
 Ведь было их речам помехою — лобзанье.
 Ему из-под ресницы блеснул мгновенный свет, —
 Так на слова зрачков он получил ответ.
 Они, припрятав речь в своем упорном взоре,
 Сказали обо всем в безмолвном разговоре.
 Всю ночь не ведать сна — таков был их удел.
 Немалый ряд ночей во взоры их глядел.
 И радостно Хосров захвачен был попойкой.
 Увидеть бы Ширин пылающей, нестойкой!
 Он пламенем пылал. Как опьянить Ширин?
 Весь этот сахар, весь захватит он один.
 Но не был выдан миг ему судьбою злою,
 Чтоб в цель свою попасть он смог своей стрелою.
 Все ж радовала дух горящих глаз игра,
 И сердце радостно пылало до утра.

Когда Шебдиза мглы взизудал Гульгун рассвета¹⁸,
 И в лепестки зари земля была одета, —
 И Солнце и Луну повлек довитвы пыл¹⁹,
 Оседлан был Гульгун, Шебдиз оседлан был.
 Покинувши Мугань, домчались до Шахруда.
 Там было много вин, была там рудов груды.
 Они то дин вели на этом берегу,
 Ловя и рыб и дичь, стреляя на бегу,
 То со степи Мандур они собирали дани:
 Онагров били там и повергали ланей.
 Так тенился с Ширин Хосров Парвиз: порой —
 Охотою, порой — веселою игрой.
 Когда невеста-ночь, вставая, надевала
 На кудри синес в алмазах покрывало, —
 Невеста шаха шла, покинув паланкин,
 В собрание. Украшала собрание лик Ширин.
 Подруги сходятся; вся эта цепь жемчужин —
 Чреда невест; но шах им будто бы не нужен.
 Как много сахара! Как мало миндаля!²⁰
 Годубки кружатся — что соколу суля?²¹
 Вот чаши подняли за счастье Хосрова,
 И подняли опять и веселятся снова.
 И ночи не было без руда и певича!
 И чашам не было начала и конца.
 Вино, и милая, и молодость, и розы!
 Нет жизни сладостней, коль нету ей угрозы!
 Пленяться розами, цветущими вокруг!
 Пить яркое вино из вожделенных рук!
 Чтоб опояском рук была подруга сжата,
 Чтоб оплестись, как ильм вокруг дсервиза граната, —
 Полу возлюбленной схватить одной рукой,
 А за сердце ее схватить другой рукой!
 То взглядами искать от страсти утоленья,
 То в нарды нежности играть до утомленья,
 То прикорнуть к весне, чтоб нежила дружка,
 То вить фиалочки вокруг ее ушка²¹,
 То прошептать в глуши: «Красавица, послушай!»

То раскрывать печаль, терзающую душу
 Вот — мир! Но в мире, друг, такого мира нет.
 Коль явится — лови: его минутен свет.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДИН

Весной, в такую ночь, каких у нас не много,
 Блеснул блаженства лик, судьбы приняла подмога,
 В день, обратила ночь высокая луна:
 Ведь чашу подняла огромную она.
 И в душном пламени — о света перелеты! —
 Вновь полилось вино под зыбкой сенью пны,
 И пересвисты птиц и крики: «Нуханух!» —
 И где разлики грусть? Она ушла из душ.
 Луна ручью в стихах передавала тайны
 Их ветер толковал — толмач необлачный.
 Сад кипарисов — слуг сновал на берегах.
 Весенняя пора кипела в их сердцах.
 Один не кубок взял, а бубен. У другого
 Сосуд с водой из роз. И вина льются снова,
 И чаша не один свершила круг, — и сна
 Сердца возжаждали от сладкого вина.
 И, разрешение спросивши у Хосрова,
 Все с иршества ушли, с веселого, с парева.
 И виночерпиям уж не хватало сил,
 И дремный дух невоин покая запросил.
 Без соглядатаев укромный пир! Подобен
 Он розе без шипов: он сладок и незлобен.
 С нутри терпения шах удалится; он
 Уж загоняет дичь в желанья загон.
 Он кудри Сладостной своими съел перетами,
 Забывши о перстах, простершихся над нами!
 Ее целует он: «Я — в рабстве, ты — мой рок.
 Я — птица. Дай зерна. Попал я в твой силок.

Ты прошлому скажи: быть не хочу с тобою.
 Умнемся новым днем и новою судьбою.
 Здесь только ты да я! Ну, оглянись, взгляни!
 Чего страшишься нам? Ты видишь — мы одни.
 Горит моя душа! Я жажду благостыни!
 Ведь ты — моя судьба; будь ею ты и ныне!
 Любовь — плодовой сад, родиться должен плод.
 Во мне надежда есть, а в чем ее оплот?
 Пускай воздвигнут мост из камня голубого, —
 Коль мост непроходим, о нем не молвят слова.
 Овечью печень ждет собака мясника, —
 Да знает лишь свою: в ней горькая тоска².
 И тьма соломячков, казавшихся водою,
 Рты жаждущих воды зарыла под землею³.
 И в чашу для чего смертельный налит яд,
 Который сладостью является на взгляд?
 Сверлят жемчужину, когда она влажнее.
 Смерлить ее потом ведь было бы сложнее.
 Молочником следует барашка свежевать —
 Его, подростшего, ведь может волк задрать.
 Лишь только голубок начнет взлетать высоко, —
 Ляск не увидит он: в него вопьется сокол.
 Подобной лаву не будь, смири ненужный гнев.
 Есть руки у меня, чтоб стал смиренным лев.
 Хоть горд нагорный путь прыгучего джейрана,
 Есть руки длинные у хитрости аркана.
 Пускай ветров быстрой гавель несется вскачь, —
 Собака шахская не знает неудач.
 Что родники беречь, тань под спудом кудри?
 Ты, подать уплатив, поступишь всех премудрей.
 Конец! Где сахар твой? Знать, сто хараваров есть?
 Что ж двери на замке, коль сахара не есть?
 Ведь индико, торгаш, находит спрос; уныло
 Не дмурыся. Вскрой тюки, будь ты хоть в глубях
 Нила⁴.

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

И сахар дать ответ ему был нежный рад¹.
 И был ответ его — сладчайший табарзат.
 «Я прах, — и пребывать со мной на царском троне
 Для шаха значило б — в напрасном быть уропе.
 Сохту ль за скакуна я своего осла?
 Кони арабского догнать я б не смогла.
 И хоть как всадница могу я подвизаться, —
 С охотником на львов мне все ж не состязаться.
 Моя уклончивость имеет цель, о да!
 Кто сахар ест в жару? Не вышло бы вреда!²
 Остынем, государи! Немного подождать бы,
 Чтоб сахар был тебе и мне... во время свадьбы.
 Тут на ее губе жемчужника зажглась.
 И змеями она от уст обернулась³.
 Хоть мысль ее — строга, но, клятву дам, мне
 Вещала ей душа, в томлених тайных ное,
 Пусть, рассердясь, она, как острин, остра, —
 Не страшно: розы жар — роскошнее костра⁴.
 Пусть гнев ее встает жестокой львиной гривой, —
 В нем нежный горностап укрыл свои извивы⁵.
 Пусть лук ее бровей натянут, — не грозна
 Стрела ее очей, а томлости полна.
 Пусть взор ее — копье, — ведь круг войны все шире,
 Но взор к боям готов и к сотням перемирий.
 «Не наноси мне ран», — твердят уста; спроси
 Ты их еще разок, услышишь: «Наноси».
 Хотя ее уста прикрыло покрывало, —
 Но все ж свое ушко она прятывала,
 Колечко рта сомкнув и отклонив лицо,
 Все ж понесла в ушке покорности кольцо.
 То прихотливый взгляд свергал в один мучения,
 То милосердного он полон был значения.
 Лик отвратит, и вот — предстительна коса.
 «Простите лик», — твердит ее спины краса.
 Ширин, зарев царя в алчбе кнучей, страстной

И честность в сей игре увидевши напрасной, —
 Явила блеск спины, моленья отклонила:⁶
 Вель белой серою не загасить огня.
 Иль, может быть, явя в стыдливом бегстве спину,
 В нем думала зажечь раскаянья кручину?
 Не то! Ее спины слоновокопный трон
 Напомнил царю, чтоб трон свой занял он.
 А может быть, она так поступила, дабы
 Он знал, что у любви есть разные мишрабы.
 Что странного? Одна исчезла сторона,
 Сказав: прельстись другой, еще светлей она.
 Игра лукавых дев: прогонят с глаз, — и рады
 Метать в изгнанников прищипчивые взгляды.
 Суровый скажет взгляд: «Уйди», — но, погляди, —
 Взгляд утешающий сказал: «Не уходи».
 «Нет», — молвила, но, глянь, — «да» молвила б
 охотисей.

За это я годов пожертвовал бы сотней!

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРРИН

Глядит Хосров: Луна не хочет нипочем
 Для страждущего стать внимательным врачом.
 Дерзнул он вымолвить: «О нежащая души!
 Свои укору брось. Утхин и послушай.
 И ты пила вино и мне давала пить.
 К чему ж мне пьяным быть, тебе же трезвой быть?
 Трезва ли ты? О нет, ты в сладостном дурмане.
 Ты ведь подобна мне; не думай об обмане.
 Где пташка сердца? Где? Признайся, ведь она
 Уж соколом любви в котях унесена.
 Коль тайну утаить ты в сердце мишишь, — терпенье
 Зови: ведь с сердцем ты должна вступить в боренье.
 Иль свертылая шатры, — и, протрубив отбой,

Беги с равнин войны к Капелле голубой.
 От торга, что с мечом ведется заостренным,
 Спасаться и бежать дозволено влюбленным.
 Ты знаешь: наземь тот повергнется в бою,
 Кто не сумел сдержать заносчивость свою.
 Ты сердцу своему, что жестко и упорно,
 Дай приказание быть нежным, хоть притворно:
 Коль скажет мне: «Я друг», — за друга и приму.
 Мне — будет радостно, не горестно — ему.
 Шутя предсказанный, благой удел сбывался
 Нередко. В добрый час ряд нежных дел сбывался.
 Сказал один мудрец в далекие годы:
 «Себе отрадное предсказывай всегда.
 Коль устращишься бед — прийти поможешь бедам,
 Предскажешь доброе — оно возникнет следом».
 Пусть твой рубин мне даст один лишь поцелуй.
 Коль он запретит мне, его мне не даруй.
 Но и молить о нем, губителя и яра,
 Ты запрещаешь мне! Я в пламени пожара.
 Мне страшно: раздирать свой завтра будешь лик,
 Сразив влюбленного, что в горести пошк,
 И кровь моя хватать тебя за полы станет:
 Кровь страстных не умрет и в просьбах не устанет.
 Скажи мне: если ты быть нежной не склонна,
 И в поцелуев счет игра тебе страшна,
 И целовать твой рот я не дерзаю строгий, —
 Так что ж мне целовать, рукав твой иль пороги?
 Мне поцелуй на срок — ведь я не пишич — дай.
 О рте не говорю, для пробы пишич дай!
 Дав поцелуй один, взамен получишь десять.
 Торговля добрая! Всей прибыли не взвесить!
 Харвары сахара припрятала к чему?
 Открыла б лучше дверь стремлению моему!
 Не разрешись — на все получишь разрешение.
 Всего лишешь — сама изведася лишенья.
 Пусть из ключа воды взял много водонос, —
 Ключ, вечно льющийся, ущербя не понес.
 Я — туча, влага — ты; не слит ли я с тобою?

И со своей душой готовиться ль мне к бою?
 Индеец дерзостный твой локон: в свете дня
 Нагрязнув, начисто ограбил он меня.
 Коль не управляюсь я с твоим индийцем черным,
 Сам, как индеец-вор, я стану непокорным.
 Хоть будет с топором к тебе ломиться вор, —
 Лишь крикнешь на него — уронит он топор.
 Но руку молодцу ведь не отрубят? Гладко
 Все у него идет: есть воровская хватка.
 Ты локона аркан на шею мне набрось,
 Хоть дичью тощей разкититься довелось.
 Будь покупателем — тебе продам я душу.
 Будь кравчим — и вовек я пира не нарушу.
 Тебя узрев, сдержат пыланье не могу.
 Светильник дружбы я горящим берегу.
 Кольцо твоих кудрей пусть на ухо мне ляжет!
 Я — раб. Пускай твой рот кушнить меня прикажет.
 Вести лобзаньям счет — вот сладостный удел!
 Лобзанья дай! Считать их так бы я хотел!
 Приди, чтоб вместе мы вступили в двери счастья.
 Мы станем счастливы! Судьба полна участия.
 Так сладостно дышать в сегодняшнюю ночь!
 Десь завтрашний — в пути, его не превозмочь.
 Платить наличными нам эта полночь рада.
 Ждать одоления грядущего не надо.
 Брось локоном играть! Со мною поиграй.
 Мне руку помощи сегодня ночью дай.
 Я сердцем изнемог, меня здоровым сделай.
 В свой райский сад принять меня достойным сделай.
 Ты сладостней души, ты — радости поток!
 Тебя в объятиях сжать мне предназначил рок.
 Что сладостнее — уст валь ног твоих касаться?
 Все может в сладости и в прелести равняться.
 Все тело сладостно, и все влечет уста!
 Да! Названа «Ширин» была ты неспроста!
 Так сладость расточай, ликуя, не с оглядкой!
 Не Сладостная ты, коль быть страшиться сладкой!»

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Ответила Ширин: «Как беспощаден ты,
 Прося пощады, шах! Не падай с высоты.
 Молить вовеки шах не должен о пощаде.
 С деянием худым ты должен быть в разладе.
 Ты не ищи ручья, что честь мою умчит.
 Ты от алчбы своей не жди во мне зашит.
 Ведь к цели пойдешь один лишь ты, не двое.
 Ты станешь пламенем, сгорю я, как алоэ.
 Я сердцем ласкова была и без любви.
 Меня, влюбленную, холодной не зови.
 Когда б любви базар была моя дорога,
 То радости с тобой я б испытала много.
 Но в нард с самим собой, поверь, играть нельзя.
 И только радости в пути собирать нельзя.
 Полмира нам дано для радостного пира,
 Для славы доблестной нам отдано полмира.
 Зачем же у судьбы в неподчинены быть
 И двух прославленных бесславлем покрыть?
 Самих себя стыдясь, себя оглянем строго —
 Вот лучший путь. Наш стыд есть почитанье бога
 Муж! Женщину смирити желаем не горю.
 Коль мужествен ты, ты сам себя смири.
 Тот, кто смирил себя, тот стал навеки славен.
 Себя унизивший! Никто ему не равен.
 Я деревцу сродни; во мне — я такова —
 Есть розовый шербет и сладкая халва.
 Сперва довольствуйся лишь розовой водою,
 Халву возьмешь потом; все делай чередою.
 Не думай о халве, ведь подали шербет.
 Халву внесут потом, пока на ней — запрет.
 Коль сахар есть во рту, то для чего же стану
 Протягивать ладонь за сазыстю к Хунистану?
 Настолько благостна прозрачная вода,
 Что бурю пламени воборет без труда.
 Но ежели вода покроет с головою, —
 Погибельна, хоть будь она «водой живою»»

От милой любимого привета не хотеть —
 То значит жизни мне и света не хотеть.
 Но лихорадочный, страдающий от жажды
 Скорбит, что ел хаалу хотя бы лишь однажды!

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

И видит шах: Ширин, его слова поправ,
 Не кротко говорит, забыв свой кроткий нрав.
 Он молит: «О Луна, горящая высоко!
 Упрек друзей — не зло; страшусь ли я упрека?
 Но как мучить людей, в которых сердца нет,
 Которые молчат молениям в ответ?
 Я лишь к тебе стремлюсь, о Сладостной мечтая,
 Любого поборо, тебя приобретаю.
 Я вижу: локон твой меня опутал. Ты —
 Победу иразднуешь, я — рухнул с высоты.
 Ты клятвы не нарушь. Об этом ли толкуем?»²¹
 Ты отрезви меня одним лишь пошедемом.
 Хоть молви, что ко мне придет счастливый век:
 «Хоть мертвым да пойдет на волю Мубарек»²²,
 Свиданий розами наполни мне кошину.
 Раздука стелет мне на ложе власиницу.
 Пусть розы наших встреч мне свой шербет сулят!
 О ты, цветник! Даруй ты мне хоть аромат!
 В руке — твой локон; ты ослеплена, — причина
 Того, что горькая умчалась прочь кручина.
 С тобою пью вино — как радости не быть?
 Ты здесь — ну как с тобой и сладости не быть?
 Ты здесь — и золотым становится мой пояс,
 И счастье светит мне, на радость не скупое.
 Со мной расстанешься, что камень со змеей, —
 Без розы буду я, ты — без колючки злой!²³
 Коль сеть мою поправ, помчишься по раздолью, —

Расстанусь с головой, ты — с головою болью.
 Вот сердце! Па, бери! Коль хочешь, можешь съесть!
 Я думал: друга нет, теперь я вижу — есть!
 Когда твой светлый лик мне сердце жечь не будет,
 Я сердце сохраню, но свет оно забудет.
 Коль требовать мой глаз взаимности нечет,
 Пускай мучительный почувствует он гнет.
 Но если от тебя моя душа в истоме
 Уйдет — невеста к ней придет лишь только в дреме.
 Коль ты теперь пошлешь мне хоть один укор, —
 Один твой волосок пресесть сумеет спор.
 Уснул он, прошептав любовных слов немало,
 И локон Сладостной рука его сжимала.
 ... Лишь кубок небеса пустили круговой,
 Напиток пурпурный расплескивая свой,
 Проснулся государь и кубок поднял снова.
 Еще вчерашний хмель бродил в уме Хосрова.
 И ухватила вновь его за полы страсть,
 И пламени опять его зажала пасть.
 Забушевал огонь векипавшей отравы,
 Как будто бы попал на высохшие травы.
 Ширин он сжал, сказав: «Я медлить не хочу».
 Он будто на тахту натягивал парчу.
 Спасен онагра бок от жадной львиной пасти:
 Находчивой не быть у сильного во власти.
 И, распалившись увидевши царя,
 «Не надо, — молвила, — безумствовать, горя.
 Что распалать себя? Ведь жребий незавидный
 Мне сделаться, о шах, в твоих глазах бесстыдной.
 Нехорошо, что ты таким огнем объят:
 Ведь с разогретых роз чуть веет аромат.
 Коль господин с рабом в своих речах не сдержан, —
 Соблазнам дерзостным его слуга подвержен.
 Зачем пытаешься с рабами рассуждать,
 Коль надо промолчать иль наказанье дать?
 Царь, ежели под ним царевый конь хромаст,
 Как нужного достичь, смутясь, не понимает.

Когда минует срок твоей невзгоде, — аверь,
 Тобой любимое к тебе ворвется в дверь.
 И пьяный для очей разумных не находка,
 Коль с чашей он сидит, а на ногах — колодка.
 Ты к царству устремись, а я недалеко,
 Ты в руку власть возьми, а я — в твоей руке.
 Венчанный! Без твоей быть не хочу я чести.
 И честь твоя, и я — мы быть желаем вместе.
 Честолобива я, и под ноги тебе
 Повергну душу. Я — верна твоей судьбе.
 Возрадуйся, ведь ты откроешь двери власти.
 Ликуй, твой светел рок, минуют все напасти.
 От царственных удач к любви пойдет стезя.
 В тревоге отыскать сокровища нельзя.
 С тернием ты найдешь все, что тебя мучает,
 В покое обрешь ту, что покой дарует.
 Язык, потом — слова; глаза, а после — свет.
 Поднимется лоза, вино приходит влед.
 Не в яростном жару у мудрых дело зреет,
 «От жаркой беготни козел не разжиреет»!
 Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
 Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоём.
 Могу ли дружною связаться я нестрогой,
 Быть другом, что ведет недоброю дорогой?
 Пусть ты и власть твоя — вы будете друзья,
 Тогда, о шаханшах, с тобой сдружусь и я.
 Боюсь, что коль во мне одна твоя услада, —
 Меж царством и тобой останется преграда.
 Коль будешь возвращен к могуществу судьбой, —
 То буду я, увя, утрачена тобой.
 Наследьем древним был весь мир в роду Хосрова.
 Ему ль наследьем стать наследника другого!
 Ты хочешь мир схватить — не медли же, не стой!
 Завоеватели владеют быстротой.
 Чреда верховных дел идет путем размерным,
 Но царство должно брать ударом быстрым, верным.
 В любого шаха ты поприставайней взглядысь. —

Решением быстрым он в свою вознесся высь,
 Ты юн и молчишь ты, ты создан для державы.
 Ты родом царственный, прекрасный, пелачавый.
 Стреножена страна: сбрось узы мятежа.
 Очисти, и робкий враг покается, дрожа.
 Индия, что, панав, твои поклажи вырвал,
 По-тюрокски твой венец в мгновешней краже вырвал
 Ударь мечом, и прочь отгрянет голова!
 Да канут все следы былого колдовства!
 Рука паря, что все добудет в жизни нашей,
 То быть должна с мечом, то с прирешенной чашей.
 Ты должен меч поднять и кликнуть клич; ведь шесть
 Пределов мира есть, и поиска в них не счастье.
 Удача, вымолви: «С Хосровом рядом астану», —
 Направит камень твой ко вражескому стану.
 Иль руку приложу я к делу твоему,
 Иль руки за тебя в молитве подниму.

ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ. ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРИАМ

И царь был распален ее великим жаром,
 И на Шебдиза он всколчил во гневе яроем.
 Он грозно выкрикнул: «Меня не скоро жди!
 Коль море иль огонь увижу впереди,
 Клянусь: я от огня не отврашу Шебдиза,
 И что его прижку морей кинучих риза!
 Не думаешь ли ты, что буду спать и впрядь?
 Ручаюсь: дремлющим Хосрова не узреть.
 На высоту слона теперь я земли взрою,
 И боевых слонов для смотря я построю.
 И стану я, как слон, — могучий, грозный слон
 Я на подушке спал. Я ныне пробужден.

Я, все забыв, осла завел на эту крышу!
 Свести сумею вниз! Я зов рассудка слышу.
 Кувшин, что сделала я, теперь не берегу.
 Сумел его слепить — разбить его смогу.
 Меня ли разжигать, в меня впередя очи,
 Или обучать гореть во мраке долгой ночи?
 Неисполненным желанья устрашать,
 Или мужеству меня надменно обучать?
 Моя любовь к тебе меня миров лишила!
 О страсть! Тьму-тьму людей она голов лишила!
 Я знал бы, коль во мне ты не родила смут:
 Опять края венича мне волосы сожмут.
 Не голову ль мою поймала ты арканом?
 Сняла его, но все ж я пленным был и пьяным.
 Ты мне дала вина смертельное огня,
 И опьяненного связала ты меня.
 И опьянному твердишь ты: «Поднимайся,
 На трезвого врага неистово бросайся».
 Да, мы сразимся с ним! Я вражий сброшу гнет.
 Но дай сперва уйти из тягостных тенет.
 Душа, опомнившись, движенья захотела.
 На следу двинусь я мне радостного дела.
 Да, поставленные мне хорошее дано.
 И совершится все, что ныне быть должно.
 Ты мне сказала все о том, каков я ныне.
 Ты мне поведала о зле, о благодатине.
 В былом подавленsten мне был необъятный дол.
 Мой славен был венец, мой славен был престол.
 В скитальца ты меня мгновенно обратила,
 В того, кто в горах бессменно, обратила.
 Я был пришит к седлу любовною тоской.
 Какой бы вихрь занес сюда меня? Какой?
 Пока твоя приязнь сверкала мне украдкой, —
 И речь твоя ко мне текла, как сахар, сладкой.
 Тобою от любви я ныне отрешен.
 На мой отъезд приказ тобою мне вручен.
 Я знал, что я уйду, лишь срок укажет небо,

Ведь злонамеренным я гостем вовсе не был.
 Был потлеван тобой, — и медлил потому.
 Уйду, коль хлеба ты мне сунула в суму»¹.
 Гилянского коня направил из ограды,
 Путем гилянским он повел свои отряды.
 Сердитый на Ширди, он мрачен был, угрюм.
 Поход ускориши, направился он в Рум.
 Он знал: стрела врага лететь в него готова.
 Венича не стало. Шлем — вот он венец Хосрова!
 Он, зная, что пути оберегал Бехрам,
 Скавал без устали по долам и горам.
 Четырехкрылый был под ним орел; дракона⁴
 Храпца у пояса. Бехрам! Срашись урона!
 И вот к монастырю примчался он; монах
 Ютился там. То был «Веспостижся шах».
 Ему грядущее немало дел открыло,
 И для Хосрова он нестолковал светила⁵.
 Все стало явственней. Он мудрый дал совет.
 Он изречениями открыл Хосрову свет.
 И к морю поспешил Хосров, и переходы
 Он делал о-дву-кош. И вот сверкнули воды.
 Он гнать вдоль берега гнетого не устал,
 В Константинополе кейсару он предстал.
 И призадумался тогда владыка Рума,
 И важное дело избородила дума.
 Удачею он счел для дома своего
 Приезд Хосрова в Рум; и обиял он его.
 Узнав, что в числах звезд приязнь, а не коварство,
 Прибывшему решил свог вручить он царство
 И дать — хоть воздвигал он христианства храм —
 Паризу в жены дочь — царевну Маршам.
 И меж владыками в ночь свадьбы было много
 Условий скреплено: все обсудили строго.
 О Маршам, о нем, кто счастья встретил свет,
 О том, какой он смог румийцам дать ответ,
 Как с Ниатусом он хитро, хвостом павлина
 Построил рать, о всех походах властелина

Не стану говорить; о том сказал иной⁶ —
 Бреду; а он уснул, пройдя свой путь земной.
 Коль захочу я бить былым рассказам цену
 Сказитель будущий собьет мне разом цену.

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БЕХРАМОМ И БЕГСТВО БЕХРАМА

Дни пиришества прошли, и начал собирать
 Хосров Парвиз в поход обещанную рать.
 Войска созвал кейсар; все, что сулил, — утробил.
 Он, с золотым умом, все золотом устроил.
 И собравших полков таков был грозный рой,
 Что будто бы гора катилась за горой.
 Железная гора, пыля, передвигалась.
 Как будто, вся дрожа, земля передвигалась.
 Шах оглядел бойцов, и тысяч пятьдесят
 Он отобрал; о них предания гласят.
 Он вышел в ночь, решил связать Бехрама туго.
 И чащею стал узлом, одеждою — кольчуга.
 Когда Бехрам узнал, что поднят бранный клич,
 Как сильный лев, решил добычу он достичь.
 Но с лисьей хитростью судьба замесил гибель, —
 И сила льва — ничто. Какая в силе прибыль?
 Лицом к лицу войска, мечи обнажены,
 Средние и крылам приказы вручены.
 Свист стрел и ляг мечей в своей звенящей силе
 С ума свели бы львов, слонов бы умертвили!
 Услышал бы мертвец литавров страшный вой.
 Он воя разум свой утрачивал живой.
 Златоподкованных коней в рубинах бронн.
 То — кровь; она была на латах, на попоне,
 И ржанье скакунов, чья подыхала грудь,
 Вливалось яростно в земное ухо ртуть!

И асадинок мечи, как молнии, плескали.
 Все львы воспрянули, внезапно зубы скаля.
 Смерть бытию в тот час творила занаядно.
 Сей гнев и судному не мог бы сниться дню.
 Смерть направляла в грудь и заострела дротик
 А закружила всех в своем водовороте.
 Навис железный лес, мчит острия, грозя, —
 И бегство поняло, что убежать нельзя.
 В тех зарослях онagr от льва не знал спасенья,
 А от клинков и лев не обрета спасенья.
 Не ветер проникал под розы лепестки.
 А под доспехи — стрел мгновенные броски.
 Орлы кровавых стрел! У них, пробивших латы,
 На крыльях коршунам написаны бераты⁷.
 Кольчугорезы, в мель вбирающие яд⁸.
 Кольчугоносцев спом погибельным поят.
 И кровью — брызги высь до самых звезд несутся!⁹
 Вокруг медных мунджуков полны до края блюдца¹⁰.
 Ломались коня. Ветр, что так по ним рыдал,
 К парчамам подлетев, им кудри распускал¹¹.
 И обезглавленных мужей увидя, в муке
 Земля раскрыла грудь, заря раскрыла руки.
 И перевязи асе отброшены; расцель
 Один готов врага, другой — роинет меч.
 Несется тюркский крик, труба ревет, стенаж.
 Что громче тюркского зывающего пая¹²?
 Распущенных знамен багряные шелка —
 Огонь струющийся по гушам тростника.
 О, сколько здесь мечей! И кровь на них не стынет!
 Не столько камешков раскинуто в пустыне!
 О, сколько стрел в лиски внедряет смертный яд!
 Не столько листьев плет на землю листопад!
 И на спину слона воздвигли трои Хосрова,
 И мощь его меча к сражению готова.
 Пред яростным словом стоял Бузург-Умид.
 Он с астрольябей; он срок определит.
 Базар врага шумел. Но вот пришло мгновение —

Дал морю — жемчуга, земле — алмазный клад.
 Таких сокровищ блеск не видел мир воочью.
 Светлей, чем лунный луч, они сверкали ночью.
 Как лев, свой занял он благословенный трон.
 Благословения от храбрых слышал он.
 Его печаль прияв, мир позабыл томление, —
 И мира целого он видел мирволенье.
 Его величие — сияния поток.
 Второго солнца свет весь озарил восток.
 И гул шумливого и радостного стана
 От Балха людного дошел до Шахиджана.
 И вот когда престол хосровов стал пригож,
 Ресницы Сладостной свой начали грабеж!
 И можно ль отвратить от сердца эту муку?
 И как призвать сюда ту, что сразит разлуку?
 Воздвигла Марнам Хосрову пышный трон,
 Тем троном был Иса к зениту вознесен².
 Но пусть владычества достиг он, словно клада, —
 Подруги не было, — и где была услада?
 Я знаю, радости он знал от Марнам,
 Но дух летел к другой, нестой и упрям.
 То с нашей горькою стеной он: «Где ж удача?»,
 То чашу сладкую пригубливал он, плача.
 То сердцу говорил: «Чем жар твой возбужден?
 Любовь тебе мила иль падишахский трон?
 Любовь и царство! Нет, им не ужиться рядом!
 Идти к царству устремись иль к сладостным отрадам.
 Встарь барсу неким львом совет был мудрый дан:
 «Ослицу на приплод пусти иль в Зенджан»³.
 О если, взявши трон, я не вздыхал бы сиром, —
 Моя душа снола все получила б с мира.
 Но должен я кунить, коль спит счастливый рок,
 За сто хотанских царств любимой волосок!
 Я с милой снал в саду, дуна была на небе.
 Мне ложе сторожил недремный светлый жребий.
 Уснул счастливый рок, — и пробудился я,
 И сердца не нашел. Где милая моя?

Где радости нирв, звенящих вновь и снова,
 Цветущий раб, не мгла пристанища земного?
 Где созерцание луноподобных лиц?
 Где пребывание с цариево парич?
 Где сладкая Ширри и сладкие реченья,
 Как бы сладчайших вод сладчайшие теченья?
 Где та бездремная полночная пора?
 Где сказок череда, что длилась до утра?
 Где розы лепесток тугой, сахароносный,
 Харвари сахара, что собран с розы росной?
 Где руки, что плели среди дворцовых стен
 Серебряных тенет благожеланный плен,
 И розы сладостной к шее прикосновенье,
 И глянцтов кос плетенье, расплетенье?
 О, где обаяний жар, где ласковость Луна
 В безлюдьи, в сладкий час полночной тишины,
 И кубок, данный мне с прилетом и любовью,
 И час, когда я пил к блаженства изголовью?
 Слова, что молвил я, слова, что слышал я, —
 Мне сон их нашпатель или мечта моя?
 Твердят мне: «Весел будь. Ты — солнце; ни обида,
 Ни скорбь не омрачат древнейший трон Джемшида».
 Но как же наполнять мне сладким смехом рот?
 Ютятся стоны в нем; им наступил черед.
 Кого мне призывать? К каким звать усадам?
 Злой ветер пролетел моим весенним садом:
 «Ты малодушен был!» — смеется надо мной
 Рассудок мой, дразня, мой разящая злой.
 Враги отсутствуют — расти удачи стали.
 Мой друг отсутствует — и множатся печали.
 Незоркий соловей! Твой неудачлив рок:
 Ты гнездовый пух сменил на шелковый слюк.
 Без пользы я стремлюсь к садом великошлемю:
 Дал ноги оковать я золотую цепью.
 Мне цепи не сорвать! Узка моя стезя!
 Мне с цепью улететь к возлюбленной пельня!
 Коль дела об одной мы с сердцем не рассудим,

То как же, царствуя, страдать по стольким людям?
 Сто утешителей мне надобно иметь.
 Сто горьких горестей возможно ли терпеть?
 Я на себя с ослов перелагаю грузы,
 Посмешищем ослов от этой став обузы.
 И солнце и луна — они горят костром.
 Саружившись над земным раскинутым ковром.
 Рассеяна душа, — и мраком все одето,
 Рассеян сердцем был, — и вот не стало света.
 Пусть полон синий сад цветущих звезд игрой, —
 Не мощен звездный свет: ведь звезд разрознен рой!
 Рассеян свет свечи, — и в нем не стало жара,
 Сосредоточенный — властнее он пожара.
 Не хочет сердце, нет, чтоб царством правил я.
 А с сердцем враждовать не хочет мысль моя.
 Вновь сердцу суждена с судьбою темной схватка,
 Ко мне, окрепшему, вернулась лихорадка.
 Мышь в норку ищериц пробраться не смогла, —
 И глухой ко хвосту подвязана метла⁵.
 И так уж черный негр обличьем не прекрасным
 Страшит, а заболел, он делается красным⁶.
 Себя корит Хосров, к себе вызывает он:
 «Ты силу получил, ты властью осенен.
 А коль имеем власть, судьбу смиряем пану,
 Ты властен, — женщина с тобой поднимет чану.
 Не должен человек с собою в распри быть.
 Всевластный может ли о власти позабыть?
 Власть у тебя, — и страсть все обрести готова.
 «Власть» — лучшего судьба найти не сможет слова.
 Все достижения всевластного легки.
 Зерном ведь всяких птиц заманишь ты в силки.
 Для пропитания посеяна пшеница,
 Сей снова, а трава с ней рядом уродится.
 Есть власть, — и беды все мы можем перевозить.
 Пускай безвластные от нас умчатся прочь!»
 Так с сердцем пламенным не раз он вел беседу.

Когда придет любовь, — тернища нет и следу.
 Но твердо претерпел он разлученья срок,
 И час пришел: зарю к нему направила рок.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВОМ

Так в книге начертал великий мастер слова,
 Тот словомер, чья речь готова для улова!
 Ширин, когда ее оставил шах одну,
 Была как бы в цепях, была как бы в плену.
 Из влажных миндалей шли розовые струи.
 К цветущим миндалям стремясь, как поцелуи²,
 Овечкой бедною, зарезанной, она
 Упала в трепете, отчаянья поля.
 И в ней не стало сил; она лежит устало.
 И с муравьиный глаз ее сердечко стало.
 Смерь ветер урожай, развеял полный ток!
 И паземь ниспадал кровавых слез поток.
 Запуталась в силках. Где милый? Стал далек он.
 Она в смятении, как беспокойный докол.
 Разлука стелет ей свой горестный расказ.
 Колени в жемчугах из моря черных глаз.
 То падает она, — пьяна она от муки, —
 То в иступлении заламывает руки.
 Уста безмолвствуют, иссушен бедный рот.
 Сидит у ручейка, что из ошей течет.
 Прекрасный кинпарис дрожит, как листик ивы.
 Что мускус рядом с ней и нежный мех красивый!
 Вот на земле она. Лежит, как смятый знак,
 И мускусы коудрой разбрасывает мрак.
 Ногами, что сродни лишь лепесткам несприя³,
 Терзает розы шех. О горести пучина!
 На сахар уст ключи из миндалей пошла,
 Ушла! Он изготовов кусает миндали⁴.

То мечется, как мяч, свою смирая рану,
 То изгибается, подобная човгану.
 Весна — огнем луны преображенный путь —
 Уж распадается, как пролитая ртуть.
 В ночных набегах мук ее души дорога, —
 И лагерь сердца пал, — но мук в засаде много.
 И прируди они из мрака на конях.
 Терпенье первый полк они разбили в прах.
 От корня печени до сердца — разграбленно
 Все было предано, все предано томленью.
 Султан души разбит; наслушав спася ои,
 Своей препоясав стаи, приветствуя полон.
 То день она кляла, когда заняло сердце, —
 Как бессердечная, в сердцах бранила сердце,
 А то кричала: «Рок! Ты торшей с той поры,
 Как существует мир, с людьми не вел игры!
 Все, что желанно мне, о чем томлюсь в разлуке,
 Ты выхватил из рук, сперва давая в руки.
 Ширин! Твоя нога задела пенный клад,
 Но за находку ты не видела награды.
 Весне открывши дверь, сама шепот усердней,
 Убила ты весну, схватив ключицы терний.
 Ты светоч избрала из светочей, и свет
 Его задула ты, — и светоча уж нет.
 К живой воде пришла, и вмиг вода пропала
 За то, что с жалостью ты к влаге не пришла.
 Что у печи пашла? Пылание огня.
 Он истомил тебя, все милое гоня.
 И ныне ты в огне и в тяжких клубках дыма.
 Без нужды ныне ты отчаяем томима».
 То с неба вознестал ей благодетный Сурун:
 «Ты чаемого жди. Есть утешитель душ».
 То див страстей ей мозг укором жег суровым:
 «Должна была, Ширин, ты мчаться за Хосровом».
 Пробыв немало дней в отчаянии краю,
 Ширин в другой предел направила лядью.
 С дорожной пылью рок ее сродняет строгий.

Она минует пыль мучительной дороги.
 И ко дворцу Бану приблизилась она.
 И стала для Бану ее тоска ясна.
 Душа Михин-Бану рыдающей внимала.
 Разумных слов Ширин услышала немало:
 «Немного потерпи, твоя пройдет беда.
 Ты цепью скована, поверь, не навсегда.
 Что быстростачной быть, как роза? Будь мудрее.
 Тем раньше рухнет мост, чем водный ток быстрее.
 Взгляни, дано мячу и падать и взлетать.
 Знай, всякий, кто упал, — поднимется опять.
 Прозябнуть, а потом — взрасти всем должно
 зернам,
 В срок все, что связано, развяжет рок проворно.
 Желанье сладостей, когда его я для.
 Все быстропьющие — мгновенно во хмелю.
 Кто понакут коня для бега не устанет, —
 Обгонит всех. Потом — от спутников отстанет.
 Осел, что шестьдесят легко взял менов, — он
 Приняв еше пяток, не будет утомлен,
 А тучи, что летят, как мчащиеся бури,
 Все выплалутся вмиг, — и нет уж их в лазури!
 Дух в нынешней беде смиреннее оден.
 Кто знает, что тебе пошлет грядущий день?
 Ты унижения была сносить готова,
 Немало горестей терпела от Хосрова.
 Он бесполезен был? Что ж! Скорби, угомони.
 Бояться нечего: не съедено яхин⁵.
 Настал терпенье час, и счастье светит скудно.
 Не торопись, вель вверх воде взбираться трудно.
 Когда придет пора воде помчаться вниз, —
 С ней счастье потечет, к тебе придет Парвиш.
 Ты скажешь: «Я добро и зло постичь сумела».
 Когда своим ключом раскроешь створки дела.
 Синне-зеленою нам кажется парча,
 А в складах скрывается цвет багряного луча.
 Немало мест, что нам простой землею мнятся,

А там и бирюза и яхонты таятся.
И удалось Бану — кто был бы ей под стать? —
Кумир, что без четы, с терпением сочетать.
И опытный Шапур, властитель изречений,
Привел ей несколько тончайших заключений.
И сердце жаркое в покой заключено,
О милом памятью утешено оно.
Ширин спосила дни, что горестно летели,
Без счастья прошлого, без сердца в нежном теле.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХНИ-БАНУ

Бану тоску Ширин стремилась превозмочь.
Опять ее Луна должна украсить ночь.
Но к благу бытия пресытившись любовью,
Она, признав Ширин однажды к изголовью,
Ей подает ключи: «Скровища принять
Готова будь, Ширин, твоя уходит мать».
С вездом тяжкий спор стал глуше, бесполезней:
От благоденствия Бану пришла к болезни.
Недуга быстро ее промучил аной;
Отвергло тело — дух, дух — мир отверг земной.
Рок разлучил ее с отрадой жизни краткой, —
И мир столь сладостный она вручила Сладкой.
Ушел ее закат за черный небосклон, —
И в землю сплзнула, покинув царский трон.
То мирозданья власть; много нет удела.
Всем веснам свой предел земля иметь велела.
Хоть склянка из камней, но склянка не сплещет
Удар кремня, и все свой обретет черед.
Судьба творит стекло, иначе не бывает,
Но каждое стекло она же разбивает.
Пусть мудрая пчела сконить сумела мед, —
В чем польза, коль сама весь этот съела мед?
Вкруг зримого всего не выхри ли завиди?

Ты зримым не пленись: оно — пригоршня пыли.
И ветер, палестов, раскинет складки риз,
И травы разметет, и сломит кипарис.
В основу ветер взят, и вот — жилие готово.
Не радуйся жилью: плоха его основа.
Из-за чего в силках ты бьешься? Посмотри:
Нам дан шишлой орех, лишь пустота внутри.
Как заяц, как лиса, презыняться ль в жизни

краткой
Сном рока зайчим да лисью повадкой?
Охотники на львов! Их мощный ряд — не мал.
Но сей лисие барс их в должный срок подмял.
Я взором опыта на мир взглянул, — и что же?
С чесаньем руки все наслаждения схожи.
Так хорошо руке! А тропь, а снова тропь, —
И скоро руку жжет мучительный огонь.
Хоть сладостно пьянит благая чаша мира,
Похмелье, — лишь оно останется от ира.
Забудь свою печаль: ее не стоит свет.
И радости твоей твой мир не стоит, нет!
Уставил яства мир направо и налево, —
Но вкушешь только то, что умещает чрево.
Сто кладов у тебя иль только лишь динар, —
Лишь то, что сможешь съесть, от мира примешь

в дар
Пока во здравьи ты, пока не стал ты хилым,
Твой дух всем сумрачным противопоставит силам.
Коль поколеблен дух, коль в нем не стало сил, —
Напрасно бы у звезд здоровья ты просил.
Твой улыбнется рот земному нещелцу,
Коль естество твое уснаивает нищу.
Коль человек взомнит: «Уж мне надежды нет» —
Путей спасения он забывает след.
Мир и дела его — все кажется мне ядом.
Ешь осторожно следы; мирским не верь усладам.
О жадный! Кто жадней могильных злых червей?
Ты пояс подтяни, как скромный муравей.

Недуг обходит тех, кто скромнее, а сегодня,
 Как и вчера, умрет обжор дебелих соня.
 Не надо истреблять чрезмерно много трая,
 Нль станешь ты искать лекарственный состав.
 Коль будешь хлеб вкушать, как доло гульшакара¹,
 Ты тело не отдашь в неволю гульшакара.
 Как роза, блещет все, что не пошло на съедь,
 Но съеденным плодам уж не блещать, а тлеть².
 Зачем стужаешь ты, коль жизни ты не просишь?
 Спеша к мирским делам, зачем ты их поносишь?
 Тому дает покой житейский горький дол,
 Кто в нем, подобно мне, приюта не нашел.
 Кто поселился в нем, тот должен на потребу
 Иметь хоть горсть воды к испосланному хлебу.
 Ты, смятой гашны ком, — в смятеции не будь!
 Ты — прах, но устье твое не изнывает грудь.
 Стыдится мир того, кто может из-за мира
 В уныние прийти, чей дух блуждает сирю.
 О пропитании, друг, ты не имей забот:
 Кто жизнь тебе послал, тебе и съедь пошлет.
 Как небо ни хитро, как небо ни зловеще, —
 Две кланчи — день и ночь — оно всемогно хлещет.
 Знать, о-длу-конь езда ему на ум пришла —
 Ты оседляет свет, то сумрак у селла.
 Коль унесен отец в сей горестной стремине,
 Как сыну, в свой черед, не близиться к кончине?
 Когда индийца — мир — убьет наследник, он
 Клинком отмщения не будет поражен³.
 В ладу с индийцем ты, отца убившим? Воин!
 Как ни бесстрашен ты, — быть сыном не достоин.
 Кинь горбуна стрелу в изогнутый хребет!⁴
 Он весь твой род убил, в нем списхождение нет.
 Пока небесный свод свой лук тугой имеет, —
 Жир пагулять себе добыча не сумест.
 Коль по траве олень идет к приюту льва, —
 Клинками острыми становится трава.
 Ты ль в безопасности? Подумай, друг любезный,

Ведь за тобою — смерть, а пред тобою — бедня.
 Страшнее! На сей реке спокойствия печать,
 Но ей дано людей спокойно поглатить.
 Найти ль цветущий сад, что победенный димми,
 Не стал бы пустаем с обглоданными ниями?
 Пред мудрецом наш мир не горестно ль возник?
 Кто сладостно живет, тем горек смертный миг.
 Тот, кто весь этот свет со скорбью озирает,
 Тот, светочу сродни, сияя, умирает.
 Взлюбивших мир сравню с кустом цветов лесных:
 Лобзуют руки тех, что обезглавит их⁵.
 Вот проповедник наш, кричит он: «Как соломю,
 Брось мир, — я подниму, он пригодится дому!»⁶.
 А вот подвижник наш, в сто человеческих ед
 Он молвит: «Скинь его, чтоб я его носил!»⁷
 Но если хрупкий мир — расколота чара, —
 Все царства на земле не стоят ни динара.
 Гостинице пустоте, небытию принас, —
 Та сущность чистая, что обитает в нас⁸.
 Сказали мудрецы всезнающие: «Верьте,
 Кто плох, а кто хорош, — узнается в день смерти».
 Есть женщины, они — мужи в предмертвый миг.
 Иной дрожащий муж от смерти прячет лик.
 Творец! Когда наткнулся на камень и с разлета
 Ныряет моя ладья во мрак водоворота, —
 Ты одари меня, под кров благой возьми,
 Успокоением возрадуй Низами.

ВОЦАРЕНИЕ ШИРИН

И перешла к Ширин Михин-Бану держава.
 От Рыбы до Луны о ней свернула слава.
 И справедливости возрадовался люд.
 Былые узники свободы воздух пьют.

Все угнетенные забыли времь гнета:
 Ширин с времен своих отбросила тень,
 Уж не взымался сбор у городских ворот,
 Налогов не платил за пажити народ.
 Облагородствовал и город и селенье,
 Ширин, не ждя даров, сыскала восхваляенье.
 И вой и персяел и сокол уж друзья,
 И дала вой с оной встречались у ручья.
 Народ, и дальних мест и жилищий недалеко,
 Царину полюбил бесхитростно, глубоко.
 Обилье все росло, все ширилось оно.
 Сам-то смогло давать единое зерно.
 Добра неволнен шах, — и щедрых трав цветенье
 Рождают не цветы, а ценные каменя.
 У злонамеренных сады несунит рок.
 Добра неволнен шах, — и путь его широк.
 И ширь и тесный дог и его краю счастливым
 Горятся временем и шахом справедливым.
 У шаха, коль он — шах, дух не спует во тьме.
 Нет злодеяния у шаха на уме.
 Но о ларе парей к Ширин не мчаться вести.
 Хоть царство у нее, но сердце не на месте.
 Хоть кейхосрову она имеет власть,
 В пустыню смотрит взор, а в этом взоре — страсть.
 От бравагов ждет и ждет, сгорая, снова
 Живительных вестей о странствии Хосрова.
 Узнав, что счастлив шах, что, как Юпитер, он
 От праха до Плена свой прежний поднял трон,
 Она рассылала сокровища, — и люду,
 Законы дружбы чтя, их раздарила грудю.
 Но весть о Мариам ей муку принесла:
 Законы Мариам строгайшие блюла.
 И в Руде Мариам принудила Хосрова
 В великой верности дать клятвенное слово.
 Ширин, проведавши о горести такой,
 Вздыхая горестно, утратила покой.
 «Судьба, — твердит она, — мне все свершает на зло».

Ширин, как мул в грязи, в страданиях завязла.
 Она царила год, крапя свои края
 Ци птахн не спугнув, шади и муравья.
 Как мрак разбойных глаз, и сердце стало темным,
 Как буря доконов, и дух стал беспокойным.
 Ширин утрачена: ее тоска вот-вот
 Честь справедливых дел в смятении сметет.
 Другого не нашел сей кинарис исхода.
 Чтوب чистым был диван, как в дни былого года! —
 Как только, чтоб сиял пред ней один — Хосров,
 Причина всей тоски и всех кручин — Хосров.
 Решительности нет, ее душа устала.
 Ведь твердости всегда влюбленным не хватало.
 Наместник принял власть и все свершил один.
 Ношением веща пресыщена Ширин.

ПРИБЫТИЕ ШИРИН В МЕДАНИ

Гульгуи навлючен; в путь пуститься вышло
 время,
 Ширин в седле, Шанур ее хватает стремя.
 Ширин сбиралась в путь, окружена гурьбой
 Красавиц; только тех взяла она с собой.
 От конх в дни трудов и в час досужий смеха
 И помощь ей была и светлая утеха.
 Динары и парчу с собой она взяла.
 Четвероногих взять приказ она дала:
 «Верблюдов и коней, овец, коров!». И долам
 Дано наполниться потоком их веселым.
 К чертогу горному спешит она; стала
 За нею тянутся, как зыбка града.
 И в раковине блеск вновь затанцл щедрий.
 И драгоценный лад вновь погрузился в недра.
 Индийской тощи мгла клад убрала от глаз.
 В кремнистый дог тоски запрятала алмаз.
 Но от чемжужины блеснул окрестный камень.
 Так мрачный храм очя вмиг озаряет пламень.

От дика Сладостной, что розовой весны,
 Тюльпаны меж камней нежданные видны.
 От пламени Ширин, что разгоралось жаро,
 В горячем воздухе все болыше было жара.
 И царь, проведавши, что друг не вдалеке,
 В надежде возомнил: срок миновал тоске.
 Но страх пред Мариам сражал огонь порыва:
 Глядела Мариам в глаза его пыливо.
 Не знал он, как завлечь Ширин в свои паланкин,
 Не ведал, как бы мог он встретиться с Ширин.
 Лишь вестью о Луне, лишь ветром он доволен,
 Что плыл с ее путей. Он вновь любовью болен.
 Взывая каждый миг: «Где милая моя!»,
 Он извивается в томлении, как змея.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Заря взошла на трон. Отряд прекрасных, схожих
 С румийцами, блеснув, папал на чернокожих!
 Юсуф нес апельсин, — и расступилась мгла.
 Зулейха — лунный свет — от счастья умерла?
 Взглянул с призывно рок. Забыв потоки крови,
 Расправил он свои насуленные брови.
 Был бирюзовый свод раскрыт, оповещен
 Был о победе мир, — и радовался он.
 В те дни, отгорюдая от возгласов и гула,
 Земля от злых бесчинств в распрей отдохнула.
 Предвестием благим вздымался звездный кров,
 Когда свой царский трон восстановил Хосров.
 Шатра хосровова сверкающие ткани
 Возвысились небес их подтянули грани.
 Кейсар, хикан, фагфур, свой потупляя взгляд,
 Вкруг царского ковра почтительно стоят.

Вельможи областей, пройдя царицы сени,
 В чертоге тут и там склонялись на колени.
 А стражи, царственный боясь увидеть взор,
 Лишь на ноги свои уставлялись в упор.
 И каждый, кто знавал, как меч разит с размаха,
 От страха не дерзал и поглядеть на шаха.
 Каменья поясов так озаряли ночь,
 Что дерзновенный день ушел пошуро прочь.
 На пышных воинов глаз поглядел бы в страхе:
 Слоны! Их пояса тянулися на фарсахи.
 Водюю стал огонь: у смелых стыла грудь,
 И золото речей преобразилось в ругь.
 Был с юным фарром шах, сидевший на престоле,
 И, юный, думал он о светлой царской доле.
 Был охранен Хосров; гулямы с двух сторон
 Построили ряды, оберегая трон.
 И золотых рядов глубокое молчанье
 Преображало их в узоры изваянья.
 И трон был утвержден и распрям был конец.
 И для приема царь всем растворил дворен.
 И вот раскрылся вход, лишь утра глянул глянец, —
 И во дворец вошел ликующий посланец.

Пал наземь он, затем сказал, расправив грудь:
 «Ликуй! Над миром ты царем для мира будь!
 Знай золотой удел, златым престолом данный
 Царь! Чубине удел достался деревянный.
 Дом Деревянного со счастьем незнаком.
 От твоего врага Бехрам очистил дом». —
 О черством сердце дней, что всех разит упрямо,
 Царь притчу вымолвил, припоминши Бехрама:
 «Рок палкой бил меня, а страж небесный злой
 Лишь в колотушку бил. И все мне было мглой.
 Но дерева судьбы ко мне пропала злоба, —
 И деревянного Чубини добился гроба».
 Не только сей Бехрам, но и великий Гур⁶
 Ушел от мира в дол, что сумрачен и хмур.

Коль Гура мощного приют последний — яма,
 Что соти черепов! Что этот прах Бехрама!
 Покуда жил Чубин, судьба его блюла,
 И силу властную она ему дала.
 Где дев, что, нам грозя над брашною равниной,
 На нас кидаться смог со всею силой львиной?
 Где мен, что был огнем, что был исполнен сил,
 Что знамени Каве удары наносил?
 Из рода львиного мужей больших немало
 Смушала злая кознь и по ветру пускала.
 И множество волчат по паушенью лис,
 Чтоб их добычей стать, в тешета забрались.
 Над волком властвовать лисицы не могли бы,
 Не видя злую сеть. А волк — пред ним лишь
 рыбы!⁶

И шахов множество совет говорунюв
 Не вовремя к вражде был обратит готов?⁷
 Нерой сердец владки от мысли недозрелой
 Не ткани пыльные касаются, а стрелы⁸.
 Спадет венец с того, кто смотрит гордо ввысь.
 Своєю мощностью ты, мощный, не гордись.
 Хоть загорается лампадный свет от масла,
 Но масла много канд, — лампада и погасла.
 От ворчи пану сиедь предохраняет соль,
 Но сыпать в меру соль ты руку привневоди.
 Ешь столько, чтоб не внять болезней злым угрозам,
 А то и плод хурмы покажется навозом⁹.
 Как безный, ты живи: запретное другим —
 Тебе дозвоניתя, окажется твоим¹⁰.
 Душе живущего и черте земного града
 Спокойно принимать и грусть и радость надо.
 В край не назначенный не устремляй свой взор.
 Ног не вытягивай за собственный ковер.
 Морям не подражай, — там ширь ветрами взвита.
 И выше своего ты не взлетай зенита.
 Познаниями хвались, в неведении — молчи.
 Циповки вяжущий не сможет ткать парчи.

Слышал: «Миробалан идет миробалану¹¹,
 А сахар—сахару», — премудрым вторить стану.
 И люди заводит все сиева не должим,
 Пуская на ветер весь опыт старины,
 Светильник прадедов камнями ломая,
 Пожитки у сирот бесчино отнимая.
 Посеяно зерно — и уродится плод.
 Всем ведомо: зерно — грядущего оилот.
 Не каждое зерно родин прямое древо,
 Не в каждой арфе есть прелестительность панева.
 Немало лун на мир свой поднимало меч,
 Но было велено их тумачи облечь¹².
 Ты славой льва не дельтис. С него все сирот
 грозно.

За кровь ответит он, ответит, хоть и поздно.
 От полуцегра — прочь: гаянь — черно-белый конь.
 Под ним; двулицен он, он — барс, его не тронь¹³.
 Быть не должно ни в чем насилье применимо.
 Насильники и власти, — всегда их дружба мнима.
 Проведав, что осел попал на сеновал,
 Ведь я б не об осле, о сене горевал¹⁴.
 Как мухе не узреть в халве асю роскошь шира?
 Ворону ль убивать за ягоду шижира?
 Что золотом чужим свой золотить дворец?
 Ты, веры не винуши, истратишься вконец¹⁵.
 Храни в базарный день прилавок свой богатый
 Ты от белилщика, от брызг с его лопаты¹⁶.
 Ты не молчи, узнав исход плачевных дел.
 Молчаньем предаешь, — того ли ты хотел?
 Слышал я: на цепи сидел мудрец, по виду
 Безумный, и терпел порою он обиду.
 Задразнил мудреца шумливый круг ребят, —
 Бросает камни он, в мужей они летят.
 «Ты оскорблен детьми, — твердят ему, — за что же
 Мстишь старикам? Ответь, на что сие похоже?»
 Он отвечал: «Детей ваш подбодрит сечь,
 И дети не хотят искать иных утех».

Что царская рука, взбешенная погами,
 Спихает голову, вы ведаете сами!¹⁷
 С презрением не взирай на бедняка, ведь он
 В своих глазах всегда почтеннее окружен.
 Ты в людях неплохих не замечай порока.
 Ценить их не учишь ты у дурного ока.
 Один ищейка-глаз в них видит лишь порок.
 Взор ворона заметь, не зри павлиньих ног!¹⁸
 У самого тебя слова полны ошибок,
 Так не пеняй другим, что их язык не гибок.
 На собственный порок ты взглянешь только раз,
 А на порок других взираешь сотней глаз.
 Не хуже зеркала людей пороки ищейка,
 Бесстыдство зеркалу ты предоставь, дружнице!
 Ведь все же зеркало и честь людей хранит:
 Заглазно никого оно ведь не хулит.
 Черно лицо того, кто, и не встретись с вами,
 Все ж наизнанку вас вмг вывернет словами.
 Ты не хули врага: ведь коль бесилел он!¹⁹
 Ты, победив его, не будешь вознесен.
 Пред зайцем золотым, что на клинке княжала
 Художник вырезал, ты не кипись нимало.
 Ведь если б храбрый лев сей поднимал княжал,
 Он зайцев множество княжалом бы сражал.
 С презрением не гляди на гладь реки безмерной,
 Река сумеет стать свирепою и неверной.
 Ты не ласкай огня, что свет тебе сулит, —
 Наступит час, и вмг это жгущиц он спалит.
 Не неселась, коль лев раздвинул пасть в улыбке:
 Его клыки — мечи. Расквешься в ошибке.
 Храбрец, о ком идет великая молва,
 Лягу угодится, лишь выступив на льва.
 И коль пошел Бехрам на храброй бой с Хосровым,
 Он славен, как Хосров, своей враждой с Хосровом.
 Не с меньшим, чем ты сам, ты друг, себя сравни,
 Иль, свергнутый, в позор свой повергнешь дни.
 С великим чти союз, с собой по духу близким:

В союзе с низкими сам сделаешься низким.
 Акула хороша: меж бурных волн сует.
 А рыбки мелкие — в затоне мелких вод». —
 И вымолвил Хосров немало слов, что схожи
 С прекрасным жемчугом, — и плакали вельможи.
 Печальным в этот день Хосров покинул трон.
 Ключ розовой воды лил из нарциссов он.
 Три дня с бехрамовым он призраком прощался.
 Ни с троном в эти дни, ни с чашей не общался.

ХОСРОВ ПРИЗЫВАЕТ БАРБЕДА

Был на четвертый день возобновлен прием.
 Вновь песня громкая разносится кругом.
 Длань — море: нет конца дареньям и наградам,
 Земля в жемчужинах подобится Пляждам.
 Усердьем кривич царь, шируа, опьянен.
 В томленьи по Ширин все забывает он.
 Приказывает шах призвать на пир Барбеда:
 Тоску лишь музыка излечит, не беседа.
 Как пьяный соловей, является Барбед.
 Переливается в его руках барбет.
 Запас ладов явить решается не весь он.
 Лишь тридцать отобрал он сладкозвучных песен.
 Ладами тридцатью, что льются, как вино,
 Ему пьянцы людей и радовать дано.
 Когда в барбет он бил, то высохшее древо
 Рождало влажный звук текущего напева.
 Когда зашел он песни: «Даренный ветром клад!», —
 Его уста дары рождали с песней в лад.
 Когда же «Клад Быка» зашел он, — звуков сила?
 Добилась, что земля все недра растворила.
 Когда «Спаленный клад» он спел, то влдохов жар!²
 Сто кладов мог спалить, родясь от звучных чар.

Когда венец занел свой «Зананес жемчужный»,
 То жемчуг просверкала Барбед, с барбетом дружный.
 Когда «Такхисский троп» он заиграл, то рай!
 Раскрыл свои врата, в свой призывая край.
 Когда «Престольный» он занел и «Колокольный», —
 Колоколам внимал с престола шах довольный.
 Когда он сладость пел «Каусова ларна»,
 То сладость эту пелась лобзала без конца.
 Когда раскрыл уста, чтоб «Месяц над вершиной»
 Запеть, — уж месяц плыл небесною долиной.
 Когда он «Мускус» пел, то, ароматом пьян!
 Был мускусным чертог, был весь чертог — Хотан⁸.
 Когда он развернул напев «Убор светила», —
 Убор на много дней светило сохранило.
 Когда он «Нолдеш» спел, всех озарив огнем,
 То мудрость, все забыв, очулась только днем.
 Когда «Все в зелени» он начал, — в юной неге
 Проникли в желтый сад зеленые побеги.
 Когда, сверкая, спел «Дворец румийский» он,
 То золотом дворца был каждый одарен.
 Когда звучал напев «О кипарисной роще»,
 То роща лучшая кипарис казалась тощей.
 Когда же «Кинарис» он начал петь, — любовь
 Явил, да кипарис ему берет «на кровь»⁷.
 Когда всех позвал он «Сладостным нанитком»,
 Весь медь от сладких вин он возместил с избытком.
 Когда Барбед занел «О счастье душ», то рок,
 Перед певцом склонялся, от счастья изнемог.
 Когда Барбед сказал: «Напев «Новруза нега»⁶, —
 Новруза радости достигнул он с разбега.
 Когда «Дворцовый» пел, — он мускус выжимал,
 Он мускусом чертог дворцовый одевал.
 Когда он «Михраган» раскинул в людном стане⁹, —
 С людских сердец он взял, их заласкавши, дань.
 Когда он загадал на «Добрый знак», — весь год
 Все знали: будет благ небес круговорот.
 Когда «Цасти почей» в полночь зазвучали, —

К ночной молитве вмиг земные дела встали,
 Когда он затянул «Благуя ночь», — такой
 Еще никто не знал полуночи благой.
 Когда сдружился он с «Блаженным днем», —
 настали

Блаженные часы, мгновения заблестали.
 Когда «Охоту» спел, то стали, слыша клич,
 Все, сходные с Зухре, как пойманная дичь¹⁰.
 Когда он заиграл «Взор горной куропатки», —
 Он всех, плевая взгляд, сразил в пелухи схватке.
 Когда он подхлестнул «За Сявуша месья»¹¹,
 То в уши кровь текла, вызвали души: «Месья!»
 Когда вознес Барбед «Месья за Иреджа», — снова¹²
 Месья за Иреджа мир зажечь была готова.
 Когда «Садов Шприн» рассыпал сахар он, —
 Плод горький сладостью его наполнил звон.
 Так, светлой радости сказавшие: «Воскресни!»,
 Барбед на быстрый лад пел радостные песни.
 Все лучше пел Барбед, пока не затих.
 Н собою раз Хосров Барбеду молвил: «Зих!»¹³
 Блестящего таков был месья обычай:
 При каждом «зих» певец был с блещущей
 добычей¹⁴.

За песню каждую в тот вечер и за трель
 Все новый получал он с золотом кошель.
 За каждый лад, что был с пропетой песней дружен,
 Он получал кафтан в узорах из жемчужин.
 Да, коли ты в нужде слышал бы слово «зих»¹⁵,
 Зодототканый ты надел бы снова зих.
 А деньс, и вознесен, оставь свои надежды.
 У горла шерстяной не затянуть одежды.
 Все ж в помыслах пари, а шею гнуть — к чему?²
 Всех дарственных одежд ты с шеи сбрось тесьму
 Глаза албы закрой, сживайся с каждым горем,
 Я — капля, но тебя пел науку я морем.
 К себе сокровищем венчаных я влеку,
 Соломинки не взяв на царственном току.

Я не храню мощи, лишь речь моя богата.
Царь злата не давал, и не просил я злата.
Лишь тем довольствуюсь, что в целый мир проини,
Что мной одарены и море и рудник.
О Низами, забудь про пышные одежды!
Отшельничества плащ оберегай, как вежды.
С обшивкой индженства вокруг шен, — не согнешь
Ты шен. Пусть иных владыка свергнет в дрожь!

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРИАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

Лишь из кармана тьмы явился месяц, — горы
Прикрыли им чело, явив свои просторы.
Из трапезной пошел в опочивальню шах.
Опять одну Ширин в своих он видел снах.
Но лишь его слова о Сладкой зазвучали,
Рот грустной Мариам стал горьким от печали.
В своей тоске поник пред Мариам Хосров.
«Су он поминал среди потока слов».
«Я знаю хорошо то, что Ширин далеко.
Мне в рану сыпать соль ее не может око.
Все ж радости враги, поступок мой браня,
И обеславлена она из-за меня.
Когда б сюда Ширин явилась без опаски,
Все к справедливой бы приблизилось развязке.
Из горного дворца позволь Ширин мне взять,
Среди дворцовых дев приют ей оказать.
Когда на лик Ширин взгляну хоть ненароком,
Пускай расстанусь я с моим горячим зком».
Сказала Мариам: «О миродержец! Ты,
Как звезды, на людей зришься с высоты,
С тобою распрю мир оставил за вратами,
Склоняешь небеса ты властными словами.

Коль имя Сладостной твоей душе — халва,
Тебе не сладостна и неба снится.
Ты с мягкой халвой звори уста сливаешь,
К чему ж остывший рис ты все подогреваешь?
К чему тебе шипы? Здесь каждый финик — трой.
Верь, лишь бездымную все тешатся халвой.
В один ларец меня упрятать с ней — затея
Не вавилонского ли это чародеи?²
Что знает множество присказок, и народ
Сазываючи, пусть готов люблюю в ход?
Нас разлучат с тобой Ширин лукавой руки,
Тебе — довольным быть, мне ж — горевать
в разлуке.

Ведь чары Сладостной я знаю хорошо.
Такие сказки и читаю хорошо.
Есть жены, до пяти не сосчитают с виду,
А хитростью пути отрежут Утариду.
На обливших горшках зворы рассмотри:
То — жены: ясный блеск, да мерзостно внутри³.
И верности нескать в миру, что полон яда,
У сабли, у коня, у женщины — не падо.
Мужскую верности ты жене не вложишь в грудь.
Промолвил «женщина» — о верности забудь.
Мужчины ищут путь, что служит им защитой,
Но в женах не найдут игры они открытой.
Из левого бедра мы вышли. Должен знать,
Что в левой стороне вам правой не сыскать.
Что тянешься к Ширин? Она не знает бога.
Тебе лишь бедами грозит ее дорога.
Узнаешь ревность ты, она — причина бед.
Когда ж ты не ревнив, ты не мужчина, нет!
Так шестуей же один — и, лилии подобно,
Веселое чело ты вознеси свободно».
И молвит Мариам с горячностью большой:
«Клянусь я разумом и мудрою душой,
И кесаря венцом, и шаханшаха сапом, —

Коль двинется Ширин к прекрасным паннам
 странам,
 Петлею мускусной тоску я утолю!
 Тобой обижена, себя я удавлю.
 Пусть ей меж голых гор чертог послужит кровом.
 Ведь населенных мест не видеть лучше совам». —
 Из речи Мариам Хосров постиг одно:
 Двум женщинам вновь ужиться не дано.
 Он после рень свою с конца другого строил,
 Терпенье проявил и ласковость утробил.
 И приезжал Шапур к Хосрову: из долины
 Печальных привозил он вести о Ширин.
 И возвращался он с уловкою привычной.
 От кровостийши без ответ он горемычной.
 Ширин такой игре дивится: столько дней
 Темленье сносит шах, все думая о ней!
 Все ж сердцем ведала: его любовь — не ржавка,
 Но в терпеливости нуждается держава.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРУ ЗА ШИРИН

Шапuru вымолил однажды властелин:
 «Доколе тосковать я должен о Ширин?
 Ты в банню Луний Свет введи ночью порою,
 И словно лад в ларце я там его укрою!
 Свой возвратив престол, державу берегу
 И быть с желанною открыто не могу.
 Страшусь, что Мариам в неистовой печали
 Сама себя расцнет, как их Ису распяли».
 Для сладостной Луны не лучше ль — посмотри —
 Мне тайным другом быть, так дружатся перн
 Хоть на ее пути свои обжег я ноги,
 Хочу ее беречь, как руку, что в ожоге.
 Коль явно все свершу, жене не угодив, —

Винг, дива оседлав, она мелькнет, как дива»³.
 «Спокоен будь, — сказал художник острозорый, —
 Я начерчу тебе китайские узоры»⁴.
 И прибил к замку он. Был замок — ценный шквал,
 Шквал, что не пену вод, а пену вид взвивал⁵.
 Склонясь перед Ширин, сказал Шапур с участием,
 Что следует порой заигрывать со счастьем,
 «Чтоб гнаться за тобой, есть Рахис, но история»⁶
 Царевых стрел сверкает мешает Мариам.
 Он должен чтить ее. Он молвил мне угрюмо:
 «В том клятву шахскую я дал владыке Рума».
 Так выйди же со мной, мы сядем на коней,
 В укронной башне ждут, — и мы помчимся к ней.
 Будь с милым, час назначь утех, а не плача.
 Сумеешь — улетит соперницы удача».

УПРЕКИ ШИРИН ШАПУРУ

Кумир в безлюдьи злом, в злой пустоте Луна,
 Что вся изнемогла, что все была одна.
 Вскричала гневная, блестя очами строго:
 «Стыдись речей своих, не ведающий бога!
 Сожми уста! Мой мозг ты словно съешь готов!
 Молчи! Достаточно безумных этих слов.
 Дано тебе сверло, да не для всех жемчужи!
 Не каждый помысел с умелой речью дружен!
 Не к каждому ручью отыщется стезя!
 Пусть руки могут все, — всего свершить нельзя!
 Ты справедливим был? Об этом я не знаю.
 Что ты несправедлив, теперь я понимаю.
 Пусть удалит господь тебя от шакных дел!
 Пускай рассудок твой укажет им предел!
 Ты царства моего лишишь меня, а мне
 Взломил души лишить — последней благодетин».

Как лют разбойник мой! Я — словно крепость, он
 Метнул в нее огонь, — и мой нарасен стон.
 Я — здесь, а там к другой спешит душа Хосрова,
 Базар любовный там он затекает снова.
 Честь утекла моя, но не замочен он.
 Как будто я — ничто, ничем он не смущен.
 О, как дозволено разбойнику такому
 Меня, достойную, предать бесчестью злому!
 Нет! Он в бою со мной так разогнал коня,
 Что с ним уже ничто не примирит меня!
 Из замка мне бежать, когда б он был в раем,
 Не должно, хоть судьбы мы будущей не знаем,
 Хотя бы не Шапур, дочь кесаря пришла, —
 Ее с позором бы из замка прогнала.
 Что басни мне твердить! Ведь не хмельная я, право!
 Меня не уловить играющим лукаво!
 Да что царя хвалить иль слать ему хулу!
 Господь! Ты знаешь все. Ты не прощаешь злу.
 Молящему о том свои отдам я губы.
 Нет, не берут халвы рукой такую грубой.
 Веселен цветку милей на землю пасть,
 Чем в ветре осени метаться и пропасть.
 Уж лучше, если псы на ловле схватят, — дабы
 Не устрашаться львов, вгрызающихся в слабых.
 Приди, все сам скажи, и сам ответ мне дай.
 Есть ноги у тебя, других не утруждай.
 Лев, сей умелый лов народ повсюду славит,
 Лишь на своих ногах весть о себе доставит.
 Ты ноги мне связал. Своих не мучишь ног.
 Ты шлеешь ко мне других, хоть сам прийти бы мог.
 Не на чужих плечах свои таскают грузы.
 Не зубы посланных перегрызают узы.
 Долготерпенья жар горит в моей крови.
 Меня «Красавицей Терпенья» ты зови.
 Но и в чужом краю, вдали родного дома,
 Вольна в поступках я, с неволей незнакома».
 Но хоть упрек Ширин о камни бьет стекло,

Смиряет сердолик ее упреков зло!
 Весь гнев ее слова излили на Шапура, —
 И сердцу легче вновь; взглянул не так уж хмуро,
 Шапуру молвила: «О, ты красноречив,
 И речь твоя течет, как плавных вод прилив.
 Когда приветствовать ты шаха будешь снова,
 То передай ему... мое послушай слово:
 «Так говорит Ширин: Неверный! Не поймет
 Моя душа, где речь мне сладкая, как мед?
 Я мнила, что бродить не суждено мне сирю, —
 Ты ж покупателем другого стал кумира.
 Я прошлый облик твой в душе не берегу,
 Ведь сердце отворил ты моему врагу.
 Да от неправых дел твой дух влечется к правым!
 Да вспомнишь вздох Ширин ты сердцем недружеским!
 Ты — счастье спящее. С тобой ли мне дружить?
 Ты — рок. Могу ли я с тобой в согласьи быть?
 Ведь я унижена. Зачем искать такую?
 Ведь если я — раба, пошли мне отпускиную.
 Нет! Я тебе ровня! И мой возвышен трон.
 Припомни, что мой рок тебе не подчинен.
 Меня поставил вниз, но буду я другою.
 Знай: на твои врата я обопрусь ногою.
 Рассыплю зерна я кипящих слез, — и вмиг
 На мой порог взбежишь; я твой услышу крик.
 Ты на моей крови сад насаждал с усладой,
 Плоды собираешь ты. А я? Я — за оградой.
 От твоего огня не стало мне теплей,
 Но дымом взор мой жжешь все чаще ты и злей.
 Как вероломен ты! Ведь ты мой стан разграбил.
 И честь, принявши вновь свой царский сан,
 разграбил.
 Ты был скитальцем, — я дружить с тобой хотела.
 Ты дело совершил, — и нет до Сладкой дела.
 Меня ты вверх в позор; он тяжек и глубок.
 Ты свой забросил щит в надменности поток.
 Ты подписал приказ, ты мне назначил муки.

Уйди, поверг меня в мучения разлуки.
 Картина ты выскал в румийской мастерской.
 К армянской сладости что ж тнешься рукой?²²
 Цветы румийского ты обрываешь дола,
 Так не терзай венец армянского престола.
 Страншусь: не зажигай ты снова свой огонь.
 Огонь рождает дым; ты прошлого не тронь.
 Ты не бросай шинов в полу судьбы. Послушай,
 Не надо сыпать соль на разлученных душ.
 Ты ввержен в сладкий сон меж царственных паров.
 Что ж, отворачивь от всех скитальческих шатров.
 Пускай терзаюсь я, забудь ко мне дорогу,
 Чтоб я могла себя отдать служению богу.
 Считаю, что заманила ты птицу слова в сеть,
 Но птица снова в степь сумела улететь.
 Теперь безгорестных ночей я не имею.
 И благосклонности твоей я не имею.
 О, как терзало я гнет мучительных паров!
 Ведь охромел мой конь, а мой привал далек.
 И сколько слез я лью, меня сжигает горе.
 Пред шими ад — свеча и с каплей схоже море.
 И в море, где в огне горит моя ладья,
 И в райских долах я, и в адских горах я.
 И все ж близ адских бездн, о сладостной отчужде
 Припомнишь, я тайком ищу истоков жизни.
 Могу ли не скоротеть а пустыне без тебя?²³
 Тот год — была с тобой, а ныне — без тебя.
 Твоей землячки дверь засыпана землею,
 Моей воды поток потек над головами.
 О, долго ль мне ладью потоком слез вестить!
 О, долго ль дружеским свиданиям не вестить!
 Ведь без тебя мое не завершится дело,
 Чтоб зреть ему, должны быть возделены зреды.
 Покуда бытия не оборвется нить,
 Большой надежд на жизнь не может не хранить.
 Рассудок мой велит лишь к мудрости стремиться.
 Но выводы любви не на ее страшишь.

На негом скакуне уверенный ездок,
 Ристалищем любви помчавшись, — изнемог.
 Творит ученый смесь, что умудряет разум.
 Но смесь дают тому, кто уж теряет разум.
 Ты терпеливого влюбленным не зови,
 В тревоге сладостной — рождение любви.
 Терпенье не идет путем любви счастливым.
 Любви блаженный жар не свойствен терпеливым.
 Но пусть в тоске Ширин и в горе. Никогда
 Пусть шаха не гнетет подобная беда!»
 И вот, когда Ширин прочла всю повесть, землю
 Поцеловал Шапур и вымолвил он: «Внемлю.
 Решенье царственной-всех наших слов ценней.
 Твоя уместна речь», — и он поник пред ней.
 Пусть мысль его была сверлить его готова,
 Не говорил Шапур, сперва не взвесив слова.
 Да! Слово каждое, что твой рождает рот,
 Ты взвесь, как золото, пускай в оборот.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

Серебряный кумир был весь исполнен гнева,
 Подобная перь, в шелках шуришащ дева,
 Там, где меж хмурых гор раскинулась тоска,
 Не знала ничего приятней молока.
 Хотя бы сто сортов халвы пред нею было,
 И то бы молоко ей нишею служило.
 Но далеко наслись ей нужные стада,
 И путь к ним требовал немалого труда.
 Вкрут догова тоски, по скатам гор разлитый,
 Желчь источающий, рос лютник ядовитый.
 И гнал стада настух, проведавши про яд,
 Туда, где настбища угрозы не таят.
 Ночь локоны свои широко разметала.

В ушко продев кольцо из лунного металла.
 В колыце тоски Луна, что жжет, тоской поя,
 Кольцом до самых зорь свивалась, как змея.
 Пред ней сидел Шапур; готовясь вновь к дорогам,
 Он с грустною Лунной беседу вел о многом.
 В заботы, что неслы улады рая, он!
 Вникал и обо всем он был осведомлен.
 Узнав, что пастбища в такой дали от стана,
 Внимающий расвел, как лепестки тюльпана.
 Индусом пред Лунной он свой склоняет лик,²
 Как пред Юпитером Меркурий, он поник.
 «Есть мастер-юноша, — сказал он, — будешь рада
 Ты встретить мудрого строителя Ферхада.
 Все измерения он разрешает вмиг.
 Эвклида он познал и «Меджисте» постиг.
 С искусною киркой склопясь к кремнистой глыбе,
 Начертит птицу он, сидящую на рыбе.
 Он розе пурпурной даст пурпур, и меж гор
 Скале железом даст китайский он узор.
 Пред ним поник весь Рум, и, сделав камень плоским,
 На нем рисует он, его считая воском.
 Помочь твоей беде, я знаю, он бы смог.
 Он — ключ, и каждый шиш он обратит в цветок.
 Без мастера ни в чем достичь нельзя предела.
 Но мастера найдешь, и завершится дело.
 Мы с ним — ровесники; в Китае рождены.
 И мастером одним нам знания даны.
 Тот мастер ведал все; как лучшую награду,
 Мне бросил он калам, кирку вручил Ферхаду».
 Когда умолк Шапур, с души Сладчайшей гнет
 Был снят, — докучный гнет хозяйственных забот.
 День зеркало свое подвесил, и закрыла
 Ночь многоокая все очи, — все светила.
 И стал Шапур искать, и вскоре разыскал
 Того, кто был сильней неколебимых скал.
 Он ввел его к Шарни. Приветливо, с поклоном.
 Как гостя важного, его почтил он тронем.

Вошел, с горою схож и всех свергая в страх,
 Ферхад, что груды скал раскидывал в горах.
 Был высотой слалч, что мощный слон; почлиа
 В Ферхаде двух слонов чудовищная сила.
 И каждый страж из тех, кем был гарем храним,
 Его приветствуя, склонился перед ним.
 Он засучил рукав. Как должен был по званию,
 Он, препоясанный, встал пред широкой тканью³.
 В смущении был Ферхад: рок на своем пиру
 Вел за завесою какую-то игру.
 И вот — ночной набег! Внезапное злодейство!
 Рок развернул свое за тканью лицейство.
 С улыбкой, что в себя весь сахар собрала,
 Вся сладость Сладостной свой голос вознесла.
 Два сахарных замка сняла Шарни с жемчужин!⁴
 Стал сахар с жемчугом в одном звучании дружен
 И Пальма Сладкая те финики дала,
 Чья сладость финики терзала, как игла⁵.
 И сахар сладость слов — о молоко с хурмою! —
 Почтя, сказал, что мед без них пойдет с сумою.
 И сахар услышал: мир сахарный возник, —
 И отрянул полу от Хузистана вмиг.
 Ее ведь Сладкою назвали, — и на диво
 Беседу Сладкая вела сладкоречиво.
 Ну что сказать еще? Да, все, что хочешь, друг!
 Плеснял и птиц и рыб ее речиний звук.
 Когда уста Шарни свой сахар источали,
 С поклоном леденцы Сладчайшую встречали.
 Едва на сборище Шарни открыл рот, —
 Сердца внимающих в полон она берет.
 Сражала речью всех! От Сладкой оборона,
 Клянусь, не найдена была б и для Платона.
 В Ферхада слух вошла речь Сладостной, — и жар
 В нем запыхал, и дух в нем стал кинуч и яр.
 Смятенная душа вздох извергает жгучий, —
 И падает Ферхад, как падают в палучей.
 Удар по темени Ферхада жег, — и он

Крутился, как змея, ударом оглушен,
 Ширин, увидевши, что сердце у Ферхада,
 Как птица трещина, свой плен покинуть радо,
 Взядась его лечить, но лишь сумела сеть,
 Рассыпав зерна слова, вновь на него надеть.
 «О мастер опытный, — услышал он от Сладкой, —
 Ты разрешенно обрадуешь загадкой.
 Желание мое, о мастер, таково,
 Чтоб услужили мне твой ум и мастерство.
 Ты, зная мудрый труд и замыслами смелый,
 Сей заверши дворец своей рукой умелой.
 Ведь стадо — далеко, а в молоке — нужда.
 Дай талисман, чтоб нам иметь его всегда.
 Меж стадом и дворцом в фарсаига два преграда:
 Уступы скал, и в них проток устроить надо,
 Чтоб пастухи в него вливали молоко,
 Чтоб мы сказать могли: достали молоко».
 И, сладкоречие журчанью вшмая,
 Впал в немощность Ферхад, речей не понимая.
 В свой жадный слух вбирать еще он мог слова,
 Но что в них значилось, не знала голова.
 Хотел заговорить — да нет! — умолк он сразу.
 Он перст беспомощно прикладывает к глазу⁵.
 Он вопрошает слуг: «Что приключилось тут?
 Я пьян, а пьяные как ошупью бредут.
 Что говорила мне, мне говорите снова,
 Что просит у меня, о том просите снова».
 И слуги речь Ширин пересказали вновь,
 По приказанию слова связали вновь.
 Когда постиг Ферхад красавицы веленье,
 Его запечатлел в душе он во мгновение.
 И в мыслях приступил он к сложному труду.
 Подумав: «Тонкое решение найду».
 Он вышел, сжав кирку; за ремесло он снова
 Взядась; служить любви рука его готова.
 Так яростно дробил он мускулы земли,
 Что скалы воском стать от рук его могли.

Был каждый взмах кирки, когда ломал он камень,
 Достоин тех камней, чей драгоценен пламень.
 Он рассекал гранит киркою, чтоб русло,
 Что он вытесывал, меж кряжами прошло.
 Лишь месяц миновал, — и путь, киркой пробитый,
 Вместить бы смог поток в разбитые граниты.
 От пастбища овец до замковых ворот
 Он камни разместил, укладывая ход.
 И так он все свершил, что водоемы рая
 Пред ним простерлись бы, ступни его лобзая.
 Так слитно плитами он выложил проток,
 Что между плитами не лег бы волосок.
 Ложбиной, созданной рукой творца умелой,
 Сумели струи течь, гонимы дланью смелой.
 Пусть кажется порой: безмерного труда
 Рука преодолеть не сможет никогда.
 Но сто булатных гор, воздвигнутых от века,
 Сумеют разметать ладони человека.
 Где то, чего б не смял всесильный род людской?
 Лишь смерти не срывает вечною рукой.

ПРИЕЗД ШИРИН К МЕСТУ РАБОТ ФЕРХАДА

И вот возникло то, что людям незнакомо:
 Стекает молоко в пределы водоема.
 И мастером Луис известно дано:
 Водохранилище им сооружено.
 И гурия, прибыв, всему дивясь глубоко,
 Вкруг водоема шла, прошла и вдоль протока.
 Ей мнилось: водоем и новое русло
 Здесь только божество расположить могло.
 Не дело смертного водораздела рая,
 Где бродят гурии, у млечных рек играя!

Услышал от Ширин хваление Ферхад:
 «Да будешь промыслу божественному рад!»
 И счастлив он, призыв от дулолкий слыша.
 И был посажен он всех приближенных выше.
 «Мне нечем наградить такое мастерство.
 Тут и помощникам не сыщешь ничего».
 У дивной, меж камней, в полумраке ясных,
 В ушах светились две жемчужины прекрасных.
 И каждая красой вещу была равна.
 Дать города была — жемчужинам цена.
 И серьги сияв, Ширин с пияншею мольбой
 Сказала: «О, прими! Продай ценой люблю.
 Когда смогу добыть я лучшее — ценой
 Достойной оплачу все то, что предло мной».
 Жемчужины приняв, их восхвалив, — проворно
 Ферхад к ногам Ширин бросает эти зерна.
 И устремился он, смирая горе, в степь.
 Слезами заливал он, словно море, степь.
 Нет! Страстью не затмит он созданного дела!
 Он ждал, чтоб даль его забвением одела.

ПЛАЧ ФЕРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

Лишь сердцем к образу он Сладостной принял, —
 Из сердца глубины любовь исторгла крик.
 И вмиг все дни его мучительными стали.
 И руки крепкие как бы навек устали.
 И от людей бежать пришла ему пора.
 Он падал, как больной, поднявшийся с одра.
 В смятеньи мчался он в ущелья и в степи,
 И с ним врывался стон в ущелья и в степи.
 Он, стройный кипарис, поникшей розой стал.
 Как роза, в ста местах рубаху он порвал.
 Рвя тернии с лути, он скорбился. Несчастный

Шины из ног своих вытаскивал всечасно.
 Что нужды, что полу рвут терни, что от плеч,
 Быть может, голову ему отторгнет меч.
 Обуреваемый неукротимой страстью,
 Он нетерпения охвачен был напастью.
 Вокруг него инсар пурпуровый возник:
 В тюльпанов заросли он обращал свой лик!
 Ряданьем в воздухе свои он ставил мрежи.
 Разбили небосвод и стон его и скрежет.
 Застигнутый огнем, расудок взнемог,
 Из сердца взвишвшийся огонь его обжег.
 Сто смертоносных ран горят в груди Ферхала,
 И дерзкая душа идти на гибель рада.
 Для мук и бедствия он как бы стал метой.
 Где грань страдания? Не сыщешь грани той.
 Людей он избегал в краю сердечной смуты,
 Как бы железа — див иль словно ведьма — руты².
 Он рад беде, хоть взят печалью за полу:
 Рад запустенью клад, забивший во мглу.
 Страдал он, snadобя от ярых мук не зная,
 Как разомкнуть навек страданий круг, не зная,
 И страстотерпец был безмерно одинок.
 Был мир его друзей и спутников далек.
 Страсть, сжав его в руках, в него вшивалась
 взглядом

И забывал Ферхад, что связан он с Ферхадом³.
 Он чашу бед своих направил бы к Ширин.
 Да кто б отнес ее к Прекрасной? Он один.
 И причесав и смущен хмельной любви загадкой,
 Слова сладчайшие слагает он о Сладкой⁴.
 И сердцеогненный и опыленный мнит,
 Что сердце каждого подобный жар таит.
 Тот, чей замучен дух пыланьем, полагает,
 Что вся подлунная в пыланных полыхает.
 Лишь имя Сладостной всплывает в его мечтах, —
 Унав, стократно он земной целует прах.
 К ней обращая лик, не ведая надежды,

Он душу разрывал, как рвут свои одежды,
 Как несущий конь, Ферхад сиует вокруг,
 И каждый дикий зверь для страждущего — друг.
 Из ширн, из силка для всех с произнесенным сердцем,
 Шли звери, чтобы грусть делить со страстотерпцем,
 Зверь землю подметал, другой — страдальцу смог
 Для сна постлать траву, иной лежал у ног.
 Ферхад с газелями делил удивление,
 А то с онаграми текли его мгновенья,
 Он лани видел плач, свои с ней слезы слил,
 Порой расчесывал он космы львиных грив.
 Он жизни не берет, он был пресыщен миром,
 Несчастье вокруг него тугим крутилось впрок,
 И радость, что могла б томление спугнуть,
 Он гневно прогонял, храня свой скорбный путь.
 И к горю, дружному с его стремленьем страстным,
 Снешил он, как спенат, скача с конем запасным.
 Он лика своего слезами мыл сафьян.
 Он мыл: Сухейла свет глазам печальным даил.
 Не спал он, хоть и вся спала вокруг природа.
 Ведь если друга ждуть, не преграждают входа.
 Душа отвергла кладь, что называлась «я».
 Он ждал, чужую кладь в дому своем таял.
 Он сбросить навсего свое хотел бы тело,
 И в теле друга быть — душа его хотела.
 Но в клетке сломанной уж места птице нет.
 Царь вышел воевать, огней в столице нет.
 Так волю с волею иной связал он туго,
 Что отличить не мог двух слитых друг от друга.
 Он, встретив пламень злой иль благодатный свет,
 Лишь видел череду благих иль злых примет.
 Все образы вокруг он видел, как задачу.
 И в них искал примет, вещающих удачу.
 Но каждый любящий отвергнет знак дурной
 Иль предназначит злое он для души иной.
 И образ, будь он плох иль будь он сладок небу,
 Пригодным делает себе он на потребу.

Он к замку подходил в неделю только раз,
 От замка Сладостной не отрывая глаз.
 И вновь стремились он в спасительные степи,
 Вновь слава давнюю мучительные цепи.
 И к млечному пруду в ночах, издали
 Он брел, что лань, и пил немного молока.
 И пету для него иных желаний в мире...
 Лишь этот водосм пред ним в подлунной ширн.
 И, не смыкая глаз, во тьме бродил он тут,
 Где расположен был им выложенный пруд.
 Стал сопричастен труд его любовным ранам:
 Об одержимом весть раскинулась по странам.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

И передал царю один из царских слуг
 То, что сказал ему его ближайший друг.
 Он слышал, что Ферхад, рыдающий в пустыне,
 Лишь о себе весь мир твердить заставлял ныне,
 Что устремления любовного напасть
 В пустыню бедняка заставила попасть.
 От страсти к красоте, что всем сжигает очи,
 Стеная, бродит он во мраке долгой ночи.
 Он говорит: «Душа из-за Ширин бодна!»
 И речь его громка, и всем она слышна.
 Ни стрелы, ни мечи, разищие с размаха,
 Ни старцы, ни юнцы в нем не рождют страха.
 Но знаю: лишь душой привязан он к Луне,
 Лишь слухом о красе довольствуясь вполне.
 Серебротелую вечною поминая,
 Про самого себя не помнит он, стеноя.
 В неделю раз он к ней приходит в замок: есть
 Ему услада в том: о ней услышит весть.
 Едва лишь вядал Хосров нежданному рассказу,

К грабительнице душ страсть возрастает сразу!
 В соревновании бойцы отважней бьют,
 Два соловья нежней над розою поют.
 Коль двое второпях становятся у лавки,
 Ты должен от купца ждать на товар надбавки.
 Хосрова сердцу вновь ристалище дано:
 Тот, сердце бросивший, с Хосровом заодно.
 И по-прежнему шах заревновал подругу.
 Придал соратник жар ревнивому недугу.
 Все просит мысль его: «Ты делу помоги».
 Не в глине ль он увяз? Не вытащить ноги!
 Когда недуги нас охватят или скорби,
 То стройный киларис свой стан высокий сгорбит.
 Онам болящего подмога не видна,
 Ведь мысль болящего как сам больная, больна.
 Во здравьи человек — и мысль его здорова,
 А хил — всех дел его колеблется основа.
 Врач, шупавший, лечя, биеные многих жил,
 В жару свой шупать пульс другому предложил.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

И, отобрав людей из приближенной знати,
 Шах в совещательной задумался палате.
 «Как одержимого неистовство сдержать?
 Как этой костью нам игральною сыграть?
 Коль сохранить его — мое погибнет дело.
 Сразить невинного — мне честь не повелела.
 В могуществе царя я мыслил быть один.
 На праздник мой прийти решил простолодун!
 Прекрасною Луной мне празднество готово.
 Безумца позвала, чтоб радовать Хосрова!»
 И дали мудрецы царю такой ответ:
 «Удача лишь тебе свой зажигает свет.

И венчосные перед тобой во прахе.
 И прахом ног твоих окрест клянутся шахи.
 Да будут, словно мир, твои бессмертны дни, —
 Да счастьем вечному сопутствуют они!
 Ему, чтоб для царя не стало вновь обузы,
 Из золота скуем, не из железа, узы.
 Ведь зелье от тоски — лишь золото, да, да.
 Да! С золотом та смесь целебная всегда!
 Ты призови его, ты в нем роди надежды,
 Чтоб он на золото свои приподнял вежды.
 За золото Ферхад и веру отметет.
 За сладость звонкую от Сладкой отойдет.
 Ведь с золотом мощна немало глаз гасила.
 В железе от него оскудевала сила!
 Коль золотой глупца не отвести метлой,
 Тогда займи его работой над скалой.
 Чтоб до поры, когда его несякнет время,
 Напрасно бы он был в скалы гранитной темя».

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

И, речь выслушав, уж не бродя впотьмах,
 Гор сокрушителя велел доставить шах.
 И вот явели его, могучего, как горы.
 Вокруг стоял народ, в него вверяя взоры.
 В страданиях он склонил открытое чело.
 Забвение всего на мощного нашло!
 Он в тягостной тоске, в смятении глубоком
 Стоял, овеянный неблаготатным роком.
 На шаха не взглянув и не взглянув на трон,
 Ногами в прах, как лев, уперся крепко он.
 Он, унесенный прочь томленьем по Прекрасной,
 Снял думу о себе и о царе — напрасной.
 Ферхад у мощному оказан был почет.

Предоженным дарам ты потерял бы счет.
Словноподобный сел, почтен многообразно,
Дарь с золотом, как слои, вздымался для соблазна*,
Но в госте ихонтов огни сохранены,
И золото и прах для чистого — рапы*,
Поняв, что душой дар можемому не нужен,
Хосров разверз уста — ларей своих жемчужиной.
На острые слова, что складывал Хосров,
Гость, острые слова был складывать готов,

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

Хосров спросил: «Ты кто? Тут все я знаю лица».
Ферхад: «Мой край далек, и Дружба — в нем столица».
Хосров: «Чем торг ведут, зайдя в такую даль?»
Ферхад: «Сдают сердца, взамен берут печаль».
Хосров: «Сдавать сердца — невыгодный обычай».
Ферхад: «В краю любви не каждая с добычей».
Хосров: «Ты сердцем яр. Опомниться спешу».
Ферхад: «Разгневан ты, я ж молвил — от души».
Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?»
Ферхад: «Сладчайшая душе влюбленной — сладость».
Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?»
Ферхад: «Когда усну. Но недоступен сон».
Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?»
Ферхад: «Когда усну, прикрыв себя землесю».
Хосров: «А если ты войдешь в ее чертог?»
Ферхад: «Я голову склоню у светлых ног».
Хосров: «А коль она твое поранит око?»
Ферхад: «Скажу: разл, второе — недалеко».
Хосров: «Когда б другой Прекрасную сыскал?»

Ферхад: «Узнал бы меч, хоть был бы тверже скалы».
Хосров: «Коль к ней дойти тебе не станет мочи?»
Ферхад: «Что ж! Издали дуна ласкает очи».
Хосров: «Быть вдалеке не надо от души».
Ферхад: «Большим нужна ограда от души».
Хосров: «Коль «все отдай» она промолвит строго?»
Ферхад: «Я с воплями прошу об этом бога».
Хосров: «Коль вымолвит: «Где ж голова твоя?»
Ферхад: «... то сей заем вмиг с шен сбрую я».
Хосров: «Любовь к Ширин истории ты из тела».
Ферхад: «О, чья б душа погаснуть захотела!»
Хосров: «Найди покой, не жди благого дня».
Ферхад: «Спокойствие запрещено для меня».
Хосров: «Твоя стезя — явить свое терпенье».
Ферхад: «Горя, нельзя явить свое терпенье».
Хосров: «Стань терпелив, и в сердце будет свет».
Ферхад: «Хотел бы я ... да вот уж сердца нет».
Хосров: «Полно скорбей любви опасной дело».
Ферхад: «Чего милей любви всевластной дело?»
Хосров: «Ей сердце дал, хоть душу «сбереги»».
Ферхад: «Томлюсь. Душа и сердце — не враги».
Хосров: «Чего-нибудь страшнись в этой муке?»
Ферхад: «Лишь тягости мучительной разлуки».
Хосров: «Хотел бы ты наложницу? Ответь».
Ферхад: «Хотел бы я и жизни не иметь».
Хосров: «Зачем горюшь в такой любви великой?»
Ферхад: «Осведомись у сладостной лика».
Хосров: «Ты принужден о Сладостной забыть».
Ферхад: «Но без души, нам сладостной, не жить!»
Хосров: «Она — моя, забудь, что в ней услада».
Ферхад: «Забвения не стало для Ферхада».
Хосров: «Коль встречу с ней, что скажешь мне — другу?»
Ферхад: «Небесный свод я вздохом подожгу».
Что вымолвить в ответ, не ведал ум Хосрова.
И увидал Хосров: его бессильно слово.
И вымолвил друзьям: «Меж земнородных нет

Умеющих бросать так огненно ответ.
 Я золотом речей его не опластаю.
 Его, как золото, на камне испытаю.
 И, как железный меч, он обнажил язык,
 Чтоб к глыбе каменной алмаз кирки приник:
 «Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.
 Нам трудно обходить окрестных гор отроги.
 Ты в каменной горе пророй просторный путь,
 Если он послужит мне, об этом не забудь.
 Никто бы не сумел за это взяться дело,
 Лишь знание твое его бы одолело.
 Ты честью Сладостной мне поклонись; другой
 Не знаю клятвы я такой же дорогой.
 Ты должен выполнить большую просьбу эту.
 Ты должен выполнить простую просьбу эту».
 И многомогущий муж дает ему ответ:
 «И гору уберу, к тому преграды нет.
 Давай условимся! Трудом займусь я старым,
 Но обязательство я выполню не даром,
 И сердце шахское мне клятву дать должно:
 Пусть сахар Сладостной с себя стряхнет оно?»
 Разгневался Хосров; едва лишь не простерла
 Его рука булат, чтоб вражьи ранить горло.
 Но мыслит: «Не страшусь, хоть все ему суля.
 Не врать ему горы, — там скалы, не земля.
 А хоть бы и земля, — и с ней не будет сладу!
 А хоть бы взрыл ее, — куда снесет громаду?»
 И быстро говорит: «Согласен я; когда
 Забуду договор — да будет мне беда!
 Яви в своем труде, стан подтянув потуже,
 Всю силу, что живет в таком могучем муже.
 И выколывай Ферхад, не ведающий лжи:
 «О справедливый шах, мне гору укажи!»
 И подведен к горе, что Бисутуню ныне
 Зовут, каменотес, терзавшийся в пустыне,
 И явно, что Ферхад свой блеск не сохранит,
 Что вся гора тверда, что вся гора — гранит.

Но с радостной душой, подбодренный Хосровом,
 Шел разрыватель гор, горя порывом новым.
 Взлетел он на гору, как бурный вестер яр,
 И подпоясаясь, и первый дал удар.
 И вот он с первым же руки своей движеньем
 Стал покрывать скалу одним изображеньем:
 Киркою стан Ширии он высек; так Мани
 Свой украшал Эрженг, творя в былые дни.
 И, лишнего киркой не совершая взмаха,
 На царственном коне изобразил он шаха.
 Так юная творить ему велела кровь.
 Он был возвышенным, вела его — любовь.
 Но с юным — злая весть должна коснуться слуха —
 Что сделала судьба — горбатая старуха!

РАССЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОБЫ ЕГО

Недолго высекал те образы Ферхад,
 Был изваянием покрыт гранитный скат.
 И рассекать скалу с утра до темной ночи
 Он начал. Сладостной пред ним сияли очи.
 Чтоб гору побороть, свою он поднял длань.
 За гранью грозная откальзывалась грань.
 Ударит он киркой в расщелину гранита, —
 И башня тяжкая от стен его отбита.
 Ударит — гору с гор руки низвергнет взмах,
 Сверженнем громад людей ввергая в страх.
 И яхонты сверлил алмазами ресниц он!
 И гору умолял пред ним склониться ниц он:
 «Гора! Хоть встала ты гранитною стеной,
 Ты дружелюбней будь — рассыпись предо мной.
 Ну, в честь мою лицо ты раздери немного!
 Дай, чтоб кирке моей везде была дорога!

А нет — клянусь Ширин! — кроша тебя, круша,
 Покуда будет жить во мне моя душа,
 Тебя терзать начнет, клянусь, мое упорство,
 Поставлю душу я с тобой на ратоборство». —
 Но вечером, когда, сходя с равнин судьбы,
 Свет солнца горные окрашивал горбы,
 Когда по светлому узор стелился мглистый,
 И поднимался стая, и ник султан огнистый²,
 Близ образа Ширин Ферхад стоял в тиши,
 Ища в граните след ее живой души.
 Он прижимал уста к столам изображенным,
 В горах шимбалами его звучали стоны:
 «Онам художников единственный михраб!
 Целительница душ! Твой покидает раб.
 Ты, с сердцем каменным! Ты, с телом серебристым!
 Ты сердце путника владишь путем тернистым.
 Ты в камне поймана, как драгоценный лал.
 Лал сердца моего твой камень размалал». —
 Пред изваянием смирив свои рыдания,
 За них прощенья он просил у изваянья.
 Он восходил затем до каменной гряды,
 Взваливши на спину все тяжестии беды,
 И к замку направлял он взор свой неустанно,
 Стоял: «О кипарис! О ты, розовостанный!
 Вся печень выжата! Ты светом сердца будь!
 Ты сбито с пути направь на верный путь!
 Желанье мое ты пожелай исполнить!
 Дай безнадежный дух надеждою наполнить!
 Я знаю, что меня нет в памяти твоей.
 От милого тебе свет в памяти твоей.
 Я ж друг, что о тебе грустит под звездным лоном.
 Миросжигающим я мир сжигаю стоном.
 Пока в твоей душе царит Хосров один,
 Спитальца бедного припомнишь ли, Ширин?
 Нет, роза радостна. И в мыслях розы снова
 Слова, что сахар шлют для жаждного Хосрова,
 А сладостную жизнь безрадостный Ферхад

Для розы сладостной отдать сегодня рад.
 «Хоть ты, о светлая, подобная алмазу,
 Меня покорного не вспоминай ни разу, —
 Ты все же — светоч мой. Но надо мною тень
 Простерлась черная. Мой сумеречен день.
 Мне сделалась земля скупой отчизной — камнем,
 И жизнь свою зову я с укоризной камнем.
 Не ведал я, душой спеша к такому злу,
 Что рок меня схватил с угрозой за полу.
 Нет, не из камня я, и ты все не близка мне!
 Что ж верности искать в железе мне и в камне?
 Ты душу, о Ширин, не уймижай мою.
 Не бей меня в камнях, как бьют в камнях змею!
 Барашек я. Зачем ждуют мясники приказа?
 Рази! Ведь мясники — твои два черных глаза.
 На настбнице твою остался только я.
 Я хил! Отвержен я! Горька судьба моя!
 Я мотылек. Страшусь. Я и вдали сгораю.
 Сгорю, приблизившись к сверкающему раю.
 К тебе приблизиться? Но я ведь только прах.
 Быть приближенным? Нет! Меня объемлет страх!
 Тебе покорен я! Быть жертвою — отрада!
 Убей меня! Клянусь, мне лучшего не надо!
 Развей тоску мою. Как справиться мне с ней?
 Мне смерть отраднее всей смене этих дней.
 Пусть не рождает мать сынов с такой судьбою,
 Пусть им звезды моей не видеть над собою!
 Иль молвила мне мать: «Далек да будешь ты
 От цели сладостной, от сладостной мечты!»
 Поспешный меч судьбы не всем принесит муку:
 Тем — тронет поготки, а мне — отрубит руку.
 От рока благодсти добиться нелегко.
 Что ж мне он дарит кровь, тебе же молоко?
 Я молоком прошу тебя вскормившим, — дома.
 Когда ты молоко чернешь из водоема,
 Припомни ты о том, кто весь горит в огне,

И везу сладкую оно пошлет и мне.
 Дай молока, пастух! Стою с пустою чашей.
 Как дети к молоку, стремлюсь ко встрече нашей.
 Вкусная молоко, меня не позабуди.
 Я буду молоком, а ты ребенком будь.
 Ты сладости таишь. Я таю, голодаю,
 Но ищем твоим вострым рот я увлажжаю.
 Где утешители? Взгляну я вокруг.
 Будь утешителем! Ты вымолви: «Мой друг».
 Мне увлажни уста; они иссохли. К свету
 Ты черный мрак направь, дня укажи примету.
 Перед тобой бедняк. Но вымолвить спешу:
 Тебе я ценный дар — я душу подношу.
 Богатство бедняка, — оно такого рода,
 Что и, безденежный, желает он дохода.
 Мне душу не сжигай, ведь мой хранитель — ты!
 Что мне подлунный мир! Мой утешитель — ты!
 Ты блещешь красотой и радостной и томной.
 Не покидай меня с моей душой бездомной.
 Ведь ты, Прекрасная, бездомной не была.
 Бездомным не желай бездомности и зла!
 Я жизнью дорожил, цепил ее когда-то.
 Я верил в молодость, далекий от заката.
 Но жизнь и молодость во мне уж не поют,
 Беда! Моя душа — отчаянья приют.
 Тот, кто с тобою был, тебе привнито вторя,
 Уходит от тебя в минуту злого гора.
 Ты крикнешь: «Руку дай!», — а друг твой дорогой
 На скорбный твой порог не ступит и ногой.
 Ты кровь мою не пей — моло тебе со страхом,
 И в городе твоём я схож лишь только с прахом.
 За что же, говори, ты мне готовишь месть?
 В чем ты видишь меня? Подай об этом весть.
 Вина ль, что пред твоим я преклонюсь лянком?
 Припоминишь о каком ты мне грехе лянком?
 Ты друга не предай, о сладостный кумир!
 Таких безбожных дел еще не ведал мир!
 Ты — кипарис, я — ветер, исполненный порыва³, —

И ветру бурному кивни ты, словно ива.
 Я — прах, ты — дивный клад. Приди ко мне, и я
 Прославлюсь. Станет прах — «Священные края»⁴
 Коль мне ты не велишь, моя свеча Тараза⁵,
 В светильнике твоём растаяв, — жду приказа:
 «Ты должен умереть!». Да лягу я вдали
 От ликя светлого в объятия земли!
 Я — птица полночи. Блеснет ночная риза,
 И слышен горький плач и стоны шебавиза.
 Приди ко мне хоть раз, как призрак, и услышь,
 Как вопли и мольбы тревожат эту тишь.
 Будь сердце у тебя суровой камня, все же
 Взгрустнешь над бьющимся о каменное ложе.
 Мне столько от тебя обид нанесено!
 Ты ж считаешь их за малое зерно.
 Как вол измученный, свалился я па землю.
 Ты ж гошишь ослика: печали, мол, не внемлю.
 Я мертв, но я был твоим. Помниосердией будь!
 Ведь сердце ты взяла, мою рассекали грудь!
 Но я соломинка в руках твоих! Твой взор
 Гнетет меня, хоть я колеблю склоны гор.
 Незыблемой горы сильней мои ладоши.
 Страшны ли мне войска и всадники и кони!
 Коль меч я обнажу пред диким зверем, то
 Шебдиз не нужен мне. Мне и Парвиз — ничто!
 Ширин, Парвиз, Ферхад, — в нас родственного
 много:

У каждого из нас, ты знаешь, по два слога.
 Зачем же одному победы так легки
 И всех сильнее мощь парвизовой руки?
 Нет, поражения тень не надо мной нависла!
 В таблице вещей звезд мои победы числа.
 Но счастья моего отхлынули года,
 А над соперником — счастливая звезда.
 Мой злобен темный рок, и хитрый он предатель.
 А счастье знает враг — мой вечный зложелатель.
 Но пусть ничто вовек не ведает врага,

Чья светлая судьба созвездьям дорога!
 Стораю я в борьбе, я в схватке, — все же вкоре
 Мой враг добудет все, а я — добуду горе,
 Тот, кто послал меня на схватку со скалой,
 Мне гибели желал мучительной и злой.
 Я, смерти пожелав, за камнем камень рушу,
 Я горя захотел и в горе ввергнул душу.
 Кремнист мой путь любви. Вокруг сгустилась тень,
 И давит сердце мне безжалостный кремнь.
 Знай, это не игра. Вглянни: я камни рою.
 Я пригожусь тебе. Не тешусь я игрою.
 Я в горе жестким стал, созвездиям грозя,
 Железа устыдить мне все-таки нельзя.
 Я, словно желтый воск, стораю в жаркой страсти,
 Я сердце уберечь уж больше не во власти
 Где серебро мое и золото? Тюков
 Тебе не принесу. Я — нищий. Я — таков.
 Желт горестного лик. О золото печали!
 О горе! Серебром лишь слезы замерзали,
 О светоч! Вижу свет в твоём лишь я огне!
 Я стражду светлым днем и стражду я во сне.
 И хоть горячим днем мучительно я стражду,
 Но в дремах я любви еще страшнее жажду.
 И днем со мною ты, и ты — в виденьях сна.
 Прибегание мое лишь только ты. Одна.
 Приди! Любя весь мир, тебе я отдал душу!
 Не див я, — как с людьми я связь свою нарушу!
 Нет сердца пламенной среди людских сердец,
 Чем у того, кто съел ваятеля резец.
 Злосчастнее меня кто ныне во вселенной?
 Я будто в горестной пустыне — во вселенной.
 Любвеобильного где друга я найду,
 Кто мне промолвит «встань!», коль наземь я паду?!
 Да! Косяки людей бесчисленны, — но кто же,
 Когда скончаюсь я, мое оправит ложе?
 Моя душа — в тоске, я в мире — одинок.
 Как жертву, голову кладу на твой порог.

Хоть просижу сто лет я в глубине колодца,
 Лишь свой услышу стон: никто не отзовется.
 Хоть проброжу сто лет, в свои уйдя края,
 Пойдет за мною вслед одна лишь тень моя.
 Я нес? Иль бешенства низвержен я напастью?
 Мечусь, как тот, кто был укушен песьей пастью.
 Есть место и для псов, а для Ферхада — нет!
 Для трав простор готов, а для Ферхада — нет!
 И барса в логове лоштина приютила,
 И есть меж вод речных приют для крокодила.
 А я лишен всего, моя душа во мгле,
 И камнем я не стал и не лежу в земле.
 Но если на земле я только горю внемлю,
 Чтоб обрести покой — уйти я должен в землю.
 Пусть буду на земле бездомным только я!
 Как жить, коль никнет жизнь, одной тоской поя?
 К тебе меня влечет погибели ветрило,
 К погибели меня земля приговорила!
 Коль существуешь ты, так что же значу я!
 Селение — твое, а где в нем жизнь моя?
 Скажу ли: «ты» и «я». Подобною судьбою
 Я не кицусь. Ну как склоняться пред собою?
 Могу ль я отступать своим путем крутым?
 Горенья моего все застилает дым.
 Безмерно утомлен, пришел я на стоянку.
 Я запоздал прийти, — уйду я спозаранку!
 Коня пускаю в путь я верною рукой.
 Куда ж мне гнать коня? Где ждет меня покой?
 Я в горе каждый миг. Я плачу о кумире,
 И счастье не хочу ничье я видеть в мире.
 Душа моя, тебе ведь память дорога
 О том, как мудрецы низали жемчуга:
 «Недужный человек, что страдает и шлает,
 Здоровья никому вовек не пожелает».
 Как благотворное увидеть мне в любви,
 Когда я весь в шипах, когда я весь в крови?
 Хотя в моем мозгу уж больше нету масла,

Но горе душу жжет, душа все же погасла.
 Страдашем своим я весь испепелен.
 Но и пепле есть огонь: под ним укрылся он.
 Я — прах, я негром визит. Не жду уж я участия.
 В ногах не стало сил, в руках не стало счастья.
 Коль ноги обрету, — их тотчас под полу
 Я подткну. Свою покину ль я скалу?
 Как точку, спрячу лик под циркулем. Я спрячу
 Себя в своей скале, лишь в ней найду удачу.
 Я ограду себя оградой многих стен,
 Чтоб образы ничья мой не смущали плен.
 Твой образ будь со мной! Ему вручил я душу.
 Я верности ему вовеки не нарушу!»
 Так восклицал Ферхад, стонал и плакал вновь,
 И сердца своего так расточал он кровь.
 И ночь ушла из гор, и, полные отваги,
 Войска зари, блести, свои раскрыли стяги.
 И вновь безумный — днем, и вновь бессонный —
 в ночь

Ударами кирки мнил гору превозмочь.
 Все ночи наполнял он только жемчугами?
 А камни он сверлил пазылыми дьями.
 Так много жемчуга он сыпал в камень,
 Что отличать не стал жемчужин от кремней.
 И по поддувному промчалась весть простору
 Об нестрадавшемся, о разрывавшем гору.
 И не один к нему пришел каменотес,
 Чтоб видеть, как булат вонзается в утес.
 И каждый — недвижим; свой закусивши палец,
 Глядит, как рвет скалу неистовый скиталец.

ШИРИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ГОРЕ БИСУТУН, И КОНЬ ЕЕ ПАДАЕТ

В один счастливый день тех благостных годин
 Сидела меж подруг прекрасная Ширин,
 И в дружеских речах, рожденных для услады,

Невзгод и радостей раскидывались клады.
 Одна припомнила отраду проилых дней,
 И сердцем радостным все рациональнее с ней.
 Другая, новых дней предсказывая сказку,
 Грядущей радости придумала завязку.
 Немало плавных слов, ласкающих сердца,
 Подруги заплели — не видно и конца!
 Но речь звенящая сменяется не тут же,
 Услышала Ширин слова о Бисутуне.
 И молвит весело подательница благ:
 «Я подружить хочу на Бисутуне стяг.
 Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,
 Как рухнет скала под натиском Ферхада,
 Быть может, искорка, ничтожная на вид,
 От камня отлетит, мне сердце оживит».
 И оседлать коня велит она, — и гибкий
 Оседлан ветерок разубранною зыбкой.
 Гульгун был далеко, — и, полного огня,
 Другого взять Ширин позволила коня,
 И скачет, заблестев весною золотою,
 Красавицам Ягмы равняясь красотой,
 И скачет, заблестев парфессами оней,
 Как сто охапок роз под россыню лучей.
 Пусть большей нежности, чем в ней, и не приснится,
 Но на коне Ширин стремительна, как птица.
 Она, что гурня, взлетела на седло,
 Ничто с ней быстротой равняться не могло.
 Вбивают гвозди в спину ее коня подковы,
 И над землей она — бог небосвода новый.
 Когда, разбрасывая мускус и несрин,
 К горе, вся в серебре, подъехала Ширин, —
 От блеска щек кремни раскопанного стана
 Зажглись рубинами из копей Бадахшана.
 К горокопателью, подобному горе,
 Мчит гору гурня, сверкая в серебре!
 Ее рубины чья, покорный приговору?
 Ферхад, как рудокоп, рубил упорно гору.

Как смертью молью его, когда он рыл гранит?
 И мер таких наш мир безмерных не хранит!
 С гранитным сердцем друг бросил в него камень,
 Но, чтобы гору срыть, он все паприг уменит.
 Сам с гору, гору рыл и здесь, как и вчера,
 А горе перед ним, как Демаванд-гора,
 Но для того отбил край он от гранита,
 Что радости он ядал и милой от гранита.
 Он омыкал гранит рубином жарких слез!
 Но час пришел: гранит к нему рубины вынес!
 Когда же уст Ширин увидел он два лаза, —
 Пред ним сокровище в граните зашляло.
 Булат в его руке стал сердца горячий,
 И стала вся скала, что глинистый ручей.
 Одной рукой вздымал он, словно глину, камень,
 Другой бил камнем в грудь, скрывающую пламень.
 Выпала в грудь любовь; он видел светлый мир.
 Что идол каменный! Ведь перед ним — кумир.
 И с молоком в руке у Сладкоустой чаша.
 И молила она: «Иней во здравие наше».
 И чаша Сладостной к устам поднесена.
 И чаша сладкая осушена до дна.
 Коль крапчий — Сладкая; — о счастья избыток!
 Не только молока, яд — сладостный напиток.
 Рассудка этот мир влюбленного лишит,
 И крапчий ширшесть оставит поренит!
 Стан Сладкой отягчен: парчи не гибки струи,
 Копь Сладкой утомян под гнетом пышной сбруи.
 Будь золотой скакун под нею той порой,
 Все ж под серебряной сложился бы горой.
 Копь, равный ветерку, что мнится лугом росным,
 Упал под седком своим жемучоносным.
 Но лишь увидел тот, в ком трепетала страсть,
 Что с вихря милая готова пасть, —
 Копя усталого, отдавшийся поручу,
 Он поднял над землей, схватив его за гриву,
 Он в замок спес Ширин; ферхадова рука

Обидеть не могла на ней и волоска,
 И положил ее он на ковер, и снова
 Он к Бисутуну шел, к труду опять готовый.
 И вновь с киркою он, вернувшись, из пазат,
 И те же камни вновь дробит его булат.
 На горный кряж взошел, хоть сердце мучил пламень.
 На кряже головой вновь бился он о камень.
 Как лань, узревшая на высях призрак трав,
 Он бросил солощак, на кладбище взбежал.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН
 ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА

Вседневно хитростно искал владыка мира
 Каких-нибудь вестей о действиях кумира.
 Он больше тысячи лазутчиков имел.
 Был каждому из них дан круг особых дел.
 Лишь пальчиком Луна дотронется до носа,
 Они спешат к царю для нового доноса.
 Когда на Бисутун взошла Ширин и там
 Узрел кряж сродни булатным крестостям, —
 Все соглядаты промолвили владыке:
 «Ферхад увидел рай в ее прекрасном лике,
 И сила дивная в Ферхаде возросла:
 Спял взмахнет киркой, — и валится скала.
 Восторгом блещет он, в его душе разлитым.
 Он, меж гранитных глыб, сам сделался гранитом,
 Железом, что дробит угрюмых скал табуи,
 Стулою сделает он гору Бисутун.
 Вопиет, как лев, твой недоброжелатель
 И рвет недаром кряж, ведь он — кладонскатель.
 Лишца победит, в улочках зная толк,
 Хоть в состязанье с ней вступит сильный волк,
 Хоть гряда ячменя увеситей динара.

Всёя шениут: «Дшар, ты ичмено не пара»!
 Коль с месии он свою еще промучит грудь, —
 То из снни горы наружу выйдет путь».
 И шах ишмогал от этой ярой схватки.
 Как сохранить рубин? Не разрешить загадки
 И старцев он спросил, толи килшность ирочи:
 «Какими мерами могли бы вы помочь?»
 И старцы можили, не мелили ни минуты:
 «Коль хочешь, шахлишах, расчутать эти пути,
 Ты дай Ферхаду звать среди его вершин,
 Что смерть ишзашная похитила Ширин.
 Немного, может быть, его ослабнут руки, —
 И он прервет свой труд ит этих слов разлуки».
 И принялись вельи главатай беда,
 Чей хмурый доб хранит злосчастия следы,
 Того, кто как мистик в кровя неседного сечи.
 Того, кто из усой огонь смертельный мечет.
 И вот научен он дурным словам; сулят
 Иль золото ему иль гибельный булат.
 Ити на Бисутун, свершить худое дело
 Он должен. Для него иного нет удела.
 И дерзостный пошел, вот перед ним — Ферхад.
 Кирку сакимала длаш, не зидишия иреград.
 Ферхад, что дикий лев, с себя сорвавший нуты
 Рыд гору он, как лев, напризшился и злотый.
 О лике сладостном слагая несни, бил
 Он яростно гранит; он словно пламень был.
 Ферхаду шамодила нежданного глашатай,
 Как будто горестью целозию обмятый:
 «Беспечный человек! Вокруг себя взгляни.
 Зачем в неседных свои проводишь дни?»
 Ферхад: «Я друга чту, и для него с охотой
 Я время провожу, как видишь, за работой.
 Того я друга чту, чьи сладостны слова,
 И кем на жизнь мою получены права».
 И вот когда узнал горькоречивый вестник:
 Тут ворожит Ширин — илейтальный кудесник,

Он, тягостно вздохнув, сказала, потуши взгляд:
 «О смерти Сладостной не ишзещен Ферхад!
 О, горе нам! Когда сей кипарис неселый
 Был сломлен бурею, подувшей в наши доли,
 Мы амброю земли осыпали Луну,
 Снесли дорогой след на кладбище Весну,
 И, прах похорошии прекрасной червоокой,
 Направились домой мы в горести глубокой».
 В Ферхада за клинком он направлял клинок,
 Вздыхал за стоном стон, чтоб сильный ишмогал,
 Когда «О Сладкая! — сказать восмел, —
 О горе!» —

О, как такой ведун не онемел, о горе!
 Чье сердце этих тайн хотело б не хранить?
 Вишмал им или нет — не смеешь гонорить!
 Когда в ферхадов слух метнула вестью злою, —
 С вершины вал Ферхад тяжелою скалою.
 Вздохнул Ферхад, и вздох был холоден: кошь,
 Казалось, в грудь его вошло острое.
 Рыдая, молвил он: «Не зная облегчения,
 Я ведал тяжкий труд, и смерть полна мучения.
 Пускай пастух овен бесчисленных насет,
 Волк жертву ничего из стада унесет.
 Да, цветнику сказал шербетник, рвущий розу:
 «Вернуть все взятое не забывай угрозу».
 Проворный кипарис накрылся прахом! Ах,
 Зачем же мне чело не осыпает прах?
 Румяных лепестков развеяна страница!
 Зачем же мне сада, края вокруг — темница?
 Уж пташка унеслась в край отдаленный свой!
 Зачем же не кричу я тучей громовой?
 Погас над миром свет, горевший звездным знаком!
 Зачем же в этот день мир не накрылся мраком?
 В небытии с Ширин свидание мое!
 Я, не промедлявши, уйду в небытие!»
 Оповестил о ней он и моря и сушу,
 И, прах поцеловав, свою он отдал душу.

Всем ведомо: судьбе иного дела нет,
 Как души отнимать, гасить для смертных свет.
 К злосчастному стремись, рок позабыл о мере, —
 И входит бедствия, все распахнувши двери.
 Он видит: счастья нет, лишь горечь дни сулят:
 Он аждат сахар в рот, — тот обратится в яд.
 За розу ухватясь, он скажет: «Ты близка мне»
 Не росы на него посылаются, а камни.
 Увидит бурный мир, увидит: мир — не гладь.
 Из мира этого свою забрать бы кладь!
 Поводья свесились, неудержимо время,
 А юности нога попасть не может в стремя:
 Свой рок преодолеть придет тебе пора,
 Лишь только ты уйдешь из этого шатра⁵,
 В четвертых небесах приблудешь к серафимам,
 Чтoб в сонме светочей все ж сделаться незримым⁶.
 Мир — дивь: храни свой дух — да будет сковац
 див! —

Дух доброправием от дива оградив⁵.
 Не делай для себя свой прав суровой адом.
 Пусть раем станет он, ведя других к уладам.
 Коль человек ты, послушай речь мою:
 Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.
 О глаз! Беспечный глаз! Ты мир узри вооцью.
 Мир обинми, как те, недремлющие ночью.
 Как долго под землей ты будешь спать, о друг!
 Крутящихся небес тебя забудет круг.
 Лет пятьдесят игры злокозненной промчится, —
 Сей костью глиняной доколь тебе кичиться?⁶
 Пусть и пять тысяч лет — срок воровской игры, —
 Брось кость, ведь все равно играешь до поры.
 Что крепче, чем кремень? Под ветра частым взмахом
 Он все же стал неском, он стал зыбучим прахом.
 О коврик кожаный — земля! И вновь и вновь!⁷
 На этот коврик льют одну лишь только кровь!
 Кровавые дожди винтала эта суша.
 Кто мог бы из-под них спасти и Славуша?

В песчинках и шившиях, что закрыла бурун,
 Несется Кей-Кобад иль мнится Фериду.
 И людям не найти на всем земном покрове
 Горсть глины без людской, людьми пролитой, крови.
 Кто знает, что таил сей асковенный храм,
 Счет вечера его и счет его утрам?
 Столетие пройдет, — и все течет сначала.
 Лишь век умчится прочь, — уж век другой
 пришло.

И с веком человек свой также кончит век,
¹Утоб он на сущности дней своих не подпал век.
 Но что в крушинах дней среди тысячелетий
 Увидеть сможешь ты иль услышать на свете?
 Все ж и добро и зло в столетиях каждам есть,
²И в том для мудрого о некой тайне весть.
 Коль ты не хочешь быть в гонении бескрайном,
 Ты век не поучай другого века тайнам.
³Чреда почей и дней, что негий конь, летит,
 От бега времени ничто не запитит.
 Хоть ты на сто наук свершила свои набегн.
 Тобой не будет взят в новодья этот негий⁸.
 Себя боготворить не должен ты, о лет!
 Забвение — спасения завет.
 Котел земли кивел по воле звезд, но что же?
 Необработанной земля подобна коже.
 Небес игорный дом, незримый для очей,
 Все деньги отобрал у многих богачей.
 Иаь кажется тебе, что ты с невестрой⁹ Мудрой!
 Мечту на ветер брось, не будь с сереброкудрой¹⁰.
 Быть может, грянет смерч, и злой его полет
 Невесту — жизнь твою — с землею разведег¹¹.
 Придет ли смерти иль нет, забудь свою уладу.
 Не зажигай в ночи наирасную лампаду.
 На горсти праха ты. В твоей горсти лишь прах.
 Хоть руку для земли зажег бы ты в лопатках, —
 Ей будет ничочем твою увидать муку,
 Ей не присыпать, нет, израненную руку!¹²

Нам тягостная плоть созвездьями дана,
Так часто мучима недугами она!
Ведь с кровли прыгнуть вниз нетрудно. Только в
злости

Твой неизбежный рок твои ломает кости.
Но люди, что во сне не ощущают тел,
Не смогут пострадать от многих сотен стрел.
Свое дыхание, что управляет нами,
Мы ветром осени прикармливаем сами¹³.
Но мертв твой каждый вздох, когда в нем нет
любви.

Твой каждый вздох сочтен; ты страстно проживи.
Ты, умирая, смерть встречай бесстрашным взглядом,
Но в страсти, человек, ты должен быть Ферхадом.
Любил, чтоб на кирку приладить рукоять,
Стронгтель дерево гранатовое брать.
Была ему кирка помощницею верной,
Всегда сподручною в борьбе его безмерной.
Когда его вещун тоскою захлестнул, —
Кирку он за гору в отчаяньи метнул.
Кирка впилась в гранит, а рукоять отбило, —
Вошла во влажный прах, а после вот что было:
Гранатовый побег из рукоятки вырос,
И, ставши деревом, гранаты он принес.
И каждый этот плод всех снадобий полезней.
И немощных любых излечит от болезней.
Не зрел их Низами, но измышлять не стал.
А в древней книге он об этом прочитал.

ПИСЬМО ХОСРОВА К ШИРИН,
ВЫРАЖАЮЩЕЕ СОЧУВСТВИЕ, НО
НАПИСАННОЕ В НАСМЕШКУ

Певцу минувшего я словно снова внимаю:
В томленьи по Ширин Ферхад покинул землю.
Грустила Сладкая. Ее потуплен взгляд:

Без птицы пламенной ее остался сад.
Низвергся кипарис у струй речного вала,
Весенним облаком Ширин затосковала.
Покрыв его парной, похоронивши прах,
Стоит лишь с воздухом в беспомощных руках.
Затем надгробный холм — как ведомо по сказам —
Она молитвенным украсила гумбазом.
И поспешили весть Хосрову принести,
Что нету терния на царственном пути.
Раскаялся Хосров в содеянном; жестоко
Он поступил с собой; судьбы не дремлет око.
Был утрачен Хосров, был своєвремен страх:
Возмездью, как и все, подвластен шаханшах.
Пускай к кому-нибудь зло от тебя несется,
Верь: это зло к тебе со временем вернется.
Пусть от возмездья шах берегся день и ночь, —
Возмездья в должный срок не смог он превозмочь.
Хосров призвал писца, что мог, как жемчугами,
Бумагу разубрать, покрыв ее строками.
На сахаре велит он глину замесить,
Все написать Ширин, все у нее спросить.
И в первом росчерке пленительной картины,
Как то положено, был назван бог единый:
«Во имя давшего людскому зренью свет
И зренью давшего, чтоб каждый зреть предмет,
Создавшего людей и духов и природу,
Придавшего лазури и сумрак небосводу,
Воздвигнувшего шар прельстительной земли,
Чтоб вечно небеса вокруг него текли».
И после господя и господу угодных
Крылатых — речь повел писец о земнородных:
«Венец прельстительниц! Прекрасная Ширин,
Чьим сладостным устам сродни лишь мед один!
Над телом, чья душа твой образ возлюбила,
Слышал я, ты шатер прискорбья разбила,
Ты мускусом кудрей прикрыла розы щек,
Льешь на жасмин груди алмазных слез поток,

Сотнула киверие, а неки, в горе бурном,
 Ты садом сделала не розовым, — лазурным!
 Покров с лица сняла и кос темнее мглы,
 Кос гватинитовых раснутала узлы,
 Ты поминаньями скорчившегося друга
 Спавила этот мир, как воплями недуга.
 Да, это дружбы долг. Я знаю, ты права.
 И дружба верная обычною такова.
 Ты сказалась, Ширин, над низвергающим горы
 И, на колена став, к нему склонила зоры.
 Но горесть боольшую убитый заслужил.
 Ты и мир свой плач пошла, чтоб мир о нем тужил.
 Кто от любви умрет? В любовь угасла вера.
 Пусть все Ферхада чтут, пусть шут в нем примера.
 Но все ж делаю его мы не подводим счет,
 И пае к одной тебе сочувствие влечет.
 Как пишу, грусть о нем в твоей засела думе.
 Разрыва нету с ним: ты с ним, хоть он и умер.
 Что ж мукою его убила ты? Ну, пусть —
 Убила. Но, убив, зачем вкушаешь грусть?
 Да что ж! Ферхада кровь ты ведь непила тоже.
 Ушшила его — ценн теперь дорожке.
 Хоть над останками останешься сто лет, —
 Таких униженных, как он, на свете нет.
 Пусть, как земля, в руке ты тьму сердец сжимаешь,²
 Столь обожаящих не часто обретаешь.
 Но в плаче пользы нет. Зачем рыдать над ним?
 Когда даркого нет, кто поднимает дым?
 Ты выполнила все в дни горестного плача,
 Но грабит рок всегда. Что горе! Что удача!
 Увы! Основано на смерти бытие.
 Ничье дыхание не длительно. Ничье.
 Ты — день. Он был звездой, что озарила души.
 Когда восходит день — звезда свой пламень тушит.
 Он был светильником, ты — ясный свет зари.
 Светильник отгорел, ты — утро, ты гори.
 Ты — сад, а он — трава, — и вот ее не стало.

Но и цветнике расти ведь не приетало.
 И ты — свеча, а он — неловкий мотылек.
 И мотылька пропасть настал, конечно, срок.
 Ты пламешь, ну а он — алоэ — и не может
 Алоэ не сгореть: огонь его приложет.
 Пусть в цветнике не зришь знакомого крыла,
 Склоняется к тебе созвездие Орла³.
 Пусть горсточка воды в твоём ковше не стало, —
 Ведь Тигров множество к твоим стопам пришло.
 Скажи: «О месяц, сгни! Есть полная луна».
 Скажи: «Есть красота. Что родинка одна?!»
 Да льются дни Ширин, пусть нету с ней Ферхада!
 Пускай цветет несрину! Нам желтых роз не надо.
 И, кончивши писать, склонился пишущий
 И положил письмо, — и позван был гонет.
 Послатье взял гонет из дарских рук, и сразу
 Он в нуть отправился, покорствуя приказу.
 Увидела Ширин: пред ней писмо пари.
 И лик ее зардела, как нежная зоря.
 Взяла она письмо, Мгновения не выждал,
 Лишь разломив печать, поцеловала трижды.
 Но видит, все прочтя, что мускус и пем не чист,
 Что в белом сахаре лег ядовитый лист,
 Что в тонком полотне завернута емида,
 Что в спелых финиках сто острых терний видно,
 Что грубые коври упали на шелка,
 Что в струях скрылся яд, хоть сладостна река.
 Как пить такой шербет, составленный нечестно?⁴
 А гневом закншить все ж было б неуместно.
 Но с горечью, с трудом паниток, полный зла,
 По счастью, проглотить Сладчайшая смогла.

СМЕРТЬ МАРИАМ

Не радуйся, Хаким, так волили созвездья:
 За все свои дела дождешься ты возмездья!
 Знай, будет оценен поступок твой любой!

Рок препоясаяся — следит он за тобой.
 Когда Хосров послал, все зная про Ферхада,
 Ширин свое письмо, исполненное яда,
 Так было сумрачным угодно небесам,
 Чтоб в Руме царствовать не стала Мариам.
 Твердит: «Отравы злой ее убилла сила.
 Ведь это мечь Ширин, что также яд вкусила».
 Но, истину блудя, не слушай, что твердит:
 Низвергнула Мариам лишь властной мысли яд.
 Индусы, видела я, являли силу мысли, —
 Вмиг листья свежие, как мертвые, повисли.
 И, одурманив люд, они порой лулу,
 Как шар сияющий, бросали в вышину.
 Лишь только Мариам прекрасная навеки
 Замкнула сладкий рот и опустила веки, —
 Как, ощутив себя уж не в ее руках,
 Всю волюность прежнюю вкушает шаханшах.
 Когда спорел престол — как дерево — Марин,
 Как пальма, шах расцвел, как «дерево Марин»².
 Но все же Мариам оказан был почет, —
 И в сумрачном дворце день горестно течет,
 И месяц шах провел в молитвенном обряде,
 Не трогал тронных дел и в черном был наряде.
 Лишь обо всем Ширин была известена,
 Почувала меж роз и тернии она³:
 Ей было радостно свою оставить гневность, —
 Ведь чистоту души уничтожает ревность.
 Но все ж росли печаль и сокрушенья в ней:
 Прозрела судный день за сменой смертных дней.
 В теченье месца, чтоб быть душой с Хосровом,
 Веселья под своим она не знала кровом.
 А месяц миновал — и в душах нету ран,
 И мир уже забыл свой горестный изъян.
 И предалась Ширин уверенной надежде:
 Пошлет ему письмо, и вспыхнет он, как прежде.
 Все, все слова души в него метнет она,
 Как в почву сеятель бросает семена.

СОЧУВСТВЕННОЕ ПИСЬМО ШИРИН ХОСРОВУ
 ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МАРИАМ,
 НАПИСАННОЕ В ОТМЕСТКУ

Взяла она калам; за первую вторая
 Строка облумана; реченья подбирая
 Столь сладковейшие, как майская листва, —
 Так заплела она начальные слова:
 «Во имя господя, что там, на звездном троне,
 Прошает смертного, воздвигшего ладони,
 Владыки светлого небесной стороны, —
 Кому служения людские не нужны!»
 Плутая существа, с них не берет он платы.
 И дал вправляет он в камней подземный $\bullet$ тати².
 И птиц на высях гор и тварь в глубинах рек
 Он в горькую тоску ивергает не на век.
 За добрые дела он все прощает людям,
 Мы в бедствиях всегда к нему тянуться будем.
 Все дьян его взнесла — от Рыбы до Луны,
 Он знает все дела — от Рыбы до Луны.
 Два цвета знает он: в тьме — полночь, полдень —
 ярок.

То горький колоквинт, то сахар их подарок.
 В дворце и золотом в черном слышит он
 То свадебный напев, то стоны похорон.
 Твоей невесте, шах, не стало в мире места, —
 Не бойся: для тебя есть не одна невеста.
 Она ушла во тьму, — была ведь не впотмах:
 Ведь ведала, что скор да пресыщенне шах.
 Пусть лучшей у него подруги нет на ложе, —
 Ну что ж, иссыщен он! Она ушла — ну что же!
 Он снова бросит взор на розовый цветник
 И молвит: «Предо мной цветок иной возник»³.
 Грущу: ушла во мрак нежнейшая из кукол.
 А свет ее, как всех, и нежил и баюкал⁴.
 О нежный сердцем шах, не плачь! Иль ты не рад,
 Что клад укрыт в земле? Она была ведь — клад.

Ты горе не вкушай, тебя разрушит горе,
 Ведь земля жесткую, и ты несущишь горе.
 Ах, сердце хрупкое от горя кто спасет?
 Всех с этой нежностью по взору кто спасет?
 О шах! От Марнам ты отведай поводыя,
 Не скажет и Иса, где все ее угодыя.
 Пусть нежная жена сошла в подземный дол,
 Не надо покидать свой царственный престол.
 Ты в кубок лей вино, не лей в свой кубок слезы.
 Горюя, новых бед накинчешь ты угрозы.
 Живи, покада смерть не встала у ворот.
 Пусть умерла она. Родившийся — умрет.
 Смерть смертного узрев, не каждый будет в горе
 Дни долгие влачить, — он все забудет вскоре.
 Оставшим наш мир обиды не чини.
 Терния хотят — не слез хотят они.
 Коль тело смертного подвергнется недугам, —
 То власти царственной не быть к его услугам.
 Что износишь над ручьем ты вопли в вышину?
 Пусть Тигр уменьшился на капельку одну.
 Над тигром пей вино, оно — твоя услада.
 Одной корзины нет из всех корзинок Багдада?
 Души бессоницу дремотой потуши,
 Ушедшая из глаза пусть выйдет из души.
 Хоть стройный кипарис исчез из сада мира, —
 Останься, ты — душа, ты вся услада мира.
 В почете должном будь, и вечно будь один.
 Горит прекраснее единственный рубин.
 Для солнца кто ровня? Назвать была б обидя.
 Два солнца чтить нельзя, — таков устав Джемшида.
 Двум птицам сладко спать под снегом зимних пург.
 Ты должен быть один: ты — сказочный Симург.
 Утратил ценный лал, но ты ведь царь, и щедро
 Бесценных лалов ряд тебе откроют недра.
 Та голова ценней, с которой равной нет.
 Ценней алмаз, чей свет — неповторимый свет.
 Газель умчалась прочь; но, друг великолений,

Газелей множество твои вмещают степи.
 Пусть зернышко одно утратил твой кирман, —
 Да будет целый ток тебе судьбою дан!
 Пусть розы нет, — забудь, что есть на свете терны.
 Мир воскресит цветы течением размерным.
 Останься, пусть ушла румийская краса, —
 Не плачь о Марнам: останется Иса?²

ПИСЬМО ШИРИН ПРИХОДИТ К ХОСРОВУ

Когда Хосров прочел сладчайшее посланье,
 От слова Сладостной стал полон он плачания.
 Сказал он: «Где ж воица? Ведь ведает весь свет,
 Что камень пращнику бросается в ответ.
 В ответ на то письмо, что разорвать бы в клочья, —
 Слов, мной заслуженных, я вижу узорочья».
 Вновь сахаром Ширин прельщен он, им одним.
 Уж мошки пудные не кружатся пред ним.
 Дни распрей с Марнам, как тень, проплыли
 мимо, —
 Стал финик без шинов, нет над лампадой дыма!
 Лишь только Марнам, чей был окончен мир,
 Покинула навек подлунный этот мир,
 Весь мир, сияющий и бесценальный снова,
 Марнам правдством стал тотчас для Хосрова?²
 Когда исчезнет враг, падут легко дела.
 Одна лишь горсть воды твоей жар смирить смогла?³
 Три горетки нежных слов, со всей приправой
 правил
 Приветя он к Ширин с поспешностью направил.
 И приняла Ширин посланье, как фирман:
 Ведь было надобно ей сладобье от ран.
 Встарь думала Ширин, что царь — кунец богатый,
 Что покупатель он, и очень тароватый,

Что паланкин пошлет, что за такой товар —
 Пенесту царскую! — пошлет ей брачный дар,
 Но он с уверками ей слал за свитком свиток,
 Она ж веда игру, любви укрыв избыток.
 Увидела Ширин, что красота — товар,
 И цену подвила: заголосил товар.
 Есть покупатели — цена возрастает сразу,
 И ценен божий свет, когда он виден глазу.
 Совет мой выслушай, возьми вот это в толк:
 Ты шельк не предлагай, когда не нужен шельк.
 Прислушайся к словам купеческих поверий:
 В дни сирота на товар — сними засона с двери.
 Обманывал Хосров. Ей виден был обман.
 Лукавила Ширин. Он шл ее дурман.
 Измучился Хосров. Лукавства пошли харваря.
 И вот решает он ослабить эти чары,
 Подружку завести. Он думал об одном:
 Хромого ослика подбодрить скакуном!
 С самим собой вступит он хочет в сделку. Смело
 Решил он повернуть совсем иначе дело.
 Шадливо речь его со встречными тетет,
 Он — острый кунец, все примет он в расчет.

ОПИСАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ХОСРОВА

Он препоясал стан лазурным небосводом:
 Вовек с ним равный царь не реял над народом!
 В призывный день Хосров начать прием готов.
 Пред ним просителей предстало вять рядов.
 Ряд первый — богачи в шелках своих богатых.
 Второй — лишь бедняки; их рубища в заплатах.
 Из бледных, немощных составлен третий ряд:
 Чуть дышат слабые, сердца их чуть горят.

Заняв четвертый ряд, стояли те, чьи ноги
 Зависели узами, чей взор долгие помоги.
 Назначен пятый ряд убиенным; в том ряду
 Не сирочит: «Ждешь ... чего?», чтоб слышать:
 «Смерти жду».

Указ о милости висел пред этим рядом.
 Убийцы с верою в него вперялись взглядом.
 И всем рядам уста визира говорят,
 Чтоб каждый ряд взглянул на свой соседний ряд.
 И вот богач глядит на нищих, — благодарен
 Он за избыток благ, что был ему подарен.
 И нищий поглядел на хворых, — он готов
 Пасть пред создателем: он дышит, он здоров.
 Вот поглядел больной на узника, — природу
 Он больше не корит: он ведаст свободу.
 И узник увидел убийцу, — тяжкий стон
 Забыла грудь его: ведь не убийца он.
 Вперил убийца взор в указ и поднял вежды
 К высокому небесам: пред взором — свет надежды.
 Тюки хваленый стал у царственных ворот,
 Как с сахаром тюки, перошнущий народ.

ХОСРОВ, ПИРУЯ, ВОССЕДАЕТ НА ТРОНЕ ТАКДИС

Он с кубком сел на трон; и временам и срокам
 Он путь указывал; он был всевластным роком.
 Вкруг трона царского, что назван был Такдис,
 Встал венценосцев ряд, глаза направив вниз.
 Все образы светил, идущих в звездном лоще,
 Сплели свой гороскоп на этом царском троне!
 До сфер сатурновых от вышних сфер души —
 Чертоги все на нем, — начертаны, ясны.
 И неподвижных звезд здесь начерчена сфера,

И всех путей планет здесь отразилась мера,
 Оживляет всех узор его камней.
 И о часах почей и о теченьи дней².
 Но трону этому, взор не подвиг к высотам,
 Составить гороскоп доступно звездочетам.
 Кто видит яркий трон, что смертным взорам шир,
 Джемшида нашу шьет и весь в ней видит мир³.
 Он трон земной или трон заоблачного стана?
 Не царский это трон, он трон «сахибкирана»⁴.
 Прекрасноликый царь, и боевой он слон,
 Лев с гривой, амброю пропитанной, — он.
 Весь мир он захватил одним походом скорым.
 Он скатерть разостлал по всем земным просторам.
 Его меджлиса сад Ирема не бедней.
 Круг золотой небес — кольцо его дверей⁵.
 Величия хочешь ты, — так щедрым стань скорее.
 Кошелек свой завяжи лишь листиком порея⁶.
 Коль бережет богач и маленький лоскут, —
 Его дела, поверь, на убыль потекут.
 Не сберегай того, что принял ты от мира,
 Возьмай с него харадж для радостного пира⁷.
 Что край твой дал тебе, пусть вновь получит край.
 А не желаешь брать — ну что ж, лишь раздавай!⁸
 Нельзя, о царь, владеть всем миром одному,
 Нельзя нам восседать за пиром одному.
 Разумным ведомо: кто пьет без друга, тот
 В свой час назначенный без друга и умрет.
 Пить в одиночестве не надо: будет горе
 С собою пить, и мир — как злое станет море.
 Ты обрати себя в горящую свечу,
 Чтоб мог тянуться люд к блестящему лучу.
 Скажи, что ценного Карун унес из мира?
 Ларцов не увнесешь — не стоят слез! — из мира.
 Все то, чего достиг, — ты с муюко достиг,
 Что ж мучиться? Ведь все достигнуто на миг.
 Страдать — теряя все, страдать — все обретая!
 Сокровищ мне милей ты, бедность золотая!

Джемшида превзошел величием царь Хосров,
 И солнце превзойти он щедростью готов.
 Весь раздался клад веселым падишахам.
 Он — клад, иклады все ему казались прахом.
 В день дважды скатерть стлал; им так заведено:
 Снедь с чашами дарил и с кубками вином.
 Границы нет столам в тени царева крова.
 Дается мошке слон, а муравью — корова.
 На скатерти меж яств пустых не видно мест;
 Из-за горы сластей не видно, кто что ест.
 И сколько здесь быков и птиц и разной рыбы!
 Ичислять этого с тобой мы не могли бы.
 И ветер, пиришества вкушая аромат,
 Вернуть цветам свой долг, уже ненужный, рад.
 Чтобы алоз класть и амбру класть в кадила,
 С богатой Нидин вся подать уходила.
 Когда несли парю назначенную снедь,
 До Хузистана мог дух сладкий долететь.
 Он поутру вкушал кебаб душистый, сочный,
 С жемчужной большой, прекрасной, непорочной⁹.
 Кушам паидийским там, где плещет океан,
 Груз тайный золота за этот жемчуг дан.
 Растертый жемчуг стев, такой достигнешь цели:
 Смесь влаги основной в твоём смирился теле.
 Ел жеребенка царь; и снегизлаз и чист
 Был жеребеночек и, как рейхан, душист.
 Его на пастбище не с матерью держали,
 А молоком овцы старательно питали.
 Чтоб это лакомство для пиришества нечье,
 Велел Хосров сложить серебряную печь.
 И в этой жгли пещи не дерево сухое,
 А многоценное душистое алоз.
 Вот в печь такую-то и ставили кебаб,
 Чтоб гости за столом прославили кебаб.
 На золотой поднос кебаб горячий клали,
 А вес подноса был почти семьсот мискалей.
 И яства этого (как будто уголя

Свой голод) царь съедал лишь с горстку миндаля.
 Искал он взором тех, кто склачен был пуждою,
 И вот тому, на ком, всех оглядев чредою,
 Взор останавливал, — и печь давал он в дар
 И золотой поднос, сверкающий, как жар.
 Да! Скатерти такой вовек не зримо небо!
 Не вынекал огонь вовек такого хлеба!
 На скатерть синюю, взяв из печи, зарю
 Сложили. И она — подобна янтарию.
 Ждал, как обычно, царь с днем новым новой
 встречи,

И снова скатерть стлал и снова делал печи.
 Царь каждый день творил такие волшебства,
 Как будто навсегда он взял на них права.
 Но что же, выйдет срок — не станет павлинаха.
 Всей этой пышностью не одолеешь праха.
 Ни с удачливым, коль мил тебе почет, —
 С удачливым почет пошеינו притечет.
 Татарская газель пройдет в рейханах дуга,
 И мускусом се пропахнет вся округа.
 Газель, что пробежит по кругу сорных трав,
 Разносит только пыль с дыханием отрав.
 Однажды от отца, исполненного света,
 Я услышал слова премудрого совета.
 «Близ незадачливых не шестуй по пути, —
 Вблизи удачливых жилище обретя».
 Коль хочешь числяться меж светлых, яслионик, —
 Свой светоч ты зажги от факела великих.
 Ведь тем жемчужина для смертного ценна,
 Что в глубине морей владыки рождена.

ХОСРОВ ВЫСЛУШИВАЕТ ОПИСАНИЕ ШЕКЕР ИСФАХАНСКОЙ

Как в мире водится, пребывший все выше,
 Шах, озаривший мир, однажды был в меджлисе.
 Чтоб длань его лобзать, свой препоясал стан

Подвластный ряд владык из всех окрестных стран.
 Царь исфаханский тут и рейский и, блистая,
 Здесь миродержцы все — от Рума до Китая.
 Глава хотанцев тут и вождь хабенский тут.
 Все с чашами в руке, все в честь Хосрова пьют.
 Всех краевич обшел, свой круг он сделал снова, —
 И вот уж нет следа от скромности Хосрова.
 Он, скромности покров со слов решив совлечь,
 В мир непристойности свою направил речь.
 Он вопрошает всех, свои вопросы множит:
 «Где краше женщины, пригодные для ложа?»
 «Я только нежности, — сказал румец, — рад.
 Клад — прелесть нежности, и в Руме этот клад».
 Другой сказал: «Хотан, — вот где прекрасны деви!»
 О них, прославленных, слагаются напевы».
 «Ты на Армению с отрадою смотри, —
 Сказал другой, — лишь в ней есть женщины перс!».
 Кашмирец вымолвил: «В пленительном Кашмире
 Такая сладость есть, какой не смышь в мире».
 «Для царственных пиров, всем прочим не
 в пример, —

Так исфаханец рек, — есть девушка Шекер¹.
 Промыслил об ее усладном сладком стане,
 За сладость не сочтут весь сахар в Хузистане.
 Мрут зерна финика от сладких уст, — к чему
 Их сахар? Он ведь раб у Сахарной в дому².
 На край ее луны, чуть приоткрытой, бросив
 Свой взгляд, в отчаянии заплакал бы Иосиф.
 У смелой Сахарной порок есть лишь один:
 Ей все равно, кто царь, а кто простолюдин.
 Как ветру, всюду дом Шекер веселой нашей,
 И всюду, как тюльпан, она с занесенной чашей³.
 И те, с которыми Шекер вступает в лад, —
 Опорожнят кошель, растратят целый клад.
 И тот, кто пробыв ночь с веселой хоть однажды,
 Все помнит эту ночь, все полон страстной жажды».
 Царь всыхнул, вновь горит огонь горячих жил,

Вино, игр любовных царь основу заложил.
 Он на Ширин возмнит коня паронаую!
 Одной красавицей ограбит он другую!
 Смыть «Сладость» «Сахаром» и смело, без обуз
 Рвануть узми весь узел прежних уз!
 Затмить жемчужину жемчужиной другою,
 Одну парчу — другой парною дорогою.
 Он на базар Шекер спешил для сделки, вещь
 Услыша, — в сахаре вся сладость тоже есть.
 Хоть сердце страсть к Шекер в себе не погребало,
 Из Исфохана авать ее не подобало.
 Он терпеливо ждал, все ждал, — и целый год
 Не примечал никто весь гнет его невзгод.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА В ИСФАХАН ЗА ШЕКЕР

Год миновал, и вот шатры царева стана
 Везут во след царю в пределы Исфохана.
 Царь в дол спустился. Дух, от радости взыграй!
 Здесь шире был простор, чем византийский край.
 Все к празднествам влечет, — и светлые просторы
 И красота людей, пленяющая взоры.
 И стал он пить вино, весельем упоен,
 Но к вольной куклке душою влекса он.
 Он про ее жилье выспрашивал украдкой,
 И вот проведаль путь к жилищу этой Сладкой.
 С рабом он выехал в полуночном пути
 На торжище Шекер — желанное найти.
 И вот Хосров стоит пред сахарным порогом,
 И новой сладости стал Исфохан чертогом.
 И подошла пора всех радостных услад.
 Был у Ширин дворец, а у Шекер был сад.
 Кольца дверного стук, чуть слышимый для слуха,
 И вины невольничье кольцо сверкнуло уху.

И видит раб красу хосророва лица, —
 И тотчас узнает посетителя венца.
 Царя с Шебдиза сыить — почетная услуга,
 И пусть пасется кошь в росистых травах дуга.
 Ввести царя в дехлиз — возвышенный удел,
 И раб свой гордый лоб в колыбдо Сатурна идел!
 Сеи на ковер утех, услада предвдия чара,
 Не покусился царь на звонкие динары.
 И он позвал Шекер. Он разрешение дал,
 Чтоб сладких уст Шекер пред ним раскрылся лал.
 Шекер, неся джулиб, для нег отрадной ночи
 Вошла. Сладки уста, волны мечтаний очи.
 «Шекер», — ведь рот ее на сахар тароват;
 Он — сладкий ледеген, прославленный «набат».
 И струи мускуса струились к ней на плечи,
 И сахар сыпался приветливые речи.
 Как Вис, была Шекер примащива, нежна;
 Как пестуница Вис, польстить была склошна.
 Служанки у нее из Греции, Китая,
 Найти прекраснее, — была б мечта пустая.
 И ночь, их слыша смех, была, как ночь Новруз,
 И навык был у них в плетеньи нежных уз.
 И с чашею Шекер и взор ее умилел, —
 «Такой кумир со мной, а дом мой — необилел!»
 Но льет вино в хрусталь, что тотчас засверкал,
 Как в воду твердую, огня струинный лал.²
 Но были сладостней уста ее и краше
 Налитка сладкого, свержающего в чаше.
 Осанка царская величия поана.
 Безмолвлен царь. Поет прекрасная Луна.
 Он к полной чаше льнет, и льнет он к новой чаше,
 И мнится сон ему все сладостней, все краше.
 Когда ж он смутен стал, — завястьями бречца,
 Принодидясь она, в ее руке свеча.
 И разрешения она спросила, стоя,
 И, получив его, — выходит из покоя.
 И вот она вдвоем с одной служанкою — с той,

Что схожа станом с ней и схожа красотой.
 Свой золотой наряд отдав ей и камешью,
 Она идти к царю дает ей повеленье.
 Рабыня нежная к царю пришла, и мед
 За сахар Сахарной ее он принял везд.
 Он обнял тонкий стан, минуты были сладки,
 Но был обманут он в хмельном взводе припадке.
 Была прислужница всех престелестей пример,
 И вот решает шах, что рядом с ним Шекер.
 И сладок был Хосров, и в третней рабыне
 росло смятение, ей чуждое доньше.
 Кто всех любезнее? Хосрова назови.
 Царь чародеем был в реченьях любви,
 Встанет рабыня. Свет. Не хочет ночь продлиться.
 И царь красавице позволил удалиться.
 Она пришла к Шекер, и должно было ей
 Поведать госпоже все о царе царей,
 Все об его огне, о нежности бескрайной
 И также обо всем, что было сладкой тайной,
 Чтоб знала все Шекер и чтоб она могла
 Беседовать с царем про сладкие дела.
 И со свечей Шекер идет к царю, ведь надки
 На сахар мы, а свет и сахар вместе — сладки.
 И думает Хосров, что с ним была в ночи
 Вот эта, в чьей руке сияние свечи.
 «Гостей таких, как я, — звучат слова Хосрова, —
 Встречала ль ты, скажи, в тиши ночного крова?»
 «О царь единственный! — звучит ее ответ. —
 Везде я побывала — тебе подобных нет!
 В тебе вся красота, твое любое слово
 Все сладкоречие вместить в себя готово.
 Но есть в тебе порок, прости, склони свой слух, —
 В твоих устах есть соль, но есть и скверный дух.
 Соль свежесть бережет, — и это беспримерно,
 Что подол соли рот, и все ж он пахнет скверно».
 Царь лилию спросил: «Что делать?», «Целый год —
 Чеснок и лилия», — ответ она даст!

На год уехал царь из капища, при этом
 Воспользоваться он решил ее советом.
 Когда же год прошел от ночи той хмельной,
 Природа царская вся сделалась иной.
 И вот из чеснока, — шах властвовал над роком, —
 Взрастает лилия как будто ненароком!
 И вот, как в прошлый год, когда успел весь мир,
 Он к сладостной Шекер отправился на пир.
 И сладство он обрел, как в ночи прощлогодней,
 Вновь сладость сахара ему всего угодней.
 Минуты протекли; от этих сладких вех
 Остался томный след лобзаний и утех.
 И снова слился царь с красотой среброногой,
 И вновь был утомлен любовною дорогой.
 Рот зацелованный лобзал он, упоен:
 Он мнил, что сахар ест, но ел не сахар он.
 Лишь свет на войско тьмы набросился с размаха, —
 Шекер услышала вопрос от шаханшаха.
 «Видала ль ты гостей, подобных мне? Меж них
 Кто заключал тебя в объятиях таких?»
 Был сахарный ответ: «Да, в прошлый год был тоже
 Такой же, как и ты, с тобой красую схожий.
 Но хоть пленяли взор лица его черты,
 Несладко веял рот, как роза дышишь ты!»
 Царь молвил: «Знаешь свет, — ведь опыту твой
 богатый!»

А хочешь ли узнать, порочна чем сама ты?»
 «Каков же мой порок, — промолвила она, —
 Тот, от которого прекрасная дурна?»
 Ответил он: «Порок, что очень схож с недугом:
 Ведь часа не пройдет, как ты уж с новым другом,
 Роднишься с каждым ты, как тяжкая судьба.
 Как мир, играешь тем, в ком страстная алчба.
 О птичка, с прелестью и для Китая редкой,
 Зачем прельщаешься ты каждой новой веткой?
 Где ножны нежности? Тебе все нипочем,
 И каждый миг, Шекер, играешь ты мечом».

Она ответила: «О юноша! Но кто же
 Мой сахар пробовал? Он мне всего дороже!
 Создателем явлюсь, не стану я молчать!
 Еще лежит на мне священная печать,⁵
 Покуда брачный жар со мною не был дружен, —
 И я жемчужина нетронутых жемчужин.
 Прислушниц оглади, поверь, с одной из них
 Ты пребывал, о царь, в объятиях ночных.
 Вначале это я сажусь с тобою рядом,
 И чаще потную, и обильную взглядом.
 Но та, с которой ты весь забываешь мир, —
 Не я, но блещущий, подобный мне, кумир». ⁶
 И слух свой преклонив к ее устам прекрасным,
 Воскликнул шаханшах, горя в порыве страстном:
 «Когда жемчужина нетронута, — она
 Являть свою печать священную должна!»

РАССПРОСЫ ХОСРОВА О ШЕКЕР И ЕГО СВАТОВСТВО

Когда огонь зари стал ярче и обширней,
 Шах, быстрый, как вода, растаял вновь с кумирей.
 Всю нефаханскую он созывает звать, —
 О сладкоустой все желает он узнать.
 И призванные все твердят одно и то же.
 О чистоте Шекер все молвили вельможи.
 В мешочке сахар скрыт, — Шекер певничей роз,¹
 Горящих белозной под капельками рос.
 В ларце она всю сласть своих признаков держит,
 Для сладостных услуг она служанок держит.
 И пусть для каждого ее оседлан конь,
 Но страж с секпиро спешит за ней: не тронь!²
 Удизид шаханшах и от старух: « Дошине
 Шекер находится в закрытом палаккине».

Решенно небес шимает царский слух:
 Был сахар утаси, — укрылся он от мух.
 К ней сватов он послал, благим считая знаком
 Все бывшее. С Шекер он сочетался браком.
 Жемчужину обрел он первый, он один,
 И паравил он в кольцо пылающий рубин.
 И вскоре в Медии вернулся он, с ним рядом
 Теперь была Шекер, его лаская взглядом.
 Мнил Сахар победить Сладчайшую, и вот,
 Шекер свой сахарный к нему склоняла рот.³
 Но Сахар в горести лежит в мешочке сжатом.
 Он царством фиников подавлен был богатим.⁴
 Пылал он, как сеча, так волила природа, —
 Ведь воску весело лишь только возле меда.
 Ведь сахара вкусил до переизбытка царь.
 И к царственной Ширин повлекся, как и встарь.
 И, жажда Ширин, в бесцелятстве Хосров.
 Как сахар в чашечке, растаять был готов.
 Грустит он, разлучен со сладостной душою,
 Хоть сладкий сахар ест он с жадностью большою.
 Для высшей сладости ведь сахар не в пример.
 В ущербе ли Ширин от сахарной Шекер?
 Лужайку без цветов зовем мы лишь землею.
 Что сахар, если сласть судьбой укрыта злою!
 Что сахар! Сладость чти! Подумай, не снеси,
 Ведь он из тростника, она же — из души.
 Рок сладость унести грозит, мужей пугая.
 Лишь детям сахар мы и мила для поугая.
 И сладкая вода нам сладостна всегда.
 А сахар растворит ведь всякая вода.
 Да! У Шекер с Ширин различие во многом, —
 Знай: сахар для души лишь может быть чертогом.⁵
 Скрыл палаккин Ширин — возьми ты это в толк.
 Она — перй. Шекер — ее укрывший шелк.
 Знай, разманивающий, хоть ты на сахар надок,
 Что только сладостью нам этот сахар сладок.

И ведаёт Хосров: нет, не Шекер пужна
 Ему для радости, — Ширин! Ширин одна!
 Хрусталь и лед чисты, но смысл различия важен, —
 Хрусталь и чист и сух, а лед и чистый — влажен⁶.
 И дух рвался к Ширин. «Зачем в напрасный бой, —
 Кричал он, — мне вступать, вступать с самим собой?
 Пусть голову мою гнет жернов! Пусть вращаться
 Он продолжает! Пусть! С Ширин ли распрощаться?!
 И пусть из-за Ширин склоно чело я в прах,
 Пусть гибну, — не забыть о сладостных дарах!»
 Но с сердцем не пресечь Хосрову разговора.
 «Терпи, — твердит оно, — достаточно позора!
 Стерпи! Бушует страсть, рассудок твой крутя.
 Прельстился сладостью, а ты ведь не дитя!
 Поверь, кладут сурьму ведь палочкой особой, —
 Спешить в любых делах не следует, не пробуй⁷.
 И Сахар у тебя и Сладость, но взгляни, —
 Ты с чашей сладкою, а все же горьки дни.
 Не двух ищи, — одну. Иль бурный дух застонет.
 Перегрузишь ладью, — ладья твоя утонет.
 Коль ты повергнуться не хочешь, словно тень,
 Неспешно восходи на каждую ступень.
 Безмерно не спеш, своим желаньям вторя:
 Недостижимое тебя повергнет в горе.
 Излишнего не жди, стремись желаньям вслед.
 Найти нежданное, — победа из побед.
 Нет! Действуй, о душа, ты мужественно, смело:
 Всегда бесстрашие всего достичь умело.
 Нет, лишь терпение вожак мой, лишь оно!
 Томиться женственно лишь женщинам дано.
 Мужчина ты иль нет? О чем же ты хлопчешь?
 Быть женственным, скажи, иль быть с женою хочешь?
 Газель смелей тебя. Напрасная молва
 По миру ширится, что ты отважней льва».
 На стриженного пусть я и похож барана, —
 Все ж я в своей шерсти! Не усмехайтесь! Раню!⁸
 Я тайну скрыл, и я — настороженный слон.
 Я — шелковичный червь: мой кокон — мой полон⁹.

Тюрчанка смелая подумать уж готова,
 Что ей Хосров ничто, что сломит Кей-Хосрова.
 Взяв сердце, этот курд схватить намерен грудь.
 Взяв дом, — к сокровищам прокладывает путь.
 Вся окровавлена душа моя борьбою:
 Жадна, а ведь чума рождается алчною¹⁰.
 Надежда, понял я, на верность жен — слаба.
 И врач не варит сам целебное «сикба»¹¹.
 Прости меня, творец, но, чтоб смирить всю муку,
 Мне должно на Ширин подвигать немедля руку.
 Чего стыдиться мне, зачем мученья дню!
 Я оскорбил ее. Так снова оскорблю!
 «Жены не обижай, — мне рек старик в Гиляне, —
 Обидишь, так побей, и станет все, как ране.
 А заупрямится — рази, чтоб ей не встать!
 Нет, женщины ты не бей; их бить — тебе не в стать».
 В тоске метался царь, в тоске необычайной.
 Где друг? К кому пойдет он со своею тайной?
 Верь сердцу своему — оно твой друг навек.
 Ты и сердцам друзей не верь, о человек!
 Храни свое зерно иль тотчас станешь нищим.
 Не позволяй чужим владеть твоим жилищем.
 Про тайну каждую, все оглядев кругом,
 Так с другом говори, как говоришь с врагом.
 Один ты между стен? Совета все ж послушай:
 Молчи, за стенами сиунот порою уши.
 О тайном говорить не надо меж чужих.
 Молчи и меж друзей, укройся и от них.
 Коль с ближним скрытым быть, взволнованный,
 угрюмый,

Не можешь — все забудь. О тайнах и не думай!
 Не размышляй о том, чего сказать нельзя,
 Молчи о том, к чему заказана стезя.
 Когда б скрывался ты, к тебе ведь не могли бы,
 Твоих не слыша слов, нагрязнуть мухтасибы¹².
 То, что нельзя пропеть на пируестве царей,
 Ты и в стени не пой среди своих друзей.

Всегда доверие к приятелям нехватаи,
 И лучшим не вручай сокровищ без печати.
 Пусть будет от тебя подалше грубиян, —
 Он повредит тебе, ведь твой почетен сан.
 Ты почву не кори, хоть выбор почвы важен;
 Лишь тот возрастает плод, который был посажен.
 Уместно трать слова, — их следует беречь.
 Пусть лишь в хвалу тебе твою повторят речь.
 Страшись! Хоть речь твоя полна находок сотней, —
 Единый промах твой припомнят все охотней.
 Чтоб взвесить речь свою, коль сердцу дорога,
 На речь свою гляди лишь взорами врага.
 Крои кафтанов ряд на славу и с размаха
 Рубаху разорви, коль негоднй рубаха¹³.

ОДИНОЧЕСТВО ШИРИН И ЕЕ СТЕНАНИЯ

Проведал все Хосров: у сладостной Ширин
 Был утешителем Шапур, Шапур один.
 Шапура он вернул, призвал к себе: быть может,
 В безлюдьи гордая от скуки изнеможет.
 И вот Ширин одна; судьба ее строга.
 С паршиссов глаз ее струятся жемчуга.
 К предельным в горести пришла она невзгодам.
 Спустилась почь, — и почь ей показалась годом.
 Иль пьяный страж ночной трешотку позабыл?
 Иль захмелел звонарь? Беззвучен сумрак был.
 Небесный свод угас в полудночном потоке,
 И не мечтал рассвет о сладостном востоке.
 И мир наш перестал вращаться и рождать.
 На всем творении — недвижности печать.
 Мгла — крылья дьявола. И почь молчала строго,
 И не кричал петух, и не хвалил он бога.
 И в сердце у Ширин текла ночная мгла.

Как эта злая почь, мрачна она была.
 И страдает дух ее в таком томленьи сиром,
 Что распрю тяжкую она заводит с миром.
 И молвила она: «Влачить меня куда?
 О время! Это — почь иль вечная беда?
 Иль эта почь — змея? Мне мрак страшной
 неведом.

Иль перед черным я предстала людоедом?
 Нубийщи — радости, но сей нубица злой
 В рыданиях вверх меня своей суровой мглой!
 О черный небосвод! Зачем мне на мученье
 Ты ныне позабыл свое коловращенье?
 Связал тебя мой мрак? Иль под твои стопы
 Мой черный дух метнул железные шипы?²²
 Спасения от мглы я отыскать не в силах.
 Я отблесков зарь не вижу светлокрылых.
 Почь! Благородной стань, свою припомни честь,
 Иль умертви меня иль молви дню: «Ты еси!»
 Ты вернишь в господа, так знай в мученьях меру:
 От мрака твоего утратила я веру.
 Как туча, медлишь ты, часы свои не мча.
 Огня ль боишься ты? Страшишься ли меча?
 Не барабанщику ль зарь сломали руки, —
 О звезды! Вам ступи связали мне на муку!³
 В недвижной почь, страшась ее угроз,
 Я таю, как свеча, в потоке жарких слез.
 Иль потому горю я в горести вечасной,
 Что яркая свеча всем кажется прекрасной?
 О птица ранняя, вновь песенку пропой!
 Рассмеясь, утро, вновь восторг являя свой!
 Ведь ты же веруешь, предутренняя птица! —
 Так что ж не славивши ты великого аллаха?
 О утро, ты огонь, — зачем ты ждешь огня?
 Ты высекаешься не нами из кремня». —
 И сердце билось в ней, как бабочка, но вскоре
 Свеча зарь зажглась, ее сжигая горе.

ВОСХВАЛЕННЕ УТРА

О утро свежее! Какой волшебный край!
 Все даст оно, коль ты ему промолвишь: «Дай!»
 О ты, обретший путь в чертог любого клада,
 Ключ утренний возьми, — раскроется ограда.
 Всем тайным помыслам дает оно ключи.
 Ты утру все открой, — не бойся, не молчи.
 В час утренний в душе, забывшей все угрозы,
 Молитвословные прозрастают розы.
 И все, кому дана всевышней волей речь,
 В своей душе молитв не смогут уберечь.
 Но если птица слов из нут несется тесных,
 То как же прозвучит молитва бессловесных?
 В выси, куда восторг молитвенный проник,
 Тварь бессловесная, понятен двоя язык!

ШИРИН ВОЗНОСИТ ХВАЛУ БОГУ

Неня благой зарн целительный напиток,
 Ширин тоски ночной забыла презыботок.
 И дождалась она в терпении взмаха крыла:
 Пропел петух, чтоб всетерпенье ключ открыл!
 И в келейке к земле она склонилась ликом,
 Припомнив в должный час о господе великом:
 «Творец! И ночь мою преобразая в день,
 Меня, как целый мир, ты радостью одень.
 Освободи, господь! Я сжата тесным горном,
 Пусть я блесну, как лал, забыв о плече черном?
 Всегда откликнуться молящим ты готов,
 Услышь, о господи, и мой молящий зов!
 Без меры стражду я! Нет сил моих! О боже!
 Ты помогашь всем — так помоги мне тоже!»³
 Клянусь потоком слез всех брошенных слез

И горем стариков, что в скорби сжали рот,
 Клянусь покоем всех скитаться обреченных,
 Клянусь покорностью в колоды заключенных,⁴
 Клянусь мольнями под сводами суда,
 Клянусь я стоном злых, горящих от стыда,
 Клянусь я истиной и тем стихом Корана,
 Которым лечится души болящей рана,
 Клянусь я верою, что праведным дана,
 И тайной, что тобой пророкам вручена,
 Клянусь я бедными, что к нам не тянут руки,
 Клянусь увечными, что стойко терпят муки,
 Клянусь я путником, что скорбью обуян,
 И тем покинутым, чей скрылся караван,
 Клянусь я пламенем, укрывшимся за тканью,⁵
 Клянусь я всем, что нам твоей дается дланью,
 Клянусь я верой жен, склоненных пред тобой,
 И каждую в твоей слух проникшею мольбой,
 Клянусь я возгласом последнего зыванья,⁶
 Клянусь я именем, что вне истолкованья!
 О сжалась, господи! Я жду твоей руки, —
 Из омута беды меня ты извлеки.
 На голове моей, создатель, каждый волос
 К тебе бы возывал, когда б имел он голос.
 Нет, я не подняла до слуха твоего
 Из тьмы достойных слов еще ни одного.
 Хотеть постичь тебя! О немощность хотений!
 Ты существуешь, ты! А все иное — тени!
 За пологом небес ты светишь. Ты — один.
 Ты свода синего творец и господин.
 Где грани для тебя, творения начало?
 Познание никогда об этом не вешало.
 Ты продлеваешь дни, ты сделал смертной плоть,
 Что хочешь, соверши, ты знаешь все, господь.
 Хоть все, что ты пошлешь, пусть и несчастей стаю,
 На жизнь и на смерть я, создатель, принимаю, —
 Но все ж я и немощна, больна душа моя,
 Дай муки только те, что вывела бы я.

Я в странствии земном все не сыщу дороги,
 Но, не сыскав, дождусь благой Твоей помощи.
 Мне ниспосли дары былых твоих щедрот:
 Я обретала их вблизи твоих ворот.
 Что скрою от тебя? Печаль моя — бескрайна.
 Как тайну угаать? Все для тебя — не тайна.
 Затем, что дух Ширин совсем не знал о зле,
 И вся она, моля, лежала на земле, —
 Ее утешил бог, к ней опускал вежды,
 И дал железный ключ, ключ от ее надежды.
 И радости Ширин расцвел румяный куст,
 И вновь был сладок лал ее сладчайших уст.
 Достиг Парвиза жар и слов ее и стона
 И тронул душу в нем, как своды небосклона.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ

Лишь только свет воздвиг свой позлащенный стяг
 И мрак он разогнал, как сконнице бродяг, —
 Припомнил царь: на дичь так радости охота!
 И счастья помышлять пришла ему охота.
 В душе была Ширин, как свет былого дня,
 И в степи весело направил он коня.
 Вот най, вот барабан! Гремят его раскаты, —
 И закружился мир, веселием объятый.
 Знаменосцев ряд вздымает шелк знамен.
 Кто смел, спешит к царю — ловитвою прельщен.
 Царь блещет на коне. Как должно по обрядам,
 Венчанный строй владык идет с Шедбизом рядом.
 Шел слева Ниатус. Как он, забыв свой сан,
 С рукою у седла шел справа богдыхан!
 Пылает лик царя. Душа Хосрова рада,
 И набекрень надел венец он Кей-Кобада.

И солнце молвило: «К ноге его прильну!»,
 А конь кольцо рабынь повесил на дуну?
 Как будто над луной зыбучей тучей вея,
 Над головой царя струнлся стяг Кавея.
 Все в золоте мечи вокруг царя горят, —
 Как будто вокруг царя оград замкнулся ряд.
 Сквозь них протиснуться — напрасная отвага.
 Никто сквозь эту строй не мог бы сделать шага.
 И конья зыблются, и острая трава
 Изогнутых клинков спугнуть могла бы льва.
 И, растянув свой рот сверкающий, секира
 Кричала небу: «Прочь! Идет владыка мира!»
 Зонт золотой над ним в сокол на зонте,
 И тень черна, и царь в отрадной темноте!
 Копыта по камням бьют с мощностью такою,
 Что исправляют путь, — бьют будто бы киркою.
 И груз железных сил надменно землю гнет,
 И воздух чувствует от их движенья гнет.
 Конюших толпище обводит выезд кругом.
 Ни не пайдешь числа, как и придворным слугам.
 Веда со спиц слонов свой бурный разговор,
 Гром барабанный рвет предел окрестных гор.
 Звон колокольчиков — жемчужин звонких зерно...
 Сквозных курильниц блеск, украшенных узором.
 Вот водоносов строй: их всех сто пятьдесят,
 Все розовой водой дорогу оросят.
 Сто пятьдесят юнцов с кадиллами проворно
 В огонь душистые подбрасывают зерна,
 И сотни с золотом надели кушаки,
 Чтоб золото метать им было бы с руки.
 Чтоб всюду на пути увенчанного Солнца
 На землю падало сверканье червошца,
 Чтоб каждый пешеход, взглянув неволью вниз,
 Увидел: проезжал сверкающий Парви.
 Лишь выступил Хосров на радостную сечу, —
 Непостижимый рок пошел ему навстречу.
 В смятыни счетчики: войскам, взметнувшим прах,

Нет счета. Так куда ж стремится шаханшах?
 И молвил сей огонь, сей царь, подобный чуду:
 «В стенах, стреляя дичь, дней несколько пробуду».
 Соколий барабан свой поднял зов, и вот
 Стремительный ловец взывает свой полет.
 И сокол носится, на злую ловлю падкий,
 И гибнут голуби, и гибнут куропатки.
 Неделю целую все соколы несут
 Приказов тяготу; идет над ними суд.
 И царь охотится, стрелков с весельем клича, —
 Но лучшая царю мерещится добыча.
 «К стоянкам новым! В путь!» — приказ всем ловчим
 дан,

И неустанно царь передвигает стан.
 Он тайным усмыслом, безмолвно, понемногу
 Сворачивал коня, к Ширин смыскав дорогу.
 До замка был фарсанг, и слез Хосров с седла, —
 Ведь чаша благодни поблизости была.
 Ночь на вселенную склонилась черной челкой.
 Была зима, и ветер струился стужей колкой.
 И на огне, что скрыл в подземные края
 Свой жар, ковались рек стальные лезвия.
 Хоть в теплом поясе лежит твой край, но все же
 Со стужей не шути, — иль скорчишься ты в дрожи.
 И вот алöz жгут, и холоду взамен
 Мгла дышит амброю. За меном тает мен.
 Алöz веяло, но тою же порою
 Весь воздух поднялся серебряной камфарою⁶.
 И тело мощное усталого царя
 Покая жаждало; уснул он, и заря
 Приподняла рубин⁷ из мглы подземной пасти,
 И ночь, увидев день, изнемогла от страсти.
 И с ложа царь вскочил и снова, как вчера,
 Веселью предавался он с самого утра.
 Вновь виночерпию протянута им чаша.
 Им все исчерпано, чем жизнь отрадла наша.
 Когда же в мозг его вошла хмельная муть,

Вошло желание в пылающую грудь.
 И вспрыгнул он в седло в своем порыве яром.
 Помчался он к Ширин, пылая пьяным жаром.
 В нем пламя вспыхнуло и пляшет, по полям
 Летит. За ним гуляя, а вслед — еще гуляя.
 Кричат Ширин: «Хосров! Он без вельмож и даже
 С ним мало слуг!» Ширин в испуге вземлет страже.
 И непорочная, страшась позора, шлет
 Упрек любимому за дерзостный налет.
 Ворота запереть она велит; пред ними
 Поставить сторожей с подносами большими.
 И с них червоцец груз, сверкающий огнем,
 Велит она метнуть пред царственным конем⁸.
 Она велит — и вот для отдыха Парвиза
 На площади ковры растянуты, как риза.
 Велит — и вдоль пути сокровищ бахрома,
 И, как алöz жар, горит она сама.
 На кровлю поднялась — о, путь луны к высотам!
 Склонен к дорогам взор, а чуткий слух — к воротам.
 И вот, не утро ль там прожгло летучий прах?
 Иль средь огады сад в сверкающих цветах?
 И светоч, видя свет горячий в отдалении,
 Свой палец маленький кусает в удивлении.
 Был белый тополь взят, чтоб выдолбить седло, —
 И Тополь царственный горел на нем светло.
 Вся перевязь на нем алмазами пылала,
 И набекрень венец над пламенем лагала.
 Лик — роза юная. Вокруг румяных щек
 Смесь амбры с мускусом — чернеющей пушок.
 Нарциссы он держал, нет их томисе⁹, кроме
 Нарциссов глаз его, полусмеженных в дреме.
 О розы шахских щек! Их зной росой пьян.
 Под розами плясал оседланный фазан.
 Гуляями вокруг царя — их кони также в пляске, —
 В их пальцах поднятых цветов душистых связки.
 Глядит Ширин: Хосров неистов от вина.
 Шатается и чувств лишается она.

Очнувшись, поднялась движением усталым,
 И в затруднении стоит она немалом.
 «Смирить свой гнев? Но нет! Уж чувствую: навис
 На мне позор и срам, — я стану словно Вис.
 Прогнать его? Но нет! Ворвется в сердце мука.
 И эта новая убьет меня разлука.
 Так что же делать мне? Так вот что! Ото всех
 Попытку сделаю укрыть свой тяжкий грех.
 Подъехала царь, — и рать, готовая заре,
 Метнула золото и распластала ткани¹⁰.
 О мир! Везут плоды не ссыпшим зерно!
 О колесо време! Как вертится оно!¹¹
 И царь пустил коня по шелковым настилам
 И к замку прискакал — к пределам, сердцу милым.
 И вспыхнул в гневе он у замкнутых ворот, —
 И сердце в горестный летит доворот.
 Царю вернуться аспяет, — к сему найти ли повод?
 Разбить ворота? Нет! Он сжал ремешный повод.
 И стража подозвал: «Скажи-ка, почему
 Не viuшен в замок я? Никак я не пойму!
 Иль горек я, скажи, для Сладкой? Иль что-то
 Подобное? За что я брошен за ворота?
 Ступай к ней и скажи, что от ее раба
 Привет ты ей несешь. Вот вся моя мольба.
 Скажи ей, что Хосров прельстительной покорен.
 Уйти? Иль будет путь открыт и благотворен?
 Спроси: коль вечно соль имеет на устах,
 Зачем передо мной запоры на вратах?¹²
 Пусти меня, я царь, и к твоему порогу.
 Моля простить меня, нустился я в дорогу.
 Ты ведаешь сама, что никакой вины
 Не знаю за собой. Мы встретиться должны.
 Ко мне ты синзойди, молю тебя стократно.
 Не-повидав тебя, не троусь я обратно.
 Когда б желала ты, чтоб я не медлил, — ты,
 Не медля, о Ширин, сошла-бы с высоты». —
 Так шаханшах молил. Смущен он был немало,

А Сладкоустая вздыхала и внимала.
 И вот напереннице промовляла Луна:
 «Вот поручение. Все выполни сполна.
 Снеси вот этот шелк наружу. Шестиспальный
 Шатер там возведи, узорный и свободный¹³.
 Сор вымети внутри. Для царственной души
 Шатер ты мускусом, шафраном надуши.
 И надо, расстелив ковер золототканый,
 В передний угол трон поставь шестиграпный.
 Затем полу шатра ты вздери до основ
 Тугого купола и молви: «Царь Хосров,
 Здесь тюрка нет, и речь ты выслушать готов ли
 Индийского раба с дворцовой этой кровли?¹⁴
 Ширин — индийский раб. Она тебе верна,
 И вот, что молвила, любовью сожжена:
 «Шах, если ты мой гость, — там оставайся, где бы
 Я ни назначила, и большего не требуй.
 Сегодня здесь, в шатре, свою отбросив спесь,
 Из осторожности пробудешь. Только здесь.
 Я ж подымусь, о шах, к дворца высоким кровам
 И там склонюсь во прах пред царственным Хосровом.
 Одно лишь должное промовлю. Лишь одно.
 Сказав, — я сделаю, что сделать суждено». —
 И вот, пройдя врата и с утварью и с шелком,
 Служанка умная все выполнила с толком.
 И в полный золотой разубранный шатер
 Введя царя, ушла, свой потупляя взор.
 Лишь Ширин горит. Полна она смущения:
 Как приготовить ей поллучше угощения?
 Рассыпав золото, такому дару вслед,
 Составить следует живительный шербет.
 И вот ленигательный напиток составитель
 Несет шербет к царю в невольную обитель.
 Ширин, чему серег подвесивши к Луие,
 В тень Солнце¹⁵ обдела, но все ж она в огне.
 Укрылась в рдяный шелк, горящий, как гранаты,
 Легли арканы кос на плеч прекрасных скаты.

За каждое кольцо кудрей твоих, кумир,
Носить кольцо раба хотел бы целый мир.
Сверкнула перелив, се золотые грани
Легли на рдяные струящиеся ткани.
Указ китайских жен свершила: надо в сеть
Жемчужин блестящих чело свое одеть.
И словно молвила: «Я черною чадрую,
Что дышит амброю, Луну свою прикрою»¹⁶.
И феникс этот стал не феникс, а павлин.
И, как фазан, взвилась нарядная Ширин¹⁷.
В веселой гордости, блестя своим нарядом,
Увидевши мольбу, маня призывным взглядом,
Игривая Ширин, наря как в облаках,
И будто бы раба, обლობивши прах, —
Рубины из серег, взор устремляя книзу,
Кидает для подков заржавшему Шабдизу.
И мечет жемчуга, что выше всех даров.
Их градом радужным осыпан был Хосров.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

Узрев Луну, что свет простерла по округам,
Для тополя сего он сердце сделал лугом.
Увидев гурию, что здесь, в земном краю,
Ворота заперла, как гурия в раю,
Увидев светлый ум, готовый к обороне,
Чуть не повергся в прах сверкающий на троне,
И с трона он вскочил, чтоб выиг обლობизать
Пред ней свои персты, — и сел на трон опять.
С мольбой о милости он к ней приподнял длани.
Он осыпал ее сладкими пожеланиями:
«Как тополь, ты стройна, юна и хороша.
Да будет радостна всегда твоя душа!
Твое лицо — заря; с ним блещет вся природа.

Ты — стройный кипарис, опора небосвода.
От свежести твоей во мне весенний свет.
Поработал меня учтивый твой привет.
Ты ткани и ковры постлала по дорогам,
И мчался я к тебе как будто бы чертогом.
Ушных подковок лал, исполненный огня,
Дала ты для подков мне верного коня¹.
За ценным даром вновь я одарен был даром:
От жарких яхонтов мой лик пылает жаром².
Ты — россыпь радостей! Как лучший дар возник
Передо мной твой лик! Да светится твой лик!
Я — молоко, ты — мед. Твои усладны речи.
И выполнила ты обряд почетной встречи.
Но для чего врата замкнула на замок?
Ошиблась ты пль здесь мне что-то невдомек?
Меня назначила ты в плен земле и водам —
Сама же в высоте явилась небосводом.
Но я не говорил, что, мол, вознесена
Хосрова мощь над той, что светит, как луна,
Нет, я ведь только гость. Гостей приезжих взоры
Не упирзуются в железные затворы.
Опасным пришлицем могу ли быть и я?
Ведь для меня лишь ты — источник бытия!
Приветливых гостей, приблизившихся к дому,
Высокородные встрезают по-иному.
Ведь если смертен я, — ты также не перй,
И с райских жительниц примера не берй».

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Тюльпанодикая не медлила с ответом:
«Да будешь ты вовек благим овеян светом!
На пояс для меча взяв неба синеву, —
Будь мощен, словно слон, будь силой равен льву.
Пусть трон мой наверху, я ведаю о чине, —

Ведь у тебя в дворце на кровле снят рабыни.
 Я для тебя лишь стег — тебе врученный, твой;
 Где ж нашим стегам быть? Над нашей головой.
 Я — пыль твоих путей. Что гневно так сжиматься
 Бровям твоим? Скажи, как пыли не вздыматься?
 Ты сенсеносный царь, тебе дарован трон, —
 Я ж от любви своей, свой чувствую урон,
 На кровле стала... Кем? Давай-ка, правду скажем:
 Я стала для тебя простым индийским стражем!
 Хоть молвил бы мне рок: ты пад луною реи, —
 Я все ж осталась бы рабой царя царей.
 Ты мне сказал: гостей, приблизившихся к дому,
 Високородные встречают по-иному.
 Но мной тебе дана прислужников гурьба.
 И я перед тобой покорная раба.
 Ведь ты не гость! Зачем твой конь у врат заюкал?
 За куропаткою ты мчишься, ловчий сокол.
 Пусть, приходя в наш дом, гость, как хозяин там, —
 Быть свосравными не следует гостям.
 И я права, что ты не принят был в хоромах, —
 Ты опьяненным был, и это был твой промах.
 В затворничестве я, в хмельном разгуле ты, —
 Шу, как же тут себя сберечь от клеветы?
 Когда б ты не забывал обычных наших правил
 То старцев опытных ко мне бы ты направил.
 Мне паланкин подай, что вламсинее дня,
 И спальною царскую воздвигни для меня.
 Такая всадница, как я, седла ведь стоит?!
 Дать выкуп за Ширин ведь дело не простое.
 Иль хочешь ты меня, мою забывшишь честь,
 Как яство, что тебе с вином подносят, съесть?
 Ты ль ньяншам сродни! Им каждый кубок лаком.
 Иль розу хочешь смять, как свойственно гулякам?
 Здесь колыбель царей — бесчутство позабудь,
 Ведь ты уж в Исфахан прокладывал свой путь.
 Но я сильнее Шекер, пусть к ней пылал ты в
 страсти,

Ведь Сахар, шаханшах, у Сладости во власти.
 Стремиться сразу к двум одной душе — нельзя.
 И черешительность для честных не стезя.
 Два знака в небесах обрел себе Меркурий?
 У Солнца — знак один в сверкающей лазури.
 На пользу ль эта смесь? Нет! Нет! Наоборот!
 И сладость лишняя тебе изранит рот.
 Да! Обрести меня совсем тебе не надо.
 Я для тебя — игра, минутная отрада.
 Не бей Ширин мечом, не умерщвляй ее.
 Достаточно, что Рум возил свое конь?
 Султан играет в мяч. Лишь в Индии мячами
 Играют многим пред жадными очами!
 При десяти мячах труднее ждать удач.
 В единственную цель пусть ударяет мяч.
 Единая кыбля передо мною, — строго
 К ней обращаю лик. А у тебя их много?
 Пусть у тебя перь и выскользнет из глаз.
 Их десять тысяч ты имеешь про запас.
 Твой мускусный дворец — весь полон он газелей.
 Псом не трави газель, что дышит еле-еле.
 Затем, что твой дворец и пышен и широк,
 На монастырский двор меня закинул рок.
 Свой свет былые дни вдали от меня умчали,
 И я — жемчужина в обители печали.
 Ведь ганшу чистую, хотя она лишь прах,
 Кладут на головы, их моя, шаханшах!
 Не мучь меня; в ночи и рыба спит в птца,
 Лишь я не сплю, во мне — печалей вереница.
 Я крепкие врата замкнула на замок.
 Я схожа с птахом, а замо́к — мой силок.
 Я попугай, давно уже привыкший к равке
 На лапке от цени; одна — подобна Анке.
 Ты в радостном шатре — в глухой твердые я:
 Мне камень дан, тебе — все райские края.
 Я в ранах от шипов, что ж молвию в горьком сказе?
 Не нужно сада мне да и целебной мази.

Дурной, хороший ли — какой бы ни был он,
 Срок жизни мчащейся скользнет за небосклон.
 Но лучше, бросив мир, идя дорогой новой,
 Расстаться с пленом скал, а не с парчой шатровой.
 Созвездий перевязь обвила этот свет.
 Хоть полководец ты, его не схватишь, нет!⁷
 И сласть и львица я — не нинку я поупро!
 Лев, ты не вырвешься, призвав на помощь гура!⁸
 Я не дитя, ну нет! Вся речь твоя — к чему?⁹
 Я пряник не отдам за сладкую хурму.⁹
 Здесь, на току борьбы, упреки, словно зерна.
 За каждое зерно спор поведу упорно!
 Я родственна Зухре: настроив органа,
 Им услаждаю слух; сперва ж незвучен он!¹⁰
 Я чистый пламень: он пред тем, как станет зримым,
 В миг разгорания окутается дымом.
 Лишь испослав огонь, нам небо воду шлет.
 Ты к жаждущим направь души своей полет.
 Для финиковых пальм в шипах защита. Слушай:
 Лишь ощутив мой шип, ты мной насытишь душу.
 Что плод без косточки? Он не созреет, нет!
 И что звезда без тьмы — она не мреет, нет!
 Ты выпьешь много чаш среди земного лога.
 Все — горькие, сладка — лишь я; таких немного
 Ты спутников найдешь в орешке бытия.
 Они — скорлупка, друг, а ядрышко — лишь я.
 Ответь, где видел ты среди людского стана
 Подобную Ширин — хранительницу сана?
 Когда ты жил, в мечтах меня одну храня?
 Каким деянием воздавал меня?
 Когда в отчаянии ты рвал свои одежды?
 Пред кем, стремясь ко мне, склонял покорно вежды?
 С кем отправляя мне весть? Когда, забыв весь свет,
 Лишь помня обо мне, послал ты мне привет?
 Ты только пировал, свой кубок сжав рукою, —
 Когда Шанур творил, Ферхад гремел киркою!¹¹

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

С любовной нежностью владыка мира ввию.
 Сказал красавице: «О роза! О любовь!
 Твоих упреков ряд исполнен смертным ядом,
 Но ключ живой воды тантис с ними рядом.
 Я не корю тебя, что ты стоишь в выси.
 Но со своей выси мне ран не нанес.
 Высокий кипарис! О глаз моих улада!
 Все выше восходить совсем тебе не надо.
 Моих восторгов жар и мой горящий взгляд
 Какой к тебе взметнет металлический снаряд?
 Моя тоска, как слон, но ты скажи, готов ли
 Твой взор меня узреть с такой высокой кровли?
 Ты щедростью Карун — ты бросила мне клад,
 Но что ж не впушес я в предел твоих палат!
 Чем утолю я грусть, отвергнутый тобою?
 К чему припнку я поинкишей головою?
 Не мучай! Почему мне мука суждена?
 Ведь преданность тебе — одна моя вина.
 Пусть заблуждался я. В тебе добра ведь много,
 И заблуждения путь — обычная дорога.
 Да, сам виновен я! Преподан мне урок!
 Я не тебя ввию, — свой обвняию рок!
 Напрасный услышал я грохот барабана!
 Петух проспал свой час иль прокричал он рано?
 И в буре снеговой я чувствовал свой жар.
 Меня унизил рок. Его несладок дар!
 Ну что же, ведь в любви я позабыл о власти,
 Молю о помощи, измучившийся в страсти,
 Лукав со мной иль мучь, мечи свои огни,
 Лишь от своих дверей с презреньем не гони.
 Пусть голову мою поднимут на княжале,
 Останусь здесь, хотя б мне смертью угрожали.
 Пусть ведают не все, но ты ведь знать должна,
 Что ты мне, как душа, как жизнь моя, дана.
 И трезвый и хмельной, днем и во мраке ночи

Все видел я твои мучительные очи.
 Когда бы кто другой несли такой шербет,
 Клянусь, его позор весь разгадал бы свет.
 Я ризы рвал свои, от мук смыкая вежды,
 С трудом я царские терпел свои одежды, —
 Чтоб строй подвластных войск мой облик узнавал,
 Чтоб царство не пришло в смятение и в развал.
 Чтоб подступити, как царь, к воротам этим хмурым,
 А не бродягою с цимбалом иль с тамбуром.
 Я — правосудие. Для мира — я судья.
 Я должен царствовать, свой пламень затая.
 Но все ж, чтоб ослаять твой ароматный докол,
 Я царство бросил бы: в свой мрак меня повлек он.
 Пусть телом я вкушал другого тела зной,
 Душою улетал я лишь к тебе одной!
 Но мной был не дан ход неправому указу,
 Несправедливости не сделал я ни разу:
 Хоть заблуждался я, — в укорах ты права, —
 Но я ведь юным был, а юность — такова!

ВТОРОЙ ОТВЕТ ШИРРИН ХОСРОВУ

С павлином схожая, блестя, как розал росный,
 Вновь растворила уст ларец жемчугоносный.
 И сладкий сердолик забывала, меня!
 Слова узорные, как лучшая парча:
 «Покуда кружится в своем вращеньи время,
 И держится земля, и звезда конует племя,
 Да будет царствовать венчаный судия,
 Распространяя власть на звездные края!
 Пусть осуждает мир во всем его устье!
 И пусть его коня ведет за повод счастье!
 Гнев от речей царя в крови моей течет!
 Забудь свой царский сан, у нас особый счет.

Еще играешь ты венком своим царевым,
 Подходишь ты ко мне увещанным Хосровом.
 Еще кичишься ты. Кичливость не забудь!
 Тщеславие и любовь — у них не общий путь.
 Ты не нуждаешься в моей ответной страсти.
 Люби желалась ты пль ты желалась власти?
 Когда на сердце страсть кладет свою печать,
 Легко отважним быть, но надо и страдать.
 В сердцах у любящих томительные нужды.
 Алканья чуждые — любви горячей чужды.
 Любви и дела нет до наших властных прав,
 Любви пылающей, поверь, не до забав.
 Я птица, в дни любви порхавшая над розой.
 Мне зной горячих дней не стал еще угрозой.
 Была я розою, славянской княжой,
 Водю розовой я стала, — что со мной?²²
 Себя, расцветную, замкнула спозаранку
 Я в замок. Благо роз так вякляют в склянку.
 Была я травкою, омитою росой,
 С ключами веснами делалась я красой.
 И сколько лютых мук я в этом замке, в камне
 Терпела! Лишь тоска одна была близка мне.
 Меня — я золото — жары очистил гнет.
 От стужи сделалась я твердой, словно лед.
 Не знала, как избить мне этот жар и стужу.
 Стонала: «Перед кем я душу обнаружу?»
 Зачем полки в тоске прекрасный кипарис,
 И сумрак тигостный зачем над ним навис?
 Еще мои глаза цветам красным рады.
 Еще мне сладок смех, забавы и услады.
 Еще мне молятся иудусские жрецы,
 Еще мои глаза — как тюркские ловцы,²³
 Еще как роза я начальной весной,
 Еще мой жемчуг скрыт под строгою волною!²⁴
 Еще свежи мои душистые уста.
 Еще как свежий ключ, как юность — я чиста.
 Мой лик на зависть всем красавицам Тараза.

Я — шах: все только ждут очей моих указа.
 Подобно яблочку мне подбородок дан, —
 И исфаханский плод уносят в Исфахан^а.
 Румийцы ждут меня, в сердцах румийцев рана,
 Вдыхать мой аромат приходят из Хотана^б.
 Узки мои глаза с их сладкой чернотой,
 Кто с узкоглазыми сравнится красотой?
 Хоть подросли мои два маленьких граната,
 Я для безумцев — смерть, для мудрецов —
 расплата^в.
 Я прихотей полна, мой взор убийству рад.
 Он многих пламенных убил у этих врат.
 Прочь! Или кровь твою прольют вот эти руки.
 Они в крови. Смешны и стоны мне и муки!
 Иди прямым путем, ведь на кривом пути
 Тебе от рук лишь гибель обрести.
 Ты — сердцем каменный, я — став железной
 шпиль,
 Тебе в ответ стою на каменной твердыне^г.

ВТОРОЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИНИ

Царь молвил: «О краса! Ты, что у всех в очах!
 Проходит этот день лишь в спорах и речах.
 Что прелести свои перечислешь! Право
 Их не вместит речей блестящая оправа!
 Светлее света ты, так лей мне в душу свет.
 Для света твоего завес на свете нет!
 Ты — море: нас даринь ты жемчугом блестящим,
 Но больше схожа ты с ключом животворящим.
 Удваивал твой лик зеркальный водоём,
 Но сладостнее ты блестящи в зрачке моем,
 Коль назову тебя — о негя! о прохлада! —
 То сладости иной моим устам не надо.

Как солнцем не назвать тебя, тебя одну? —
 Ведь светом сладостным затмила ты луну.
 Скорбя, душа Шекер погасла, отпылала,
 Когда ты меж камней блеснула блеском лала.
 Продай хоть волосок, хоть часть одну, —
 И эту часть куплю за целую страну.
 Луна, лишь на себя глядишь ты нежным оком!
 Знай: себялюбие считается пороком.
 Ты к красоте своей не устремляла б глаз!
 Ты сглазишь красоту, — так было ведь не раз.
 Хоть ты стоишь с клинком и ты мой повелитель,
 Не меть в того, кто сам пришел в твою обитель.
 Ты — шах, где ж милости, что славятся молвой?
 Ты — сладкая, но где ж, скажи мне, сахар твой?
 Дай мир, забудь войну, — у войн плохая слава,
 Со мною примиришь, хоть на день, хоть лукаво.
 Ужели был я груб? О нет, я не таков, —
 В запасе у меня сто тысяч нежных слов.
 Красавицы хотят быть с милыми построже,
 Но спихожденье ведь свойственно им тоже.
 Пусть властелин, всылив, свой и проявит гнев, —
 Он снова благостен, свой гнев преодолев.
 Не говори со мной, кумир, несправедливо,
 Быть милосердной для Сладостной не диво.
 Я слушал мудреца, а мне промолвил он:
 «Быть обездоленным достойный приречен».
 Ты облачкой меня, измучен я, я стражду,
 И я пришел, чтоб ты мою смирила жажду.
 Недвижный, как свеча, стоять я буду тут.
 Влюбленным множество тебя, я знаю, ждут!
 Но плачет воск свечи, свести не может счеты
 С огнем, и не забыл он сладостные софы^д.
 Ты почему в узлах, о сердце тростинка?
 Тебя связала страсть, но сладости тоска^е.
 В душе у дальмы шип: ствол пальмы, видно, падох
 До фиников; их сок его влечет — он сладок^ж.

Когда бы не было так сладко молоко,
 Не привыкло бы дитя к нему легко.
 Все то, что сладко нам, само стремится к сласти,
 А ты, о Сладкая, не знаешь сладкой страсти!⁵

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ШИРИНИ ХОСРОВУ

Луна блестящая, склонив свое лицо,
 Прodela в слух царя сладчайшее кольцо.
 И, разомкнув замок, что создан был из лаала,
 Она всем тростинкам свой сахар даровала.
 Она луне лица велела скрыться: «В тень, —
 Скакала тьме кудрей, лицо мое одень!»⁶
 И киварие прямой шагнул вперед с угрозой.
 Ширин склонила взор, став огненной розой.
 И кровля каменной она целует край,
 Как бы шеннув: «Кирпич, от уст благоухай». —
 И, вознеся шатер услужливости, следом
 Прибегла к музыке, столь сладостной беседам.
 И молвила: «О царь, тебя ведь знает мир:
 Ты поднимаешь стяг, что осеняет мир.
 Весь Рум и весь Китай — лишь царская обитель,
 И Кадар-хан — твой раб, и Кесарь — твой
 служитель.
 К желаниям других закрывши плотно дверь,
 Стремится лишь к своим, — словам моим поверь, —
 Не жар любви, а страсть. Ответь мне, о беспечный,
 Где ты и где огонь любви нескоротечный?
 Я пешка и могу сбить только лишь слона,
 Но власть над королем мне вовсе не дана!⁷
 Какой попросит лев прюта у газели?
 Орел воробышком насытится ужели?⁸
 Я — ключ, мне имя — «жизнь». Вгляжусь в твои
 черты,
 Ты — пламя; «молодость» быть можешь назван ты.

Огня с водою быть не должно ни минуты,
 Соединись они — в миру возникнут смуты,
 Зачем кружиться мне вокруг бубного огня?
 Ему уж более не надобно меня.
 Иди, лови Шекер! Искать не надо хода
 К Ширин, — ведь от нее тебе не будет меда.
 Влечется ль к сахару желание наших уст?
 Лишь только для зубов его приятен хруст.
 У Сладостной, узнай, базар лобзаний весел:
 Вся власть — в ее устах, и это каждый взвесил.
 Когда ты заболел, ты тотчас был готов.
 Взят розу, сделать смесь из лежных лепестков⁹.
 Шекер или Ширин? Решай! Мы не могли бы,
 Взлетев к Луне, сойти в глухое царство Рыбы¹⁰.
 Но строгий замок мой всем замкам не в пример.
 Спокойно уходи на улицу Шекер.
 Пусть раны в печени кровавы и глубоки, —
 Ногами не хочу свои паранать щеки.
 Мной шах уже не чти, нет пламени в груди.
 Ты почитателя примернее найди.
 И если я так зла, — ищи свою дорогу.
 За милостью смогу я обратиться к богу.
 Я не останусь тут; не стану без конца
 Гоша гнать за гошом, гнать за гошом гоша?¹¹
 Чтоб мир оповестать, что царь Парвиз от страсти
 К невесте позабыл про свадебные сласти.
 Достаточно того, что я попалась в сеть,
 И ценности своей мне больше не иметь.
 Но чтобы от людей не слышать мне укора,
 Закрыла я врата бесчестия и позора.
 Моя соперница утешится; свой клад
 Я спрячу. Спрятать клад всегда владелец рад.
 На мне твою клеймо, но я уже погасла,
 Для твоего огня во мне не стало масла.
 Все. И тебе, о царь, я не желаю зла.
 Будь счастлива и прощай! Будь счастлива! Я ушла.
 И поднялась она и, чуть склонивши вежды.

Оправила шелка сверкающей одежды,
 Стряпанная шелк, как будто целый мир
 Наполнил амброю псалительный кумир.
 Откинувши чело, она рукою ловкой
 Свивала локоны с привычною уловкой.
 Хорьковые меха и плавные шелка
 Лукаво зыблила предместница рука.
 Чуть медлила Ширин... иль исцекала сила?
 По остиру меча Сладчайшая скользила.
 И, поправляя цепь запястий, вновь и вновь
 Твердила всем про цепь по имени «любовь».
 То пояс, то венец — ее косы агаты.
 Да! В них нуждаются хосрозовы палаты.
 Когда семь предестей, врученных красоте,
 Красавица царю явила в высоте. —
 Тот тотчас, отвернув свое лицо, сгустила
 На небе мглу: на нем вновь не было светила.
 И кровлю медленно Ширин пересекала
 И скрылась. А царя вновь охватила мгла.
 И царь молил ее, молил ее, чтоб снова
 Явилась перед ним — всех снов его основа.
 И вышла вновь она, в ресницах не храня
 Жемчужных слез, и мир вновь полон стал огня.
 Все сделала она, что только делать в силах
 Предестницы, чтоб вновь к себе приблизить мылх.
 Не избежать сердцам внезапного силка.

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Царь выронил свой щит пред этой властной
 Сладкой:
 Не одолеть ее словесной этой схваткой.
 И он укрыл свой гнев под сладостной мольбой —
 Пред этой Сладкой смирился бы любой.

Он молвил: «Ты мой свет, и сладость ты, и слава,
 Хума моих садов, моих полянок пава,
 Ты гордый мой венец, но ты и острый нож.
 Меня ты валишь с ног и руку подаешь!
 И умерщвляешь ты и оживляешь разом,
 Ты то пьянишь мой дух, то отрезвляешь разум.
 Поклажу дней своих внесу я в чье жилье?
 Тобой лишь увенчать смогу я бытие.
 Вновь оскорбилась ты, я вижу, и не вновь
 Мне видеть, что моей ты вожделеешь крови.
 На шею не кидай мне смертную петлю
 Так быстро, как мое отрунула «любовь».
 Промолвил землероб Немроду: «Надо зерна
 Бросать быстрее, людей слать на смерть —
 непроворно!»

Ты жизни хочешь ли, молений? Вот они!
 Закланий, радостей, томлений — вот они!
 О, не обманывай, обманов мастерица!
 Готов я изнемочь и смерти покориться.
 Все заверши — пора! Не будь вдали — пора!
 Мне сердце пьяное опохмели — пора!
 Глянь, блещет за дверьми наряд мой царский,¹
 яркий!

Не хмурь своих бровей прельстительные арки.
 Фагфура ты впусти в его буддийский храм!
 Нет, Муднанский мост разрушить я не дам!²
 Что возложила скорь на сладостное темя?
 Скни с темен печаль, пришло веселья время!
 Плачь, если всю лозу грозы покрыла тень!
 Засмейся, погляди: так лучезарен день!
 Не мучай, как врага, меня резней почною!
 Как с дерзким пленником, не говори со мною!
 Ты, стройная газель, скользи меж нежных трав.
 Оставь для хищников их леопардов нрав.
 Смирись и не гордись! Зачем так долго внемлю
 Словам, что навшего втоптать желают в землю?
 Ты, куропаточка, свою покинешь высь!

Ведь все-таки я царь, я — сокол. Берегись!
 Зачем упорствовать и вновь желать разлуки, —
 Ведь все равно в мои ты попадешься руки!
 И докоп твой в почве тревожу я рукой,
 Как страсть моя к тебе тревожит мой покой.
 Но если к своему не пустишь ты порогу, —
 Ну что ж! Да будет так! Отправлюсь я в дорогу,
 Найди дорогу венять — и, как уже не раз,
 Под этой вот рукой вновь зарокочет саз.
 Скажу себе: «Хосров, ты чаще всю печерпай,
 Все позабудь, взгляни — с тобою виночерпий».
 Над чашею другой склонюсь я головой,
 И услажу свой рот я сладкою халвой.
 Забуду Сладкую я в сладостной надежде,
 Что кубок Сахарный пригублю я, как прежде.
 О терпкое вино! Оно для нас — для двух.
 От терпкости Шприни я свой избавлю слух.
 В дорогу, сердце! В путь! Мне речи многообратной
 Не надо! На коня! Мне весел путь обратный!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ШПРИН ХОСРОВУ

Халлухских девственниц блестящее «шамсе»
 Склопнулась, как цветок, сверкающий в росе!
 «О царь! — промолвила, -- Живи в своих мечтаньях
 Ты под созвездьями, в их лучших сочетаньях.
 Тех обними, о царь, кто чашу цвет с тобой.
 Пусть буду даже я навек твоей рабой!
 Но сахарного мне совсем не надо яда.
 Царь! Обольщеную вновь обольщать не надо.
 Несбыточных надежд зачем струить ручей!
 Не надо ласковых, прельстительных речей!
 Под золотым зонтом отправлясь для охоты, —
 Зачем ты здесь? Шприни не ценит позолоты!

Я знаю: от судьбы царь не увидит зла
 За то, что речь его насмешлива и зла,
 За то, что он газель затравит на охоте
 И что науськивать собаку он в охоте.
 Но все ж я клад в ларце, а на ларце — печать,
 И васьроку тебе сокрушю не почать.
 Есть навиж у тебя и множество уловок,
 Приманивую речь протягивать ты ловок.
 Но мой рассудок, царь, им верить не готов.
 Хоть ива и цветет, но не дает плодов².
 Река! Но ведь твоей я глубины не знаю.
 Я тайн морских, о царь, — они темны, — не знаю.
 Коль хочешь с теми бить, в ком не угадала честь, —
 То для тебя, поверь, таких сто тысяч есть.
 Меня, невесту, скрыл под каменный навес ты.
 Порыскай по земле, нищи себе невесты!
 На жемчуг слез моих любуйся — ты такон!
 Но ты ушных моих не трогай жемчугов.
 Молчи! Твои слова язвительнее жала.
 Беги от глаз моих! Они страшней книжала!
 Про локоны мои знать хочешь ли? Позволь!
 Мой каждый докоп — змей, змей черный,
 словно смоль.
 На сердце без пути, — кто в бездорожье весел? —
 Царь, колокольчик ты бы стонущий повесил.
 Чтоб странникам в несчае дороге обрести,
 Звон колокольчиков веселит о пути.
 И птаха никогда в пути не заневала,
 Покуда путники не сделают привала.
 Ты правнись вкривь и вкось, твоя бессильная
 плеть, —
 Смог, метя в черного, лишь негого задеть.
 Ты метил в Индостан, но волей небосклона
 Ты, сбившийся с пути, достигнул Вавилона.
 Ты думал в море плыть, а вышел на скалу.
 Ждал роз, а лишь тюльпан кладешь в свою полу.
 Сладчайшей сладостью мнил усладиться, — все же

Лишь сахара посл. Иль он тебе дороже?
 Нет, нет, не перейду я каменной межи.
 Вновь камень вокруг меня на камень положи.
 В могиле каменной я от людского взора
 Укрою навсегда асю тягостность позора.
 Ну что ж? Вообрази, о победитель ала,
 Что в некий день Шехбиз стянул меня с седла.
 Ты подойди ко мне беспешными стонами
 И не мечи цветы с их кожными шпями.
 Доколе рассыпать цветы тебе? Доколь
 Солонку отстранять, вкусив и хлеб и соль?
 Иль мало для тебя, что мне лишь мгла знакома,
 Что бросила свой край и сень родного дома?
 С тех пор погас мой день, исполненный огня,
 Когда в Шахруде, царь, покинул ты меня.
 Но как мне, жалостной, быть в граде Меданне!
 «Назначено в веках все то, что видим ныне».
 На примирение не подымая вежд,
 Я вижу: этот день не создан для надежд.
 Вся едешь еще в котле, Похлебка не готова.
 Не сварена халва для пиршества Хосрова.
 От власти воздержись. Я стражу повелю:
 «Ты гостя не пускай, ведь гость мой во хмелю».
 Когда созреет злак, явись нам в полном росте,
 Тебя, о шаханшах, вновь позову я в гости.
 Всему назначен срок. Поток времен могуч.
 К дверям сокровищниц лишь только время — ключ.
 Коль птица запоет в час ловли, — без усилья
 Ее захватят в сеть: она не вскинет крылья».

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Шах, видя, что Ширин, как прежде, как всегда,
 Готова на ответ, насмешлива, горда, —
 Уловкой возмнил достичь ее полова.

Но все уловки — тлен пред силой Вавилона!
 Он молвил: «Пламень мой, ты, что меня влача
 Всечасно за собой, — мне светишь, как свеча!
 Для разума ты рай, для мыслей — в юность дверца
 Душа для сердца — жизнь, а ты — душа для сердца!

Мне сердце не разн, как рок, несущий зло!
 Из склянки — хоть пустой — мне умасти челом!
 Хоть лживо обласкай, ты, строгая от века!
 Хоть мертвым опусти на волю Мубарека!»²
 Иль невиновна ты, свой долгий гнев храня?
 Зачем же, гневаясь, винишь ты лишь меня,
 Подобно тем слепцам, что, свой ущерб не видя,
 Порочат всех других, их горько ненавидя?
 В меня из лалов уст ты камни мечешь вновь!
 Я пал. К чему ж мою продлить ты хочешь кровь?
 Сразить меня тоской пришла тебе охота, —
 Вот обо мне твоя — прости, господь! — забота.
 На мир испала ночь, снег падает, как ртуть.
 Брось лед, явись огнем, не тщишь его задуть!
 Беда, коль в эту ночь весь вспыхну я от снега!
 Беда, коль пламень мой ворвется в снег с разбегал
 Яви же мне твоё жилище, твой порог,
 Чтоб я облобызал, как нищий, твой порог,
 Чтоб я узрел тебя, склонясь к его ступени,
 Глаза закрыв и став смиренно на колени.
 К обители твоей пройдет, хоть и с трудом,
 Премудрый пешеход, не выдавший твой дом.
 Не друг тебе, а враг, кто, приготавлив к ловле,
 Глядел бы на тебя через оконце в кровле!
 И дружески прими ты душу лишь одну, —
 Ту, что твой ценит сан, как царскую казну.
 Завистник, о Ширин, легко сравнится с прахом.
 Он, кинутый во прах, всегда сроднится с прахом.
 Не добивай меня! В крови мое лицо.
 За дверью не держи, как медное кольцо.
 Меня терзаешь ты, меня ты мучить рада, —

Но рай не знает мук. Они — в пределах ада.
 Я знаю, у тебя есть райские плоды;
 Не видел их никто, лишь райские сады.
 Так раствори врата живительного рая,
 Чтоб мне бродить в раю, плоды твои собирая.
 Стол — в финиках. Где ж гости? И жажду я, да вот
 Все ищет Искендер животворящих вод!⁴
 Ты дверь вражды закрой, впусти меня
 в преддверье,
 Позволь тебе служить, яви ко мне доверье.
 Но если тренета тебе не превозмочь
 И страннику нельзя тут провести хоть почь,
 Ты не таи фатой сокровища Джемшида,
 Фата для светоча — напрасная обида.
 Похитила мой ум властительница душ!
 Похить же мой огонь, похитив мой сарджуш!⁵
 Бальзам! О локои твой! О рот сладчайший, алый!
 Вот амбра снадобья, целительные лалы!
 Что ж мед сладчайших уст ты прячешь, о краса!
 И жалит речь твоя, как злобная оса!
 Ведь ты нежна. А что в словах твоих —
 не злоба ль?
 Знай: козкого ежа не порождает соболь.
 Свиданьем с тобой ты раны мне омой,
 Чтоб возродившимся я тронулся домой.
 И пусть мои стопы покрыты будут прахом, —
 Вновь сердце заност, уподобляясь птицам.
 Не спишодешь, — так знай, я говорю не ложь! —
 Прощенья никогда себе ты не найдешь!
 Я вижу, что в меня бросать ты рада камни,
 Лежат вокруг меня, как вокруг Ферхада, камин.
 Коль камень брошен ввысь и взлет его высок, —
 То как бы не пробить свой собственный висок.
 Своей рукой к себе ты острый нож простерла.
 Разя великого, свое ты режешь горло.
 Ты ласковой вступи в любви блаженный край.
 Ты не игрок, со мной ты в кости не играй.

Но насмерть опьянишь ты все же не любого.
 И не любовью, упав, уже не встанет снова.
 То в мире ты со мной, то мне грозить войной,
 Прошу, ты не веди такой игры двойной.
 Не оскорбляй меня, ведь я тебе не вторю, —
 Но закиваю я, подобно злому морю.
 Зову тебя вперед, а ты, Ширин, опять,
 Как бы круты канат, все двигаешься вспять.
 Мне сердце не раз! За что твою расклата?
 И сердце у меня ведь все ж не из булата!
 Не совершай того, что совершает враг.
 Быть схожим со врагом — к вражде направить шаг.
 Я у тебя прошу правдивого ответа.
 Правдива будь, как я: не верь словам навета.
 Была лампадой ты, весь озарявшей свет.
 А ныне предо мной в тебе и света нет.
 Вдали была цветком, явив атласный пламень,
 Да вот ладонь мне жемш. Нет, ты опасный
 пламень!
 Чрезмерность ярости становится войной.
 Подобится камням безводный прах земной.
 Но под мечом не все падут в смертельной дрожи, —
 Есть множество людей, да руки их песхожи.
 Быть может, возвратясь, прекраснее черты
 Увижу я. Найду я лучшую, чем ты.
 Нет, я служу тебе! Былые помню речи.
 И верность я храню за капувшие встречи».

ПЯТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Вновь Сладкая велит скитаться по местам,
 Где зреют финики, благим своим устам.
 С жемчужин приподняв два рдеющие лала,
 Она жемчужины и лалы рассыпала!

И молвила она: «О юный царь, чей трон
 Так блещет! Твой венец — всех озаряет он!
 Твой стоек царский стяг! Твои так стойки ноги!
 Как длань твоя — твой меч, необоримый, строгий.
 Одев твой мощный стан, горда твоя каба.
 Пред властью рук твоих стрела судьбы слаба
 В друзьях будь счастлив ты, от горести далече, —
 Горбатый свод небес твои поддержит плечи».
 И следом, распалась, вся пламени полна,
 «Гордец воинственный! — промолвила она. —
 Ты шах, так уходи, тебе присуша слава.
 А вся игра в любовь для шаха лишь забава.
 Влюблен лишь тот, пред кем в обители земной
 И небо и земля — в единственной, в одной.
 Не упрекай меня влюбленностью Ферхада, —
 Скитальца мертвого с печалью помнить надо.
 Ферхад, чей жаркий дух и скорбен был и сир,
 Лишь брат мой названный, наш посетивший мир.
 Для глаз его была я лишь подобьем духа,
 Лишь только голос мой его коснулся слуха.
 От Сладкой горечь знал. Но запах горьких трав
 Он пил, как аромат, а не как дым отрав.
 Я сладкому огню речей его винмала.
 Подобных ты не знал: ведь слов подобных мало.
 Приятней мне шипы из розовых садов,
 Чем пышный кипарис, не знающий плодов.
 На ложе каменном я лучше бы лежала,
 Чем видеть недруга, хоть с золотым кинжалом.
 Дай медный мне браслет. Не нужен мне огонь,
 Что, плавя серебро, сжигает мне ладонь.
 Нам дорог тот огонь, что осветит жилище, —
 Не тот, что обратит жилище в пепелище.
 Но коль упреками осыплешь ты меня, —
 То обвинителю я стану неровня.
 Порою поутру мы видим, — о досада! —
 Порыв нежданных бурь унес листок из сада.

Вот так унес меня порыв моей тоски.
 А ты собирайся в путь! Увязывая тюки!
 Я вся в кольце огня; он вьется, вьется снова...
 Ты видишь? Так беги! Страхись огня такого.
 Что дивного: с небес несется камфара.
 Вот и в моей душе холодная пора?²
 Глянь: облако весь мир осыпает хочет солью³.
 Ступай! Не сладостно являюсь я, а болью.
 Летучей мыши, царь, отраден мрак ночной.
 Будь соколом. Взлетай лишь только в час дневной.
 Они давно ушли — те сказки, что ты ведал.
 Они давно ушли — те ласки, что ты ведал.
 Уж ни «шаира» ласк в душе царящи нет!
 А вот с арабского: уж ни крупницы нет.
 Не турок я, о царь! Я знаю речь араба⁵.
 А злоязычья речь да козней — знаю слабо.
 Напал злословья мрак на дом, на кокон мой,
 А ведь коварен, верь, лишь черный локон мой.
 О царь! Твоей души бескрыла птица, ведай.
 Твоей души заря — не разгорится, ведай.
 Со стражами веду иль с шаханшахом спор,
 Твой дротик будто бы дейлемский их топор⁶.
 Так собирайся в путь! По эту сень не вступишь.
 Хоть молвил, что любя ты стал как тень, —
 не вступишь.
 О мощный! В жадности не следует коснеть.
 Для пищи ты ищи питательную снедь.
 Стяни потуже грудь, нет пользы в лживомestone.
 На рот свой наложи печать своей ладони.
 Что соколы едят? Им лучшее дают,
 А падаль мерзкую — стервятники клюют.
 Немало я себе уже стяжала славы
 За то, что мне милы сладчайшие забавы:
 Одним печальных слез я в чашу лью струю,
 Мне сомненную, другим я сладость лью.
 Да, я вода из роз, и я горька. Ну что же,

Ведь и розовой воде всегда есть горечь тоже.
 Я крепче, чем «набиз» пригубишь — и беда! —
 Я с ног тебя свалю на долгие года.
 Коль создана Ширин для сладкого улова,
 Пусть горстку горечи ее содержит слово.
 Две сладости зараз? Не жди столь сладких дрем.
 Ведь финик — с косточкой, орешек же — с ядром.
 Я не сродни ежам, не панюшу ущебя,
 И нежность спрятала в изыскательную речь я.
 Хурма в шипах. Горит в простой оправе зал.
 Клад золотой не раз в развалинах пылал.
 Пускай выносливость пойдет твоим пожатям.
 Варещенный низостью, не станет сад богатым.
 Что сокол без крыла? Не вьется, хоть убей.
 И победит его ничтожный воробей.
 Отбившийся верблюд! Он и за мышью ловкой
 Нойдет безропотно, потянутый взрешкой.
 Сражаешься со львом и не желаешь пасть? —
 Так обижай кляки, раскрой пошире пасть.
 Собаки сценятся, да вмиг оставят схватку.
 Увидев блеск зубов и зная их похвалу.
 И покланялась она, взор поднимая свой,
 Беззрящим разумом, душою огневой,
 Предвечным куполом, высоким, бирюзовым,
 Истоком пламени и солнцем вечно новым,
 Всей райской красотой, всей прелестью небес,
 И каждой буквою всех, всех земных словес,
 Тем покланялась живым, кто будет жить вовеки,
 И тем взирающим, кто не опустит веки,
 Тем щедрым богачом, кто всю насытил тварь,
 Все души возрастил и всем живущим — царь:
 «Всевластный шах! Сдержу я слово обещанья:
 Я для тебя ничто — до нашего венчанья!»
 И отвратила лик, исполненный огня,
 Уже добытый клад рукою отстраня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

Уж солнце, как газель хотанскую, уводит
 Веренка мрака в ночь, и вот на небосводе
 Газелей маленьких за рядом вьется ряд, —
 То звезды на дугу полуночным горят.
 Царь, что газель, в чью грудь стрела вошла глубоко
 Виял яростным словам Ширин газелеюкой.
 И хлопья снежные помчались в мрак почной,
 И капельки дождя мелькали, как весной.
 От горести гора слезливой стала глиной.
 И сердце ежилось, бредя ночью долиной.
 Снег, словно серебро, пронзал окрестный мрак,
 И на Шебдиза пал серебряный чепрак.
 Звучал упрекамн Хосрова громкий голос!
 Черноволосую не тронув ни на волос!
 Как долго он молил, как жарко! Для чего?
 Сто слов, — да не годны! Все! Все до одного!
 Молил он и вздыхал — был словно пьян —
 все глубже
 Воззались стрелы в грудь — о сколько ран! —
 все глубже
 И вот еще текла в своем несчастье ночь,
 А царь, нахмурившись, от врат поехал прочь.
 То он к Шебдизу ник, то будто от недуга
 Очнувшись, все хлестал и торопил он друга.
 Он оборачивал лицо свое к Ширин,
 Но ехал, ехал прочь. Он был один! Один!
 И ночи больше нет, — ее распалась риза,
 Но нет и сильных рук, чтоб направить Шебдиза.
 Царь воздыханья вез, как путевой припас.
 Он гроздя жемчуга на розы дил из глаз
 «Когда бы встретил я, — так восклицал он
 в горе, —
 Колодезь путевой, нль встретил бы я взорье,
 Я снежились бы здесь, и я б не горевал,

Навеки близ Ширин раскинувши привал.
 То вскинет руки царь, то у него нет мочи
 Не плакать, — и платком он прикрывает очи.
 И вот военный стан. Царем придержав конь,
 А сердце у царя, как выходящий огонь.
 Серебряный цветок освободили тучи,
 И месяц заблестел над этой мглой летучей.
 И царь вознес шатер до блещущих небес,
 Для входа подвязав края его завес.
 Но не прельщался царь всей предельстью вселенной,
 Он сердце рвал свое, как рвет одежды пленный,
 Он, позабыв покой, сжав пальцами виски,
 Не поднимал чела с колен своей тоски.
 Придворным, и ловцам, и стражам, и дестурам
 Царь повелел уйти; остался он с Шапуром.
 Как живопись творя, стлал пред царем Шапур
 Узоры, говоря: «Не будь, владыка, хмур!»
 На пламень горести он лил благу втагу.
 Смеяться в горький час имел Шапур втагу.
 «Тебя от горести хочу я уберечь:
 Поверь, нежна Ширин. Ее притворна речь.
 Столь омрачившимся останешься доколе?
 Ты рвешься к финикам, ты знай — и пальма
 колет».

Хосров — он не сводил с Шапура жадных глаз —
 Обильным жалобам открыл потайный лаз:
 «Ведь видел ты, с какой пришла ко мне отравой
 Та, что весь мир смутит улыбкою лукавой?
 И бог не страшен ей! Смела, дерзка она!
 Ну что же, женщина, — так значит нескромна.
 Я шапку снял пред ней и бросил пред собою.
 Как стройный кипарис, я встал пред ней с мольбою.
 Но оттолкнула трон с порфирною она,
 Ствол царственный снесла с секирою она,
 В мороз ее душа не сделалась горячеей.
 Ее безжалостность увидел каждый зрячий.
 И речь ее была — секира и стрела.

В словах почтительных так много было зла,
 Есть тернии в любви, но в этот час вечерний
 Без меры я познал уколы этих терний.
 Но и в моей груди ведь тоже сердце есть.
 И злорада тоже ведь у страстотернца есть.
 Пусть, как Харут она, слетевшей с небосклона,
 Пусть в родинке ее все чары Вавилона,
 Но так был холоден ее зима налет,
 Что для меня Ширин уж не Ширин, — а лед.
 Но от моей любви, терневшей полошенье,
 Мне ведом — о Шапур! — источник утешенья.
 Ребенка скверный драв известен мамке. Нет
 Соседа, чтоб не знал, каков его сосед.
 Ширин — мой тайный враг! Мрак под личной
 света

Таится ненависть под нежностью привета.
 Как жаден был мой пыл, как был напрасен он!
 И вот, отверженный, рассудка я лишен.
 Не слушала она; крутилась непогода.
 И речь моя текла как будто больше года.
 Мне в тьме полуночной свечи не принесла.
 Бальзама мне от ран в ночи не принесла.
 Хоть встретить Сладкую для каждого отрада,
 Хоть сладостна Ширин, — мне новых встреч
 не надо!

Ведь встреча всех обид мне не искупит, нет!
 Ведь с горьким вкусом хлеб никто не купит, нет!
 Быть под ногой слона, быть мертвым на кладбище
 Отрадней, чем просить у злого скряги нищи.
 Быть лучше под водой, быть рыбой, чем свои
 Моления нести в пристанище змеи.
 Отрадней землю рыть, Да! Лишь не довелось бы
 В дом недостойного свои направить просьбы!
 Жемчужин чистых блеск не в чистых ли морях?
 Кто роет черный прах, — найдет лишь черный прах.
 Покинь пустую коп! Иль, чтоб душа угасла,

Мне быть свистильником, в котором нету масла?¹
 Жизнь, стоит ли вручать той прихотливой, той
 Лукавой, для кого она лишь звук чуждой?
 Клянусь, еще таит подлунная долина
 С пачлином равнину — подругу для навлина!²

ОТВЕТ ШАПУРА ХОСРОВУ

Облабывавши прах, Шапур своей чредой
 Раскрыл уста; к огню с камфарной шед водой!¹
 «На резкость не гневишь. По моему почину
 И благородство чья, всему найди причину.
 Спор страстных — молния: не смещешь и следа?²
 Не схожи бой врагов и нежная вражда.
 В запылях жемчуга не ридом ли с агатом?
 Железный виден ключ порою в ларце богатом.
 Жестокость красоты назичана в выси,
 Лукавство женщины, назичаясь, перенеси.
 Ведь женщина всегда коварна и строптивна.
 Невеста без прибуд — невиданное диво.
 Чтоб на листе была округлою стезя,
 Лист колот ширкулем, — не уколоть нельзя.
 Но пусть исевластыи все, чей светлый лик
 прекрасен,
 Ведь змейки водной укус нам безопасен.
 Потоков горести надвинулась пора,
 Так стойким ты пребудь, как мощная гора.
 Страшны холодных бурь плохие дни былинкам.
 Коль, мощный крик, дрожишь, так ты сродни
 былинкам.
 Отрадно метит в цель, куда цель трудна.
 Льет амбра аромат, пока не сожжена?³
 Хоть света луниного тебя прельщает нега, —
 Небесную луну не схватишь ты с разбегу.

Дверь притвори и жди. Ширин, свой кипуи став,
 К тебе, как лунный свет, пройдет сквозь розуан.
 Красавица в поли, как света волокошна, —
 Коль двери заперты, проходят сквозь оконца.¹
 Царь! Страждет и Ширин, и в ней повержен дух.
 Но терпеливая о том не скажет вслух.
 Ведь камень со скалы к ней упадет на плечи,
 Лишь тронув тебя свою. Ты от беды далече.
 Тебя не оскорбят: шах недоступен залу.
 Шин, сердце ей произив, — тебе пронзит полу.
 Ночь зачала, так жди, притихни этой ночью.
 Что породит она — увидим мы воочью.
 У счастья нашего так переменяи прав!
 Кто ждет все тех же струй в источнике, — неправ.
 Всех дней круговорот не протечет без плача.
 Стыд сменит наш почет, удачу — неудача.
 Пусть Счастье, шаханшах, и ринулось на Власть²,
 Зачем на Счастье, Власть, решила ты напасть?
 На ширкуль погляди: конец с началом круга,
 Когда свершится путь, всегда найдут друг друга.
 Коль не обезжен конь, уверенный ездок
 С опаской сторожит его упрямый скок,
 Но, обуздав коня рукою терпеливой,
 Позволит ездокам дремать над конской гривой.
 Терпением разомкнешь все узы всех невгод,
 С ним перетерпишь гром всех грозных непогод.
 Оно распутает все спутанные пути,
 Тьму обратит в зарн блаженные минуты.
 Сомненья темные умчались от меня,
 Ты скоро будешь царь, в веселом блеске дня.³
 Он золотые стлал перед царем посулы,
 Он в глушь развалин слал весенних вихрей гулы,
 На лик царя навел он мушку счастья: знак
 Благой ему открыл в созвездьях Зодиак.

ШИРИН СОЖАЛЕЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ
ХОСРОВА

Тот, ветхий диями муж, что положил начало
Рассказа, — продолжал. И вот что зазвучало
«Жестокосердая, прогнавшая царя,
Себя бьет камнем в грудь, раскаиваясь Боря.
Она корит себя, и что ни слово — слезы.
И снова все текут, текут все снова слезы.
Как птица сбитая, металась и не раз
На землю надала, закрыв нарциссы глаз.
Клеймя свой гордый дух, рыдала, — в то же время
Бия ладонями и грудь свою и теми.
И вздохами ее был воздух обожжен.
Земля столь горьких слез не видела у жен,
Нет силы, чтоб сдержать порывы горькой страсти.
Чтоб сердце усмирить, нет во вселенной власти.
Когда ж душа ее вконец изнемогла, —
Стыда тяжелого ее объяла мгла.
И вот подиружен конь — Гульгун ее прекрасный.
Душа ее в крови и конь кроваво-красный.
На рыжеогненном и взвихренном коне
Она — как блеск воды на трепетном огне.
Трона узка, как бровь; как у прекрасной косы,
И небеса черны и горные откосы.
И на крутой тропе, стегая жеребца,
На помощь в этой тьме звала она творца.
Но глушь и трудный путь Гульгуну — не препона;
И он помчал Ширин быстрее небосклона.
Одеждою слуги свою стянувши грудь,
Она Шездизу вслед направила свой путь.
И вот сквозь гулкий гром, сквозь громозвучный

топот,
Порой был слышен плач, порой был слышен ропот,
И взор вперед в тьму Луна прекрасная Луи.
К шатрам охотничьим примчал ее Гульгун.
Военачальники уснули. Тишь, и даже
У царского шатра нет переклички стражи.

Все, словно опиум вливая лунный свет,
В курильные ночи спят. Нигде движения нет.
И смущена Ширин: к царевому порогу
Она приблизилась, да в ком найдет помогу?
Но из-за полога хосровова шатра
Шапур глядит, — что там? Не света ли игра?
Лишь миг тому назад, охваченный истомой
Сиянья лунного, царь был окуван дремой.
И, слугам не сказав, туда, где встал Гульгун,
Шапур идет взглянуть, кого примчал скакун.
Он молвил всаднику: «Как призрак ты прекрасен,
Но если ты не тень, то твой приезд опасен:
Тут и с напавших львов кичливость мы собьем.
Заполняя змея тут станет муравьем».
Но отступил Шапур пред этим нежным дивом,
Смущен его лином и действием учтивым:
Ширин художника узнала; отняла
Сапожки от стремия и спрыгнула с седла.
Лик разглядел Шапур; длань поднял он к кулаку.
И вскинул ввысь кулак, а лбом склонился к праху.
И молвил он: «Луна! Всем страждущим глазам
Прах из-под ног твоих — целительный бальзам».
Ответила Ширин словам его достойным
Со взглядом ласковым, для женщины пристойным.
И за руку она взяла его, и он
Услышал все, и был не очень удивлен.
Услышал он о том, что слезные потоки
Стыда, раскаиваясь ей обжигают щеки,
Что речь ее с царем была дерзка и зла,
Что недостойные слова произнесла,
Что лишь умчался царь, — укору зазвучали
В ее душе, и дух попал в силки печали.
И говорит она: «Меня объяла тьма,
И не внимала я веления ума.
Решилась я зла все: рок становился хмурым.
Ведь свойственен в беде прыжок тигриний гурам.
И провиденшем небесным ты сочти,

Что я разбойников не встретила в пути.
 Но так как был огонь стремления безмерен,
 То путь мой — путь прямой, он правилен, он верен.
 Мое доверие ты принял, и оно
 Твердит: «Грядущее тебе же вручено».
 Две просьбы у меня. Тебе исполнить надо
 Их обе, чтоб ко мне опять пришла отрада.
 Вот первая, Шанур: когда придет Хосров
 На пиришество, под крик: «Да будешь ты здоров!»
 Ты усади меня в укромный угол. Тайна
 Да сохраняется! Не выдай и случайно!
 Веселый нрав его, подобную лучу
 Всю красоту его увидеть я хочу.
 Вторая: если царь глазами уж не злыми
 Мой встретит взор, то пусть он скажет о калыме!
 Колю хочешь, о Шанур, исполнить все точь-в-точь, —
 Все подготовь, Шанур, куда дается ночь.
 Не хочешь, — на коня я снова сяду; снова
 В свой замок возвращусь, не повидав Хосрова».
 Две просьбы услышав, Шанур отверз уста
 И клятвы ей дает; их было больше ста.
 Гульгунца в стойло ввел он, будто бы Шедбиза.
 В шатер он ввел Ширин, как будто бы Парвиза.
 Два царственных шатра имел Хосров; они
 Мерцали в жемчугах, как звездные огни.
 Ближайший — для пиров, а полускрытый, дальний
 Служил для отдыха. Он был опочивальней.
 Повел Шанур перси воздушную. Вдвоем
 Они вошли в шатер, назначенный для дрем.
 И прочь пошел Шанур, ей указав на ложе,
 И полог опустил, с небесной ризой схожий.
 Царя как бы меж роз уснувшим обрета,
 Шанур был радостен, как утро, как дитя.
 Вкруг «сада роз» кружась и не стремясь к покою²,
 Он оправляя свечу заботливой рукою.

СНОВИДЕНИЕ ХОСРОВА И ТОЛКОВАНИЕ СНА ШАНУРОМ

И вот внезапно царь очнулся ото сна, —
 И лик его — луна, когда она ясна.
 Шанура восхвалил он за его участие:
 «Я спал, а ты не спишь, мне посланный на счастье!
 Тобою охранял, я, в сумраке завес
 Увидев сладкий сон, вознесся до небес.
 Какой прозрел я свет! Я был в саду, в котором
 Светильник пред моим блеснул счастливым взором¹
 Что означает сон? В сиянии свеч
 Слова прозрения, о друг мой, расточи!»
 Заговорил Шанур: «О царь, все стало ясным.
 Твой день будетен сиянием прекрасным.
 Прогонят небеса твою белую ночь.
 Строитивость милах уст ты сможешь превозмочь.
 Так вынем, чтоб нить расплекутого пламени
 Сверкнул, как рдяный зал, — сей философский
 камень.

Пусть утром на пиру все будет нам дано:
 И молодой нарицес и старое вино.
 Когда взойдет заря, являя на просторе
 В сиянии камфары заоблачное море.
 Камфарный над вином вдыхая аромат,
 В ладие забвения поплывь ты будешь рад.
 От счастья, как тюльпан, чело царя, — и снова
 Он, как нарицес, уснул: сон одолел Хосрова.

ХОСРОВ УСТРАИВАЕТ ПИР

В Джемшида яхонтах еще весь небовод¹,
 Но паланкин зари уж по небу плывет,
 Влезанный вышел вор и звезды, украшенья²

Невесты солнечной, унес. И все в движенье
 Пришло. И певчих птиц он потревожил сон
 И женщин испугал... вот их заявистый звон³.
 Ресницы вскинул царь, но, мрея, как зарница,
 Ему сладчайший сон еще как будто снится.
 И, встав, он приказал, чтоб для него шатер
 Такой раскинули, чтоб стал он выше гор.
 И до небес шатер дошел своей вершиной.
 Взор оглядеть его не мог бы ни единый.
 И, руки на груди почтительно сложив,
 Пред входом встал народ. Как этот вход красна!
 Вельможи в золоте, Оно горит. Доверья
 Не обретешь, сказав, что ярче есть преддверья.
 Знамена вкруг шатра, как великанов строй,
 Как кудри — кисти их, с их бисерной игрой.
 И негры пронесли меж царственного стана
 Мрак Эфиопии к подолу Исфахана⁴.
 Мрак негров, тюрков блеск друг друга превозмочь
 Не в силах; так с луной свой мрак сливает ночь.
 И к трону ветерки не находили лаза
 В ограде из мечей китайцев узкоглазых.
 Шатра веревки все невиданной длины.
 У входа пред шатром бесчисленны слоны.
 Коннами двух шатров была лазурь зарята, —
 И в солнечных очах уже не стало света.
 В одном шатре Хосров, прекрасный, как Китай,
 В другом — Ширин. О взор, луной ее считай!
 Так много золота в ковче, что без усилья
 Прах золотой с него ветров сдували крылья.
 И воздух уносил сей позлащенный клад.
 Иль сам ковер и был им принесенный клад?
 Но удалились все. На пир за стол богатый
 Лишь избранных друзей в шатер созвал глашатай.
 Из юношей двора в сей царственный затвор
 Гулямы лишь вошли, шелками теща взор.
 Наперстки царя, блюда обрядные пира,
 Садятся с дух сторон вблизи владыки мира.

У трона царского все вяхонтах края,
 И изумрудная обводит их струя.
 Рабы с кадьями, — с плодами золотыми,
 Что блещут жемчугом и ладами густыми.
 В руке царя зажат, как знак закона, шар,
 Он мягким золотом пылает, словно жар⁵.
 Мелькают кравчие, вино адеет в чаше.
 И музыка звучит все сладостней, все краше.
 И с лютнею в руке, всех усмиритель бед,
 Мир музыкаю обьяв, сидел и пел Барбед.
 И в звуках золото друзьям бросал он в руки.
 Он в души их вливал целительные звуки.
 И звук со звуком был так сладко пережит,
 Как будто с лютнею явился царь Данид.
 Давно уже никто не знал такого дара.
 Так вызывал Исá звучанье мускара
 И тут был Некисá среди придворных: он
 Из чанга извлекал наисладчайший звон.
 И трепет он возносил, и трепетней их звопа
 Не ведал небосвод, — создатель органа.
 Он первый наделил размерным строем руд
 Все, что полет стихии, в пример его берет.
 Его созвучья в таком текли узоре,
 Что птах завистливых они ввергали в горе.
 И так он плавил пел, что звезд полночный ход
 Зухре под рокот струн сплетала в хоровод.
 Подобному Зухре, ему лишь был он ведом, —
 Напев согласный с тем, что начат был Барбедом.
 И смолкнул на пиру веселый шум бесед:
 Взял Некисá свой чанг, бербет свой взял Барбед
 И звуки понеслись в согласии крылатом.
 Так в розе цвет ее согласен с ароматом.
 Бербет и чанг пьянят... И нет сильнее сил...
 Тот — сердце жег, другой — рассудок уносил.
 Вселял рыдания в грудь их каждый звук упругий,
 Пьянели все рабы, все забывали слуги.

Царь приказал — и вот, склонив покорно лбы,
Шатер медлительно покинули рабы,
Все удалились прочь. С царем лишь были трое:
Шапур и два певца сидели с ним в покое.
Трехструнный пел берет, у трезвого певца
Была хмельная власть — все опьянять сердца.
Чанг Некисы звучал, и в глубях небосклона
Зухре оборвала напевы органа⁶.
И царь открыл певцам, чьи так пьянят уста,
И дверь сокровищниц и всей души врата.
Когда же там, в шатре крутящегося свода,
Луны — на смену дня — мир дождался прихода, —
Вокруг шатра Ширин, разумно выждав срок,
Наш замелькала Шапур, как некий мотылек.
За краем полога речь прозвучала Сладкой:
«Ты одного певца направь ко мне украдкой,
Чтоб он у входа сел; я рядом посижу.

И все, что должно петь, я все ему скажу.
Пусть лад он подберет, чтоб струны зазвучали,
Явив в созвучиях всю боль моей печали».
И тотчас с Некисой Шапур пришел к шатру,
Чтоб начал Некиса и пенье и игру.
«За ткани не гляди. Услышишь голос друга,
И пой, что скажет он. Вот в чем твоя услуга,
С душой неведомой своей слей душевный строй.
Чужой постигнув лад, нас убажай игрой».
Как пьяный соловей, там пел Барбет с бербетом.
Тут с чангом — Некиса. Ночь мрела дивным
светом...

Блеск от светильников был, как прекрасный рай.
Дым от светильников — заросший лесом край.
Чанг плакал, а бербет бросал алмазов росы.
В твою полѹ, газель склонила юсы.
Шелк этих щедрых струн! О чанг, твое лицо
Горит: твоя серга — напевности кольцо.

К словам и к музыке царь устремился разом.
Что заиграет чанг? Каким утешит сказом?
«Мутриб! — промолвила заря любой зарей, —
Всю грусть мою открой... Не бойся... Говори!»

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ,
ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

И начал Некиса; внемля Луне, не часто
Он струны ударял; он пел размером «раста»:
«О счастье сонное! Очились и погляди —
Быть может, радости мелькают впереди.
В скалу терпения ударь, заря надежды!
Сияньем озари души понурой вежды!
О счастье! Хоть на миг мне кинь свой светлый
луч

Хочу оковы снять, — от них вручи мне ключ,
Расстанься, о судьба, с печальями и мраком,
Над обездоленной блесни отрадным знаком.
О дружелюбный рок! Копье во мрак мечи.
У войска горечи все вышиби мечи.
В душе моей огонь, душа вкусила яда.
Друг, милосердным стать без промедленья надо!
Кто так же немощен в своей тоске, как я?
Скажи: кто так же весь в твоей руке, как я?
Пусть на руки твои лить воду не смогла бы, —
Я б на огне тебе готовила кебабы.
И если не смогу я подносить джуляб, —
Фуку раскупорю, как твой последний раб!
Коль не смогла бы ткать, то в должную минуту
В чертогах у тебя я б разжигала руту⁷.
Пусть мне для вышивки ты не дал бы иглы,
Сметала бы я пыль с щелков твоей доли.
Ты не бросай меня, как тень свою, на землю.

И так пошла я, и так лишь скорби внемлю,
 Ведь радуется, зная, сиянию звезд луна.
 И веселящая Зухре тебе пужна,
 К себе меня возьми, я отпущу сторицей.
 Служанкой стану я, не стану я царшей.
 Спросил ты обо мне, что молвить я могу?
 Не ведаю, когда вкоплет изнемогу.
 Как чужеземец я: он ждет желанной встречи.
 Ведь так трудны дела! И так друзья далеки!
 Как роза смуглая, забывшая любовь,
 От мира я ушла, чтоб мир не видеть вновь.
 Как бранная земля, я стрел познала ярость.
 Весною, как тюльпан, свою нашла я старость.
 Я все желала взять, и все мне было — тлен.
 Моя заносчивость меня повергла в плен.
 Мне нет заступника, не ведаю участия.
 Нет счастья, что, придя, стыдилось бы несчастья.
 Нагой, идя ко двору, промолвил: «В час конца
 При счастье я б имел хоть саван мертвеца».
 От горючести своей осталась я в накладе.
 Коль пожелаешь ты, то мы с тобой поладим,
 Мои желания не выполнены. Пусть
 Исполнятся твои, — свою утешу грусть.
 Печаль! Твои уста мне словно зелье злое.
 Ты жешь меня, ведь я — лишь горькое алоэ,
 Но быть сжигаемой! Вот ширшество мое!
 Горение в любви — для страстных бытие!
 Не мне повелевать у парского предела.
 Захочешь сияющей, — твою, о милай, дело!»

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА,
 ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВИ

Чанг Нектои умолк. И, пламенный и юн,
 Запел Барбед над звои трех полновластных струн.
 Лад «Иракки» — напев прославленный Ирака —

Вознесся и достиг пределов Зоднака:
 «Душой, не слухом пью мне дружелюбный лад.
 И в памяти моей былой мерцает клад!
 Где сладкоструйных вод есть ручеек подобный?
 Где благовеющий есть ветерок подобный?
 Иль гаснувшей зари сверкающий навдлин
 Провел перьями над розами долины?
 Иль дивный кипарис, поднявшись над оградой,
 Сказал мне, что венец мне явится наградой?
 Иль это лунный луч в мой проскользнул шатер?
 И ночь уже не ночь, и свет в мой льется взор.
 Иль это всякие есть дуновение рая?
 Мой пробудился дух, от радости играя.
 Иль белый сокол здесь? К руке спустился он.
 От черных воронов цветник ночной спасен.
 Иль благодатный ключ, укрытый под листвою,
 Мне душу воскресил животельной водою?
 Иль подняла свечу благой судьбы рука,
 Сжигаая грусть мою, как крылья мотылька?
 Иль сладкая Ширин нам летит вино из лала?
 Вся мгла окрестная восторгом запылала.
 О счастье вымолвил сопернице пери:
 «Дверь счастья милому с улыбкой отвори».
 Не только красотой славна ты. Чтоб сумела
 Ты боль мою постичь, — о всем скажу я смело:
 Пшеницу я пожал, — посеял лишь ячмень,
 И не пшеницу дал тебе я — лишь ячмень.
 Забудь, что речи вел я гневно и упрямо,
 Вглянись: покорен я. Вглянись мне в душу прямо.
 Индийцу, хоть он вор, не рубят руку: есть
 И благородство в нем, в нем и в преступном —
 честь».

Нет в сердце у меня и уголка для счастья.
 Для горя — и нет край, и нет к нему участия.
 Тобой растоптанный, я на дороге лег,
 И душу божно лягнул надменный рок.
 Бег сердца моего путь обозначит кровью.

Какой мучитель злой порой не плачет кровью?
 Страх в сердце у меня: страшна разлука тьма.
 Ужасен мыслящим тот, кто лишен ума.
 Мне руки закрутил, лишая сил, твой локон.
 Мне сердце в тьму свою вмиг погрузил твой локон.
 Все не забуду слов, слетевших с алых уст,
 И, хоть горьки они, без них шатер мой пущ.
 Коль хочешь близости, забудь свои угрозы.
 Зачем дашь мне шип взамен душистой розы?
 Дай из ларца навек тот сладостный бальзам,
 Что исцеленье шлет и сердцу и глазам.
 О если б ты, Ширин, таким владел златом,
 Решила нищего обрловать зекатом!»

ВТОРАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

Пронел Барбед, и вот, чаруя небеса,
 Навев пленительный вздымает Некиса.
 Нести оханки роз — отрадней нету груза!
 И розы разбросал отрадный «Лад Новруза»!
 «Мой просиявший взор в нежданный сад проник, —
 Ведь закоулок твой для глаз моих — цветник.
 Указана тобой моей судьбы дорога.
 Для глаз моих бальзам — прах твоего порога.
 В дыхании мускуса твое дыхание пью.
 В сиянии утреннем тебя вижу я твою.
 Ты очи для меня, ты свет, что льется в очи.
 Ты свет очей, ты сад в сиянии звездной ночи.
 Что солнцу блеск дает? Твой лик, лишь он один,
 И если соль дает твой сладостный рубин.
 Твоей красотой горит вся звездная порфира,
 О красоте твоей поют в просторах мира.
 Какое плещь вино, что стал ты, как весна?

Душа твоя к добру внимом оживлена,
 Ты юность, что душе — услада и отрада.
 За юность чья душа отдать себя не рада?
 И если зеркало поднимешь ты рукой, —
 Свой лик увидиши, утратишь ты покой.
 С китайским зеркальцем божок китайский! Надо
 И на других взглянуть, к чему самоуслада?²²
 Зачем же к зеркалу твой жадный взор приник?
 За новым ликом в нем всплывает новый лик?²³
 Взгляни в мои глаза. Вот зеркало, в котором
 Ты встретишь лишь себя, к чему склоняясь взором!²⁴
 Клянусь тем судией, что небеса таят,
 Что без тебя, о друг, дни бытия — лишь яд.
 С противоядьем ты, мне ж уняться ядом.
 Твой ясен рок, а мой глядит язвющим взглядом
 Душа моя в огне, но к жертве не спеша,
 Ты так безжалостен, глуха твоя душа.
 Я мнила, что когда склонюсь, изнемогая,
 Ты поспешишь ко мне, мне помощь предлагая.
 Но вот изнемогла и пала я, а ты,
 Стопы опутав мне, взираешь с высоты.
 Но дам грозит позор, коль убиваем друга.
 От честных нам укор, коль убиваем друга.
 Ты каждый миг мне в грудь вонзаешь острие,
 Яви же хоть на миг сочувствие свое!
 Речь поведи о той, что ждет, за тканью кроясь.
 Введи меня на пир: на мне служенья поя!
 Я, все утративши, пришла на твой порог:
 Ведь держки нищие. Не будь со мною строг.
 О нет, безумна я! Ведь свой светильник ныне
 На ветер вынесла из кованой твердыни.
 О друг! Хоть участь мне высокая дана,
 Царь подчиняет всех, — и я подчинена.
 Не убивай раба, хоть взор его и выдал,
 Что для его очей твой лик — единый идол.
 От милых черт своих меня ты не гони.
 Пусть хоть бы издали мне виделись они.

Забыта юность мной, лишь ты передо мною.
 В надежде встретиться тропой иду земною.
 Минута сладкая мне будто бы видна:
 Тобой под говор струн мне чаша подана.
 Ночь... тлажу локои твоя... Лишь думая про это,
 Я таю, как свеча в сиянии рассвета.
 Рубином губ твоих упившись навсегда,
 Усну я и просплю до Страшного суда.
 Вот я целую прах в шатре твоём... Вся сила
 Иссякла. Сколько мук в разлуке я сносила!
 Поводья держишь ты. Чего ж алкаешь ты?
 Скажи, убьешь меня или обласкаешь ты?
 Мне лучше прахом стать, мне лучше быть убитой.
 Чем жить мне без тебя, чем быть тобой забытой.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА,
 ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Так с чангом Некиса пропел на быстрый лад.
 С трех струн подыяся стои барбеловых услад.
 Моля о милости, исполнены печали,
 На исфаханский лад слова певца звучали:
 «Когда в рассветный час, от чаши полупьян,
 Я мимо сада шел и шел его дурман,
 И предестью весны так привлекал мой взор он,
 Увидел я: в саду над розой вьется ворон.
 Ты роза, но на ней иппам и счета нет.
 Ты в замке скрыла клад, лежит на нем запрет.
 Как быстро на замок ты свой закрыла замок!
 Враг не сломил замка, ты сохранила замок.
 Ты гурья, чей лик бесплотен, чьи сады
 Таят бесчисленные эдемские плоды.
 Но пусть мои глаза таким плодам и рады,
 От них я горечь знал, не знал от них услады.

Сводящая с ума в душе моей пери, —
 И на безумие мое ты посмотри.
 Не сплю я, злые сны над разумом нависли:
 Томящая пери в мой проникла мысли.
 Когда бы я уснул, — зажгла бы ты мой сон.
 И в жар безумия он был бы погружен.
 Безумный от пери, желаньями ужален.
 Спует за призраком меж брошенных развалин.
 Зачем же, о пери, услада всех услад,
 В свой замок спряталась, как скрытый в недрах
 клад?

Явись, жемчужина! В венце моем отныне
 Сияй! Зачем в морской ты прячешься пучине?
 Нарцисс твоих очей! Черна их глубина!
 Улыбкою своей смутишь ты колдуна.
 Клянусь, упрямый твой, как дым, крутмый локои,
 Как страшный дым войны, — меня так обволоч он!
 Клянусь занятиями твоих престелных ног! —
 Их звон всех мертвецов вновь оживить бы смог, —
 Клянусь я жемчугом, с твоей парной содружим,
 Клянусь я медом уст и ртом твоим жемчужным,
 Клянусь я амброю закрученных волос,
 Клянусь тугим узлом твоих текущих кос,
 Клянусь призывом глаз, ценнее ценной дани,
 Клянусь всей ценностью чуть слышимых признаний,
 Клянусь я дугами изогнутых бровей,
 Что схожа с подлинью всевластной царей,
 Клянусь ресницами, что каждую минуту
 Грозили б стрелами и самому Харуту,
 Клянусь упреками твоих суровых глаз,
 Клянусь огнем очей, чей сладостен приказ,
 Клянусь данитою, что нежит наши очи,
 Что в свежей нежности — сияние душиной ночи,
 Клянусь твоей косой, которая в мой стан
 Из крепости Луны закинула аркан,
 Клянусь нарциссами, милей нарциссова сада,
 И гиацинтами, что всем цветам — услада?

Клянусь кудрявою, что заклинает змея,
 Что нжет на ушко кольцо своих кудрей³,
 Клянусь замочком рта и прелестью жемчужин⁴,
 Их — тридцать две, их ряд тобой был обнружен,
 Клянусь я миндалем, тьмой окаймленных глаз,
 Их мраком сладостным, сулящим сладкий час,
 Клянусь твоим лицом живительным, ведь воду
 Такой родник дает всему людскому роду,
 Клянусь гранатами серебряных грудей,
 Что округлила Новруз — сладчайший цародей,
 Клянусь я прелестью прекрасного овала,
 Что к подбородочку так взор мой приковала.
 Клянусь я белзной тех пальцев десяти,
 Что будто молвила: мне, горностаю, не мсти⁵,
 Клянусь плечами я, что светом серебряным
 Блистают, я клянусь блистаньем этим чистым,
 Клянусь я слитком тем, которым сотворен
 Твой стан серебряный, — так драгоценен он,
 Клянусь я той землей, что Сладкую носила,
 И клятвы, данной мной, неустошима сила, —
 Коль ты придешь ко мне — приди, о песнеши! —
 Я заключу тебя в предел своей души!
 Твой стан прижму навек я к царственному стану,
 Для всех я стал царем — тебе рабом я стану»

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ,
 ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

Лишь только замолчал Барбеда звучный руд,
 Как пальцы Некисей звенящий чанг берут.
 Налевом «хисари» из паланкина песни
 Он вызвал образы всех девушек прелестных.
 «О кипарис, взгляни: я пред тобою — прах, —
 И тенью осени ты голубою прах.

Пусть на петлю из кос твой взглянет взор
 проворный.
 Где встретишь пленницу с такой веревкой черной?
 Хоть своевольно была я, как эмир,
 Теперь на мне петля, а между нами — мир.
 Хоть видела я мир, встав на своем пороге,
 Два мира не смогла вместить в своем чертоге!
 В жилище муравья ноги не ставит слон.
 И немощен комар! Сродни ль Симургу он?²
 В колодезь небосвод вместить ли величавый?
 Не расцветает рай там, где простые травы.
 Ту жизнь, которая и слугам не нужна,
 Отдать султану? Нет! Нужна ль ему она!
 Забудем, что вчера я спорила с тобою,
 Сегодня пред тобой предстала я рабою.
 Как мне молить того, кто величав и прав?
 Но помощь мне подаст твой милосердный нрав.
 Скажу тебе о том, как страсть играла мною,
 С тобою поделись виною не одною.
 И так, целуя прах, склоняя я буду стан,
 Что милость возвестит гремящий барабан.
 Я взрою землю лбом, в слезах мольбы и страха,
 И честь свою, о царь, я вырою из праха.
 Я влажною щекой прижмусь к коври не раз, —
 И небо — «устыдись!» — пошлет тебе указ.
 Прочтя твой гороскоп, Луюю — я узнала —
 Дан Вестнику указ; Луна всего начало.
 Тот Вестник — это я, а ты — его Луна.
 И потому-то я к тебе привлечена.
 О сердце раненом, пройдя свою дорогу,
 Известие принесла я к твоему порогу.
 И Вестник, что принес тебе вот эту весть, —
 Приятен: у него тебе подарок есть.
 Мой напраказил рот — он маленький, и снова
 Пришел он попросить прощенья у Хосрова.
 Пускай мой язычок злым пламенем пылал,
 Но все ж он заключен, припрятан он за дал.

Мой докол был кичлик, тебе он сдался ныне,
Тобой отринутый, забыл он о гордыне.
Пусть мой по-тюркски глаз разбойничал — поверь,
Прощенья, как индус, попросит он теперь,
Хоть образуют лук бровей моих изгибы, —
Он — твой, твои персты схватить его могли бы.
Улыбкой нанесла я вред твоим глазам?
Прах из-под ног твоих собираю: он — баллазм.
Пусть встряхивала я тьмой долонов бывало, —
Смотри, цепями кос чело свое я сжала.
Я — факел твой. Бери! Ведь вся я горяча,
Душа моя горит и тает, как свеча.
Назначить можешь смерть ты царственным
указом, —

Я вся перед тобой. Рази мгновенно, разом,
Коль наша встреча, царь, пошлет не свет, а мглу,
То со слезами я схвачу ее полу.
Пусть ладу твоему пить кровь мою не внове, —
Знай, укушу его я жемчугом до крови.
Я — сад, но на плоды положен мной запрет.
Ведут в мой сад врата, но доступа к ним нет.
Коль в сад не ты, другой взглянет ненароком,
Вмиг с ног его свалю я виноградным соком.
Лишь сахарный твой рот, желанье утлая,
Найдет в саду тропу к орешку миндаля.
Пусть камнем бьют меня, орешки сбить желая,
Лишь ты поймашь их, желанием пылая.
С васмешкой улыбнусь я, как фисташка, друг,³ —
Когда узрю персты мне чуждых алчных рук.
Нет, не достать другим перстами померанца:
Они уколются шипами померанца.
И, фиников иша, желание свое
Не утолит никто: уколет острее.
Пусть яблочка мила кому-нибудь хоть долька,
Из воска яблочко получит он — и только.
Когда потонет свет, когда всплывет луна,
Плодами только ты насытишься сполна...»

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Закончил Некиса сию газель, и следом
Заплакала сетя, подъятая Барбедом.
В лад «раст» порой вводя прекрасный лад «ушша»,
Барбед пропел газель; она звучала так:
«О светоч красоты! Рок на мою дорожку
Мне бросил козлика приманчивую пожку!⁴
И пусть барашек я, а страсть моя — мясник,
На клич к твоим дверям, как пес, примчусь я вмиг.
Вот сердце. Похищай! Ведь мне его не надо.
Жить, сердце потеряв, его отдав, — отрада.
Как телу тягостен большого сердца груз!
Воровки сердца гнет — всех тягостней обуз.
Нам страждущий слуга не нужен для услуги,
К чему и сердце нам, когда оно в пелуде?
Мнил сердце я отвлечь от всех его забот, —
Ведь дела нашего был неудачен ход.
Но в сердце силы нет иным заняться делом,
Нет силы не лететь к единственному пределам.
Я не своей душой, а той, чей свет над ней,
Клянусь: моя душа кипит среди огней!
Клянусь твоим зрачком, стреляющим в газелей,
Твоей газелью пьян, как от пьянящих зеллей!
Я жду в отчаянии огня твоих очей.
Я мрачен, словно прах без солнечных лучей.
С тобою разлучен, я весь охвачен горем.
Я — рыба бедная, расставшаяся с морем.
Не хочешь ты луну из облака извлечь!
Ждет голову мою венец иль острый меч?
В краю твоей красоты твою царит велье.
Дай нежности приказ оставить промедленье.
Вобрав тебя в свой взор в дыму давнишних дней,
Лобзаю по ночам следы твоих ступней.
Развесели меня огнем любовной песни.
Уже умершему промовли ты: «Воскресни!»

Лобзаньем оживи того, кто тьмой обьят,
 Влей дух в бездушного, явив свой аромат.
 Как благодатно мне твоим упиться ликом!
 И голос твой впивать в волнении великом!
 Зачем от глаз моих ты скрытан, о алмаз,
 Как ток живой воды от недостойных глаз?
 Творец, что испослал и воду нам и сушу,
 И телом нас облек, и нашу создал душу,
 И я — клянусь тобой — все в силах превозмочь, —
 Мне день благой пошлет, мою прогонит ночь».
 И, услышав слова искусного Барбеда,
 Ширин подумала: «Трудна моя победа»
 И, извлекая песнь из горестной груди,
 Чангисту молвила: «Все чангом победы.
 Спой так, чтоб нам вконец оживорозить Хосрова,
 Чтоб сбился он с пути, чтоб он не спорил снова».

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

И чангу Некиса, — «Вновь колдовство яви», —
 Промолвил, и зашел он в ладе «рахали»:
 «Не медля, развяжи препятствий нужный узел.
 Наш не просторен путь. Зачем его ты сузил?
 Ты с другом помирись — в душе у друга гнет.
 Вчерашний умер день — сегодняшний умрет.
 Ни дружба, ни престол, — верь истине не новой, —
 Не обладают, царь, неизблемой основой.
 За этот хрупкий мир, за три крупинки дней
 Зачем ты держишься? Что жизнь! Забудь о ней.
 Лет жизни пятьдесят или шестьдесят — минулы.
 Зачем за сотней пуг ты вновь сплетаешь нуты?
 В день вышедший, о друг, раскупори вино.
 Под снудом все, что нам на завтра суждено.

В день завтрашний, о друг, не устремляя очи,
 Давай поладим-ка с тобой сегодня к ночи.
 Нет, не чуждается вселенная забав!
 Коль веришь в этот мир, ты, милый мой, неправ.
 Весной вкушай весну, ее предайся узам, —
 Не круглый год, о друг, мы темшимся Новрузом.
 И розы ты вдыхай весенний аромат, —
 Порывы осени ее сомнут, умчат.
 Для розовой воды дать лепестки ей сладко,
 А то смешаются с землею без остатка.
 Там, где и золото не ценится, как сметь
 Мне думать о себе, — ведь я лишь только медь!
 Ты свет — я светлячок, и нет во мне отваги
 С прибоем сравнивать одну пригоршню влаги.
 Твой рынок оживлен обильной красотой,
 На мой базар приди — в моих делах застой.
 Товар мой не бракуй. Угодно будет небу —
 И тароватому он будет на потребу.
 Глазурной чаши чти нетронушую снь,
 Но вновь скрепленную ты также не отринь.
 Хоть золото мы чтим в его обилии весом, —
 Не дай рассыпаться и золотым обрезкам.
 Мне в ухо вдел кольцо, меня забрал в свой край, —
 Коль ты купил меня — не перепродавай.
 Стремится жизнь моя к единственной отчизне —
 К твоей любви. Уйдишь, — и мне не надо жизни!
 Жду, напрягая слух, я зова твоего;
 Ждать стану большего — не станет и его.
 В томленьи по тебе мое изныло тело,
 Одна пила вино, одна я опьянела.
 Я словно тень твоя, — легла она у ног;
 Кинжалом разделить никто бы нас не смог.
 Останусь я с тобой, пока не обезглавят.
 Пусть окровавят! Пусть! Уста тебя лишь славят.
 Коль одиночества избегну я угрозу,
 Я сделаю шпы пучками алых роз.
 Создатель! Песнею направь мой путь к победам,

Дай сладкий мне удел, дай отрешенье — бедам!
 И душу сладкая разодрала тоска,
 И разодрал Хосров одежд своих шелка.
 И восклицает он, и встал он пред Барбедом:
 «Пусть твой сладчайший стих — Сладчайшей станет
 вedom!»

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Пламя Некисй застало взор царя.
 И вновь звел Барбед, сей пламенник смиря!
 Чрезмерность пламени он погашает ладом.
 Лад «эрефкен» он взял, — усладу всем усладам.
 Под звон сеты он спел газель такой красоты,
 Что впал в отчаянье чашг звучный Некисй.
 «Прости меня, кумир! Смотри, с какой мальбою
 О снисхождении — склонен я пред тобою.
 За чашу каждую меня объемяет стыд,
 За каждый час измен я горьким горем сыт!
 Каламом зачеркну вино мою! Объясый
 Тоской, — не спал ночей, и ночи — мой ходатай.
 Вирель у твоих дверей не подниму чела.
 Верь, голова моя у ног твоих легла.
 Когда согласна ты владеть душою пленной,
 То я готов служить тебе душой нетленной.
 Играй со мной, играй, — я всю твою игру
 Готов переносить, покуда не умру.
 Я полюбил тебя, и мой удел — печали.
 А у любимых нет, нет вовсе дел печали.
 В ладу ль нам быть с тобой иль нам не быть
 в ладу, —
 В томлении по тебе отраду я найду.
 И если стину я блуждать уныло, сирю, —

Ты пребывай одна для всей услады мира.
 И коль погаснет жизнь в большой моей крови, —
 То ты, Прекрасная, блаженствуя, живи.
 И хоть отрада мне и не дана Прекрасной,
 Пусть будет жизнь твоя, как бы весна, —
 прекрасной.

Ты вечно пребывай. А что мне суджено:
 Исчезнуть или нет — не все ли мне равно!
 «Несчастный!» — скажут мне, склоняя взор участья,
 Отвечу: «Счастлив я — она и сиянья счастья?»
 Пусть ветры кружатся, мой развеяв дни, —
 Пусть дни твои цветут, пусть всё цветут они!»
 Так жарко пел Барбед... Нежней и полновесней
 Еще не плыл напев... Все смолкло с этой песней.
 И жар спалил Ширин... В сознаны — полутьма...
 Осидл страстный жар пламене ума.
 Так вскрикнула Ширин в своем шатре укромном,
 Что царь ответил ей таким же вскриком томным.
 Он услышал Ширин. В грудь получила стрелу,
 Стрелу ответную бросает он во мглу!
 И, воспринявши лад играющей Прекрасной,
 Царь громко вторит ей своею песней страстной.
 Как тот, кто говорит вершинам гулких гор
 И ждет ответных слов, к ним поднимая взор.
 Там песнь поет Луна, — тут, то склоняясь к праху,
 То вскинув голову, влюбленный рвет рубашку.
 Когда поднялся стон от пламени любви,
 То струны молвила: «Нас больше не зови».
 «Шапур!» — сказал Хосров, — Ширин чудесней
 чуда.

Немедля повели, чтоб все ушли отсюда».
 Взяв голосу Ширин, весь мир забыть готов,
 К ее шатру, гора, бросается Хосров.
 Но подоспел Шапур, сказал спокойнопольный,
 Взяв за руку царя: «Останься, о великий!»
 И хоть в шлду забыл Хосров земной предел, —

Подмогу увидав, остановился, сел.
И молвил: «Разъясни, какую властной тайной
Чарует этот зов, — такой необычайный?»

ВЫХОД ШИРИН ИЗ ШАТРА

Едва решил Шапур царю сказать ответ, —
Глядит: на божий свет иной пролился свет.
То вышла из шатра, завес качнувши складки,
Пери; так из-за туч выходит месяц сладкий.
Как путник, чья душа вином любви пьяна,
Легла к ногам царя прекрасная Луна.
Когда любимую увидел он рабою, —
Свой лоб у ног своих увидел пред собою!
И он склонился к ней: «О сладостный венок!
Венок на голове быть должен, — не у ног!»
За знаки нежности, участия и почета
Прекрасный одарял Прекрасную без счета.
Облобывавши прах у ног ее, — мечтам
Дает он вознестись к возлюбленным устам.
От пламени, каким был царь Хосров охвачен,
Внезапно лик Ширин потуплен стал и мрачен.
И подвинулся царь: «Почто прекрасный лик,
Как роза просиял, и вот опять поник?»
«Луна заволоклась, — Хосров услышал шепот
Шапура, — и в Луне ты можешь вызвать ропот:
Ведь та, что все сердца отвергает в страсть, сама
Честь имени блюдет, хоть сводит всех с ума.
Она отводит лик, страшась, что, властный, скоро
Украшишь этот лик ты мушкою позора!»
Царь понял: не взрастить такого деревца,
Коль не привить к себе. И славою венца
Поклялся он Ширин: без свадебного вена
Он не подступит к ней, он вьсе в оковах плена.

И он сберёт вельмож со всех концов земли,
Чтоб выкуп царственный увидеть все могли.
«Но это впереди. Теперь же дейтесь, вина!
Уж этой ночи, друг, промчалась половина.
С тобою радостно пребудем в тьме ночной,
Друг в друге видя мир небесный и земной».
Обеты услышав, Луна полна услады.
И между уст блестят жемчужные Плеяды.
Подвижные уста — как жемчуга ловцы,
И пляшут доконов душистые концы,
Ее запястий звон, серег ее бречанье...
Баюкало певцов их сладкое званье.
В ее уста проник один глоток вина —
И виночерпия душа опьянена.
Чего бы тут, скажи, для счастья не хватило?
Был Месяц — музыкант, дило вино — Светило.
Так сердце царское отрадою пьяно,
Что больших радостей не требует оно.
Рассудок, в радости достигнувший предела,
Стремясь к плодам иным, земное бросил тело?
И нежный аромат и ненаглядный лик, —
Тут радости предел пред кем бы не возник!
Так было радостно, что, путая природу,
Вода вошла в огонь, огонь проникнул в воду.³
Когда влечение свое обретет зенит,
В железе нету сил: влечение — магнит.
Но, помня договор и все слова обета,
Они сдержали страсть. Крепки права обета!
Сжал сердце Сладостной в ладони царь Хосров.
Его душа — цветок, порвавший свой покров.
То к мускусным кудрям протягивал он руку
И, в тьму одев Луна, с ней познавал разлуку⁴.
То, сняв с ее кудрей серебряный покров,
Как раб, сеть жемчугов ей поправлял Хосров.
То мрак ее косы он обращал в свой пояс,
То ртом склонялся к рту, в слоях рубиновых рося,
То трогал он перстом любимых уст обоня.

То подбородок брал, как яблочко в ладонь,
 То похищал Хосров с руки ее запястья,
 Сам в руки взял ее, как бы в тиски, запястья,
 То брал с ее ноги запястья, их кристалл⁶
 На шею у него, довольного, блистал,
 То прижимался к ней, шептал: «Моя лампада!
 Своей сумрак осветить душа душою рада».
 То говорил Ширин: «Я — тело, ты — душа.
 Ты канула во мне, дышу — тобой дыша».
 Душа его, что вся лежала в путах милой,
 Ублажена была в благих минутах милой.
 Лобзаний звук... Иль слух пьет сладких влаг струю?
 Забыли небеса про кеманчу свою⁷.

... Страх вновь раскинул гром ночного барабана,
 Ширин — чиста, а царь молил все так же рыно.
 И в негах провели они недельный срок.
 Ширин была нежна, царь — помнил свой зарок,
 Развертывались дни, как сладостная книга,
 И не было у них безрадостного мига.
 Лобзаний череда... Еще... еще... точь-в-точь,
 Как в пард два игрока. Так проходила ночь.
 И на седьмую ночь, когда не стало слада
 Со страстным пламенем, Хосров промолвил: «Надо,
 Чтoб осветила путь прекрасная Луна,
 Чтoб в лунный свой предел направилась она⁷,
 Бессчетности светил ее подобна свита.
 Число всех войск ее лишь богом не забыто.
 Пусть в замке ждет вельмож, пусть остается там,
 Пока ей паланкин не подадут к воротам».
 И как луна вершит на небе путь свой, — снова
 К своим вратам Ширин вернулась от Хосрова.
 Вновь в камне замерла сребристых звезд игра.
 Вновь в мире луниного не стало серебра.
 Ветридом золотым полнеба заблестало.
 И в небе кораблей серебряных не стало.
 И царские шатры сверкнули. Поскорей
 В своей столице быть желает царь царей.

Веселый лик царя увидела столица.
 И вновь он пьет вино и снова веселится.
 С лицом ликующим великий царь царей
 Венцы раздаривал движением бровей.
 Имевший прибыль — щедр. Как и людское племя,
 Земля полна щедрот, лишь восприимчивы семя.
 Ведь туча влагою без моря не полна.
 Без туч была б не так насыщена волна.
 Ведь подать с бедняков взимается нестрога,
 И за развалины не требуют налога.
 Под вечер царь велел, чтоб каждый звездочет,
 Взглянув на путь светила, прочел, как он течет.
 Чтoб светлым разумом на темных сводах ночи
 Нашел бы добрый день меж звездных узорожий.
 Чтoб в этот добрый день мог паланкин Луны
 Достигнуть солнечной предельной вышины⁸.
 И звездочетам дня пути свои раскрыла,
 И свадебного видя наши они светила.

ПРИЕЗД ШИРИН ДЛЯ ВЕНЧАНИЯ В МЕДАИН

Когда невеста дня на бирюзовый трон
 Взошла и нежный лик был светом озарен¹,
 День молвил: «В радости тебе навстречу выйду».
 И мрака разорвал дырявую хламиду.
 Такие вынул царь камня из ларца,
 Чтo солнце в зависти не подняло лица.
 И было: тысяча верблюдов, и браслеты
 Им были на ноги брэнчашные надеты,
 И тысяча коней, от гривы до хвоста
 Горела в ихонтах их шерсти чернота,
 И мулов тысяча со звездным, с черным взглядом;
 Хромым казался день, бежавший с ними рядом,

Красавиц тысячи, — кумирни их приют;
 Одним лишь идолам сей облик придают,
 И тысячи других жемчугоносных; уши
 Их были в кольцах, все же их радовались души.
 Затем несли ларцы. В них не один харвар.
 Все с крупным жемчугом. Все луноликой в дар.
 Тюки ковровые... Но, право, я б охотней
 Их не считал: текли за сотней — новой сотней.
 В них было золото, китайская парча, —
 Кто в мире шествовал, подобную влача?
 И паланкинов ряд; их десять, все — павлины,
 В чьих перьях сто цветов, чьи многоцветные спины.
 Но паланкин один назначен только той —
 Благой Луне. Он весь — блестящий, золотой.
 Взив пыль, вели коней; мерцали в мутном прахе
 И коймы черпаков и золотые бляхи.
 Был копытами простор окрестный загражден,
 А воздух полонен был волнами знамен.
 Вслед за носилками тянулись паланкины.
 В них жены, чьи уста — манящие рубины.
 Горстями сладости бросая по пути,
 Шли схожие с перй — здесь Сладкую нести.
 О пышность щедрая! Все было по обрядам.
 Да будет царь Хосров дурным не тронут взглядом!
 И шли красавицы меж взгорий и долин.
 И встретили они прекрасную Ширин.
 И на невесту здесь лететь должны орешки,
 Но были жемчугом заменены орешки²
 И мускус вместо роз вокруг осыпал прах,
 Он был в мешочках скрыт; мешочки — в жемчугах.
 Сокровищ блещущих разбрасываяклады,
 Так довели Ширин до городской ограды, —
 И этой рассыпью, что разметал Хосров,
 Тугой подол земли был полон до краев.
 Шла, как весна, Ширин, всех предавая чарам,
 И каждый шаг ее встречался новым даром.
 Дирхемы сыпал царь, повсюду их стеля, —

Была под серебром, как в чешуе, земля.
 И вот вошла Ширин, к венчанию готова,
 Как Солнце в знак Тельца, — в пристанище
 Хосрова.

Мобедов царь позвал. Все ведают они
 Обряды царские в торжественные дни.
 Им царь поведал все; его услышав слово,
 Душа внимающего служить Ширин готова.
 «Ширин супругою и другом стала мне, —
 Нет вена для нее достойного в стране.
 Она чиста, хоть я пылал в безмерной страсти.
 Она сыскала путь все отстранить напасти.
 Я должное свершу, пред ней покорно нав,
 И, ею возгордясь, я тоже буду прав.
 Чтоб слаще пить вино, ты будь при этом с розой
 Двум птахам и гроза не кажется угрозой,
 И если у вола нет пары под ярмом,
 К чему послужит плуг? Подумай-ка о том».
 И все внимавшие челом коснулись праха,
 И все одобрили решение шаханшаха.
 Взяв за руку Ширин, сказал мобеду царь:
 «Садись». И все слова, что полагалось встарь
 Сказать, сказал мобед по правилам устава, —
 И вено за Ширин назначил величаво.
 И в жены взял Ширин с обрядностью такой,
 Царь в занавешенный послал ее покой.

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИНИ

Всем розам небеса, сперва сказав: «Пробудим
 Вас в день весны», — потом их предлагают людям.
 Великий рок, венцу жемчужины дая,
 Венец в жемчужинах наденет на царя.
 Пловцы ныряют вглубь на поиски жемчужин, —

Чтоб стал жемчужин блеск с венцом царевым
дружен.

Стан слаще, чем джуляб, прекрасней, чем перй,
Ширин, позвав царя, промолвила: «Бери,
Пей сладкий кубок мой, пребудь в истоме Сладкой.
Ты сладостно забудь все в мире, кроме Сладкой».

В словах, являющих величие и честь,
Ширин потайную царю послала весть:
«Не прикасайся ты сегодня ночью к чаше:
Два опьянения не входят в сердце наше.
Что яство для людей, чей ум затмит вино?
Поймет ли — солоно ль, не солоно ль оно?
Хмельной, найдя все то, к чему стремился страстно,
Промолвит: «Я был пьян, все бывшее — неясно».

И те, что во хмелю откроют свой замок,
Потом бранят воров, и все им невдомек».

По праву эта весть пришла к владыке мира.
«Исполню, — молвил он, — веление кумира».

Но пьют в веселый день!.. Будь сломлена печать!
Себя на празднике не надо огорчать!

Пел снова Некиса, бренчал бербет Барбеда, —
Звенела над Зухре их нежная победа.

То, полный сладости, пел мелодичный руд:
«Пусть делятся радости, пусть чаши все берут!»,
То кубок прозвенит, сверкая пред Барбедом:
«Всегда удачи свет тебе да будет ведом!»

И в сладостных мечтах о сладостной Ширин
Хосров испробовал немало терпких вин.

И промежутки царь все делает короче
Меж кубками. И вот проходит четверть ночи.

Когда же должен был, почтительен и тих,
К невесте царственной проследовать жених, —
Его, лежащего без памяти и речи,
К ней понесли рабы, подняя к себе на плечи.

И вот глядят Ширин: безвольный, допьяна
Царь упоен вином. Себя укрыв, она
Тому, кто, все забыв, лежит, как бы сраженный.

Другую милую отдаст сегодня в жена.
Она слитрала, что ж, — ты так же поступиай
С тем, кто придет к тебе, упиившись через край.
Из рола матери всегда жила при Сладкой
Старуха. Слово вождь была она повядкой.
И с чем ее сравнить? О диво! О краса!
Скажу: как старая была она лиса.
Две груди старая, как бурдюки, носила.
И плеч ушла краса, колени исчезла сила.
Как лук изогнутый, была искривлена
С шагренью схожая, шершавая спина.
Хвизол, несущий смерти! Кто глянул бы не косо
На щеки, — в волосках два колочих кокося.
Ширин, наден наряд на это существо,
Послала дряхлую к Парнису для того,
Чтоб зять, насколько царь повержен в хмель
могучий.

И сможет ли луну он отличить от тучи.
Старуха полога раздвинула края, —
Как будто из норы к царю выпозла змея.
Как сумрак хмурая, — таких не встретишь часто, —
Была беззубая, но все ж была зубаста.
Царю, когда к нему вошла сия лиса,
Уже овчinkою казались небеса.

Но все ж он мог понять, — он на усладу падкий:
Не так веселые ступают кулопатки.
Не феинке близится, — ворону видит он.
Влез в палатки Луны чудовищный дракон.
«В безумстве я иль силу?» — он прошептал
со стоном, —
Где ж поклоняются вот таким драконам?
Вот кислотица! Горбуница! Что за статья!
Да как же горькая сумела Сладкой стать?»
Хосрова голова пошла как будто кругом.
Решил он: сей карге он сделался супругом.
...Старуший слышней крик... Промолвила Луна:
«Спасти его! И вот к царю идет она.

К лицу прибавив семь искусных украшений,
Откинув семь завес, вошла; плавней движений
Не видел мир. Пред ней — ничто и табарзад.
Вся сладость перед ней свой потупляет взгляд.
Она, что кипарис, сладчайший из созданий,
Она — сама луна, закутанная в ткани.
Что солнце перед ней, хотя она луна!
Ста драгоценней стран подобная вестя!
Подобной красоты мир не смущали чары.
Все розы в ней одной, в ней сладости — харвары.
Она — цветы весны. О них промолвишь ты:
Одним счастливицам, знать, подобные цветы!
Блестящий Муштари пред ней померкнет. Пава
Пред плавною Ширин совсем не величава.
Ее уста — любовь. О, как их пурпур густ!
Но все же ее уста еще не знали уст.
Весь Туркестан попал в силос ее дурмана.
Лобзания Ширин ценнее Хузистана.
О розы свежих щек! Состав из роз, взгляни,
Завладал от стыда; его печальны дни.
Ты, томный взор, нанес сердцам бесчетным **раны!**
О поволока глаз! Ты грабишь караваны!
Ширин! Ведь ты — вино: уносишь ты печаль.
Нет горя там, где ты. Оно уходит вдали.
О сахар сахара, о роза роз! О боже!
Она явилась в мир сама с собою схожей.
И царь протер глаза: они ослеплены.
Так бесноватых жжет сияние луны.
И как безумцы все, смущен он был Луною,
И хмель сонного затянут глубиной.
... И пробудился царь. Ночью свершился ход.
Царь видит пред собой наисладчайший плод.
Невесту светлую ему послало небо, —
Пылающий очаг, назначенный для хлеба.
Ушел небиза хмель за тридевять земель.
Сладчайший поцелуй согал с Парвиза хмель.
Он словно вин пенял необычайных, новых.

И сад расцветших роз был сжат в руках царевых.
Лишь покрывало с уст, как эта ночь, ушло, —
Терпение царя мгновенно прочь ушло.
Краса весь разум наш вмиг обратит в останки.
Машй своим вином отравят китайки.
Ворвался в Хузистан в неистовстве ходжа,
Лобзаний табарзад похитил он, дрожа?
Таких расцветших вин, как эти, — не бывало.
Таких блаженных зорь на свете — не бывало!
И начал он собирать охапки сладких роз.
И сам он розой стал в часы веселых гроз.
И молвил он любви, что миг пришел, что надо
Уже вкушать плоды раскрывшегося сада.
То яблок, то гранат он брал себе к вину?
То говорил, смеясь: «К жасмину я прилну».
И вот уже слились два розовые стана.
И две души слились, как розы Гюлистана.
Сок розы в чашу пал, о радости мола,
И сахар таять мог в плену у мишдаля.
Так сутки протекли, и вот вторые сутки.
Нарцисс с фиалкой спят, и сладок сон их чуткий.
Так два павлина спят в тиши ночных долин...
Понистие красив склонившийся павлин!
Они, покинув сон, прогнав ночные тени,
Послали небесам немало восхваленый.
И, тело жаркое очистивши водой,
Молитвы должны свершили чередой.
Все близкие к тому, кто был на царском троне,
Окраской свадебной окрасили ладони:⁴
В хие руки Сементурк, в хие руки Хумаюн,
В хие руки Хумейлы, и лик их счастья — юн.
Оджды царь сидел в своем покое, взглядом
Окидывая дев, с ним восседавших рядом.
Им драгоценности он рбдал. Запыхала
В их ожерельях за лалом рдяный лал.
Он отдал Хумаюн Шапуру, — сладким садом
Его он наградил, сладчайшим табарзадом.

Затем дал Хумейлау парь Некисе, а велед
 Красотку Семистурк в дар получила Барбед.
 Ид, а Хотан-Хатуи премудрую и видом
 Прелестную Хосров связал с Бузург-Умидом.
 С почетом отдал царь Шапуру всю страну,
 В которой некогда шлепа Михин-Бану.
 Когда вступила Шапур в предел своих владений,
 В них множество воздвиг прославленных строгий.
 Та крепость в Дизакне, чья слава немала,
 Шапуром, говорят, построена была.
 И одаряет шпиль востростью Хосрова
 Благожелательство небесного покровя.
 Сверхменя, молодость и царство — лучший уз
 Вовек не видел мир, чем их тройной союз.
 И дня без лютии нет, и ночи нет без кубка...
 Все в мирных днях забыть, — нет правильной
 поступка.

Лишь радости вкушай, их так приятен вкус, —
 И огорчений зная забудешь ты вкус.
 Он пил, дарил миру, он радовал народа,
 И в наслаждениях текли за годом годы.
 Когда ж прошли года, и духом он прозрел,
 То устыдился он всех дерзновенных дел.
 И белый волос встал у шек нежданым стражем.
 «О молодость, прошай!» — его увидев, скажем.
 Быть в мире иль не быть? Грашша — волосок.
 И волосок — седой. И час твой — недалеко.
 Для взора смертного все чернотой одето,
 Лишь только до зари, до вспыхнувшего света.
 Мы греемся в саду, пока снежинок рой
 Не ляжет на листву серебристой камфарой.
 Постигни молодость! Она — паланье страсти.
 Весь мир, вкусная страсть, в ее всецелой власти.
 Но седовласый рок возьмет права, и он
 Твою изгонит страсть. Таков его закон.
 •Как быть? — у старика спросил красавчик
 с жаром, —

Ведь милая сбежит, когда я буду старым.
 И отвечал старик, уже вкушавший тишь:
 «Друг, и старости ты сам от милой убежишь».
 Ель, ртуть на голове, — она бежит от мира,
 Бежит от серебра напрасного кумира.
 От мрака локонов печаль умчится влады.
 Черноволосых взор, — пугает он печалью,
 Войска тоски бегут вперед тобой, публец.
 Ведь только радуясь, живет любой публец.
 Окраска черная глазам на пользу: рьян
 И радостен, юнец стремится в Индостан.
 Все понял царь и вял он белому жасмину.
 Он в юных днях — как я — постиг свою кончину⁶.
 Хотя Хосров сдержал любой бы свой обет, —
 Но мир обманывал, и царь страшился бед.
 То на златой доске он в пард играл, то бегом
 Шедбиза тешился, былым отдавшись негам.
 То он Барбеда звал, то слушал водомет,
 То обнимал Ширин, как бы вкушая мед.
 Ширин и царский трон, Барбед и бег Шедбиза, —
 Излюбленный предел всех радостей Парвиза.
 И вспомнил он, смутясь, все предвещавший сон,
 И сад его души был мраком поленен.
 Все то, что создали, он знал, земля и воды,
 Хоть так прекрасно все, — сотрут, разрушат годы.
 До полнолуния растут лучи луны,
 Потом — уменьшатся, потом — уж не видны.
 Я дереву в саду, в саду плодовом внемлю:
 «Созревшие плоды повергну я на землю».

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗНАНИИ

Был светлый день; Ширин про мудрость, про дела
 Правления с царем беседу повела:
 «О царь! Есть мудрецы, по их направься следу!

О справедливости давай вести беседу.
Стремился долго ты мечты осуществлять,
Ты чаянья свои осуществишь опять.
Ты милостиво дал ивести твоим пределам. —
Но их не погуби несправедливым делом.
Страшнее! Отшельники молитвословный жар
Вздывают с просьбою о ниспосланных кар.
И старой жевины молитва на рассвете
Тебя за зло твое в тугие схватит сети.
Без пользы закришишь, горю глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев.
Была древле ряд зеркал в руках владык
взнесенных, —

Зеркал, затмившихся от вздохов угнетенных.
Когда счастливым дням с тобой не по пути,
Удачу не во всем сумеешь ты найти.
Когда листок дерева уже свисает хилый,
В нем с ветром осени бороться нету силы.
Насилия не чини, не угнетай свой край
И подданных своих приветливо ласкай.
Я в страхе: может быть, то повторится снова,
Что некий царь сказал. Его я помню слово:
«Я счастьем был храним, — оно ушло, и вот
Оковы разомкнул озлобленный народ».
Он думал, что народ был обделен вселенной.
Он думал, что владел один лишь он вселенной.
Чванливо думая, что в жизни все течет
Лишь только для него, — утратил он почет.
Другой счастливцев встал, — и царь, всем неся
муку,

С напрасною мольбой протягивает руку.
А если б не явился он сотней жал народ,
Его бы одного всегда желал народ.
Ты знаньем овладел и царством целым тоже,
Ты с черным волосом, но ведь и с белым тоже.
Будь к вечности готов, дни хрупки и легки...
Недолог твой привал, — увязывай тюки.

Ты злато с серебром сольешь в единый слиток,
Но судный день согрет сокровищ призабыток!
Храни тебя господь, но все же, посмотри,
Что унесли с собой ушедшие цари?
Когда хранишь свой скарб, то он твой враг
и мститель.

Раздашь его, и он — твоих путей хранитель.
Ты летопись прочти: где Дарий, где Джемшид?
Всех солнечный огонь посменно сокрушит!
Напевов девяти внимаю всем усладам,
Ты умудряй свой дух их сокровенным ладом».

ВОПРОСЫ ХОСРОВА К БУЗУРГ-УМИДУ И ЕГО ОТВЕТЫ

Когда узнал Хосров, что драгоценный друг
Желал бы, чтоб вошел он в постижений круг, —
Бузург-Умида он к себе призвал, — и снова
Его душа внимать учителю готова.
«Надежда всех людей, Бузург-Умид! Меня
Ты обнадежь, явив свет мудрого огня.
Мне тайну разъясни первичного движенья.
Для нас его закон — начало постиженья».

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

«Первоначальный свет, — тот вымолвил, — таим.
Во тьме пред первую завесой мы стоим.
От позже созданных свет скрыт первоначальный.
Первоначальное таит Первоначальный».

БАКОВО НЕБО

Миродержавный царь спросил его опять:
 «Две равноднотности ждал бы я познать.
 Свод неба разъясни; внутри его — природа,
 Свою царя создавшая, а что ж — вне небосвода?»¹
 И тонкомысленный проговорил в ответ:
 «Так высоко взлетать, о царь, не надо, нет!
 То, что вне купола, доступно только богу.
 Ты ж, смертный, позабудь к безвестному дорогу.
 Все то, что в сем шатре, — для смертных рождено,
 Земное! Тьши его нам постигать дано»².
 Об образах всего, что недоступно глазу,
 И мыслить дерзостно не следует ни разу.
 Пусть шепчут мудрецы, свои толкуя сны,
 О всем таинственном, — их доводы темны.
 Свод неба, словно маг: своим волшебным словом
 Для нас все тайное задержнул он покровом».

ТЕЛА ЗВЕЗД

Царь молвил: «Оседлав животных неземных,
 Несется звездный строй — поведай мне о них.
 Я каждую звезду считаю миром цельным
 С землею собственной и с воздухом отделенным»³.
 Ответ: «Так мыслили мыслители земли, —
 Но достоверным все ж мы это не сочли.
 Проверены тела и звезды в их просторе, —
 Мудрей тебя итог письмеи обсерваторий».

НАЧАЛО ЖИЗНИ И ЗАГРОбНАЯ ЖИЗНЬ

Спросил он: «Для чего возникли мы из тьмы,
 Откуда мы пришли, куда умчimsя мы?»
 «От века тайна, царь, все это покрывала, —

И ты предвечного не трогай покрывала,
 От стала первого наш путь уже далек,
 Как мы укажем стан, не ведая дорог?
 Когда покинешь всех, столь обремененных бедам,
 Тебе и твой состав и путь твой будет ведом».

УХОД ИЗ МИРА

«Ты жемчуг, — молвил царь, — ты царств моих краса.
 Ты море — и стремишь ты мысли паруса.
 Скорблю: уснувшие, покинув область бдений,
 Нам не поведали о тайне сновидений».
 И молвил мудрости запечатленной страж:
 «Тот полноценный мир действителен, как наш»⁴.
 Тех звуков не вместить земным твоим сербстам.
 Их несозвучен строй с твоим полуданным светом.
 Чтоб оживить огонь, — его дышаньем тронь,
 Но, в воду погрузив, погасишь ты огонь».

О ВЕЧНОСТИ ДУШИ

Умело заданный вопрос и сложный снова
 Услышал мудрый муж от светлого Хосрова:
 «Коль мир, как нашу плоть, и души взять готов,
 Что ж с нами борется он в тьме тревожных снов?
 И коль от наших тел отъял все души кто-то,
 То где ж они, скажи, ведь им не стало счета?»
 «О царь, — ответил тот, — для глаза есть предел, —
 Нам души не видны вне полновесных тел.
 О душах вне телес оставим размышленья»⁵ —
 Нельзя без циркуля определить движенья.
 Вне циркуля телес душа людей волыла:
 Движенье циркуля небесного она».

О СОЗЕРЦАНИИ ТЕЛ ВО СНЕ

Царь молвил: «Коль душа действительна, и тело
Ее обличьем изменчивым одело, —
То что за облики нам видятся во сне?
Кто сберегает их, кто движет в тишине?»⁹
Сказал Бузург-Умид: «Свидетельств есть немало,
Что помним смертных мы, которых уж не стало.
И так как памятью ты покунаешь сон,
То души каувших к тебе приводит он».

ВОСПОМНЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ
О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Царь вымолвил: «Скажи, я, не причастный к жизни,
За гробом вспомню ли о каувшей отчизне?»
Премудро прозвучал наставника ответ:
«О ты, что льешь на мир свой величавый свет,
Ты тот, кто перед тем, как снизойти к народам,
Как светоч проходил высоким небосводом».
Но если спросим мы про лик небесный, ты
Не вспомнишь ни одной благой его черты.
Страшусь, что в некий день, уйдя в нине дали,
Забудешь ты черты сей области печали.
Забывший, как текла над ним былая почь,
Не вспомнит, какова земная злая почь».

КАКОВЫ ЗЕМЛЯ И ВОЗДУХ

Царь молвил: «Для земли небес коловращенье,
Как и для воздуха, имеет ли значенье?»
«Спроси у мудрости, чей вековечен свет.
Что воздух? Что земля? — услышал он ответ, —
Ведь воздух вылетает от вздоха и от взмаха.
Земля, о царь, — земля: она не стоит праха.
Вселенной первый плод была земля. Внемли:
Род человеческий — последний плод земли»⁹.

О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ПРИ ПОМОЩИ
РАВНОВЕСИЯ

Царь молвил: «О мудрец, науку врачеванья
Мне разъясни, яви ее истолкованья».
«Проникновенный царь, — был отклик мудреца, —
В себя вместивший мир без края и конца!
Наукой этой, царь, одна хранима тайна.
Велением небес нам эта зрима тайна.
На пользу должно нам вкушать любую снедь,
Но меру должную нам следует пмечь.
Посту и пиришеству назначена преграда.
Знай равномерность ты, и большего не надо.
Читал я некогда рассказ, не помню чей:
Дошли два спутника до сладостных ключей.
Один почти не пил: ведь влага гложет жизни.
Всечасно пил другой: ведь влага множит жизни.
Без соразмерности, всем людям дорогой, —
От жажды умер тот, от жадности — другой».

КАК ДУША ВЫХОДИТ ИЗ ТЕЛА

Сказал он: «Разъясни, каким путем безвестным
Взлетают души ввысь к пределам бестелесным?»
Ответил тот: «О том, чего не зрел, молчу.
И лишь о слышанном поведать я хочу.
Четыре, слышала я, премудрые мобеда
Сошлись, и потекла их жаркая беседа.
Все спорили о том, как в скорбный час конца
Уносится душа из тела мудреца».

УПОДОБЛЕНИЕ ПЕРВОГО МОБЕДА

Один сказал: «Сей миг не омут ли бездонный,
В котором сияющий дух во мрак затянут сонный?»¹⁰
Все хочет вынырнуть уснувший человек

Из мглы мучительной, по все не вскинет век.
Когда же тяжкий мрак он разомкнет, натужась,
Он вспоминает сон, как вспоминают ужас».

УПОДОБЛЕНИЕ ВТОРОГО МОБЕДА

Второй мобед сказал: «Час смертный — как дворец,
Который до небес наш выстроил творец.
Но падает с него рожденный в темном прахе,
И за зубец стены хватается он в страхе.
Превозмогая боль изнеможенных рук,
Он ждет падения, он ждет безмерных мук.
Хотя вся мощь его пропасть уже готова,
Все ж руки вокруг зубца он напрягает снова.
Но силы больше нет, все близится конец.
И с ним летит во мглу расшатанный зубец».

УПОДОБЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО МОБЕДА

И третий говорит: «Так смерть представить надо:
Пастух в предел волков свое направил стадо.
И волк схватил овцу, и, напрягая дух,
Со зверем борется из-за овцы пастух,
И гнет он овцу, и тянет все без толка,
И гнет волк овцу, и крепки зубы волка.
Волк ловчее пастуха, его хитрей, — и вот
Пастух в отчаянии свои одежды рвет».

УПОДОБЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОГО МОБЕДА

Четвертый говорит: «Скажу о часе мрачном,
Я вижу: человек простерт на ложе брачном.
Он к милой льнет жене, но с ней не сладкий сон,
А жар безумия — и с ней в боренье он.
Как позабыть ее? — она его услада».

Как укротить ее? — с безумством нету стада.
Но вот в неистовстве она уж такова,
Что он бежит, как лань от яростного льва».
Вот так плели они снов темных вереница,
Прочтя обрывки слов, не ведая страшна,
И каждый в смертный час был ужасом облят:
Казался им пшым окровавленный нат.
Вы сказов множеству про смертный час не верьте,
О люди! Смертный час узнаете при смерти
И лишь пророков ряд, тот посетивших сает,
На скорбный наш вопрос сумел бы дать ответ».

О НАЗНАЧЕНИИ ПРОРОКА

И царь спросил о том, кто — послан светлым
роком —
Возвышеннейшим стал и славным пророком:
«Кто он, сей человек, что меж арабов чтим?
И, веруя, как встарь, чем связаны мы с ним?»
И прозвучал ответ: «Вне облачного крова,
Вне дней и вне ночей его благое слово,
Под куполом небес мир порождает нас.
Вне купола звучит его призывный глас.
Про звезды он молчит, про небо не вещает:
Он ученик того, чья длань их созидает.
Свод девяти небес он перешел, — и я
Молчу о нем: ведь мне безвестны те края.
Восторг арабов, царь, измерь ты верной мерой:
Ведь в вере — истина; шутить не надо с верой».
И вот от пламени правдивых этих слов,
Как мясо над костром, загорчился Хосров.
Но так как ершиный путь Хосрову был неведом,
Не дав него был глас, подъятый Мохаммедом.
Услышала Ширин, что дружески мудрец

Открыл царю царей познания ларец
И, восхваляя его и вознеся высоко,
Сказал: «Наших дней всевидящее око!
Отдав царю весь клад роскошных недр земли,
Мне драгоценности хоть горстку удели.
Ключ, чтоб расторгнуть плен тяжелых уз,
найди мне.
Нам о Калиле ты напомни и о Димте»¹.

СОРОК ПРИТЧ ИЗ «КАЛИЛЫ И ДИМНЫ»
С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ СОРОКА
ТОНКИХ МЫСЛЕЙ

Как роза пышная, расцвел Бузург-Умид,
Что много знания и мудрости хранит.
И начал сорок притч¹ рассказывать, и слова
Он мысли тонкие в свое влагает слово.
Сказал он: «Лишь себя ты бойся — не других.
Шатраба бык в котлах не вражеских затих².
Книжь страсть. Будь без нее — и будешь без изыщца,
Зажатая в тиски, погибла обезьяна³.
Остерегайся, — мир введет тебя в обман.
Лисница, съедь лица, прогрызла барабан⁴.
Ты не горюй, не будь ты скупостью объятим
Святошей, — он весь век скитался за халатом⁵.
Ты договори чти, чти дружеский приют,
Иль воздадут тебе, как змеям воздают⁶.
Коварный встретит смерть, всю выпив скорбь
до капли.

Клешиною острой рак сжал горло лживой цапли⁷.
Не лихоимстуй, нет! Ведь лиходез-льва
В колодезь кролик шверг, хоть видим был едва⁸.
Как будто мертвым став, ты избежишь невзгоды.
Ведь рыба, сделав так, в свои вернулась воды⁹.

Волк, ворон и шакал, одну составя власть,
Верблюда бедного послали тигру в пасть¹⁰.
Преодолей врага, с ним в хитрости поспоря, —
Ведь птица Титави перехитрила море¹¹.
Про черепаху сказ, про уток и про жердь:
Раскрыв болячивый рот, порой встречают смерть¹².
Доверчивость отбрось, хоть дух твой к ней
стремится, —

Меж обезьянх лап доверчивая птица¹³.
Чужого не стяжай, ведь даже простеца
Не обмануть: прочти про алчного купца¹⁴.
Путь хитрый хитрецу не открывай ты в ласке, —
Лягушка, мстя змею, сама попалась ласке¹⁵.
Ты хитрости оставь, не слушай хитреца, —
Не съела медушь мышь, гриф не унес юнца¹⁶.
Условным знаком плащ лишь дурин отмечали.
Свой злополучный плащ художник сжег в печали¹⁷.
Составит знающий настой целебных трав.
Невежду отстрани, страшись его отрав¹⁸.
Разумный разорвет суровых дней обузы,
Как умный вяхирь смог сетей расторгнуть узы¹⁹.
Чти верность. Посмотри: мышь перегрызла сеть.
Ей ворон помогал²⁰. Так можно все суметь!
За все, что взял, плати с лихвою и проворно.
Мышь золота дала отшельнику за зерна²¹.
Самоуверенным не будь. Прочти главу,
Где волк убит стрелой: схватил он тетиву²².
Ты жадность подави, она тебя изложжет,
С разумным вороном сова дружить не может²³.
И малою врага выслеживай следы:
И заяц смог слонов оставить без воды²⁴.
И жадность и обман — опасная дорожка.
Две твари сожрала, став их судьюю, кошка²⁵.
Страшись! Обманщикам дар живописцев дан
От этих кошек лсом покажется баран²⁶.
Приязнь ценнее ссор. Склонилась от испуга,
Забыв свой гнев, жена в объятия супруга²⁷.

Ты цел: твои враги враждуют меж собой.
 Отшельник был спасен: джин с вором вышли в бой²⁸
 Не застилай свой взор мечтаний пленею.
 Доверчивый столяр обманут был злодею²⁹.
 К злодею не стремись, коль сам ты не злодей.
 Мышь стала девушкой, но мышь ей всех милей³⁰.
 Стремись в обратный путь, мирские бросив страхи.
 Вездь обезьяна так спаслась от черепахи³¹.
 Беспечным ты не будь в земном своем пути.
 Ослу от злой лисы спасенья не найти³².
 Неведомый доход считать нельзя доходом.
 Мечтающий бедняк разбил кувшинчик с медом³³.
 Тому неверному не следуй, чья рука
 Убила кроткого и верного зверька³⁴.
 Казнить не торопись, внимай мольбам с уступкой.
 Убийца-голубок заплакал над голубкой³⁵.
 Ты с осторожностью беги земной страды,
 Мышь с осмотрительностью вышла из беды³⁶.
 Ты в выси возлети из темного удела,
 Как птица Кубарре за облако взлетела³⁷.
 Являя истину, избегаешь ты меча,
 Лев зверя честного не тронул сгоряча³⁸.
 Не утрашась врага, свершая добро, читая:
 Того, кто спас змею, змея спасает злая³⁹.
 Судьба берет в расчет людей различных сап.
 Сын царский, сын купца, — удел им разный дан⁴⁰.
 Не заострай когтей: смерть воздаст сторицей.
 Убили львят, смеясь над их искормившей львицей⁴¹.
 И мастер слов явить сей дивный клад был рад.
 Стал дух царя ларцом, хранящим этот клад.
 И вот под веяньем возвышенного слова
 От дел неправедных прочь повлекло Хосрова.
 И справедливости, что некогда спала,
 Основа крепкая заложена была.

МУДРОСТЬ И НАСТАВЛЕНИЯ НИЗАМИ

О сердце мудрости, зажги свечу познания
 И поклонись огню — началу мироздания.
 Ты просвети свой дух моей души огнем:
 Мой дух — в душе огня, я — пребываю в нем.
 Хоть я и немощен, в михрабе мира кроюсь,
 Но сотню мудрецов я все ж заткну за пояс.
 Есть у меня слова всей мудрости земной, —
 Я открываю их склоненным предо мной.
 Постигнут мной весь круг крутящейся вселенной,
 Вся сущность бытия, все тайны жизни тленной.
 Все начертанье звезд, всю мысль небесных книг
 Я астролябией премудрости достиг.
 Меня о тайнах звезд кто спрашивал напрасно?
 Всем разъяснял я все, все становилось ясно.
 Взгляни на небосвод, он предо мной возник —
 Сей полный звездами, сей вековой цветник.
 Познаюем цветника я наполняю души,
 Я разъясняю всем, — всем, кто имеет уши,
 Первоначальное движенье точки той,
 Что стала не одной впоследствии чертой.
 Когда с чертой черта соединилась — ведом
 Мне их предвечный путь, — возникла плоскость
 следом.
 Прошли три линии вокруг центра — я ль неправ?
 И плоскость расцвела, объемным телом став.
 Черта — и плоскость вслед; затем тела вставали:
 Три измерения тела образовали.
 Весь мир я разъяснил в его устройстве: он
 С начала до конца размером сотворен.
 Так мысль моя умам сей путь предназначала,
 Чтоб был постигнут мир и все его начала.
 Предела в мире нет лишь только для творца,
 Нет бытию творца начала и конца.
 Познай творца. Поверь: в огне такого знания
 Прозрачней кажется завеса мироздания.

Самопознания путь: создателя любя,
 В стремлении к нему познаешь сам себя.
 Так близко зеркало, а небосвод далеко.
 Забудь о нем, вперед лишь в отражение око.
 Подсвечник — небосвод, а ты свеча, ты свет.
 Но мира два в тебе. Послушай мой совет:
 Скрой тайны, Низами. Сейчас твое призванье —
 Вести по-прежнему свое повествованье.

ОПИСАНИЕ ШИРУЙЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

Хосров премудрости достигнул высоты,
 И наглухо забил он лавку суесть!
 Был у Хосрова сын от Марiana. С пеленок,
 Дыша, он дурно пах. Казалось — это львенок!
 Он звался Шируйе. Знал я и ведал свет,
 Что он, когда ему лишь девять было лет,
 Промолвил про Ширин во дни отцовской свадьбы:
 «Ширин под пару мне! Вот мне кого поймать бы!»
 О вере ли его поведать, о любви,
 Про знание иль про злость, горящую в крови?
 Весь наполнял дворец он мрачным дымным смрадом.
 И на него Хосров взирал суровым взглядом.
 И так сказал Хосров: «Мудрец Бузург-Умид!
 От сына этого душа моя скорбит.
 Он отвратителен, а в некие минуты
 И страшен. От него в грядущем жду я смуты.
 Злокозен он, как волк, что рыщет, что не сыт:
 Он и для матери опасности таит.
 Хорошего не ждать от тех, кто полон скверны.
 Все в пепел обратит огонь такой неверный.
 Кого бы речью он сумел к себе привлечь?
 Ему лишь самому его приятна речь.

Нет фарра, сана в нем. В нем только смрад пожара.
 Он на фарсанг бежит от сана и от фарра.
 Он дым, всклбившийся из моего огня.
 И, мною порожден, бежит он от меня.
 Я голову в венце вознес над целым светом,
 Но, коль наследник он, — какая польза в этом?
 Не любит он Ширин, сестер не любит он.
 И, глядя на меня, он злобой омрачен.
 Что красота ему! Он, что осел: закрыто
 Ослу прекрасное. Ему милей корыто.
 Змееныш мною рожден, так, стало быть, и я —
 Наверно, думает мой «славный» сын — змея.
 Чтоб сделаться плодом, цветок возник не каждый.
 И сладость сахара сокрыл тростник не каждый.
 В былом отцеубийц немало я найду.
 Железо — из руды и все же бьет руду.
 И множество чужих с врожденным чувством чести
 Нам ближе, чем родня, исполненная лести.
 «О прозорливый шах! — сказал Бузург-Умид. —
 Твой ум — познать и свет и тьму тебя стремится.
 Пускай твоя душа в нем злое примечала,
 Но сущности твоей в нем кроются начала,
 Ты с сыном не враждуй, на нем твоя печать.
 От кровной связи кровь не надо отлучать.
 Никто не станет, шах, бить дерево граната, —
 В венце своих плодов горит оно богато.
 А тута деревцо и треплют и трясут, —
 Ведь головою вниз детей повесил тут.
 Ты благ — и сын твой благ. Ведь слепок самый
 точный
 Сажаемый чеснок — и взросший плод чесночный.
 Когда кроят парчу, владыка, то к чему
 Обрезки отвергать? Берут их на кайму.
 Пускай строптив твой сын, забудь свои невзгоды.
 Строптивость не страшна — ее смиряют годы.
 Он юн. Но буйных дней прочтится череда, —
 От буйства в старости не станет и следа».

ПРИТЧА

Вот видишь ты цветник в благом сняньи дня,
 Под солнцем дышит он, прохожего маня,
 И вдруг угрюмый гром обрушен бурной тучей,
 И кровь струит рейхан под молнией летучей.
 Опустошился сад, проснулся садовод.
 Все розы поломал поток бурлящих вод!
 Заплачет садовод и литься станут слезы:
 Течь розовой воде, когда не стало розы.

ПРОБУЖДЕНИЕ ШИРИН

Кровавый ток лился, все расширялся он...
 Нарциссы глаз Ширин свой позабыли сон.
 Порой, в былых ночах, о горестях не зная,
 Она бросала сон при сладких звуках сна.
 А ныне — не гляди, зль сердце заболит!
 Кровь жаркая царя проснуться ей велит.
 Как птица, вскинулась от хлынувшего света.
 Ее ужасный сон ей предвещал все это.
 И сорвана Ширин с Хосрова пелена, —
 И видит кровь она, и вскрикнула она.
 Увидела не сад, не светлое создание:
 Встречает взор ее разрушенное здание.
 Престол, что без венца, ее увидел взор,
 Светильник брошенный: все масло выкрал вор.
 Разграблена казна, ларец лежит раззятый,
 Войска ушли. Где вождь? Сокрылся их вожатый!
 И мраком слов своих Ширин чернила ночь
 И плакала; затем пошла неспешно прочь.
 И с розовой водой вернулась к изголовью,
 Чтобы омыть царя, обрызганного кровью.
 Льет амбру с мускусом, — и крови больше нет.
 И тело царское сверкает, словно свет.

И тот последний пир, что делают для властных,
 Устроила Ширин движеньем рук прекрасных.
 И, ароматами овеявши царя,
 На нем простерла ткань алее, чем заря.
 Усопшего царя как будто теша взора,
 Надела и сама роскошные уборы.

ШИРУЙЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ШИРИН

Для сердца Шируйе Ширин была нужна,
 И тайну важную да ведает она.
 И молвил ей гонец, его наказу вторя:
 «С неделю ты влачи гнет выпавшего горя.
 Недельный срок пройдет — покинув мрак и тишь,
 Ты двухнедельною луной мне заблестишь.
 Луна! В твоей руке над миром будет сила.
 Все дам, о чем бы ты меня ни попросила.
 Тебя, сокровище, одену я в лучи,
 От всех сокровищниц вручу тебе ключи».
 Ширин, услышав речь, звучащую так смело,
 Вся стала, словно нож, вся, как вино, вскипела,
 И молвила гонцу, потупясь: «Выждем срок!»
 Так лжи удачливой раскинулся синок.
 И скоро Шируйе такой внимает весте:
 «Когда желаешь ты царить со мною вместе,
 Ты соверши все то, что я тебе скажу.
 Я благосклонностью твоею дорожу.
 Уже немало дней я чувствую всей кровью,
 Что я полна к тебе растущей любовью.
 И если в дружбе я, как ведаешь, крепка, —
 Все для меня свершить должна твоя рука.
 В своих желаниях я так необычайна, —
 Но есть в них, Шируйе, мне сладостная тайна.

В тот час, когда с тобой соединимся мы,
 Я все тебе скажу среди полночной тьмы.
 Прошу: ты пышный свод дворцового айвана
 Снеси, хотя достиг он яркого Кейвана.
 И дальше: повели, чтоб выкинули вон
 Из царского дворца Хосрова древний трон,
 Чтоб след могущества разрушили, чтоб рыно
 Взыграл огонь и сжег весь пурпур шаурвана.
 Джемшида чашу, царь, вели сломать, чтоб к ней
 Не мог нас привлекать узор ее камней.
 И коль Парвиза власть уже не ширит крылья,
 Пускай Шебдизу, царь, подрежут сухожилья.
 Когда исполнят все, исполнят все подряд, —
 Пусть погребения свершается обряд.
 Дай шахматы царя из яхонтов на зелье
 Целебное — сердцам подарить ты веселье!
 Пусть голубой подное разломат, — бирюза
 Пусть в перстнях и серьгах всем радует глаза.
 Не слушай, как Хосров, ты без конца Барбеда,
 Навек нагони ты из дворца Барбеда.
 Когда моих забот исчезнет череда,
 Служением тебе так буду я горда!
 И я склопясь к тебе той сладкою порою
 И тайну замыслов, как жоввила, открою.
 И сердце Шируйе отрадою полно.
 По слову Шируйе все было свершено.
 Все замысли Ширии свершились друг за другом:
 Все сделал Шируйе, чтоб стать ее супругом.
 «Твой выполнен приказ», — услышала она.
 И пылом радостным прекрасная полна.
 Все из вещей царя, все из одежд царевых, —
 От обветшалых риз и до паридов новых, —
 Все нищим раздавать велит она скорей.
 Все на помни души — души царя царей.

СМЕРТЬ ШИРИИ В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

Заря меж облаков встает не в зыби ль сладкой?
 Но сладкий день, взойдя, принес погибель
 Сладкой.

Хабешский негр, во тьме несущий камфару, —
 Рассыпал тук — и луч прошел по серебру¹.
 Из крепости смотрел на месяц чернокожий, —
 И вдруг оскалил рот, смеясь, как день пригожий².
 Вот кеянидские носилки, лишь заря
 Блеснула, — сделала царица для царя.
 Носилки в золоте; в кемарское алоз³
 Рубины вправлены, напоминая былое.
 И царь, как повелед времен древнейших чин,
 На ложе смертное положен был Ширин.
 В назначенный покой, Ширин услышав слово,
 На царственных плечах цари внесли Хосрова.
 И там пред мраморным бесчувственным лицом
 Носилки обвили торжественным кольцом.
 И каждый палец стал у бедного Барбеда
 Калам расщепленный. Весь мир был полон бреда!
 На этот хмурый мир взирал Бузург-Умид.
 Он, миру верящий, от мира ждал обид.
 Стенал он: «Небеса да внемлют укоризне:
 Лишился жизни шах, — и нас лишил он жизни.
 Где всех народов щит? Где слава всех царей?
 Где стяг и острый меч, что всех мечей остей?
 Где тот, чья на миру легла победу риза?
 Где скрылся наш Кисра? Где нам сыскать Паравиза?
 Коль к переезду ты далекому готов,
 Равно: Джемшид ли ты, Кисра, или ты — Хосров!»⁴
 Прислужниц и рабов понура вереница,
 Средь них, как кипарис, идет Ширин-царица.
 В кольце ее серег сокровища морей,
 На плечи за кольцом легло кольцо кудрей.
 Насурьмленных бровей растянутые дуги,
 Хной, как пред свадьбою, окрашенные руки.

И золотой покров течет с ее чела,
 И ткань Зухре огнем вдоль стана потекла.
 Кто мог бы смертные так провожать посланки?
 Прохожих опьянял и страстный взор и пылкий.
 Как опьяненная, сопровождала прах,
 Идя с припляскою, как будто на пирах.
 Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:
 «Не в горести она от гибели Хосрова».
 И думал Ширубе, в себе таящий тьму,
 Что сердце Сладостной склоняется к нему.
 И всю дорогу шла с припляскою царица.
 Вот купол перед ней... Вот шахская гробница.
 Рабыни скорбные столпились за Ширин,
 Роняя жемчуг слез на щеки своих жасмин.
 Внесли царя под свод. Вкрут сумрачного ложа
 Встал за вельможею, безмолвствуя, вельможа.
 И у Ширин жрецом был препоясан стая
 И в склеп вошла Ширин — и ею знак был дан
 Гробничный вход прикрыть. И вот в наряде атом
 К носилкам царственным идет она с кинжалом.
 И, рану обняв носителя венца,
 Прижала алый рот ко рту ее рубца.
 И так же в печень, в бок царица захотела
 Свой погрузить кинжал, свое пронзая тело.
 И дожде царское ее покрыла кровь,
 Как будто кровь царя, растекаясь вновь.
 И вот она с царем без возгласа, без речи,
 Уста прижав к устам, к плечам прижавши плечи.
 Но вскрикнула она, от рта отъявши рот...
 И слышит за дверьми сгрудившийся народ,
 Что две души слились, что в теле нету муки,
 Что нет в душе тоски, что нет сердцам — разлуки.
 Тебе, чьим пламенем для смертных озарен
 Был этот брачный пир, — да будет сладок сон!
 Пусть тот да ошутит всевышнего десницу,
 Кто тихо вымолвит, прочтя сию страницу:
 «Аллах, оберегай могильный этот прах!

Двух пламенных прости, о благостный алах!
 Осанина Сладостной, осанина сладкой смерти!
 О смертные, любви, все победившей, верьте!
 Так умирают те, что страстно влюблены,
 Так души отдавать влюбленные должны.
 И женщина ли та, в которой столько воли?
 Муж с женщиною схож, когда боится боли,
 Порою сладостно бегущая с плеча
 Скрывает тканых львов изгибами нарча.
 Взмыл на дорогах зла самум слепой и дикий,
 Жасмин он оборвал, снес кипарис великий⁹.
 И тучи поднялись из-за морей беды,
 И грозы грянули из черной их гряды.
 И ветер из равнин как бы единым взмахом
 Весь воздух слил в одно с взысенным черным
 прахом.

Лишь о случившемся сумели все узнать. —
 Восславили Ширин. И возгласила знать:
 «Прославим это час! Земля в просторах злыхных
 Невест, подобных ей, рождай для пиршеств брачных!»
 Мутриба в Африке, мутриба на Руси⁸
 Создать подобный пир — царяспо не проси.
 ... Все, положив с царем прекрасный прах царицы
 Ушли и наглухо замкнули дверь гробницы.
 И размышляли все над сладостным концом.
 И на гробнице так начертано резцом:
 «Узнай Ширин, чей прах взяла сия могилка,
 Себя своей рукой в знак верности ублажа».

В ОСУЖДЕНИЕ МИРА

Пусть этот хладный мир сердца людей не чтут:
 Изменит каждому сей беспощадный плут.
 Хоть вам свои дары и даст он многократно,
 Но все обманщик злой возьмет у вас обратно.

Он сотней прелестей тебе прикажет жить, —
И мигом сам порвет послешней жизни нить.
Покуда ты стоишь, ты — талисман. С размаха
Надень, расколешься — и ты ничтожной праха.
Здесь, в паутине злой, в пристанище тюрьма
Нет шен без петли, ее узлами мы.
Как нам взлететь в петле? Кто наш предел так
сузил?

Затянутой петли мы не развяжем узел.
Аркана не сорвать отчаянья сынам.
Не вырвался никто, не вырваться и нам!
В суровой области стремиться ль к переменам?
Вам лучше прахом стать, измученные пленом!
Оплачем же себя, оплачем же, а то
Пад нашей участью не загрустит никто.
Все слезы лица Платон, все плакал днем и ночью,
А всю ведь истину увидел он вочуюю.
Спросили у него: «О чем твой плач и стон?»
«Не пдачу без причин!» — отвечивал Платон.
В сем мире, хоть он весь — дворец великолений,
Свои железные нам разомкнуть бы цепи!
Соблазны дней — враги; им не вверяйся, друг.
Они сбывают с пути, — все огляди вокруг,
Чтоб с этого гумна не взять ни горсти проса.
Опасно ли оно? Не задавай вопроса!
Как на осле Иса, и ты тоду покинь.
Ты под ноги быка земное просо кишь.
Быкоподобное нам угрожает небо, —
Что ж, на спине быка сложи припасы хлеба¹.
Хоть светишь ты звездой в зоблачной реке,
Но все же, друг, сидишь ты на земном быке.
О, скольким, в призраки уверовать готовым,
Пустынный солончак смертельным стал покровом!²
Э, скольким, кто упал с верблюда на песок,
Стал равен колоквиту и трав целебных сок!³
Небесный свод — тюрьма; в суровых латах мрея,
Там вьется Млечный Путь — сие подобье змея⁴.

Как тяжек рок людской: ты вырваться не смей
Из этих ярких уз, — а над тобою змей!
Сад сбросит свой покров, от холода несея,
И ты покляжу сбрось. Любить не надо змея.
Пусть нету радости в пределах пустоты,
Но благо есть и в том, что змея бросишь ты.
Зачем ты любишь то, что в горький час разлуки
Ты должен передать во вражеские руки?
Как умирает тот, кто с миром был знаком?
Иса — с достоинством, его осел — с пинком.
Не делай зла другим, ведь есть у зла споровка
В обмене зла на зло; оно торгует ловко.
Побегов новых рост, нам видимый едва,
Дает и птица жизнь, возносит и древа.
Движение всего, сражая дровосека,
Бьет и охотника. Так суждено от века.
Брось знамя⁵, тесен мир под сумрачным шатром.
Поводья натяни: конь этой жизни — хром.
Не дуй в пустую глуть плещущего ная,
Скинь пути; уходи, соблазны отвергая.
Зачем тебе страна, где душу давит страх,
Колодка шею жмет, а цепи — на ногах?
Пусть бытие течет — небытие с ним рядом,
И «есть» и «нет» прими с невозмутимым взглядом.
Где жены? Дети? Друг! Назначено судьбой,
Чтоб лишь до кладбища дошли они с тобой.
Пусть грустных спутников стенает вереница,
Лишь одного тебя твоя возьмет гробница.
И вымолвив «простия», уйдут твои друзья
По множеству путей в различные края.
Живя и в смертный час, и если все забудешь
Во сне иль во хмелю, — ты лишь с собою будешь.
От этих призраков, манищих караван,
Поводья отвези: нам свет небесный дан.
Ужель твоя душа в путях житейских рада,
Что всюду пред тобой вздымается преграла?
Дыханье потому стремится к небесам,

Что грудь ему тесна, — ты это ведал сам.
 Коль мощен разум твой, — взлетай в просторы неба
 Мир убивает всех, ведь смерть — его потреба,
 И землю, что людей всегда ввергала в страх,
 Ты по ветру пусти, — она ничтожный прах!

В НАЗИДАНИЕ

Увидывай тюки! О сердце, встань на стражу!
 Уж на конях друзья, собравшие поклажу.
 Пробойна в корме. Прочна ль морская гладь?
 Разбушевалась ширь, — выбрасывайте кладь!
 Ты с бурей не борись: неодолимо горе.
 Ныряй! Ведь все равно тебя поглотит море.
 Людская красота, хотя бы к звездной мгле
 Она возвысилась, — принадлежит земле.
 Земля взвилась, как пыль, и камень скал расколот.
 Уйдешь отсюда ты, хоть был когда-то молод.
 Средь гудей ты пройди земной тропой. Пора! —
 Стань ангелом, сойди ты с этого ковра.
 Мужик, чей дух в бою не убоился смерти,
 Не умерли, сказав: «В наш вечный дух поверьте!»
 Пред тем, не мучай, час гибельный встает,
 Кто душу радостно до смерти отдает!
 Ты не останешься в земной своей отчизне,
 Ты жизнь свою прерви, коль устремился к жизни.
 О, сколько доблестных, железных, мощных тел
 Невольно под землей свой обрели предел!
 Исследуй темные подземные глубины:
 Земля и сонмы тел слились в состав единый.
 Джемшид и Феридуи, упавшие ничком, —
 В земле. О как, земля, хорош твой каждый ком!
 Взгляни, земля в крови на всем своем просторе.
 В ней гибла тьма сердец. О гибельное море!

Хоть с боевых слонов ты слышал барабан.
 Гремящий в честь твою, — ты свой покинешь стан!
 Земному — быть в земле, о доля человека!
 И бытие течет в небытие от века.
 Глянь, кружится весь мир в хмелю своих отрав
 И рукоплещет высь, в восторге засияв.
 О Низами! Молчи! Зачем смущаешь души?
 Что мир увещевать: он зажимает уши.
 К чему все жалобы? Зачем напрасный плач?
 Гляди с улыбкою, а эти слезы спрячь!
 Разрушатся дворцы, дарованные роком.
 Взшедший в высь — падет внезапно, ненароком.
 Вот дерево в цвету, но рок приходит злой
 К нему, увидшему, с поспешною пилой.
 Весну, горящую отрадою лазури,
 Размечут по ветру судьбы суровой бури.
 Все нам дарует рок — все отбирает рок.
 Бессовестный, даря, дарам назначил срок.
 О девять синих сфер! В стекле их — злобный
 пламень.

В преступный этот свод скорей метнуть бы камни!
 Быть может, круг времён, в себе тающий зло,
 Расколет злобное лазурное стекло.
 Имущество раздай, не в нем твоя свобода!
 Знай, будешь скручен ты круженьем небосвода!
 Скинь плоть свою, отбрось четыре вещества,
 Чтob семь небес порвать: как цепь, их синева?
 Что камень с глиною в сей горестной долине?
 В приюте брешности мы все увязли в глине.
 Не строит мыслящий в пределах хрупких дней
 Дом из непрочных глины и зыблемых камней.

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

О ты, что мудростью сродни былому сказу,
 Не думай, что сейчас ты вял пустому сказу.
 Вял сказу этому, пролей потоки слез,

Омой мою Ширни водой из горьких роз.
Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилкой.
Кыпчацкий мой кумир! Мой нежный хрупкий злат!
Погибла, как Ширин, и ты, моя Афак!
Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.
Ее фата была, как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех?
Всем недоступная и всех прекрасных строже —
Она стелила мне супружеское ложе.
По-тюркски тронулась в кочевье, словно нож
В меня вознив, свершив не тюркский ли грабеж?
Но коль тюрманки нет и тщетны все погони, —
Над тюркорожденным, господь, прости ладони³.

В НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ СВОЕМУ МУХАММЕДУ

Мой семилетний свет! Да будет славный сап,
В два лука вышиной¹, тебе в грядущем дан.
Тебе я знание дал, но был ты вскормлен богом.
Иди в его лучах по жизненным дорогам!
Ты — месяц молодой. Ты смейся веселей —
Смеялись в прошлом, сын, и мы немного дней.
Когда ж не месяцем блеснешь, дуною людям, —
То меж сиянья звезд твой лик мы видеть будем².
Все страстные слова — нужны ли нам они? —
Рукою властною, о сын мой, зачеркни.
И на науке ты свое воздвигни знамя.
В науке — о мой сын! — божественное пламя,
И, прославляемый премудрыми людьми,
Будь в благоденствии, сын милый Низами!

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ ПРОРОКА¹

И молвил мастер слов, уста разверзши снова,
О том, что привело к злосчастию Хосрова;
Однажды под луной в полночной тишине
Красоты Мустафы Хосров узрел во сне.
Пророк причал коня на синие откосы
Небес. И хвост коня змеился, словно косы.
Он ласково сказал: «Совет тебе я дам, —
Неверье ты оставь, приветствуя ислам».
И отвечал Хосров: «Никто не сметет меры,
Чтоб отворотить меня от нашей древней веры».
И всадник прынул прочь; коня в просторы мча,
Парвиза плеткою ударил он плеча.
И пробудился царь в смятенный разум
Был в вихри пламени и в сумрак свергнут разом.
Его три месяца на ложе мучил страх,
И сна в смятенный злом не ведал шаханшах.
«Встань! — молвил он Ширин в почт, когда был
мучим

Тоской и ужасом потайным и могучим. —
Пойдем к сокровищам, на них мы поглядим,
Дано им разгонять тоски суровой дым.
Персберем шелка, стоватные камни
И благовоный ряд и всех запылтый звенья,
И бедным раздадим сокровища казны,
Чтоб стали горести от нас отстранены».
Под свод сокровищниц вошли они, — и рады
Их взоры созерцать разложенныеклады.
Гляди: к мешку мешок привязан цепью. Взвесь!
С древнейших дней мешки числом возрастали здесь.
Знай, сорок у царя хранилищ: должно десять
Прибавить к каждому, их тайный клад не взвесить.
И вдоль сокровищниц Ширин с Хосровом шли,
И свой ласкалый взор всей предельстью земли.
И спрашивали ключ от каждой двери тайной,
Желая обозреть весь клад необычайный.

И заниси принес хранитель и ключи,
 Блестели под землей сокровищниц лучи.
 И к каждому замку был найден ключ, и каждый
 Тайник раскранившийся все уголки бы жаждал,
 И вот глядит Хосров: необычайный ключ
 Сверкает золотом, как выкованный луч.
 И удивлен был царь ключом, а в равной мере
 И тем, что для ключа он не увидел двери.
 Но молвила ему: «Здесь под землею вскрыты
 Ключ сможет некий клад». И царь промолвил:
 «Рыть!»

И землю соскребаи с укрытого гранита.
 Открылся свод, а в нем — все то, что было скрыто
 Ларец из мрамора Хосров увидеть смог.
 Был тяжкий на ларце, весь в золоте, замок.
 Был вскрыт ларец, — и вот предстало царским

взорам

То, что скрывал гранит под спудом и затвором.
 Был найден талисман в сей мраморной поре:
 Квадрат из золота лежал на серебре.
 И взяв из серебра на золоте... Во мраке
 Кто скрыл неясные таинственные знаки?
 И старца привели. Он понял каждый знак.
 И вновь обвил царя его смятеня мрак.
 И вот как изъяснил мудрец седобородый
 Непостижимых черт таинственные ходы:
 «Шах древний Ардашир, великий Бабакан,
 Пред кем все мощные свой преклоняли стая,
 Распознавал всех звезд пути и сочетанья,
 Читая в небесах судьбы предначертанья.
 И выведая в ночи он у семи планет,
 Что в должный срок, когда к нему придет весь свет,
 В Аравии, меж вод и меж песков просторных,
 Возникнет некий друг созвездий благотворных,
 Красноречивый муж и верный и с душой,
 Исполненный огни и храбрости большой.
 И станет он властней всевластных звездных токов,

И этим явит всем, что он — печать пророков?
 В свое владение народы примет он.
 И над народами свой утвердит закон.
 И вот с его поры тот овладеет троном,
 Кто трон свой осенит им созданным законом.
 Разумный, поспеши в его поверить свет.
 С ним дружба — благодетна, с ним ратоборство —
 вред».

Когда вемотрелся царь в узоры талисмана,
 Открылась у него в душе былая рана.
 «Сей образ, — молвил он, — сверкающий в огне,
 Есть образ всадника, мне явленный во сне».
 И шаханшах горел. В крови его кипучей
 Был пламень, и в мозгу огонь струился жгучий.
 Спросил он у гонцов, обьехавших весь свет,
 Подобный человек встречался им или нет?
 Гонцы ответили, что пламенный, который
 Всем души осветил и всем очистил взоры,
 Есть покоряющий и пламенный пророк,
 Что днесь в Каабе спит, как предначинил рок.
 То — Мухаммед. Людей призвал он к новой вере,
 И ключ его словес открыл мирские двери.
 Казнохранилища оставил шах. Туман
 Стоял в его очах, узревших талисман.
 Ширри, увидевши, как был смущен владыка
 От указания начертанного лика,
 Сказала: «Ты, что свет на кейкобадский трон
 Излил с вершин души, что славой озарен, —
 Узнай: тот талисман и то изображение
 Недаром разум твой вновь привели в брожение.
 Недаром с древних дней начертан был указ.
 Недаром талисман сверкнул для наших глаз.
 Пророк, нам явленный, — возвышенный кудесник,
 И древний сказ о нем приходит к нам, как вестник.
 Сияет знаменье всевышнего на нем,
 И вера правая пылает в нем огнем.
 Поверь! Не суята подобные явления,

От вих в небрежности не ведай отдаления.
 Когда прельстится шах той верою, — в пути
 Ему ни терний, ни пыли не найти.
 Кирающих небес он ответит возмездья,
 И счастья вечного увидит он созвездья,
 И прославлять навек начнет его народ,
 И царство на века его воспримет род».

И отвечал Хосров: «Твое правдиво слово,
 Оно как знаменье меня смущает снова.
 Ведь с той поры, как бог взвил звездные рои,
 В шное верили все праотцы мои.
 Как брошу древний путь и свод былого храма?
 Пред памятью царей я полон буду срама!
 Пусть мой возглаждал дух, судьба несет запрет.
 Блаженствует лишь тот, пред кем запрета нет».

Когда земные дни текли пред Мухаммедом,
 Он был и западу, как и востоку, ведом.
 Нам знаменья являл восторженный пророк,
 Твердили знаменья: неверью вышел срок,
 То месяц расщеплял он перед смертным оком,
 То прятал он луну в плаще своем широком³.
 То камня он шептал потайные слова,
 То с камнем речн вел всех праведных глава⁴.
 Он пошел ужасом всколебленные горы.
 Как ветер, он взметал окрестныя просторы.
 Он превращал в ничто сокровища земли,
 Слова из уст его сокровища несли.
 Народы он поил одной своею чашей,
 Он страны пробуждал под всей лазурью нашей.
 Для всех составил он благой свой аромат,
 Вручить охранный лист народам был он рад.
 Хабешцев черный край он обратил в красивый,
 И родинку навел он Персии счастливой.
 Послашь негусу⁵ отправил, и вослед
 Хосрову начертал посланье Мухаммед.

ПОСЛАНИЕ ПРОРОКА ХОСРОВУ

«Все создано творцом — и твердь земли и влага,
 И бытие творца есть порождение блага.
 Он старше всех начал, ему начала нет,
 И не найдет конца его всезнания свет.
 Его обличье не изъясняют рею:
 Слова о нем спалят всю душу человеческую.
 Хоть праведников сонм в ад будет ввержен им,
 Приказ всевышнего вовек неоспорим.
 Когда б он грешников направил к райским кушам, —
 Кто б не склонил чела пред мудрым и всеусумим?
 Его господству нет нам явственных причин —
 Все даст и все возьмет. Он — вечен, он — один.
 Велит — и над царем комар смертельной роке,
 Велит — и муравей всевластнее пророка!
 Симурга ввергнет он в смертельную тоску,
 Командованье войск поручит мотыльку.
 Чтoб возносить ему свое благодаренье,
 Достаточно познать, что все — его творенье.
 Молчи о том, что нас в его не возносит высь.
 От дел, где нет его, ты тотчас отворачись!
 Пусть только лишь к нему возносятся молитвы,
 Ты с ним и в мирных днях и в бурях грозной битвы.
 О силе позабудь. Всесильна лишь судьба.
 Прими приказ творца с покорностью раба.
 Господства не узнай ему подвластным слугам.
 Лишь он господствует. Весь мир — к его услугам.
 Всесильный с именем Хосрова! Хоть бы ты
 К ста Кей-Хосрова чаш склонял свои черты.
 Все ж, созданный творцом, познаешь ты кончину.
 И ты, как все, падеши в смертельную пучину.
 Кто знает, сколько зла и козней и сует
 В себе таит сей прах, явившийся на свет?!
 Когда бы взявший власть не ведал вовсе гленила,
 Как страстны были бы к владычеству стремления.
 След позабывший всех, лишь облик свой любя.

В том нет величия, кто видит лишь себя.
 Себя со счета скинь; в пространствах мироздания
 Счесть все живущее — напрасное задание.
 Земля — пылинка, царь, Узрел бы и слепой,
 Что четверть всей земли — убогий водопой.
 В частицу четверти Ирак сумел вместиться.
 В Ираке Медани — шипящая частичка.
 Но люден Медани. О спящий царь царей,
 Ты там в толпе людской — один лишь из людей.
 Свое значение, свое число, о тленный,
 Сравни, подумавши, с безмерностью вселенной!
 Но мироздания таинственная сень,
 Но вся вселенная пред господом — лишь тень.
 Частице вещества, частице малой части
 Безумно вождельте могущества и власти.
 Есть над тобой господь. Свидетельствуй о нем,
 Не спрашивай, где он. Он всюду, он во всем.
 Творец, весь род людской возвысивший высоко,
 Дал мне среди людей величие пророка.
 Не прославляя огня с язычниками в лад.
 В рай шарнат зовет. Оставь крошечный ад.
 Павлином проходи в садах прохладных рая.
 Брось пламень, мотылек, — в нем гнибешь ты,
 сгора².

Дым в капищах сгня. В дыму весь твой народ.
 Ты, возжигающий свой пламенник, — Нимрод.
 Ты в горне. Вкруг тебя в смертельном горне пламень.
 Стань мусульманином! Отбрось проворней пламень!
 Пророк позвал псаца. Тот подошел к нему.
 Взял Мухаммед печать и приложил к письму.
 И опытный гонец, явив свое пыланье,
 К Парвизу поскакал, помчал ему посланье.
 Лишь только внял Хосров проворному гонцу, —
 Его вскипела кровь и кинулась к лицу.
 Посланье он читал, — и в бешенства потопе
 Пьянел всевластный царь, как бы вдыхая опий.
 Поднялись волосы, стал каждый злей копыя.

По жилам потекла кипящая струя.
 Вмиг заголовок он письма увидел. Благу
 Не внял. Так бешеный не может видеть влагу³.
 Прочел он в ярости безмерной: «Мухаммед —
 Парвизу» — у царя исчез рассудка след.
 Он в царской гордости, ни в чем не зная страха,
 Вскричал: «Кто оскорбит, решился шаханшаха?!
 Кто нмя смел свое поставить вверх; внизу
 Кто нмя начертал, несущее грозу?!»
 Зардел хосровов лик, как будто пламя злое.
 В пылу задумал он и сделал он худое:
 Посланье разорвал он грозное, — свою
 Он славу разорвал во всем своем краю.
 Огонь вспурил гонца, — и вот путем обратным
 Он мчится в ужасе пред гневом необъятным.
 И об огне, что в дым одел весь небосклон,
 Оповестил Зарю всех озаренных он.
 И Светоч, разгорясь, как жар, обтявший битву,
 Вознес взлетевшую, как бабочка, молитву.
 И от молитвы той у персов пал Кеср⁴,
 Упал с Кеср⁵ венец. Прошла его пора.
 По мановению святого шарната
 Страна Кеср⁶ была смятением объята.
 Решили небеса престол его подсесть.
 Царевич на царя внезапно поднял меч.
 Весь небосвод гремел, гремел он вновь и снова, —
 И рухнул наземь свод дворца царя Хосрова.
 И паводок выгнал, Тигр вспенился, — и вот
 Упал железный мост в пучину пенных вод,
 Самума рдяного забушевала риза,
 И уж Гульгуна нет и в стойле нет Шебдиза.
 И при Зикаре спесь с иранца сбил араб⁴.
 То голубь сбил орла: орел уже ослаб.
 И некто пред царем в полночь стал с клюкою
 И разломил клюкою могучею рукою.
 И молвил он: «Всю мощь в руках своих таю,
 И веру разломлю я ложную твою⁵».

И множество чудес, с грозой небесной схожий,
 В стране неправедных явил Избранный божий.⁶
 Но нет, не слышали призыва! Погляди,
 Не каменные ли сердца у них в груди?
 Хотя благодати свеча не подмагает дыма, —
 Свеча незрячему ведь все равно незрима.
 И хоть познания свет светил им в эти дни,
 Не удостоились прозрения они.
 Хвала тебе, о Тюрк! Ты семь племен возглавил!⁷
 От Рыбы до Луны тебя весь мир прославил.
 Хвала Луне, что спит, как люди на земле,
 Но озаряет всех, томившихся во мгле!⁸
 И утром постучал пить раз он в землю. К ночи
 Поставил свой престол меж звездных узорчий⁹.

ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОРОКА

Забыв полночью все то, чем исходи
 Живет весь брешный люд, к чертогу Ум-Хани
 Спустился Гавриил, оставив край счастливый:
 Привел он Бурака, — коня с огнистой гривой.
 Был конь, что райский сад, не ведал он удил.
 Он ни с каким тавром по рошам не бродил.
 Не облаком был конь, все ж был светлей жемчужин,
 Не ветром был, но все ж был с вешним ветром дружен.
 Как море, в жемчугах сверкал его чепрак,
 Но, верь, морей таких не выдавал моряк.
 Тяжкоподкованный, могучеспанный, скорый,
 Он взором проникал в безмерные просторы,
 Слуга семи шатров, миндальноглазый вмиг!¹
 Слетел с таким конем к владыке всех владык.
 И возлетел пророк, что птица из Медины,
 Предела всех высот достиг он в миг единый.
 Пророков он хотел считать своей киблой,

Но, самым выше всех, возглавил он их строй.
 И утвердился он в своем верховном праве,
 И к всемогущему полет он свой направил
 Оставил ангелов зеленоризных он
 И голубой шатер: он выше вознесен.
 Ладью стремления он излучины степей
 Направил к берегу, — к зенита сердцеvine.
 И сердце он прорвал у Скорпиона. Лыжа
 Погладила по лбу он, задев его сдва².
 Солому Млечный Путь постала пред ним. Проворно
 Пал Колос пред конем, ему рассыпав зерна³.
 Венец величия дал Меркурию пророк
 И перстень Солнца взял, как будто бы оброк.
 Чтоб отражать в выси набег нечистой силы,
 Он стрелы Близнецам и лук дал крепкожилый.
 Познал он, как Юсуф, струй Водолея вкус,
 И в Рыбе побыл он, как некогда Юнус⁴.
 У стремени его летящие Плеяды
 Нести в его пути охрану были рады.
 Под ним, раскрыв крыла, плыл Алтаир — Орел.
 Отстал другой — он был, как Лира лир — Орел.
 Он, чтоб не жгла очей эдемская дорога,
 Взор бросил на печать: «Не отвратись от бога»⁵.
 И, проскакав простор лазоревый, нашел
 Для взлета Бурака за долом новый доз.
 И сонмы ангелов — павлины золотые! —
 Теряли, взвихрившись, крыла свои густые.
 От стремени его отстал и Гавриил.
 Мелькнул и Михаил. И вновь коня он вавил.
 И Исафил возник и взял его на крылья.
 К Рафрафу путника вознес он без усилия
 К Тубе взошел пророк и встал, как на гире,
 На высшей высоте — на лотосе Сидре.
 В пространствах он читал за свитком новый свиток.
 И мчал его Бурак, и пламенен и прыток.
 И он свернул ковры заоблачных морей,

И в высоте над ним открылся Эмпирей.
 И прянул копь его из двух миров. Как знамя,
 «Два лука» утвердил всех правоверных Пламя». Предвечность отвела все ткани покрывал.
 Мрак мироздание уже не покрывал.
 Исчезли стороны и признаки и грани,
 И вся пространственность укрыла лик свой в ткани.
 От всех пространств пророк стоял уже вдали,
 И мигом он признал, что признаки ушли.
 Он слово услышал вне голоса, вне грома,
 И зримым стал господь, хоть был он вне объема.
 От созерцания нездешнего в тот час
 Стад сердцем взор его, зажжется в сердце глаз.
 И каждым волосом он прозревал, и в пляске
 Пылала плоть его, — все мускулы, все связки
 И вымолвил господь: «О гость в моей выси!
 Ты во дворце моем, что хочешь, попроси».
 И попросил пророк неклады, не алмазы,
 Но чтоб на милости он дал ему указы.
 Все дал ему господь. Помилывал и тех,
 Кто правоверным был, но все же впал во грех.
 И, чудотворности халат приняв от бога,
 Вернулся на землю он с могучим даром слога.
 Стал кипарисом тот, кто розой был весной.
 Взлетел он месяцем, вернулся он — луной.
 Он грамоту принес, что душам всем — отрада
 Он нам принес указ, чтоб нам избегнуть ада.
 К возлюбленной душе, что души нам прогля,
 Да мчится за хвалой немолчаливая хвала!

НАСТАВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

Смотри, о Низами! Одно мое стремленье,
 Чтоб, дни свои ведя, постигнул ты смирение,
 Смотри, — жемчужина, из капли дождевой

В глубь моря нав, царит над царской головой.
 Упавшее зерно пронарастет, а колос
 Покинет. Не влоспись, не возвышай свой голос.
 Будь снисходителем: ведь беспощаден рок.
 В оковах ноги дней, все сделай в быстрый срок.
 С летучим прахом лады: ведь ветрена погода.
 С педугом примирись, копь нет ему исхода.
 Зачем бредем в шатре, что нам сковал ступни?
 Веревку, сжавшую мне горло, растяни!
 Сбрось туфли узкие, вступая в путь безвестный.
 Мы можем захромать, когда нам туфли тесны.
 Куда идешь — приходи. Твой неуклонен шаг.
 Забудь, что видел ты сей горестный кышлак.
 Ведь горести к благам спешат всего охотней.
 Склоненный к лесткам шипов ужасен сотней.
 Был ид и в юных днях, и горький вкус был в них.
 Желчь горести текла во всех годах твоих.
 И в жизни страждем мы, и мы болезням любви,
 Как будто бы волкам, что в нас вонзили зубы.
 И в смертный час, поняв минувшего обман,
 Гурган покинувши, ты двинешься в Кирман!
 Путь из Гургана, друг, в Кирман — далек. Дорога
 До смерти коротка: ты близ ее порога?
 Одну лишь голову имешь ты, о тлен, —
 И ту в томлении склонил ты до колен!
 Угрозу палача увидев над собою,
 Согнуться должен ты, смиряясь пред судьбою.
 Взгляни на этот край, где бродим долго мы, —
 Он — яма узников, он — горестней тюрьмы.
 Когда мы в пламени сжигающего зноя,
 Спасенье нам — воды струенье ледяное.
 Когда ж запляшет снег, мы прятемся скорей
 И в мех и в шерсть, и мы — подобие зверей!
 Куда нас уведут некрепких ног усилие!
 Куда нас вознесут столь немощные крылья!
 И все мы зло творим, и наша жизнь — слепая.
 Ох, угнетателей бессидная толпа!

Я в тьму потайную живым проникнул светом.
 Ты Хызра помянул? Он здесь, в стихе вот этим.
 Внимай моим строкам, себе их вразуми:
 Ведь в них заключена вся сущность Низами.
 Нет! Лучезарному не скрыться под покровом, —
 С напрасной тайны ткань спадает с каждым словом.
 О друг стихов моих, чрез век спроси у них:
 «Где Низами?» — «Он здесь», — ответит каждый
 стих.

Даря вам шелк, я стал подобен шелкопрядам,
 Я также на листьях ряд язв черчу за рядом.
 Но все же я в стихах сырой воды не пью,
 И я не так, как червь, свиваю нить свою.
 Я не сомкну очей, не взвесив россыпь клада,
 Хоть клады мне даны и рыть мне их не надо.
 Мне повседневный труд — услада из услад.
 Ячменное зерно я обращаю в клад.
 Взяв горсточку зерна и зерна умножая,
 Явлю внимающим я мощьность урожая.
 Прославь того, кто, взяв лишь горстку ячменя,
 Творит сокровища блестящее дая.

ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

Скажу завистникам: «Вы испытайте сами
 Ночь с воспаленными, бессонными глазами.
 Завистник, погляди: ведь рою я топь-в-топь,
 Как роет рудокоп свою руду всю ночь.
 Чтоб людям отыскать жемчужину жемчужин,
 Сплю в глубинах я, мне взор пылливый пужен.
 Я весь горю в огне, я становлюсь таков,
 Чтоб осветилась ночь сияньем жемчугов.
 Я жемчуг шлю царю, чтоб, в скупости упорен,
 Мне царский весовщик дал горсть ячменных зерен.

Ждут порицатели, чтоб выйти из засад.
 Творец! Спаси от них моих речений сад.
 Порой случается: ты стих незвучный сложишь.
 Всегда из звучных слов творить его не можешь.
 Но каждый, кто простиер на знание права,
 Постигнет, как мой pleasantный слова.
 Ты лев, — так на меня не лай из-за ограды.
 Поверь, лишь только псы пугать прохожих рады,
 Глушцы! От вашего кичливого меча
 Гасилась лишь у вас — не у меня — свеча.
 Спор болтунов со мной все становился глуше.
 Был длинным их язык, — длиннее стали уши.
 Уселась, как Иса, скрестив свои ступни.
 Увязнув, как ослы, — попались мне они!
 Мне страха не узнать пред тварью земнородной.
 Стою в кольчуге я, с горящим солнцем сходной.
 Пусть, от меня звезда зажжет свой яркий свет,
 Но солнцем стать, как я, никто не сможет, — нет!²
 Крупинку каждую, пылинку, волоконце
 Могу поднять я высь, позолотив, как солнце.
 И камень, падавший в мой звонкий стих, не раз
 Граненым делался, как блестящий алмаз.
 Смотри: индусский вор проник в мою угодыя,
 Но сам его коня повел я за поводья³.
 На лад настроить сам всем помогаю я,
 И часто соколом зову я воробья.
 Лишь твой красивый взор я созерцаю, ворон.
 Порой про вора я всем говорю: «Не вор он».
 И левым ухом, пдруг, я пью упреков яд⁴.
 А правым слушаю, как рабки мне кадят,
 Готовый слушать брань и похвалы заране, —
 Свой светоч берегу я в этом урагане.
 В иной стране огню зажженному несут
 В дар масло пужное, наполнивши сосуд.
 Здесь, коль огонь живет весь край своей игрою
 К нему с холодною подходит камфарою.
 И яда и бластей я принимаю дань.

И мысли тонкие мне слышатся и брань,
 Я — море. Жемчугом я ваш наполнил город,
 А вы мне камешки насыпали за ворот.
 Но что все камешки для моря! В нем — улов
 Мной добываемых прекрасных жемчугов!⁶
 Пускай от слов моих уста людские сладки, —
 Горьки мои уста, вкусившие нападки.
 У крупорушки вол... мы с ним в яре одном:
 Всем сыплет он зерно, предъявлявший зерном!⁷
 И схож я с молнией сверкающей, отвязной,
 Играющей огнем, ныряя в буре влажной.
 Что стоишь ты от змей? О сердце, ты ведь клад!
 А ведь нигде от змей для клада нет оград.
 Павлин проходит в рай. Но, в рай вползти не смея,
 Кольцом священных врат стал дьявол в виде змея,⁸
 Змей все павлину шлет. Смарагдам нет конца:
 Павлин и змей вдвоем на службе у творца.
 Вот помесь, взгляди: тюрчанкою красивой
 И негром порожден рассказ мой прихотливый!⁹
 Здесь дал алхимиков, но рядом с медью он;
 Здесь драгоценности, но здесь же и дракон!¹⁰
 Тут жемчуг и над ним кипучих волн громада,
 И тут же на кресте стоячая лампада!¹¹
 Ты жемчуг мой возьми. Что глуби темнота!
 Ты светом отдели от тучного креста.
 К огноплодошникам тут будто бы дорога,
 Но защищен мой сказ от огненного бога.
 Невесте сладостной хвалу воздай и честь,
 В ней и хвала творцу и о пророке весть».

ТОГРУД-ШАХ ТРЕБУЕТ К СЕБЕ УЧЕНОГО НИЗАМИ

В те дни, когда мой ум, колдующий и властный,
 Свободен стал от чар сей повести прекрасной, —
 Сказали мудрые: «Ты слова властелина».

И вспомнил я слова: «Путь разума един»,
 Я создал паланки. И не луны оскодок,
 А солнце затаял его узорный полог?²
 И был он с радостью большой приобретен,
 И вознесен хвалой был до созвездий он!³
 Каким искусством, подарками какими
 Меня осыпали! Вот подбуйтесь ими:
 В кусках надушенных китайские шелка;
 Не развернула их ничья еще рука,
 Хуттальский плавный конь, что шествует, гарцуя:
 Вся в золоте узда и царственная сбруя.
 И говорили мне: «Принять ты будь готов
 Пять или шесть рабынь, до десяти рабов».
 Но вот случилось так, что будто бы, измучен,
 Прилег мой караван, и груз был не навьючен:
 Принявший мой рассказ из горестной земли
 В путь дальний тронулся, — и зерна не возшли.
 Я горько сетовал; что все мы в мире значим!
 Я сердце сжег свое своим горячим плачем.
 Но вот вбежал гонец с письмом, и молвил он,
 Склоняясь: «На тридцать дней ты к шаху приглашен».
 Ты свиту царскую, поезав спозаранка,
 Достигнешь на краю тридцатого фарсанга!⁴
 Ты с шахом горстку дней пробудешь, он могуч.
 И дни свиданья с ним — к его щедротам ключ».
 Он отдал мне указ: «Вот это — твой хранитель,
 Надежный талисман и мощный предводитель».
 На голову свою я возложил указ!⁵
 Облобывав его, как должно, в третий раз,
 Я вник в его слова. Прочтя за словом слово,
 Я понял: для меня все лучшее готово.
 И, полный рвения, исполненный огня,
 Вскочил я, и занес я ногу на коня.
 Я устремился в степь. Как будто в пляске скорой,
 Я трясся на седле, порой взбираясь в горы.
 Мой бег оставил бы онагров за спиной,

Не потягались бы и соколы со мной.
 И я плясал в седле, плясал я без опаски.
 Конь подо мной плясал, мы с ним дегели в пляске.
 Поклоны отбивал я, будто бы калам;
 Как циркуль, отмерял дорогу по горам.
 Молениям внимал на каждом я привале,
 Чтоб небеса царю все блага даровали.
 И я у всех ключей, где набирали сил,
 Молитвы новые о шахе возносил.
 И свежий ветер с гор утешным дуновеньем
 Мне царской милости казался извещеньем.
 И лился аромат, мне радости суля,
 И свежей амброю казалась мне земля.
 И вот на царский стан я взор уже подъял,
 Вот преа ковром царя я уж целую землю.
 И молвил я тому, кем славен стал престол:
 «К морскому берегу источник подошел».
 Прислад хаджиба царя; сей утешитель горя
 Нирунушему принес жемчужину из моря.
 Я к царскому столу хаджибом был ведом:
 Ведом был Утарид в Луны небесный дом.
 Увидел я царя, увидел — о услада! —
 Джемшида трон с венцом, что помнил Кей-Кобада.
 От самаркандских стен, от мест, где встал Саксин,
 Пришли властители; и каждый властелин
 Охотно службу нес в блестящем этом стане,
 Своей совершая долг, о назначенной охране.
 Был царский двор открыт для грузов многих стран.
 За караванами шел новый караван.
 Недаром цвет шатра был с морем синим дружен:
 Таил он мощь акула и красоту жемчужин.
 Венец, овеявший весь Кызыл-шаха трон,
 Подняв свой дивный блеск, всем бедам нес урон
 Иль в небо кравчие взлетали, набирая
 В сосуды винные вино фонтанов райа?
 Текло из рук царя обилие щедрот:
 Тем дал он города, другим — от них доход.

Я меченосцев ряд описывать не стану.
 Как тесен путь меж них был даже Кадар-хану!
 И чаг рокошущий и звучный органон
 Взнесли в предел Зухре свой золотострунный звон.
 По струнам шелковым бьют пальцы; при их взмахе
 Рвут, не жалея шелк, рабы свои рубахи.
 Навесов множество, и в каждом — новый лад.
 Но все лады — исток единственных усад.
 «Газелью» Низами красивые газели,
 Смирная чапгов стои, как птахи, зазвенели?
 Вот чашу полную взял кравчий на ладошь,
 Пригубил шах вина сверкающей огонь.
 Когда о Низами был извещен владыка,
 Еще светлей стал свет приятельного лица.
 Мой сан подвижника владыкой был почтен,
 Хоть не отшельника у трона встретил он.
 И приказал вино убрать он из чертога.
 И всем встречать меня приветно у порога.
 Он виночерпийм другие дал дела.
 И музыкантов рать с поклонами ушла.
 «Я ради Низами, — промолвил шах, — и руду
 И кубку отдам дам, — внимать стихам я буду.
 Его стихи звучат отраднее, чем руд.
 Его слова свой лад у музыки берут.
 Ведь лучше вино не пьют с приходом Хызра.
 Что хмель! Мы припадем к священным водам
 Хызра!»
 И молвил мне хаджиб: «О ты, чьи славны дни, —
 Входи! Хоть ты один, — всем званиям ты сродни».
 И я вошел к царю, дрожал я, словно ива:
 Ведь лишь пыльника я, он — солнечное диво.
 Я к шею голову униженно пригнул,
 И шею с головой к ногам царя метнул.
 И небо поднялось, день обернулся сказкой.
 И обняв царь меня, свой взор склоняя с лаской, —
 Как будто к муравью склонился Судейман.
 И от волнения мой взор покрывал туман.

Два мира обнял я. «Садись!» — услышав это,
 Я сел перед царем — перед потоком света.
 Блеснул мне счастья свет, и чтоб он не потух,
 Словами должными я царский нежил слух.
 И речь моя могла пленить красавиц рая
 И ад развеселить, меж пламени шыряя.
 Я назиданья стлал, пригодные царям,
 И изречения — путь к познания дверям.
 Гостинцев сладостных немало я украдкой
 Раскидывал, пленясь царя улыбкой сладкой.
 Я говорил, — и царь то был грустнее туч,
 А то смеялся он, как в росных розах — луч.
 И, говоря, винмал я царскому признанью.
 Невежество, заснув, дало проснуться знанью.
 Потоком слов своих я краевич опьянил,
 И песни ни одной певец не проронил.
 Сказитель, появивсь, рассыпал жемчуг, — взоры¹⁰
 Узрели на коврах жемчужные узоры,
 Владыка, слушая мой прихотливый сказ,
 Улыбкой сладкою мне отвечал не раз.
 Когда же речь моя сама собой стала сладкой,
 То появиться в ней уже пристало Сладкой.
 Царь тронул за плечо и глянул мне в лицо,
 Вдвывая в ухо мне хваления кольцо.
 И он все осыпал аялами вновь и снова
 Рассказ мой про Ширин, рассказ мой про Хосрова.
 И мне он говорил: «Основу мастерства
 Ты сказом заложил. Прославил ты слова.
 Предела не было твоим очарованиям.
 Ты грудь мне оживил своим повествованьем.
 Невесту ты явил, несущуюся вскачь, —
 С Луною паланкин. Сказ полон был удач.
 По вкусу мне Ширин. За родинку, за кудри
 Как отплачу тебе? Всех жен она премудрей.
 И я свой помню долг. И я, как и мой брат,
 Тебя вознаградить безмерно буду рад.
 Мой брат, кому весь мир был только царским станом,

Который был царем, а также пехлеваном¹¹,
 Чем он вознаградил твой многолетний труд?
 Как много дал шелков и драгоценных груд?
 Он оценил тебя, ко мне дошло известие:
 Брат из своей казны дал два тебе поместья.
 Скажи, пришли ль к тебе сей дар вручать или нет?
 Указа царского узрел печать или нет?»
 Когда увидел я, что дар свой хвэет юре
 Метнуть в ладонь купца, его смиряя горе,
 И хочет, чтоб шевеля мне данная земля
 И чтоб я волен стал, — слова его внемля,
 Я вновь призвал к нему тебя, о милость божья,
 И жемчуг раскидал у тронного подножья.
 И, вознеся чреду молитвословных строк,
 Поведал я царю, как мой печален рок.
 Сказал: «Моя душа поднята была так рада
 Поэмы царский лал. Нужна ли мне награда?
 Мой сказ был для хвалы единственный предлог.
 Прославить шахский трон я лучше бы не смог.
 И если восхвалять мне дарский трон — услада,
 То о Ширин с Шекер и помнить мне не надо.
 Почивший пехлеван мне дал, о шаханшах,
 То, что указано сейчас в твоих словах.
 Когда ж его корабль навеки умчалю море,
 Грустил я не один: весь свет был ввергнут в горе.
 Но коль такой, как ты, властитель всем нам дан,
 И есть царевич для украшения стран, —
 То гтрудами даров, не горсточкой пылиннок,
 Вновь оживитесь, шах, мой опустевший рынок».
 Приветно принял царь хваления, чей путь
 Из глубин сердца шел, пыланьем полня грудь.
 Царь, сердца моего услышав благовестие,
 Мне дал Хамдуньян, — так названо поместье¹²,
 И мне велел указ преемственный он дать,
 И Кызыл-шаха дал он с грамотой печать.
 Прочел я: «Полностью мы даровали это
 Семейству Низами до окончания света,

Все безвозмездно мы вручили Низами
 В его владение, — ему с его детьми.
 А кто сомнения окутан тьмою будет,
 Тому я буду — враг, а бог — судьбою будет.
 А к тем, в чьих прозвучат неправедных речах
 Упреки, пусть придет их друг единый — страх!
 Пусть им гремит с выси проклятья голос громкий,
 И да услышат гром их дальние потомки!»
 Так падо мною кров был нужный возведен.
 Сокровищницу царь открыл; украсил он
 Мой дух поддержкою, — и, царственно богаты,
 Сверкнули предо мной вносенные халаты.
 Царь, дав мне свой указ, ко мне склонил свой взор,
 Как бы навек меня включил в свой царский двор.
 Счастливая звезда вела меня; нет чуда
 В том, что обрел себе я славный трон Махмуда.
 Каабу лицезреть я шел в далекий край,
 И вот я — Мухаммед, который видел рай.
 И вот услышал я завистника, с глазами
 Столь вороватыми и с низкими речами.
 С лицом Иосифа им порождался волк!
 Как всыпать в мед стекло, — он в этом ведал толк.
 Он молвил: «Низами не оценен вселенной:
 Что за награда, друг, за труд его нетленный?
 С Луною сколько звезд в стихах тобой дано!
 Поместье получил — да скудное оно.
 Поместье жалкую являет нам картину,
 Едва займет оно фарсанга половину.
 Земля неприбыльна: уже ведь с давних дней
 Абхазцы исполу работают на ней».
 И так я отвечал завистнику: «Не думай,
 Что дара не ценю, что злой хожу, угрюмый.
 Скажу тебе, злодей, тебе ведь нужды нет
 В развалины мои вопзлать, как лунный свет.
 Ты слушал мне хвалы? Они звучней фонтанов,
 Они ценней, поверь, чем сто Хамдунинов.

Там видишь лишь посев. Приди ко мне, собирай
 Посевы слов моих, ведь в каждом слове — рай!
 В колосьях зерна там, а здесь — не на авось я
 Жемчугоносные запелл свои колосья!
 И если там дожди все погрузят в Евфрат, —
 Здесь — ключ живой воды рождать в стихах я рад.
 И если там — леса, то слушай, сердце злое:
 Здесь — роши создаю из ценного алоэ.
 И благодарен я за то, что люди чтут,
 Все то, что сделал я, — весь мой великий труд!
 Пусть ветер кое-что там и свалил с размаха, —
 Все снова возведет благоволение шаха!
 Жемчужина ценней, чем раковины харвар.
 Потопы нам страшны, ручей — исполнен чар
 Великий царь сумел мое служенье взвесить:
 Мне не одно хотел поместье дать, а десять.
 Когда ж увидел он, как мало нужно мне, —
 Поместье это счел достаточным вполне.
 Дарящий радостен и одаренный весел.
 Ты на злоречие замочек бы повесил».

СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ
 ШАМСЕДДИНА МУХАММЕДА
 ДЖАХАН-ПАХЛАВАНА

О чем я пел, куда стремил свой паланкин?
 Где бросил кладь свою? В чем свет моих годин?
 Всем прозвучал сигнал, — и пыль вражды с размаха
 Смела со света в ночь поверженного шаха.
 Пять наубатов в день свой гром ему несли,
 Ему был мал предел — семь поясов земли.
 Все громче вокруг него был грохот барабана,
 Но пробил барабан к отбытью каравана.

Все громче вокруг него был ста литавров звон,
 Но сам не ведал шах, что на кощени он.
 Сад юности пред ним к плодам закрыл дороги, —
 Ключа живой воды так не испил Двурогий!
 Вокруг него взыграл дней многобурных ряд.
 Его зари и смерть — две молнии подряд.
 Он рану подучил от быстрых рук злодея.
 Разн злодея, рок, о мщени радея?¹
 Свой светоч в небеса поднять он захотел.
 Сущств земли и вод оставил он предел.
 Хоть жизни океан стал для него не нужен,
 Мы много соберем им брошенных жемчужин.
 Хоть к жемчугам ушел морей верховных он,
 Оставил жемчугов ряд мудрословных он.
 Коль кравчим для него предстало милосердые,
 Да следует ему людских сердец усердые!
 Коль скрыл его плитой подлунный скорбный дол,
 Да будет благо вам, всходящим на престол!
 Хоть бросил он венец, но возвеличен богом,
 Царь всех, что шествуют по царственным дорогам.
 И будь бессмертен тот, кто взял его венец,
 К кому стремится жар всех праведных сердец, —
 Благой Нусрет-эд-дин, что всем земным просторам²
 Дал указание цвести пред нашим взором!
 Прибежище царей, великий атабек.
 Как вечный Феридун, да славится вовек!
 Как счастлив Абубекр, что Абубекру ведом!³
 Сияет Мухаммед свечой пред Мухаммедом⁴.
 Не от него ли ждут венчанные венца?
 И слава дней его не обретет конца.
 В высотах семь планет его дивятся знанью.
 И девять сфер небес верны его влиянию.
 На звездах утвержен его высокий трон,
 К ногам его коня повергся небосклон.
 Да будет мощь его, что славою одета,
 Залогом торжества над всем простором света!

Да будет он вовек властителем всего!
 Пусть будет пройден путь всех замыслов его!
 Будь, счастье, для него, как спутник долгой жизни,
 С которым все найдет, все встретит он в отчужде!
 О счастье молвил я. Так свет его лучист.
 Что, вымолвив о нем, сворачиваю лист.
 Творец, прости, коль я порою был небрежен.
 Твой спусхожденья свет безмерен и безбрежен.
 Да будет счастлив тот, кто молвит мне: «Прими
 От благостных небес их милость, Низами».

КОММЕНТАРИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Имя главной героини поэмы — Ширин — буквально означает «Сладкая», «Сладостная»; в дальнейшем поэт обыгрывает это его лексическое значение.

В ВОСХВАЛЕНИЕ БОГА

¹ Имеется в виду Алах, который, сотворив первого человека — Адама, научил его именам всех вещей и явлений. Однако возможно и иное толкование полустихия. В оригинале буквально сказано: «Во имя того, благодаря Которому бытие обрело имя». Обрести имя — значит «быть», «существовать».

² Т. е. разум может познать Бога лишь тогда, когда он становится смиренным, полностью забывает о собственном «я» и, изумленный безграничностью творения, «не отличает левой стороны от правой».

³ Человек тоже может постичь бога, если он полностью забудет о своем существовании и посвятит себя постижению творца.

⁴ Ты можешь познать бога до определенного предела, за который твой разум не должен стремиться, иначе тебе постигнет неудача и ты зайдешь в тупик.

⁵ По представлению средневековых астрономов, земля окружена семью космичными небесными сферами и двумя сверхсферами.

⁶ Шесть сторон — север, юг, восток, запад, верх и низ. Четыре жемчужины — четыре стихии: вода, земля, огонь и воздух.

⁷ В данном двустишии поэт выступает против антропоморфистов, которые представляли бога подобным человеку.

В РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЯМОГО ПОСТИЖЕНИЯ
И ПОЗНАНИЯ РАЗУМОМ

¹ Палочками забывающей рапины — звезды, планеты и другие небесные тела. Низами так же, как античные и средневековые астрономы, при-

держивался геоцентрической теории, согласно которой все небесные светила вращаются вокруг земли.

² По мусульманскому религиозному учению, бог создал звезды, небеса, луну и солнце, чтобы они служили человеку. В последующих бейтах Низами развивает эту мысль.

³ Шахры — небесные своды.

⁴ Их препоясан стан — они готовы служить.

⁵ Т. е. изумленный необычайным порядком, царящим на небесах, и чуть было не стал носить *зунгар* (см.) Надеть зунгар — стать огнепоклонником, поклоняться солнцу и другим светилам.

⁶ Это и следующие двустишия, посвященные осуждению огнепоклонников.

⁷ Под «Рыбой» имеется в виду мифический кит, на котором якобы держится земной шар. Выражение «Мир от Луны до Рыбы» — метафорически обозначает: со дня моря до Луны, т. е. весь полуданный мир. В оригинале присутствует игра неполной омонимией слов «мах» (луна) и «махш» (рыба).

⁸ Куполы — небесные своды.

⁹ Индийские маги, поклоняясь, словно *микрабу* (см.), ячменным зернам, с их помощью стараются предугадать грядущие события, но это пустая затея. Так же бесплодны старания астрологов, пытающихся с помощью каких-то камней предугадать будущий ход событий. В этом и последующем двустишиях солнце, луну и звезды поэт сравнивает с именованными зернами — шпичкожой крупницей (см. *джеу*) и «камушками» астролобии.

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ

¹ По коранической легенде, Алах сотворил человека из глины.

² Комок земли и влаги — сотворенный из глины человек, физическое тело которого в значительной степени состоит из воды.

³ Согласно воззрениям позднейших мусульманских теологов, ислам распался на семьдесят две секты, из которых лишь одна идет по истинному пути.

⁴ Поэт сравнивает себя с розой, а свою поэзию с розовой водой. Т. е. поэт просит бога сделать так, чтобы его поэзия и после его смерти благовладела и источала сладость, как розовая вода.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА ВЕЛИКОГО, ДА БЛАГОСЛОВИТ
ЕГО АЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ

¹ Т. е. благодаря Мухаммеду, набраннику Аллаха, все бытие до него пророки обрели прозрачность, пронизательность, их талаз обрели свет.

² Он источал аромат, пропитательность, словно рейхан (базиллик) в утреннюю пору, и через него божественные истины дошли до нас, ибо Коран был дан Аллахом Мухаммеду в виде откровений.

³ Жемчужина-сирота — бесподобная жемчужина, не имеющая себе равных по красоте. Мухаммед в детстве лишился родителей и рос сиротой, поэтому Низами сравнивает его с бесподобной жемчужинкой-сиротой.

⁴ Имеется в виду священная книга мусульман *Коран*.
⁵ «Друг господ» — Халиль — прозвище пророка *Ибрагима* (см.); Келим — «Внимавший богу» — прозвище пророка *Мусы* (см.).

⁶ Поэт намекает на то, что пророк Мухаммед в молодости часто удалялся от людей в пустыню и проводил время в раздумьях об Аллахе в обществе змей, ищериц и т. д.

⁷ Т. е. синиш с его души позор его грехов. *Зунгар* (см.) здесь употреблен как символ греховности, неправой веры.

О ТОМ, ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО НАПИСАНИЮ КНИГИ

¹ Утренняя заря уподоблена *халифу* (см.) — духовному и светскому властелину мусульман.

² Т. е. из тьмы возник небесный свод, дожидаясь своего султана — солнца.

³ В средние века по городам ночью ходила ночная стража, которая через определенные промежутки времени звонила в колокольчики или била в барабан, оповещая о том, что стража бдит. В последний (пятый) раз стража играла на рассвете. Пение и гомон птиц сравниваются с последней стражей.

⁴ Чаша *Джемшида* (см.) — сияющее солнце.

⁵ Семь *фагфуров* (см.) — семь планет, семь императоров небесного царства.

⁶ Восточный хан — солнце; ночной хан — поэт, пишущий стихи ноши напролет.

⁷ Чтобы открыть замок на двери сокровищницы поэтических слов, из камня (руды) добыли железо, из которого ты можешь изготовить ключ; т. е. твоя душа сейчас наполнена драгоценными словами, приступай к творчеству.

⁸ Т. е. ты настолько искусен в поэзии, что перед твоим поэтическим пером тростниковое перо искуснейшего писца *Угариды* (см.) — Меркурия кажется ржавым гвоздем, а покровительница и богиня искусства *Зухра* (см.) — Венера от зависти к тебе рвет на себе одеяло.

⁹ По легенде султан *Махмуд Газневидский* (см.) заказал великому *Фирдоуси* (см.) поэму «Шах-наме» и обещал заплатить за каждое двустишие по золотому динару, но не сдержал своего обещания и вместо 50 000 золотых динаров заплатил 20 000 серебряных дирхемов. Раздосадованный поэт отпарился в баню и все это серебро разделил между банщиков и продавцов шербета (сладкого напитка). В этом и последующих стихах поэт намекает на указанную легенду.

¹⁰ Поэт скромно ставит себя ниже своих предшественников, «сверляв-

ших рубины слов» с помощью щедрости царей, чьи великодушные руки уподоблены алмазу.

¹¹ Лишь те поэтические слова могут подняться выше созвездия *Плезд-Сирейя* (см.), которые поэт создает, не испытывая нужды и житейских невзгод.

¹² По поверью, все зарытые в землю сокровища охраняются змеями, драконами, которые, сидя на сокровищах, шатаются землею, прахом. Поэт сравнивает свой талант с сокровищем, себя со змеей, сидящей на сокровище, а свою ячленную лешку — с черной землей, которой питается змея.

¹³ Сравнивая себя с паселю, поэт хочет сказать, что он живет в стесненных, словно улей, обстоятельствах, но зато источает сладкие, как мед, поэтические слова.

¹⁴ Под шаханшахом (царем царей) поэт подразумевает казачика помы, великого атабека Мухаммеда Джахан-Пахлавани Иль-Дениза (1075—1086), правителя Азербайджана и значительной части бывшей Сельджуцкой империи.

В ПОХВАЛУ ТОГРУЛ-АРСЛАНУ

¹ *Хабеш* (см.), *Тамгадж* (см.), *Чач* (см.) и *Шунгар* (см.) — далекие друг от друга области и города. Смысл двустишия: Поэт не мог предложить законченную поэму султану потому, что тот находился в походах, присоединяя к своим владениям далекие области и города.

² Он добился невиданных успехов, даже поймал невидимую сказочную птицу *Анку* (см.) и воздвиг ее над своим царским шатром, а золотой и блестящий его венец возвышался выше и сиял ярче созвездия *Плезд*.

³ Т. е. султан Тогрул III перешел реку Джейхун (Аму-Дарью) и дошел до Памирских гор.

⁴ По тогдашним географическим представлениям, обитаемая часть земли состояла из семи поясов, «климатов». Гиперборицу завоевания султана, поэт хочет сказать, что он покорил весь земной шар и девять небесных сфер.

⁵ Властелин тюркских стран — хакан и кесарь византийский подчиняются ему и платят дань.

⁶ Поэт молит Аллаха, чтобы Тогрулу не взглянул и он все и был окружен «благоухающей атмосферой».

⁷ Сити — сокращенная форма от арабского слова «сайлидати», которое буквально обозначает «земля господжа». В средние века придворных певцов и танцовщиц презрительно звали сити, а их начальницу — мексита.

⁸ Джам — город в Хорасанской области. Т. е. за мои стихи город Джам может явиться наименьшим подарком.

⁹ Соломон (см. *Сулейман*) — библейский царь, который, по легенде,

умел говорить со всеми живыми существами и небесными телами. Рыба, на которой по легенде стоит земля, — символ всего земного, мелких тварей, а Луна — олицетворение небожителей. Т. е. мудрый Соломон говорил и общался и с мирскими существами, и с великими небожителями.

¹⁰ Золта — специальный сорт глины, песчка, которыми пользовались ювелиры при плавке и обработке золота.

¹¹ По представлению средневековых астрономов, земля была неподвижна, небесные сферы вращались вокруг нее. Смысл бейта: Аллах, храня султана Тогрула до тех пор, пока существует земля, а небосвод вращается вокруг нас.

В ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА ВЕЛИКОГО ШАМСЕДИНА АБУ-ДЖАФАРА МУХАММЕДА ИБН-ИЛЬДИГИЗА

¹ Шамседдин по-арабски буквально значит «Солнце веры».

² В этом и следующем бейтах поэт говорит, что пророк Мухаммед, создав новую религию — ислам, объединил арабов и властвовал над ними, а атабек Шамседдин Мухаммед стал владыкой всего джирендарского царства и ныне правит всеми персами.

³ Т. е. пророк Мухаммед создал ислам, а атабек Шамседдин Мухаммед утвердил на земле законы этой веры.

⁴ Имя «Мухаммед» содержит три буквы «м», а буква «м» в начале и середине слова в арабской вязи пишется в виде кружочка, напоминое колыма. В середине века рабы носили специальные металлические колыма в ушах. Поэт утверждает, что буквы «м» в имени «Мухаммед» — символ того, что мир является рабом пророка Мухаммеда и атабека Шамседдина Мухаммеда.

⁵ Поток щедрости атабека поэт сравнивает со всемирным потоком и утверждает, что он даже превосходит последний, ибо всемирный поток не смог затопить все, и пророк *Нух* (см.) сумел пристать со своим ковчегом к горе Арарат.

⁶ Атабек Шамседдин Мухаммед, рассекая черные тучи алчности могучим мечом, проливает свои щедроты, словно дождь; этим же мечом он завоевал все семь обитаемых частей земли.

⁷ Бездина и чернота — день и ночь, т. е. подлунный мир.

⁸ Четыре вена — четыре стихии (вода, огонь, воздух и земля); семь просторов — семь обитаемых частей, «поисов» земного шара. Смысл бейта: Шамседдин, отец Мухаммеда Джаван-Пахлавана и Кызыл-Арслана, покидая этот бренный мир, вернул четыре стихии, т. е. навел на ней должный порядок.

⁹ Китай в поэзии Низами страна тюрков, не соответствующая современным географическим представлениям; тюрки — символ бездны, красоты; Абиссиния (Хабеш) олицетворяла черноту, страну мрака. Поэт обычно употреблял Китай и Абиссинию как антонимы, для обозначения самых отдаленных краев земли.

¹⁰ Индиец — символ черноты. Так как восточные правители обычно держали чернокожих рабов, то индиец в данном контексте обозначает «раба»; тюрки и румыны (инзантипы) в классической поэзии олицетворяли бездну, красоту и противопоставлялись чернокожим. Смысл бейта: Когда он проник в *Рум* (см.), т. е. Турцию, он превратил белое свободное население в чернокожих рабов.

ОБРАЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАНИЯ ЗЕМЛИ

¹ По легенде у Соломона (см. *Сулейман*) был перстень, на котором было написано «Аллах». Благодаря этому перстню все живые существа, демоны и духи подчинялись ему. По легенде, изложенной Низами в поэме «Искендер-наме» при *Искендере* (см.) — Александре Македонском впервые было изготовлено зеркало из полированного железа.

² В период правления Аббасидов (750—1256) синий цвет служил символом траура. Смысл стиха: Мы привыкли видеть тебя на троне на слоне, но если мы на слоне увидим чужой трон, то пусть он будет траурным треном.

³ Теперь, когда мечом из железа ты покоришь мир и собрал огромные сокровища, удались во дворец, украшенный железными зеркалами (зеркала изготовлялись из полированного железа), одаривай поэтов и слушай их стихи.

⁴ Я первая, пенчая птица, воспевшая твои доблести, и если ты будешь милостив ко мне, я, словно соловей, буду складывать песни в твою честь; если же ты лишешь меня своей благосклонности, то я превращусь в ворону.

⁵ Поэт намекает на то, что он давно не слал стихов в честь атабека Шамседдина и объясняет это тем, что он искал подходящую его величю тему для большой поэмы.

⁶ В этом и последующих стихах поэт объясняет свой отказ служить при дворе атабека и сопровождает его в походах своей неподвижностью и неподвижническим образом жизни.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ШАХА МУЗАФФАРАДИНА КЫЗЫЛ-АРСЛАНА

¹ Низами считал красный цвет символом Руси. Смысл стиха: он из-под *Занг* (см.) — Запизбар, черную страну, населенную неграми, красной русской рекой, т. е. прольет столько крови, что страна черных превратится в красную реку.

² Если бы старый Сатурн не служил у него рабом и стражником, если бы его не удерживало чувство ответственности и страха перед атабеком Кызыл-Арсланом, то он давно свалился бы с небес.

³ Бейт переведен неточно. В оригинале сказано: «Если он будет венец,

то пусть сплунут все ширь, вино и вишочерпни, ибо от этого не убавится веселья и радости.

⁴ В 1175—76 гг. восточные астрономы во главе со знаменитым поэтом Анвари (ум. 1189) на основе расположения звезд предсказали, что в 1186 г. произойдет страшная буря и наступит конец света. Этому предсказанию Низами посвятил целую главу в поэме «Сокровищница тайн».

Здесь поэт выражает сомнение в возможности мировой катастрофы и утверждает, что если даже она произойдет, то ничего страшного не случится, ибо у нас есть такой вождь, как Кызыл-Арслан, мудрый, как Соломон. В последующих двуступиных поэт развивает эту тему.

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ ЭТОЙ КНИГИ

¹ Поэт намекает на то, что благодаря благосклонности атабеков Мухаммеда Джахан-Нахлавана и Кызыл-Арслана у него есть возможность высказываться, писать свободно, не опасаясь преследований, и поэтому он должен торопиться, ибо времена могут измениться.

² Поэт уподобляет десять лепестков лилии немым языкам. Смысл бейта: Говори коротко, но красиво, как роза, которая цветет непродолжительное время, но зато источает дивный аромат; не болтай много, подобно лилии, которая цветет долго, но, несмотря на то, что имеет десять лепестков-языков — немая, ибо не источает аромата.

³ Рельефные изображения, высеченные задолго до описываемых событий на горе Бисутун (см.) впоследствии связывались с легендой о Хосрове, Ширин и Фархаде.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

¹ В описываемые времена шахские слуги носили специальные пояса, отличавшие их от других слуг. Они отличались большой расторопностью и готовностью выполнить любое поручение своего господина. Отсюда пояс стал символом готовности служить. Я преподсался — я приготовился написать эту поэму.

В ОПРАВДАНИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

¹ Т. е. воспевая любовь огнепоклонников-язычников, не замарай чистый лист своих деяний. Согласно мусульманским законам, запрещено есть мясо животных, если они не забиты специальным образом.

² Друг Низами называет «костью падала» легенду о любви Ширин, Фархада и Хосрова, которые были огнепоклонниками-язычниками.

³ Т. е. ты обладаешь волшебным пером, которое, словно ключ, открыло тебе «Сокровищницу тайн».

⁴ Золотые монеты, чеканившиеся в столице халифата Багдаде, отличались точностью веса и чистотой пробы.

⁵ Мясник, зарезав барана, вдвует воздух под кожу, чтобы снять шкуру без ножа. Поэт хочет сказать: Не вдвуй в меня воздух гордыни подобно тому как мясник вдвует воздух под кожу барана, от чего тот раздувается и кажется больше, чем есть на самом деле.

⁶ По мусульманской легенде, Иса (см.) обладал чудесным искусством оживлять мертвых своим дыханием, но он не смог оживить Моисея (см. Миса).

НАЧАЛО РАССКАЗА

¹ *Парвозим* назван был и т. д. Непереводимая игра слов: поэт обыгрывает неполную омонимию слова «парниз», которое означает «победитель» и «бахрома». Прототипом героя Низами был пранский царь из династии сасанидов Хосров II Парниз (590—628).

² Мускусы хранили в шелковых мешочках.

³ Т. е. когда он покинул колыбель и вышел на жизненное ристалище, мир, боготворя его, принял в свои объятия.

⁴ Шесть сторон — см. пп. 7 и главе «В восхваление бога».

⁵ Он был настолько искусен в стрельбе из лука, что попадал в барабан Зухри, покровительницы музыки и искусства так же легко, как в барабанчик для прищипывания сокола во время охоты.

⁶ Белый див — могущественный злой дух в иранской мифологии, которого сокрушил легендарный богатырь Рустам. Единборство Рустама с Белым дивом вошло в эпосе Фирдоуси «Шах-наме».

⁷ Бузург-Умид буквально означает «Великая надежда». Часто поэт обыгрывает лексическое значение этого имени.

⁸ Колыца *Кейсана* (см.) — колыца Сатурна. Е. Э. Бертельс по этому поводу писал: «О колыхах Сатурна Низами знать не мог, так как они были открыты лишь после изобретения телескопа (не ранее начала XVII в.), поэтому нужно думать, что слово «колыца» здесь употреблено в значении «сфера» (Низами и Хосров и Ширин. Предсказание. Е. Э. Бертельс, М., 1955, с. 508). Однако известный астроном Г. Д. Мамедбеков утверждает, что восточным астрономам задолго до европейцев было известно о существовании колец Сатурна. (Г. Д. Мамедбеков. Низами как передовой ученый своего времени. «Низами», сб. статей. Баку, 1940, с. 103 и далее).

⁹ Длиннорукие — люди, которые накладывают руки на чужое добро; угнетатели, тираны. Смысл двуступицы: Ормуз навел в стране порядок и «укоротил» руки тем, кто гробил своих подданных.

¹⁰ Гулям — здесь мальчик. В середине века при дворных шарилах разврат и противостественная любовь к мальчикам, которых обычно покупали в турецких странах (Туркестане), жители которых отличались белой и красотой лица.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

¹ Завтра роза вдалеке уже стала уплывать — солнце постепенно начало заходить.

² Т. е. заходящее солнце сравнивается с ароматным дымом, который воскуривали также для того, чтобы уберечься от дурного глаза. Блики заходящего солнца уподоблены знаменам; ирак шатра — метафорическое обозначение ночного неба. Смысл бейта: Заходящее солнце, подобно бегущему шару, на своем диске сжигало алоз, распространявшее благоухание, предохраняющее от глаза, и убирало свои знамена, чтобы сшить из них черный шатер.

³ Гурский раб — раб, происходящий из *Гура* (см.). Красные гурские рабы высоко ценились при дворах, и цари обычно держали их при себе.

⁴ В те времена струны арфы делали из особого сорта шелка.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОТЦУ

¹ Под кшарисом, который в классической поэзии был предметом сравнения для стройного стану, Хосров имеет в виду себя.

² Человек, готовый нести любое наказание, отправляясь на суд, надевал на себя саван и, подняв меч, держал его над своей головой.

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАНА

¹ *Баснуда в выси кубесник* — взшла луна.

² *Вкусил столь горький виноград* — потерял прекрасного гурского раба. В оригинале непереводаемая игра, основанная на неполной омонимии слов «гур» — гур, гурский раб и «гура» — незрелый, кислый виноград.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИН

¹ Шестиподный шатер — метафорическое обозначение мира (см. пр. 7 к главе «В восхваление бога»). Шапур хочет сказать, что он путешествовал по всему миру.

² Шемора — ассирийская царица Семирамида, которой легенды приписывают основание Вавилона, устройство всяческих садов и другие заслуги; здесь это имя отнесено к Михин-Бану, имя которой значит «Великая госпожа».

³ Стройный стан Ширин сравнивается с пальмой, черные косы — с неграми, а сладкие уста — с финиками. Т. е. черные косы поднимаются вверх по ее стройному стану, чтобы поцеловать ее голову и уста.

⁴ Т. е. уста источали остроумные речи.

⁵ Бобер — черные волосы, горностаи — белое, прелестное лицо.

⁶ Ее лик был так прекрасен, что планеты, залюбовавшись им, сблизил со своего обычного пути и заплутались. Этот лик был блее луны и утра.

⁷ Рубины — алые губы; жемчужины — зубы.

⁸ Заяи спит с открытыми глазами, но ничего не видит, словно впад в обморок. Смысл стиха: При виде прекрасных глаз Ширин даже те, кто сильнее льва, лишаются сознания, падают в обморок.

⁹ Меджун и Лейли — герои поэмы Низами «Лейли и Меджун», написанной в 1188 г. Этимологически имя «Меджун» означает «безумный», «содержимый злыми духами». Смысл дауштиши: Ширин была намного красивее Лейли, и ее красота смутила бы самого Меджуна, безумно влюбленного в Лейли.

¹⁰ Калам — тростниковое перо, которым обычно шахи подписывали указы, приговоры о казни и т. д. Здесь с каламом сравниваются пальцы Ширин.

¹¹ *По родинкам ее предскажешь путь ночей.* — В подлиннике: «Ночи у ее родинок учатся темноте».

¹² В старину меланхолию лечили снадобьем, в состав которого входили растертые рубины (лалы) и жемчужины. Смысл бейта: при виде ее рубиновых губ и жемчужных зубов большие меланхолией исцелялись.

¹³ В дауштиши поэт обыгрывает омонимии слова «ширин», которое обозначает «сладкая, сладостная».

¹⁴ Небесных семь арен — семь небесных сфер.

¹⁵ Ночная птица (в оригинале — Шевази) — легендарная птица, которая, по поверью, всю ночь стоит, тоскует, дожидаясь наступления утра.

¹⁶ Китайская живопись в средние века пользовалась большой популярностью, считалась образцовой. Низами был хорошо знаком с этой живописью по иллюстрациям в книгах манихеев и посвятил ей специальные главы в своей поэме «Искендер-наме». Говоря о китайской живописи, Низами имеет в виду главным образом манихейскую живопись. Мани (казнен в 224 г.), основатель манихейства (дуалистической религии), был известен Низами прежде всего как искусный художник (см. *Аржанг и Мани*), а последователи Мани, спасаясь от преследований зороастрийского жречества и сваянских правителей, переселились в восточный Туркестан (см. *Китай*). Манихейцы создали искусную настенную живопись и иллюстрировали свои книги высокохудожественными рисунками.

¹⁷ Речь идет о Ширин, ибо сахар синоним сладости, а имя Ширин означает «Сладкая».

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

¹ Т. е. он умеет изображать людей так искусно, что они кажутся живыми, а птица, нарисованная им, так и стремится улететь.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕБДИЗА

¹ Главный лозьот, замешанный водой, — человек, сотворенный из глины, оболочка его состоит из плати (крови и т. д.).

ШАПУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

¹ Небосвод уюдоблен черной збенной доске для игры в *парды* (см.), а солнце — желтой кости. Смысл бейта: Когда ночь респустела свои кукур и светок дня — солнце — сгорело (начало заходится), то его, словно желтый шарик, бросили в ящик для нарда и закрыли черной крышкой — вочным в.босводом.

² Т. е. солнце зашло, наступила ночь, и Шапур может отправляться в путь.

³ Под «блещущими Плейадами» подразумеваются подруги Ширин.

⁴ Ширин увидела портрет Хосрова, изображенный на «благородной бумаге» — худжесте.

⁵ Подруги Ширин разорвали в клочья искусный рисунок, перед которым бледнела китайская живопись.

⁶ Портрет Хосрова уюдоблен кадальнице, жаровне. Смысл бейта: Портрет Хосрова так взволновал, разгорячил их, что они пылали, словно жаровня. Чтобы уберечь себя от нарда этого портрета, они окурлили себя *путой* (см.) и покинули дуг, на котором расположились.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

¹ Ночное небо уюдоблено черной скаочной птице *Анке* (см.), а солнце — душному зерну. Смысл бейта: Когда ночное небо, похожее на черную Анку, заключило в свои объятия солнце, казавшееся по сравнению с небосводом луничным зерном, Ширин с гурнеподобными подругами выехала в поле.

² На современных географических картах не зафиксирована местность под названием Анджарак; в рукописях это название представлено в различных вариантах: Анджук, Ильджук и т. д.

³ «Перисуз» — буквально обозначает «сжигающий перил», «уничтожающий духов». Армянское название, а также местонахождение монастыря под названием Перисуз не удалось установить. Смысл этого и предыдущего двустишия: Когда солнце поднялось, перилки выпали остатки вина для тех растений, которые готони были испить его, а затем красавицы отправились в монастырь «Сжигающий перил».

⁴ Зесье *гурин вино рещила пить меж гурин*. — Ширин, подобная гурин, рещила пить вино среди своих гурнеподобных подруг.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА В ОДЕЖДЕ МАГА-ЖРЕЦА

¹ Птица Чар — чародей Шапур.

² В подлиннике подустиние буквально звучит так: «Ее слова и локпы были подобны искусной почной весе». Т. е. они были несия-черные, словно мускус, и источали мускусный аромат.

³ Т. е. Шапур, подобно черным индийским ворам, ловко украл ее сердце, а Ширин, как белая смелая тюрчанка, бросилась на него, чтобы отобрать украденное.

⁴ Тюрки в поэзии Низами — символ красоты, величия, неизбежности, а индусы — черноты. Смысл бейта: Тюркская красота Ширин была подобна неотразимому тюркскому навету; перед этой красотой не могли устоять даже тюрки.

⁵ Томные париссы — красивые, томные глаза Ширин. Смысл стиха: Даже Шапур, ведавший язык глаз, привычный к прекрасным глазам, лишился дара речи при виде необычайно красивых глаз Ширин.

⁶ Кумир — обычное сравнение для красавиц. В буддийских странах (Индия, Китай и т. д.) в храмах обычно разукрашивали идолов, отсюда и пошло сравнение красавиц с кумирами, идолами, которым поклонялись идолопоклонники.

⁷ Словесный мяч — образ, взятый из игры в *чочан* (см); отсюда выражение «выиграть мяч спора». Смысл стиха: Шапур бросил мяч слова на ристалище красноречия, чтобы затем выиграть его.

⁸ Т. е. на розовых лампах юного Хосрова еще не появился черный пушок.

⁹ Т. е. Хосров настолько сладкоречив, что может своими сладкими словами извлечь жемужину-душу из дала-рубина.

¹⁰ Так он жемужину сверлил многообразно. — Он рассыпал перлы красноречия, чтобы поймать жемужину — душу Ширин.

¹¹ Бану — т. е. Михин-Бану.

¹² Яви свою луну — покажи свое луноподобное лицо.

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИН-БАНУ В МЕДАНИ

1-2 Месяц — Ширин, блестящие звезды — ее красивые подруги. Смысл бейта: Ширин, которая была похожа на месяц, приказала окружающим ее блестящим, словно звездам, красавицам сесть на горнооб-ных коней и помчаться через горы, чтобы добраться за ночь до Медани, к Михин-Бану.

³ Накнуив на солнце черный покров, укрыли его под голубой ливстой небосвода. Т. е. солнце зашло и наступила ночь.

⁴ Двустийние построено на метафорах: синий ларец — небо, узоры из жемужин — звезды, черовиный замок — солнце. Китай — законодатель искусств живописи.

⁵ Выходит из ларца мечта китайских мег. — Ширин вышла из дворца собираясь бежать в Медани.

⁶ Китайские изделия — китайские куклы, т. е. красивые подруги

служанки Ширин, которые были стройны, словно кинарис и услаждали взоры.

⁷ Служанки и подруги помчались за Ширин, чтобы остановить ее, но у них не осталось даже призрака надежды, чтобы настичь хотя бы тень Шебдиза.

⁸ В старинной сказке повествуется о том, что одна волшебница, спасаясь от преследования, бросила на дороге свой грешбок и зеркальце. Грешбок превратился в лес, зеркало — в гору, и старая волшебница грядылась — преследователи не смогли догнать ее. Смысл бейта: Дорога была так непроходима, будто бы здесь уронила свой грешбок и зеркальце полудуныя из сказки.

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

¹ Утомленная волная мгла исчезла, нарисосподобные звезды с крутящейся небосвода скатились в бездну, и из-за облаков появилось солнце рубинового цвета.

² *Вот сахарный Сухейль освобожден от шерсти.* — Саадостная Ширин, напоминающая своим белоснежным белым телом звезду *Сухейль* (см.), сняла с себя шерстяную мужскую одежду, и при виде обнаженной Ширин звезда Тиншария (Сириус) от восхищения и изумления вскрикнула.

³ Душствие содержит целый ряд метафор: лазурь — шелк голубого, небесного цвета, которым обывывала свои бедра Ширин; Пленды — ее бедра, сияющая грудь; лотос — белое тело Ширин; шиповник — тот же шелк зеленого цвета. В поэзии Низами голубой, зеленый и синий цвета часто почти синонимами.

⁴ Сивеса — вода озера; луна — Ширин.

⁵ Т. е. и сеть ее волос вместо рыбы попалось отражение ее луноподобного лица.

⁶ Т. е. ее мускулистые черные косы лежали на ее белом, благоухающем теле. Второе полустишие ирреально неточно. В оригинале сказано: «От ее камфары мир мкнулся липа, измарфара». Есть камфару — идиоматическое выражение, означающее «быть бессильным, немощным». Т. е. ее камфарно-белое тело было недоступно простым смертным.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

¹ Полководец Ормуза Бехрам Чубине, собираясь захватить царскую власть, решил устранить наследника престолоа царевича Хосрова II Парниза. Для этой цели он велел отчеканить монеты с изображением царевича, чтобы отец заподозрил своего сына и желанием захватить престол. Эта хитрость вполне удалась коварному Бехраму.

² Мускускудрые — черноволосые, благоухающие мускусом красавицы, жившие во дворце Хосрова.

³ У Хосрова II Парниза было несколько дворцов, один из них был зеленый. В оригинале «минкуба» — (мускусный).

⁴ Орел — конь Шебдиз, фазан — Ширин.

⁵ Т. е. лицо Ширин было подобно зеркалу с ртутной амальгамой. По утверждению средневековых историков, такое зеркало, подобное луне, созда *Муканна* (см.). Это нехлебское зеркало из ртутной амальгамы излучало свет, заставлявший людей поверить в пророческую миссию Муканна.

⁶ Выпущенные волосы Ширин уподоблены называемым змеям.

⁷ Ширин уподоблена сокровищу, а ее косы — змеям. По поверью, змеи охраняют клады.

⁸ Т. е. ни один волшебник-змеелов, усыпляющий змею своим колдовством, не держал в руках кол Ширин, ибо эти змеюподобные косы мгновенно жалили колдунов и не подпускали их к себе. Здесь речь идет о целомудрии Ширин, о том, что ничьи руки до сих пор не касались ее кос.

⁹ Сад — рай, садовод — страж райских садов, которого по мусульманской легенде зовут Ризван. Здесь страж райских врат и садовод — Ширин; ключ — платье с пуговицами. Смысл бейта: Ширин сняла с себя платье и гранаты ее груди стали доступны взорам.

¹⁰ Солнце — Хосров, Луна — Ширин. Смысл стиха: Солнцеподобный Хосров свернул с дороги, словно для того, чтобы взглянуть на луноподобную Ширин.

¹¹ Зодиакальному знаку Водолея уподоблено озеро, в котором купалась Ширин, а она сама сравнивается с Луной.

¹² *Хумай* (см.) — Хосров; оседланный фазан — его конь. В классической восточной поэзии походка фазана считается необычайно красивой.

¹³ Свои черные, как ночь, кудри Ширин напустила на свое луноподобное лицо.

¹⁴ Серебро — белое тело Ширин; рисунок черной — узоры, образованные кудрями Ширин на ее белом теле.

¹⁵ Т. е. нельзя молиться сразу двум богам.

¹⁶ Когда пускали по кругу чашу, никому не удавалось пить дважды.

¹⁷ По поверью, Земля держится на Быке, а Бык стоит на Рыбе. Смысл бейта: Шебдиз на скаку так ударил копытами о землю, что Рыба и Бык чуть не оголохи.

¹⁸ Ворон — вороной Шебдиз, сокол — владелица Ширин.

¹⁹ Т. е. царевич Хосров от горя согнулся, словно плакучая ива.

²⁰ Изогнутая клонка для игры в чуган делалась из ивы. Смысл стиха: От страдания его стан согнулся и стал словно ивовая клонка.

²¹ *И роз не розов цвет* — Розовые щеки Хосрова перестали быть розовыми, побледнели.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАННЕ

¹ В оригинале буквально сказано:

Смысл ее лица краски несесты,

Она как повобрачная искала своего [нечезнувшего] мужа

Иными словами, Ширин вела себя не как нареченная, а как законная жена, и искала своего мужа.

ПОСТРОПКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

¹ В подлиннике буквально сказано: Когда Ширин установила свою колыбель в Меданье, То она начала источать из своих сладких уст целые блюда меда. Иными словами, обожавшись в Меданье, Ширин начала угощать окружающих сладкоречивыми беседами.

² В подлиннике буквально сказано:

Я горянка, взращенная цветником розы,
От жары мои алые руки (т. е. ланиты) стали желтыми.

³ По легенде, в вавилонском колдовье заточены падшие ангелы *Харут* и *Марут* (см.), которые обучают людей искусству колдовства. Вавилонская колдунья — искуснейшая колдунья.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИН-БАНУ

¹ Т. е. Михин-Бану первым делом начала возносить хвалу богу.
² Столица Аррана Барда славилась, помимо прочего, своим знаменитым «Белым садом».

ПРИШЕСТВО ХОСРОВА

¹ Т. е. у входа в шатер стояли два стражника с обнаженными мечами, оберегая Хосрова от недругов.
² Чернота может зардеться только от огня, а огонь научился отнимать цвет черноты у времени, которое превращает черные волосы в белые (в седину).

³ Т. е. уголь темного, фиалкового цвета, разгораясь, становится красным, как тюльпан.
⁴ Вдох *рейхана* (см.) — благоухание рейхана. Во втором полустишии языки пламени уподоблены завиткам рейхана.

⁵⁻⁶ Утки и куропатки, глядя на сладкое, красное вино, наполнявшее «живот» (внутренность) сосудов, сделанных в виде петухов, от зависти словно сгорали на огне.

⁷ Нарциссы в классической восточной поэзии обычно сравниваются с томными глазами. Черная сердцевина нарциссов при этом уподобляется зрачкам. Смысл стиха: Перед шатром расстилалось поле, напоминавшее цветник нарциссов с томными глазами и фиалками, похожими на кудри красавицы.

⁸ В подлиннике сказано:

С цитронами и гранатами, в избыток украшавшими
пришествие, показывал им фокусы.

⁹ Стоны кеманчи уподоблены мольбам пророка Моисея (см. *Муса*), обращенным к богу, чтобы он показал себя ему.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

¹ Полог — специальная завеса, которая висела у входа в шатер.
² Т. е. Шапур поцеловал землю перед Хосровом. Слово «разрисовал» здесь подчеркивает, что Шапур был художником.
³ Т. е. Ширин страстно припала к картине, изображающей Хосрова.
⁴ Туркестан — здесь обиталище прекрасных, белолицых турчанок, та-рем Хосрова.
⁵ Цветок весны — Хосров.
⁶ Т. е. Шапур как умелый, искусный лучник, обладающий большим запасом стрел, пронзающих сердца, искал хороший лук, т. е. удобный случай, чтобы завоевать сердце Ширин для Хосрова.
⁷ Серебряный кумир — Ширин.
⁸ Влюбившись в Хосрова, Ширин от тоски по нему ночами завывала: даю кудри, черные как ночь.
⁹ Т. е. Хосров Парвиз дал себе зарок никогда не забыть услуг Шапура и воздать ему должным образом.
¹⁰ Изумруд — Ширин; рудник — Хосров; рейхан — Ширин.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

¹ Месяц ясновзорый — луноподобная Ширин.
² *Стал лик его — рубик*. Т. е. Шапур густо покраснел, стал пунцовым. Жемчужина — Ширин. Увидев, в каких условиях живет Ширин, Шапур покраснел и в смущении пал перед ней ниц и поцеловал землю.
³ Т. е. Шапур не снял с себя «колодки» — узы дружбы к ней и, как узник, будет оставаться в этих колодаках.
⁴ Роза роз — Ширин.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

¹ Индустан — родина слонов. Смысл бейта: Гоним напомнил Хосрову, жившему на чужбине, о его отечестве.

² Зенг — *Занзибар* (см.), страна, населенная неграми, синод черноты; *Чин* — Китай (см.), Китайский Туркестан, славившийся белозной своих жителей, олицетворяет белизну. Зенг и Чин здесь метафорически обозначают весь мир. Кроме того, в оригинале поэт обыгрывает омошини слова «чин», которое, кроме Китая, обозначает «извилистый», «вязь».

³ Смысл бейта: Гоним привез письмо, написанное черными чернилами извилистой, замысловатой вязью и сообщившее о том, что трон повелителя мира от Китая до Занзибара пустует.

⁴ Посох — метафорически обозначает «сын». Смысл бейта: Ормуз умер, и смотреть будет теперь на мир глазами сына; мир отнял у него боевое копье и будет жить в мире с ним с помощью посоха — Хосрова.

⁵ Индиго — синий (траурный) цвет, бакал — лаковая краска, пред-

стандартная соподнесение органических красителей с различными минеральными веществами; символ радости и веселья. Смысл бейта: Рок дерзнул и своей мастерской рядом с баканом и индого, рядом с радостью печали.

¹ На мир не следует полагаться, ибо он рано или поздно, словно ивианский вор, обворует тебя, т. е. похитит твою душу, и ты умрешь.

² Предбанник — намек на то, что труп мертвеца омывают перед захоронением.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

¹ Т. е. когда пришла весть о том, что Ормуз, отец Хосрова II Парвиза, умер.

² Он развлекался в обществе вложниц, которые по сравнению с самими жемчугами — Ширин иналоинаи простые булджинки.

ШАПНУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

¹ Т. е. Михин-Бану успела заметить, что и шах влюблен в Ширин, ибо об этом постоянно шептались луноподобные красавицы, окружавшие Хосрова в ее дворце.

² Когда вино в кувшине начинает бродить, оно с силой выталкивает крышку. Смысл бейта: Михин-Бану старалась успокоить волновавшуюся, словно забродившее вино, кровь Ширин, но это был такой же напрасный труд, как попытка замазать солнце глиной.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БАХРАМА ЧУВИНЕ

¹ Ключ победы, сверкая своими устами, заявляет, что с помощью раскудова можно открыть любые замки, преодолеть любые препятствия.

² Бехрам знал, что после того, как он уберет Хосрова, Ормуз ослепнет от тоски по сыну, подобно тому, как в свое время ослеп от слез Яхуб в разлуке с Юсуфом, но, несмотря на это, он обвинил Хосрова в том, что он ослепил отца, и под этим предлогом выступил против него.

³ Он слепоту врага мирил с помощью «слепого», т. е. бесчисленного количества золота.

⁴ Т. е. всюду на территории Ирана Бехрам объявлял ему «шах».

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

¹ Арканы мускуса спускают по плечам. — Черные и благоухающие, как мускус, волосы Хосрова ниспадали по плечам.

² Луна в обоих полустетивных обозначает лицо. Смысл бейта: На лу-

ноподобном лице еще пробивался черный пушок, а лицом полуборозка обрамляла лунный лик Ширин.

³ Т. е. чтобы своим полетом связать землю с небом, они сели в облака.

⁴ Веселится, следовательно за Хосровом, потянулись поводыря, и дуновением подруги Ширин тоже остановили спомы коней.

⁵ Луна и Солнце — Ширин и Хосров.

⁶ Сгорая от страсти, они не могли двигаться дальше, словно их кони увязли в болоте.

⁷ Муравьи — простые люди, прислуга.

⁸ Т. е. вокруг Хосрова и Ширин собралось такое множество народа, что от их тяжести земля застонала и пожаловалась Быку, на котором она стонет.

⁹ Семь областей — семь стран мира (см. *иклим*).

¹⁰ Я стан своей препояшу. — Я надену рабский пояс, чтобы услужить тебе.

¹¹ Слои — Хосров, муравей — Ширин. Смысл бейта: Если такой великий человек, как Хосров, пожелает а дом маленькой, как муравей, Ширин, то она будет счастлива.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

¹ Если крестьянин сеет чистые, хорошие семена в черную грязную землю, то они, несмотря на пребывание в грязи, дадут добрый урожай.

² Перевод несколько неточен. Смысл бейта: К человеку с чистой, благородной сущностью не пристанет никакая грязь.

³ Михин-Бану учит Ширин, что у нее есть две тщи, которые должны следовать за ней: первая — ее собственная тень, а вторая — счастье.

⁴ Т. е. оберегай печать своего сокровища — целомудрие.

⁵ Т. е. не женившись на тебе, он может изведать твою сладость.

⁶ Рабы носили специальные кольца в ушах. Смысл бейта: Ширин внимательно слушала мудрые речи Михин-Бану и ее советы и делала в свои уши, словно рабские кольца.

ХОСРОВ И ШИРИН ИГРАЮТ В ЧОВГАН

¹⁻² Когда бледный, как жемчуг, свет звезд смешался алым, рубиновым светом солнца, последнее вручло повода дня Зухре (Венере) — Ширин и Муштарн (Юпитеру) — Хосрову.

³ Звезды — подруги Ширин, ибо она сама — Луна.

⁴ Т. е. двор полон красивых и сладких, как сахар и леденцы, девушек — подруг Ширин, ловких и искусных в игре назовдиша.

⁵ В подлиннике сложная цепь образов. Клоуши човгана изготовлялись из табаристанской нивы сапфирового (темно-красного) цвета. Смысл бейта: На поле было так много играющих всадниц, что поднятие вверх:

кажущим из них напоминали ивовый лес, а сами всадники были так прекрасны и белошны, что луна, смущенная красотой и близкой луноподобной красавицей, покраснела, стала луновою, как саанда.

⁶ Т. е. играющие в чашах красавицы лонно отбирали летящий мяч у ветра и так выковы подбрасывали его, что чуть не разбивали голову соловьиному диску, выслушавшему из ворот.

⁷ Шобанз — иероним, черный; Гульну — светло-розовый. Бег Гульгуя за Шабданом поэт аллегорически уподобляет содержанию коранической поговорки (За невгодным следует радость или же арифму самому Низаму (Мрачная ночь чернота светлым днем) — ведь Хосров и Ширин немало пережили прежде, чем встретились).

⁸ Павани — солнце; ворон — ночь.

⁹ Поднести палец к очам, точнее, приложить руку к глазам — жест, обозначающий: «Слушаюсь!», «Повинуюсь!», «С готовностью!», «С удовольствием!»

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИН

¹ *Нерая, разорвал он розы оболочку.* — Мир, охваченный радостью, в экстазе любви разорвал рубашку розы, т. е. заставил ее распухнуть.

² Отрад горланок (в переводе — голубей) символизирует весну. Соловьи являются вонями весны, а вороны — осени. Смысл бейта: Роза буйно распустилась, и подняла свое знамя в саду, захватив его.

³ В классической восточной поэзии жасмин — предмет сравнения для белошных красавиц; здесь он метафорически обозначает кравчего, а парфен сравнивается с нашей виной.

⁴ В кавычки заключены названия цветов: «бывший (или коровий) глаз» — девкой, «сливовое ухо» — ирис; «мышиние ушки» — незабудки иди майоран.

⁵ Рвать на себе рубашку — идиоматическое выражение, употребляющееся для передачи состояния восторга. Раньше существовал обычай рвать на себе одежду от сильного горя, в гневе, будучи страстно влюбленным и т. д.

⁶ Ветерок постоянно шептал и уши шиповника о своей любви к нему.

⁷ Режаны боялись показать свое благоухающее лицо, чтобы их не заметили и тут же не сорвали. Плодовые деревья были сплошь покрыты белыми цветами, напоминавшими свадебный наряд.

⁸ Наумуруд — зелень, перла — каша росы.

⁹ *Нисан* (см.) — апрельские дожди. По поверью, жемчуг образуется от капель дождя, проникнувших сквозь толщу воды и попавших в раковину. Ширин здесь сравнивается с благодатным дождем.

¹⁰ Мускусные черные косы Ширин благоухали слабее, чем амбра, а при виде ее сладких рубиновых уст сахар совсем синк.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

¹ За погу повесили разлуку — разлука, преданная казни, больше не угрожала им.

² Раньше во время пира все должны были снимать и оставлять в прихожей свои мени во избежание ссор и драк в пьяном виде. По утверждению Низамы, после описанного случая Хосров никогда, даже во время пира не снимал с пояса меча.

³ Т. е. губы Ширин были так сладки, что ее поцелуй оставил на ладони царя сахар.

⁴ Т. е. когда Ширин не шла, была трезва, поцелуй Хосрова не угрожала к ее устам.

⁵ Когда же Ширин была хмельной, она сама грешила, целуя Хосрова. Хосров так сильно прижимал к себе Ширин, что ее белое и мягкое, как горнистой, тело под шелковым платом краснело.

⁶ Хосров так крепко целовал ее розовые ланиты, что на них оставались синие следы, напоминающие васильки.

⁷ Из-за синих следов поцелуев на своем лунном лице она, подобие Луне, шествующей по синему небесному саду, ходила по синим, т. е. темным садам и постоянно в руках вместо розы держала белла (лудру) чтобы замазывать синяки на своих розовых ланитах.

РАССКАЗЫВАНИЕ ПРИТЧ ХОСРОВОМ, ШИРИН, ШАПУРОМ И ДЕВУШКАМИ

¹ По поверью, живая вода, которая дарует человеку вечную жизнь и молодость, находится в подземном царстве ирака. Легенда о живой воде и попытке Искендера найти ее подробно изложена Низамы в его поэме «Искендер-наме». См. также Хьвр.

² Черный палачик — черный небосвод, ночь. Смысл бейта: Небесный палачик облачился во тьму для того, чтобы стать завесой, оберегающей целомудрие, скромность.

³ Души влюбленных забавались от пошлого благодушия, звезд гневно показывали зубы утренимому рассвету, чтобы тот не смел прийти и прервать веселье парующих.

⁴ Смысл бейта: Зеленое поле, заполненное цветами и розами, источало мускус целыми «грузами ослов», а ветерок разстилал амбру и мускус словно изготовляя снадобе из целебных, благоуханных трав.

⁵ Ширин держала в цепях демона своей страсти, ибо ингда целомудрия напоминала ей о клятве, которую она дала Михн-Бану.

⁶ *Язычников сверкающее чудо* — т. е. Ширин, красотой подобная ку миру, которому поклонялись идолопоклонники.

⁷ Эджебнш (удивительно Сладкая), Сухейль (звезда счастья—Капопус), Фелекназ (каприз судьбы, неба), Хамила (независимая, свободная), Хотан (Госпожа Хотана), Гохермулк (жемчужина царства), Сементурк (тюркский жасмин) и т. д. — подруги Ширин.

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Т. е. они, смеясь, пустяки в ход рубиново вино.
² Они сидели, в алые губы у них блестяли, как рубины; они открыли свои луноподобные лица, которые белели на фоне красных рубинов, востых в уши.

³ Мораль всех притч одинакова: Хосров нашел Ширин, и это большое счастье для них обоих.

⁴ Согласно средневековой астрологии, сближение Венеры с Юпитером — доброе предзнаменование.

⁵ Ветер — страсть. Смысл стиха: Если Ширин не ответит мне взаимностью, то охватившая меня страсть к ней погубит меня.

⁶ Собрать лапы — истончить перья. Смысл бейтат: Ширин, которая своими перьями источала перья, сама была как пера и своей красотой просверлила сердце Хосрова.

⁷ Т. е. ночь собрала свои пожитки и собралась уйти, чтобы уступить свое место утру.

⁸ Хосров просит утро, чтобы оно задержало свой приход.

⁹ Игра в перстень — дрянная, широко распространенная на Востоке женская игра. Собравшиеся по очереди клали золотое кольцо на тыльную сторону ладони и без помощи другой руки постепенно, подбрасывая кольцо, двигали его к пальцу. Выигрывала та девушка, которой удавалось надеть кольцо на мизинец. «Убрать перстень» — идиоматическое выражение, означающее: кончить игру и разойтись по домам.

¹⁰ По мусульманской легенде, дьявол проник в рай в образе змеи. Приняв облик змеи, он уговорил павлина взять его с собой. Павлин согласился. Тогда змея обвилась вокруг его ног, и павлин, перелетев через высокий забор, доставил дьявола в рай. Поэтому ноги павлина так уродливы.

¹¹ Когда розовый конь заря взглянул вороного коня ночью, Т. е., когда заря зашла.

¹² Солнце — Хосров, Луна — Ширин.

¹³ Сахар — сладкие красавицы, миналь — Хосров. Смысл стиха: Там было много красавиц, но Хосров был один.

¹⁴ Т. е. завивать ее кудри, играть ее локонами.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДНИ

¹ Персты, простершиеся над нами, — судьба.

² Очень вечер ждет собака мисника. «Собака не получит желаемого» — идиоматическое выражение. «Есть свою печень» — терзаться тоской, страдать.

³ Солончани издали кажутся водоемами, и этот мрак притягивает в себе жаждущих путников.

⁴ Дуэтишние в подлиннике буквально звучат так: «Если ты найдешь покупателя для своего индиго, то разложи свой товар, будь ты даже у самого Нида». Слово «нид» одновременно означает «индиго».

¹ Т. е. Ширин с готовностью, нежно отвечала ему.

² Согласно понятиям современной поэты медицины, болезни делятся на четыре группы: холодную, горячую, сухую и влажную. На соответствующие группы делались и еда, и лекарства. Каждую группу болезней лечили противоположным по характеру лекарством: горячие — холодными, сухие — влажными и т. д. Жар любви Хосрова к Ширин относится к горячей группе болезней, а сахар тоже «горячий», значит сахар (т. е. сама Ширин) была противопоказаны Хосрову в таком состоянии.

³ Тут на ее губе жемчужина зажеглась. — Т. е. от страсти она прикусывала своими жемчужными зубами губы. И змеяли она от уст оберегаться. — Т. е. она своими извивающимися, словно змеи, кудрями прикрывала свое лицо от уст Хосрова.

⁴ В подлиннике сказано: «От смущения (гнева) она стала словно шип; как прекрасен шип, чреватый красной розой!».

⁵ Т. е. под каждым волоском, жестким от гнева, словно львиные волосы, у нее скрывался мягкий горностаевый пушок.

⁶ Т. е. она убежала, не обращая внимания на его мольбы.

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Царский повар отвесывал все подносимые царю блюда, чтобы доказать, что они не отравлены. Это и называлось «пробой пищи».

² Ты набрось свои арканоподобные косы мне на шею и завладей мною, хотя, может быть, в буду недостойной тебя добычей.

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

¹ Согласно средневековой медицине, страдающему жаждой противопоказана халва, ибо она принадлежит к одной — «горячей» группе (См. прим. 2 к главе «Ответ Ширин Хосрову»).

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

¹ Речь идет о клятве, которую Ширин дала Мухам-Бану: не поддаваться уговорам Хосрова.

² Хотя жертвям да поддет на волю Мубарек. Эта поговорка означает: отпустить раба на волю после смерти. Мубарек — распространенное имя раба. Смысл бейтат: Обещай, что ты будешь моей чело бы после моей смерти.

³ Стих состоит из слонных метафор: змея — Хосров, драгоценный камень, заключенный в себе противоположен — Ширин; роза — Ширин; ко-

двояк — Хосров. Согласно поверью, в голове змея находится драгоценный камушек (шарик), который служит противовесом от змеиных укусов. Смысл бейты: Ты ничего не потеряешь, если расстанешься со мной.

⁴ Смысл стиха: Подобно тому, как козел не разжиреет от быстроты (жаркой) бегов, ты не получишь никакого удовольствия, овладев мною в яростном жару снелхи.

ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ. ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРНАМ

¹ Завести осла на крышу — идиоматическое выражение, означающее: возводить себя в трудное, безвыходное положение. Смысл двустишия: хотя я и оказался в тупике, но сумел выйти из него.

² Смысл бейты: Ведь я и сам горю, и незачем было тебе разжигать меня, глядя на меня своими огненными глазами; я и так терзался почками в пламени страсти к тебе, и не надо было усугублять мои страдания своими невероятными ласками.

³ По древнему обычаю, провожая гостя, в его суму клали припас на дорогу. Если гость задерживался сверх меры, хозяин вытаскивал его суму и клал в нее хлеб, давая знать о том, что гостю пора и честь знать.

⁴ Четырехкратный орел — конь дракон — меч.

⁵ Т. е. монах был парем среди мудрецов, и его взору было открыто будущее.

⁶ Поэт говорит, что он воздерживается от подробного изложения похода Хосрова с византийскими войсками против узурпатора Бехрама Чубине, ибо эти события детально описаны у Фирдоуси в его «Шах-наме».

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БЕХРАМОМ И БЕГСТВО БЕХРАМА

Влстая в ухо ртуть перерывает барабанную перепонку. Здесь е ртутью сравнивается гром барабана, ржание коней, лязг мечей, которые оглушали.

² Смысл бейты: На крыльях стрел, словно орлы, растерзавшие врагов, легли всекая — бераты (см.) коршунам, гласившие о том, что им даруются горы трупов.

³ Кольчугорезы, в медь вбрасывающие яд, — отравленные кольчугорезы. Смысл стиха: Отравленные кольчугорезы погружали бойцов в смертельный сон.

⁴ Т. е. брызги крови заполнили даже блюдца мундajuков. Мундajuк — эмблема в виде полумесяца, укреплявшаяся на вершине древка знамени.

⁵ В знак траура женщины распускали волосы, плакали, причитали (см. *парчам*).

⁶ В подлиннике буквально сказано:

От звука тюркских навои затянулись тюркские нави,

В этом странном тюркском бою.

Здесь применена очень сложная игра с омонимией слов «най» и «тюрок». «Най» в первом употреблении означает трубу, флейту, звуками которых призывали к бою, воодушевляли сражающихся, а во втором случае «най» метафорически означает «горло». Тюрок же означает богатыря, бесстрашного воина; тюркский бой — смертный бой.

⁷ Т. е. Бузург-Умид стоял с астролябией в руках, чтобы определить наилучший момент для иступления Хосрова в бой.

⁸ Хосров напал на слонотелого Бехрама с палицей, шапоминившей по виду слововую ногу.

⁹ Под локоном здесь имеется в виду челка, которую носили индийцы.

¹⁰ В двустишии в оригинале три раза употреблено имя Бехрам. В первый раз имеется в виду Бехрам Чубине, второй раз — Бехрам Гур — герой поэмы Низами «Семь красавиц» Бехрам V (421—438), которого судьба в лице планеты Бехрама — Марса постигла в zenith его могущества, и он загадочно исчез в пещере.

¹¹ Черно-белый или пегий конь — беспрерывно мечаются, сменяющие друг друга день и ночь.

ВОШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА ПРЕСТОЛ В МЕДАНИИ ВО ВТОРОЙ РАЗ

¹ Ресницы, т. е. лежкие взоры Ширин, начали гребить сердце Хосрова.

² Марнам была христианкой, а христиане-византийцы возвысили трон Хосрова до высот четвертого небосвода, где пребывает христианский бог Иисус Христос. Смысл стиха: Хосров не смел думать о Ширин от страха перед Марнам, благодаря сородичам и единоверцам которой он возвратил себе трон.

³ Пустить ослицу в прилод или в Зенджан — поговорка Каравааний пути, соединявший древний Рей (ныне Тегеран) с Азербайджаном. Был труднопроходимым в районе Зенджана (см.). Выночные животные (ослины, кобылы и др.) не выдерживали трудностей дороги и часто выкладывали на этом участке прилод. Смысл поговорки: Выбавь одно из двух илипусти ослицу в прилод или, нагрузив ее поклажей, отправь в Зенджан, зная, что она выкинет прилод по дороге.

⁴ Не мощен звездный свет: ведь звезд разрознен рой. — Звезды тусклят оттого, что рассеяны по небу и не находятся вместе. Хосров намекает на то, что и он, и Ширин не будут сиять полноценным светом счастья, пока они обретаются в разлуке.

⁵ Поговорка: «Мышь не могла пробраться в нору скорпиона, и чтобы помочь себе, она еще привязала к хвосту металл». Так говорится о человеке, который желает решить трудную задачу, но еще больше усложняет ее.

⁶ Поговорка «Негр и так был красив, а от жары еще покраснел» представляет вариант в поэтике широко распространенной поговорки: «Ахмед и так был красив, а еще осна украсила его лицо». Эти поговорки упо-

стреблется применительно к некрасивому человеку, еще более обезображенному каким-нибудь несчастным случаем, или о каком-нибудь трудном положении, еще больше усугубленным каким-нибудь обстоятельством.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВОМ

¹ Имеется в виду автор эпосов «Шах-наме» Фирдоуси.

² Т. е. из ее миндалевидных глаз изливались кровавые слезы, которые устремлялись к ее вкусным, как миндаль, ланитам и словно хотели поцеловать их.

³ Ширин от горя и тоски по Хосрову своими ногтями, похожими на желтоногий, царапала свои розовые щеки.

⁴ Из ее миндалевидных глаз потекли струи слез к сладким, как ушиб (ушиб) устам.

⁵ Хотя и тебе пришлось вытерпеть немало горестей по вине Хосрова, не горюй, ибо ему не удалось отведать твоего икин-плана, т. е. он не смог овладеть тобой.

ЗАВГЩАНИЕ МИХИН-БАМУ

¹ Если ты будешь есть хлеб мятыми ломтиками, подобно тому, как ешь гульшавар — несъезженные лепешки роз, — то ты не станешь рабом гульшавара.

² Все, что ты жадно поглощаешь, в твоём чреве превращается в гниль, а все то, что оставляешь, расцветает, как роза.

Индиец — грабитель, вор. Мир прозван индийским воров и грабителей потому, что он похищает, убивает людей. Убить мир — отрешиться от него. Смысл двустишия: Если ты убьешь мир, что подобен индийскому вору, за то, что он похитил твоего отца, то с тебя не взыщет никто, ибо ты законным образом отомстил ему за своего отца.

³ Кинь горбушу — кинь небоеводу.

⁴ В подлиннике буквально сказано:

Мудрецы, которые от этих тайн мира страдают,
Подобно розам, целуют руки тех, кто обезглавлив их.

Обезглавить розу — сорвать ее с куста.

⁵ Осуждая ханжей, поэт хочет сказать, что они проповедуют отказ от благ мира и всего мирского, чтобы эти блага достались им самим.

⁶ В подлиннике сказано:

Подьявники ошупывают сотни групп,
Чтобы стащить с них одежду и самим носить ее.

⁷ Этот мир и все мирские бrenны, единственно достойное занятие для человека — жить так, чтобы жить с собой и могилу запас добрых дел и безмятежное имя.

ВОЩАНИЕ ШИРИН

¹ Диван (см.) — правительственная канцелярия, управление, суд. Смысл стиха: Ширин стремилась к тому, чтобы ее совесть была чиста.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

¹ Отряд алых лучей, схожих с румянами — византийцами, навал на черноконный отряд ночи; т. е. рассвет разогнал ночной мрак.

² Юсуф — солнце, апельсин — солнечный диск (см. Юсуф и Зурейха).

³ Т. е. от страха перед царем речки их растеклись, словно ртуть, и они бормотали что-то невнятное.

⁴ Поэт обыгрывает омонимичность имени Чубине, которое означает также «деревянный».

⁵ Имеется в виду Бехрам-Гур, герой четвертой поэмы Низами «Семь красавиц».

⁶ В подлиннике буквально сказано:

Потому лиса царствует над волком,
Что лиса видит сеть, а волк видит лишь рыбу.

⁷ Т. е. многие шахи затевали ссоры, междоусобия по совету болтунов.

⁸ Часто из-за необдуманного шага грудь царей становится мишенью для стрел вместо того, чтобы нежиться под шелковыми одеждами.

⁹ В оригинале читаем:

Не ешь хурмы столько, чтобы она превратилась
в колочки

И чтобы она отдавала во рту горечью.

¹⁰ Употребление в пищу мяса павших, не зарезанных с соблюдением особых правил животных, было запрещено исламом, однако, этот запрет переставал действовать в случаях всеобщего голода, недорода и т. д. Поэт советует быть умеренным в еде и есть в таком количестве, чтобы быть полуголодным, чтобы было дозволено даже есть мясо павших животных.

¹¹ Поговорка «Миробалан должен быть рядом с миробаланом, а сахар с сахаром» употребляется в тех случаях, когда несоместимые по характеру люди пытаются дружить.

¹² В подлиннике сказано, что многие, подражая полководцам, привязавали к португезе меч, но эта выходка многим стоила головы и многих полководческих низвергла в черную землю.

¹³ Полушер — небо, от вращения которого происходит ночь и день; черпо-белый конь — день и ночь.

¹⁴ Смысл этого и следующих двустиший: Я не внию честолюбивых ослов, сластолюбивых мух и воровов, вроде Бехрама Чубине, стремящихся

к сеноводу — к власти, к халате роскошного пана — государственной казне и глубинах ради одной ягодицы пенья шажирное дерево, это в порядке вещей; нужно жалеть и оберегать саму власть, государственную казну и славу страны, а этого можно достичь лишь справедливой политикой и заботами о подданных.

¹⁵ В подлиннике буквально сказано:

За счет чужого серебра не золоты ты свой дворец,
Ибо от этого пострадает пана, а казна продырявится.

¹⁶ В подлиннике сказано:

На этом возбужденном базаре ты оберегай
Померанец москательника от колотушки прачек.

Двуступице елошь состоит из метафор; возбужденный базар — этот существительный мир; померанец москательника (снадобы, изготовляющиеся из померанца) — люди, подданные; колотушки прачек — налки насылчиков. Смысл стиха: Царь, оберегая своих подданных от произвола своих чиновников, и тогда тебя не постигнут никакие невзгоды.

¹⁷ Ноги — слуги, прислуга; голова — вельможи, государственные сановники. Смысл стиха: Царь, разгневанный слугами, мелкими чиновниками, карает сановников.

¹⁸ Т. е. замечай достоинства людей, а не их недостатки.

¹⁹ В подлиннике сказано:

Нельзя смотреть на маленького врага пренебрежительно,
Ведь у новичков трудно выигрывать в нарды.

Действительно, бывает, что новичок, только что научившийся играть в нарды, выигрывает у искусных игроков.

ХОСРОВ ПРИЗЫВАЕТ БАРБЕДА

¹ *Даренный ветром клад* — песня, сложенная в честь исторического события, имевшего место в действительности. В 615 г. Хосров II Парвиз с огромным войском выступил в поход против Египта, Персидские войска после долгой осады хитростью взяли Александрию и захватили огромные богатства. Добыча, доставшаяся персам, умножилась благодаря случайности — ветер подхватил и пригнал к их лагерю корабли, груженные сокровищами жезов и египетской знати. В честь этого «сокровища, даренного ветром», Барбед и сложил свою песню.

² «Клад Быка» — эта песня была сложена Барбедом по случаю захвата каравана быков, нагруженных сокровищами Египта.

³ Сейчас трудно установить, по случаю пожара Барбедом какой сокровищница сложил Барбед одноименную песню.

⁴ У Хосрова II было несколько тронов, главный из которых назывался «Такдидс (Аркподобный), Барбедом была сложена специальная песня в честь того трона.

⁵ Один из дворцов Хосрова именовался «мускусным», песня Барбеда была сложена в его честь.

⁶ Мускус привозили из *Хогана* (см.), где поднимался в пазобилин кабарги, из желез которых добывался мускус.

⁷ Т. е. песню, сложенную в честь кипариса, Барбед исполнил так искусно, что кипарис дал ему расписку в том, что он полностью передаст себя в руки пенья, который может даже пролить его кровь.

⁸ «Навес Новруза» — песня, сложенная в честь Нового года, сложившегося во время иранского равноденствия — 21 марта каждого года (см. *Новруз*).

⁹ «Михррани» — песня, посвященная древнему празднику Митры (солнца), сложившемуся осенью, после окончания сбора урожая.

¹⁰ Т. е. когда Барбед спел песню «Охота», то все восхищенные красавицы, подобные Зухре, стали его добычей.

¹¹ Предание о *Саванне* (см.) было широко распространено в народе и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси. Трудно сказать, речь идет о песне, сложенной Барбедом, или же о народной песне.

¹² Об *Иредже* (см., убитом братьями, также существовало множество песен в народном творчестве. В данном случае, по-видимому, речь идет об обработке этих песен, осуществленной Барбедом.

¹³ Т. е. Хосров часто хвалил Барбеда, восклицая «Браво!», «Прекрасно!».

¹⁴ Т. е. каждый раз, когда царь восклицал «Браво!», «Прекрасно!», князьям щедро вознаграждал Барбеда.

¹⁵ В стихе трижды употреблено слово «зих» и обыграно его омофония. «Зих» означал золотоканную кайму на царском кафтани, халате. В подлиннике беит выглядит так:

Как прекрасно слово «Прекрасно!»
Может дарить драгоценную одежду с золотой каймой.

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРНАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

¹ Т. е. Хосров заклинал христианку Марнам именем Исы — Иисуса Христа, чтобы она была снисходительна к Ширин.

² Вавилонский народ — иудейский народ — иудейский ангел *Харут* (см.).

³ Марнам спрашивает женщин с глиняными горшками, расписанными снаружи красивыми узорами, но используемыми для мусора.

⁴ *Петлею мускусной тоску я утону* — залуду себя своими мускусными косами.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

¹ *Лунный свет* — Ширин; *дал* — Ширин; *дарец* — дворцовая башня, крепость.

² Т. е. Марнам расцелит себя надобие Иисуса Христа.
³ Т. е. если Марнам увидит Ширин, то она словно див-богатырь оседает дивного, поровнистого коня и умчится к себе на родину или же начнет войну.

⁴ Китайские узоры — тонкий хитроуслыный план.
⁵ Т. е. замок Ширин напоминал взводное море, пенные волны которого были подобны нектару.

⁶ Имя коня главного героя «Шах-наме» Рустама — Рахис, что метафорически означает добрый скакун.

УПРЕКН ШИРИН ШАПУРУ

¹ Сердолок — здесь прекрасные уста; т. е. ее злые уста своей красотой смагали ее упреки.

² Румийская мастерская — мастерская византийских художников, живописи которых, наряду с китайской, считалась самой совершенной. Под «картинной румийской мастерской Ширин имеет в виду Марнам, а под «армянской сладостью» — себя.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

¹ Услада райа — Ширин.

² Т. е. Шапур, как покорный индийский раб, преклонялся перед луноподобной Ширин.

³ Низачи относит чисто мусульманский обычай разговаривать с незнакомой женщиной через занеску ко времени описываемых событий.

⁴ Два сахарных замка — губы; жемчужины — зубы. Т. е. Ширин сняла замок с сахарных губ и жемчужных зубов и начала говорить.

⁵ Сладкая пальма — Ширин, — начала вести такие сладкие речи, что финики начали теряться завистью.

⁶ Ферхад машинально поднесл пальцы к глазам, говоря этим жестом: «Слушаюсь!».

ПЛАЧ ФЕРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

¹ Нисар (см.) — здесь: жемчуга. Смысл бейта: он спынал пурпурные жемчуга слез вокруг себя, и от этих кровавых слез его лицо стало похоже на заросли тюльпанов.

² Ругу (см.) — жглили, чтобы ее дымом отогнать злых духов — дивов, ведьм и т. д.

³ Т. е. он забыл о том, что он Ферхад.

⁴ Т. е. он слал прекрасные стихи о прекрасной Ширин.

⁵ Он жил, нося в душе образ Ширин и совершенно забыв о своем «я».

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

¹ Грابتельница душ — Ширин.

² В подлиннике сказано:

Сердце Хосрова по-своему обрвалось,
 Что ему стал единомышленником еще один лишенный сердца.

Т. е. он по своему был рад тому, что нашелся товарищ по несчастью, что Ширин разбила еще одно сердце.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

¹⁻² Смысл слов Хосрова сводится к следующему: «Я приложил немало усилий, чтобы достичь вершины царского могущества, стать недоступным простым смертным и хочу провести праздник в обществе высокопоставленных людей, а мне навязали деревенщину, мужлана. Ширин посмеялась надо мной, желая «украсить» мой праздник игрой этого одержимого, который, как и все припадочные, при виде новой Луны (имеется в виду Ширин) падает в обморок».

По мнению средневековых медиков, болезнь одержимых, припадочных (эпилептиков) усиливалась во время новолуния.

³ Для лечения меланхоликов существовало специальное снадобие из растертых жемчугов, рубинов и золота.

Упомянув золото, поэт одновременно намекает на это лекарство.

⁴ Т. е. золото многим ослепляло глаза, при виде золота многие крепки, как железо, люди ослабевали.

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

¹ Т. е. Ферхад, опустив голову, забыл об окружающих.

² Чтобы соблазнить Ферхада, перед ним поставили огромный, как слон, ларь с золотом.

³ В подлиннике буквально сказано:

Так как в его чистом сердце была лишь одна жемчужина,
 То все другие жемчуга, золото и прах для него были одинаковы.

Т. е. кроме одной жемчужины — Ширин — ничего не имело цены для него.

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

¹ Ферхад, считая себя больным, одержимым, заключает, что ему нужно находиться вдали от луны, ибо болезнь эта усиливается в новолуние (см. прим. 2 к главе «Совещание о Ферхаде»).

² Т. е. Ферхад должен отказаться от Ширин.

РАССЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОВЫ ЕГО

¹ Т. е. он проливал кровавые слезы, высекал из глыб крепкими, как алмаз, ресницами слезы жалостного поэта.

² Т. е. когда заходило солнце и наступали сумерки.

³ Ветер одновременно служит омонимом страсти.

⁴ Т. е. если ты посетил меня, ступив ногой на землю, где я тружусь, то это место станет священным.

⁵ Ферхад называет Ширин святильником, царшей Тараза — города в восточной части Туркестана, славившегося своими белозолотыми красавицами.

⁶ Я могу принести тебе и дар вместо золота желтзну своего лица, а вместо серебра свои серебряные слезы.

⁷ Он наполнял все ночи слезами, подобными жемчугам.

ШИРИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ГОРЕ БИСУТУН,
И КОНЬ ЕЕ ПАДАЕТ

¹ Мыслит гору *гурин*. — Гуриноподобная Ширин мыслит на горноподобном коне.

² Ее *рубин* чья. — Обожаю алмаз уста Ширин.

³ Т. е. он омывал своими кровавыми слезами гранит.

⁴ Т. е. гранитная гора привлекла к нему драгоценную Ширин, чьи уста алмаз, словно рубин.

⁵ Т. е. Ширин хотела покинуть гору, где утонула Ферхада.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН.
ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА

¹ Если на одну чашу весов положить золотые динары, а на другую — янтарь, то, несмотря на то, что золото ценится выше янтаря, янтарь перевесит, если вес его окажется больше веса золотых динаров.

² В стихе Хосров сравнивается с золотом, а Ферхад с янтарем, но Ферхад оказывается весомее Хосрова, ибо у последнего все любви к Ширин меньше, чем у Ферхада.

³ В подлиннике сказано:

Как хорошо сказал изготовитель розовой воды
цветнику роз:
Не бери то, что тебе придется отдать обратно.

⁴⁻⁵ Т. е. лишь тот сумеет избавиться от преследований злого рока, кто унесет свои позитки из этого мира, т. е. умрет и, подобно Мессии (Иисусу Христу) вознесется к четвертому небосводу, где он будет не виден в окружении сонма звезд.

⁶ Дня здесь символизирует изменные страсти. Смысл стиха: Ты можешь спастись от мирских страстей, лишь обуздав их и обретя доброту нрав.

⁷ Глиняная кость — земля.

⁸ См. *пат.*

⁹ Т. е. тебе не удастся обуздать мчащегося коня времени — дни и ночи.

¹⁰ Невеста — земная жизнь.

¹¹ Серебрякоудрая — зинит, прилагательное к невесте, т. е. земная жизнь — древняя; седая (серебрякоудрая) невеста, не привязываясь к ней.

¹² В этом стихе Низами опять намекает на всемирную катастрофу, предсказанную астрологами в 70-х годах XII в. (см. об этом выше).

¹³ Согласно понятиям народной медицины, земля, посыпанная на рану, останавливает кровотечение.

¹⁴ Т. е. мы вскрываем свое дыхание, которое является хозяином нашей жизни, «осенним ветром», т. е. земными страстями, и потому оно нас ведет к смерти; дыхание нужно кормить любовью, тогда оно будет вечно жить, как Ферхад. Дыхание (жизнь) без любви мертво.

ПИСЬМО ХОСРОВА К ШИРИН, ВЫРАЖАЮЩЕЕ
СОЧУВСТВИЕ, НО НАПИСАННОЕ В НАСМЕШКУ

¹ Т. е. твой стройный, как кипарис, стан от горя согнулся; ты так много была по своим розовым щекам, что они покрылись синяками и стали лазурными.

² Пусть будет у тебя тыся сердеч, как у земли, в объятиях которой лежат тысячи сердец, все равно ты не найдешь человека, так беспредельно любящего тебя.

³ В подлиннике: Алтаир — звезда Алфа в созвездии Орла; Поа орлом» Хосров имеет в виду себя.

⁴ Если ты, полная луна, жива и здорова, то пусть не беспокоит тебя исчезновение полумесяца — Ферхада; если цветет твоя красота, то нечего беспокоиться о том, что пропала розника, т. е. Ферхад.

СМЕРТЬ МАРИАМ

¹ Хаким — мудрец; здесь имеется в виду Хосров. Смысл бейта: О Хосров, подумай о делах мирской жизни и знай, что за каждое злодеяние тебе придется расплачиваться.

² В первом подлиннике имеется в виду Мариам (Мариам — арабская форма имени Мария), а во второй строке — дева Мария. По преданию, однажды преследуемая богоматерью Мария остановилась отдохнуть

под восходящей пальмой, но пальма тут же расцвела и принесла ей свои плоды. Смысл бейты: Когда Мариам умерла, Хосров, иссохший от тоски по Ширин, расцвела, словно пальма богини Мариам.

⁴ Убийя о смерти Мариам, Ширин оказалась словно между розой и шипами. С одной стороны, она радовалась ее смерти и от этого расцвела, как роза, а с другой стороны, шипы печали и горя терзали ее: ведь смерть суждена нам всем.

СОЧУВСТВЕННОЕ ПИСЬМО ШИРИН ХОСРОВУ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МАРИАМ, НАПИСАННОЕ В ОТМЕСТКУ

¹ В подлиннике сказано:

Господни, который улаживает наши дела
И который не нуждается ни в нас, ни в нашем служении
ему.

² Т. е. он образует рубины и изянты в сердце простого камня, под землей.

³ Т. е. Хосров вскоре снова обратит взоры на цветник розоподобных красок и заключит в объятия лучшую, чем Мариам, похитительницу сердца.

⁴ В подлиннике сказано:

Жалко, что та кувла не осталась здесь,
Ибо кто остается здесь, тот предается везелью.

Ширин намекает на то, что Хосров скоро забудет ее и станет наслаждаться жизнью.

⁵ Багдад, столица Аббасидского халифата, в середине века слился своими шумными беспрерывными праздниками, роскошью, веселыми пиршествами, а также тем, что там изготавливались красивые летящие короны.

Период процветания Багдада (VIII—IX вв.), когда возникла поговорка: «Багдад не пострадает от исчезновения одной корзины», поэт относит к началу VII в., т. е. ко времени правления Хосрова. Смысл бейты: Ширин со скрытой иронией «утешает» Хосрова, говоря, что Мариам для его роскошного дворца была словно «старая корзина для Багдада».

⁶ Если ты утратил один даял (рубин), т. е. Мариам, то не горюй, ибо таких даялов у тебя целые сокровищницы.

⁷ Здесь Мариам сравнивается с девой Марией, а Хосров — с Исой (Иисусом Христом).

ПИСЬМО ШИРИН ПРИХОДИТ К ХОСРОВУ

¹ Феник — Ширин; шипы — Мариам; лампада — Ширин; дым — Мариам.

² Праздник Мариам — христианский праздник в честь девы Мариам.

Смысл стиха: Когда умерла Мариам, то для Хосрова наступил праздник, такой же веселый, как праздники в честь богини Мариам.

³ Даже глоток воды, выпитый после смерти врага, приносит великое удовольствие, доставляет счастье.

⁴ Т. е. разгорячить, раззадорить Ширин, вызвать ее ревность с помощью другой расторопной в любви красавицы.

ОПИСАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ХОСРОВА

¹ В подлиннике буквально сказано: «С тех пор, как небосвод препоясался [служить людям], на престол не сядешь ни один вешнеевец, подобный Хосрову».

ХОСРОВ, ПИРУЯ, ВОССЕДАЕТ НА ТРОНЕ ТАКДИС

¹ На троне, имевшем форму арки, был изображен небесный свод со всеми планетами и звездами.

² По звездам из самоцветов, изображенным на арке, можно было определять точное время дня и ночи с точностью до часов и минут.

³ Глядя на этот трон, можно было видеть весь мир, словно в чаше *Ложеллида* (см.).

⁴ Самых могущественных царей на Ближнем и Среднем Востоке называли сахибкраниами — обладателями счастливой звезды. Сахибкрани буквально означает: рожденный под знаком сближения двух счастливых планет — Венеры и Юпитера или Венеры с Солнцем. В данном стихе под троном сахибкраниа имеется в виду престол Александра Македонского, героя поэмы Низами «Искендер-наме».

⁵ Раньше на воротах и дверях вешали металлические кольца, которыми стучали по железным пластинам, чтобы оповестить коллег о приходе гостей. Кольцо небосвода в стихе уподоблено этому кольцу на воротах дворца Хосрова.

⁶ Если хочешь добиться величия, не завязывая туго свой пояс, будь щедрым.

⁷ Самая большая дань, которую ты можешь взимать с мира — это радость и везелье.

⁸ Если ты умеешь взимать дань с подданных, то умей и радовать их: ведь радовать лучше, чем брать.

⁹ Согласно представлениям средневековой медицины, жемчуг обладал необычайными целебными свойствами; его порошок входил в состав многих лекарств.

Хосров ел кебаб, предварительно посыпая его порошком крупного («осседающего ночь») жемчуга, за который платил омдским лодцам жемчуга целый «груз золота».

ХОСРОВ ВЫСЛУШИВАЕТ ОПИСАНИЕ ШЕКЕР И СФАХАНСКОП

- ¹ «Шекер» буквально означает «сахар».
² Шекер настолько слаще сахара, что сахар пошел к ней в рабство.
³ Как ветру открыты все просторы, так и двери всех домов и дворов повсюду открыты для Шекер, всюду она с чашей в руках, словно тыльная Чаша тыльница здесь метафорически уподоблена кубку вина.
⁴ Т. е. забыть, вычеркнуть из памяти Ширин с помощью Шекер и, соревнувшись узами брака с Шекер, развязать узы, связывающие с Ширин.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА В ИСФАХАН ЗА ШЕКЕР

- ¹ Т. е. раб от гордости поднял голову до колена Сатурна.
² Твердая вода — лед, который сравнивается с хрусталем.
³ Шекер советует Хосрову есть целый год чеснок, чтобы избавиться от запаха изо рта.
⁴ Т. е. чеснок помог ему избавиться от дурного запаха изо рта, и он стал источать запах, подобный аромату лилии.
⁵ Шекер клянется, что ее девственность еще не тронута.

РАССПРОСЫ ХОСРОВА О ШЕКЕР И ЕГО СВАТОВСТВО

- ¹ Т. е. Шекер хранит свою девственность, словно сахар в мешке.
² Хотя Шекер обещает со многими, но она держит скиру насотого сипского не подпускает к своей сокровищнице.
³ Т. е. Шекер мнила, что она победила Ширин.
⁴ Хосров вскоре отстал к Шекер и держал ее за завесой, словно сахар в мешочке; его влекло к себе царство фиников — Ширин.
⁵ Т. е. Ширин — сама душа, а Шекер — сахар, а сахар может слушать лишь чертогом, т. е. оболочкой души.
⁶ Замочить воду — подмочить репутацию, запятнать себя какими-нибудь неблагоприятным поступком и т. п. В стихе Ширин сравнивается с хрусталем, а Шекер — со влажным льдом, который порочен, ибо влажен.
⁷ В подлиннике сказано:

Нужно осветить страсть (желание).
 Снежка не приводит к увлажнению дель.

- ⁸ Быть в своей шерсти — идиоматическое выражение, означающее быть независимым, даже находясь в жалком состоянии.
⁹ В подлиннике сказано:

Подобно слонам, никому я не сказал о своей тайне,
 Подобно шелковичному червь, скрылся я в своем коконе.

Т. е. подобно слону, я никому не жаловался на свои сердечные раны, и, подобно шелковичному червь, уединился в своем доме (коконе). В стихе обограна неполная омонимия слов «шид» (слон) и «шиде» (шелковичный червь).

¹⁰ Если Ширин заставила кропотливо мое сердце, то я заслужил это, ибо я жаждал ее, а жажда всегда приносит чужую с кропотливостью извмид.

¹¹ Т. е. ждать от возлюбленной верности бесполезно, хранить верность — дело самого любящего. Ведь когда враг промывает целебный бульон (сикбу), то его должен готовить сам больной, а не врач.

¹² В этом мире так хранить свою тайну за занесой, чтобы начальник стражи не явился к тебе и не обаял меч, требуя отчета за содеянное.

¹³ Т. е. если в удачливое, радостное время ты крошишь для себя сотни кафтанов, то ради своего доброго имени разорви хотя бы одну рубашку.

ОДИНОЧЕСТВО ШИРИН И ЕЕ СТЕНАНИЯ

¹ Нубийцы — чернокожие, негры. Так как на черном фоне их белые зубы хорошо заметны, то кажется, что они всегда показывают зубы, смеются: поэтому нубийцев считали символом радости и веселья. В стихе ночь своей чернотой уподоблена нубийцам.

² В середине века во время боя под ноги вражеским копытам бросали железные шпы, вонзавшиеся им в копыта. Так как Ширин кажется, что ночь тянется слишком долго, она, обращаясь к ней, говорит: «Почему ты не уходишь? Может быть, мои стоны и вздохи бросили шпы под ноги твоего скакуна?»

³ В подлиннике сказано:

Допустим, что барабанишку связали руки,
 Разве и Плеядам сломали ноги?!

Созвездие Плеяд появится перед рассветом, и Ширин кажется, что существование на небосклоне задерживает наступление утра, и она вопрошает: «Разве Плеядам сломали ноги, что они не появляются?» Под «барабанишкой» имеется в виду барабанишка ночной стражи, который через определенные промежутки времени бил в барабан. Последний (пятый) раз барабанишка бил перед рассветом.

ВОСХВАЛЕНИЕ УТРА

¹ Утренние молитвы считаются самыми чистыми и искренними, поэтому они в стихе уподоблены свежей розе.

ШИРИН ВОЗНОСИТ ХВАЛУ БОГУ

¹ *И дождалась они в терпении взмаха крыл.* — Имеется в виду пегух, который перед тем, как начинает кричать, взмахивает крыльями. Второе подустствие в подлиннике звучит так: «Нетух провел: «Терпение — слух к радости». Этот афоризм в тексте дан на арабском языке.

² Т. е. освободи меня из заключения подобно тому, как освобождаешь дубин из объятий камня.

³ Это подустствие, взятое из молитвы, приведено в оригинале на арабском языке.

⁴ В те времена узников заключали в глубокие ямы, колоды.

⁵ Пламень, укрывшийся за тканью, — бог.

⁶ Т. е. утренними молитвами сирот, их призывает к помощи. Согласно мусульманским верованиям, крик этот подымается выше небесного престола, ибо «когда плачет сирота, дрожит небесный престол».

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН
ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ

¹ *С рукою у седла.* — В описываемые времена вельможи, сопровождавшие на коне шаха, ссазали с коня и, положив одну руку на седло, а другую себе на грудь, шли пешком сзади до тех пор, пока шах не разрешал им сесть на коня.

² Хосров излучал такой свет, что солнце готово было пасть ниц перед ним; его конь был так высок, что Хосров вдевал копыте рабства в уши месяца.

³ Словом «секира» переведено выражение «дур баш», буквально означающее «Удались!», «Посторонись!». Дурбашем называлось копыте с двумя расходящимися на коние развилками, с помощью которого стражники расчищали дорогу перед царем, крича: «Удались!», «Посторонись!». Зубцы этого коня поэт уподобляет смеющемуся рту с раскрытыми губами.

⁴ В середине века во время поездок над царем держали черной шелковой зонт, верхушку которого украшала золотой сокол с раскрытыми крыльями — символ шахской власти. Этот зонт здесь уподоблен черной крепости, а золотой сокол — крепостной башней.

⁵ В описываемые времена в войсках сасанидских царей существовали специальные учетчики, проверявшие наличное количество воинов. Смысл стиха: Учетчики, считая воинов, сблизил со счета и пришли в смятение — такое множество воинов они увидели, и они решили, что Хосров, наверное, отправляется в поход.

⁶ Серебристая камфара — снег.

⁷ Рубин — солнце.

⁸ Ширин вдевал в знак глубокого уважения к высокому гостю усыпять дорогу перед ним золотыми черепашками.

⁹ Нарцисс в классической восточной поэзии часто сравнивается с томными глазами красавиц.

¹⁰ Т. е. по приказу Ширин специально посланные слуги в знак глубокого почтения осыпали Хосрова золотыми монетами, а дорогу перед ним устлали парчой и шелком.

¹¹ Т. е. как странно и несправедливо устроен мир: Хосрову, не посеявшему ни зерна добра, оказывали исцелские знаки любви.

¹² Т. е. она хлебобольна на скатерти красоты, почему же тогда она отказывает в обычном хлебобольности гостю?

¹³ Царские шапты обычно были шестиугольной формы и изготавливались из разрисованного шелка.

¹⁴ Смысл бейта: Здесь нет белой госпожи, повелительницы, с этой кровли с царем будет говорить черная индийская рабыня, имя которой Ширин.

¹⁵ Т. е. в знак покорности Ширин подвесила к своим луноподобным ушам кольца — эмблему рабства и свое солнцеподобное лицо прикрыла тенью — покрывалом.

¹⁶ *Черною чадрую, что дышит амброю.* — Чадру делали из черных конских волос, поэтому они метафорически уподоблены источающим аромат амбры кудрям; луна — лицо.

¹⁷ В подлиннике это двуступище звучит так:

Эта Хума с красною павлина
Отправилась на крышу, словно фазан в воздух.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

¹ Рубины своих серег, горящие огнем, ты бросила под копыта моего коня.

² Ты насыпала столько рубинов и яхонтов под ноги моего коня, что и от смущения покрасела и стал пушистым, словно рубины и яхонты.

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ В средние века стражники набирались обычно из индийцев.

² Планета Меркурий одновременно находится в лоне двух созвездий, а солнце, с которым сравнивается Хосров, одно.

³ *Рум возил свое копыте.* — Т. е. Маршан из Рума (Византии) возил копыте.

⁴ Обычно в човган играли одним мячом, а в Индии при игре пользовались двумя мячами.

⁵ Ширин считала своей *кыбдой* (см.) Хосрова.

⁶ Ширин сравнивает себя с глиной, которую употребляли в качестве мыла при мытье головы, глину при этом кляли на голову. А «клясть что-либо на голову» — идиоматическое выражение, означающее «оказать кому-либо почет».

¹ Ты не сможешь обвить меня своими руками, для этого твои руки коротки, ибо мое светлое тело обвито перьями созвездий.

² В подлиннике это двуступия звучит так:

С помощью огня, разве сможешь победить льва [моей
красоты?]

Я — Ширин, а не дитя-молокосос.

Говоря об огне, Ширин подразумевает Шекер. В стихе поэт обыгрывает поэзию и неполовую омонимию слов шир (лев), ширин (Ширин) и ширхар (молокосос). Смысл бейта: Тебе не удастся с помощью кого-то огня, т. е. Шекер, одержать верх над моей могущественной, как лев, красотой, ибо не забывай, что я Ширин, а не ребенок.

³ Перевод двуступия источен, оно в подлиннике звучит так:

Я не дитя, с которого сладкими речами
Можешь снять одежду за одну хурму.

Т. е. ты не обманешь меня сладкими речами, тебе не удастся овладеть мною.

⁴ В оригинале буквально сказано следующее:

Я, подобно Зухре, органю, на котором я играю,
Сначала я называю, а затем играю (ласкаю) на нем.

Для настройки расстроенного органаю ему натягивали уши, а «натягивать уши» — идиоматическое выражение, означающее «показывать кого-либо», «соблазнить» и т. д.; понятия «играть» и «ласкать» передаются одним глаголом «нахахтан».

ВТОРОЙ ОТВЕТ ШИРИНИ ХОСРОВУ

¹ Сладкий сердозик — сладкие уста Ширин.

² Сладкие в поэзии всегда ассоциировались с красивым цветом, алхимики ланитами и красивой одеждой. Сравнивая себя с розовоцветкой славянской княжной, Ширин жаждет на то, что теперь она заключена в крепость, словно розовая вода в склянку.

³ Перевод двуступия далек от оригинала, в котором буквально сказано:

До сих пор мои нудусы поклоняются огню,
До сих пор мои глаза подобны хмельным тюркам.

Под «нудусами» Ширин имеет в виду свои родинки, которые находятся на опгненных (румяных) ланитах и словно молятся на них, а глаза подобны хмельным, бесстрашным тюркам, которые смело похищают сердца.

⁴ Т. е. она подобна нераскрывшемуся бутону розы: жемчужина ее девственности не тронута.

⁵ Намекая на Шекер, Ширин говорит, что яблочко ее подбородка

своею красотой заставит отправить обратно в Исфahan все исфahanские яблоки.

⁶ В подлиннике сказано, что одним нежным взглядом Ширин может зановолат Рум — родину белолиных красавиц-тюрчанок, а своим нежным благоуханием купить Хотан — родину мускуса.

⁷ Т. е. у тюрчанки Ширин узкие тюркские глаза, а с узкоглазыми тюрчанками никто не может сравниться красотой.

⁸ В оригинале сказано: «Хотя яблоки моих грудей подростки и стали как гранаты, все равно я могу ими погубить влюбленных и спасти с ума мудрецов».

ВТОРОЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИНИ

¹— Смысл этих бейтов сводится к следующему: Я, подобно свече, не перестану стоять, а свеча стоит и плачет от тоски по меду, из которого сделан воск; я тоже стремлюсь к Сладкой. Почему ты нахмурена, о Сладкая, как душа сахарного тростника (варится на стебле сахарного тростника сравниваются с гниением, нахмуренным челом), ведь сахарная стебель твой весь в наростах от того, что он постоянно опутан узами (узлами) сладости. Почему сердце пальмы в шипах? Наверное, от того, что пальма тоже подала стна узам сладости.

Сравнивая Ширин с сахарным тростником и пальмой, Хосров хочет сказать, что она так надменная, неприступна (опутана узлами гнева) оттого, что находится во власти уз своей собственной сладости.

² Т. е. финиковая пальма, сахарный тростник, будучи сладкими, идут по «сладкому пути», т. е. доставляют всем сладость, а Ширин, будучи самой сладостью, идет по горькому пути и доставляет Хосрову одну лишь горечь.

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ШИРИНИ ХОСРОВУ

¹ Ширин, раскрыв свои рубиновые уста, начала источать сахар сладкие сахарного тростника.

² Т. е. Ширин испустила свои черные волосы на свое лицо.

³ В описываемые времена в шахматной игре пешка не могла шагать на короля, а самая большая фигура, и которую она могла превратиться, был слон.

⁴ Ширин сравнивает себя с газелью и воробьем, а Хосрова — со львом и орлом.

⁵ Ширин прощипывает над Хосровом, говоря: «Когда ты заболел носом, ты точно же сделал себе сидлобе на засахаренных лепестках розы Сахара (имеется в виду Шекер); теперь оинть возвращайся к нему».

⁶ Перевод двуступия неточный. В подлиннике сказано:

Ты одновременно хочешь и Шекер (Сахар) и Ширин (Сладкую).
Но выбирай: или охотись на луну, или лови рыбу.

Под «луной» Ширин имеет в виду себя, а под «рыбой» — Шекер, намекая на то, что разница между ними столь же велика, как расстояние между небом и землей (т. е. Луной и Рыбой, на которой стоит Земля).

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Крестьянин посоветовал легендарному тирану Немроду, беспощадно убивавшему людей: «Ты не торопись убивать людей, а торопись сеять зерна». В стихе обыграны неполная омонимия глаголов «коштан» (убивать) и «коштан» (сеять).

² Перевод далек от оригинала, который буквально гласит:

Нельзя закрыть ворота Фархара перед фагфуром,
Разрушить мост на реке Мулиан.

Фархар (см.) — город в Китайском Туркестане, а *фагфур* — китайский император. Во второй строке поэт намекает на знаменитое стихотворение Рудаки (ум. в 940 г.). Однажды бухарский эмир Наср ибн Ахмад отправился в Герат и разбил лагерь в его окрестностях на зеленом лугу. Эта местность так понравилась ему, что он надолго задержался там и не собирался возвращаться в Бухару — столицу Самаркандского государства. Тогда по просьбе сановников Рудаки написал свою знаменитую касыду, которая начинается словами: «Аромат реки Мулиан доносится до нас». Эмир, прочитав эту касыду, тут же покинул постель и как был, прямо в нижнем белье, вскочил на коня и помчался в Бухару.

Надеемся, намекая на эту легенду, устами Хосрова говорит, что было бы неслабо разрушить мост на реке Мулиан перед властелином, стремящимся в свою столицу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Ширин, блистающая как солнце, над сонмом красавиц города Халдуха — родины красоты, склонилась вниз, сверкая, словно цветок, обрызганный росой.

² Ширин сравнивает речь Хосрова с яввой, которая хотя и цветет, но не дает плодов, ибо слова Хосрова никогда не завершаются делом.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Ширин уподоблена Вавилону, в одном из колодцев которого пребывают в заточении искуснейшие чародеи и волшебники *Харут* и *Марут* (см.).

² См. об этом выше, прим. к сл. «Хосров умоляет Ширин».

³ Хосров обещает Ширин закрыть глаза страсти и низменного пожелания и на коленях просить у нее прощения.

⁴ Хосров сравнивает Ширин с раем.

⁵ Хосров сравнивает себя с Искендером, а Ширин — с женой Искандера, в поисках которой Искандер долго блуждал по свету.

⁶ Хосров говорит, что Ширин в свое время дала ему ложку своей сладости, и он, попробовав ее, безумно влюбился, но потом она отняла у него даже эту ложку.

ПЯТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Т. е. приподняв свои рубиновые губы над жемчужинами зубов, Ширин начала источать жемчужные и рубиновые слова.

² Т. е. какое удивительное совпадение: с неба идет холодный и белый, как камфара, снег, и в моей душе тоже зима, там царит холод. Согласно представлениям средневековой медицины, камфара охлаждала жар, страть.

³ Т. е. снегом.

⁴ Т. е. крупины (см. *шир*) ласки в душе царницы нет.

⁵ В подлиннике буквально сказано:

Я тюрячка, но не та, которая не уважает
арабской речи.

Я не та, которая не ведает искусства муки и
капризов.

⁶ В подлиннике сказано:

Ты был дейлемцем, но избрал царский сан,
Ты продал топор и купил булаву.

Дейлемец — стражник из Дейлема, города и области в северной части Ирана. Дейлемцы отличались белизной лица и высоким ростом, поэтому шахская стража набиралась из дейлемцев. Смысл бейта: Когда ты еще не был шахом, в был моим стражником, ты старался при помощи топора покорить меня своей воле, а став царем, ты выступал против меня, грозя булавой. Булава служила символом царской власти.

⁷ Клад — Хосров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

¹ Двустипшие переведено неточно, в подлиннике сказано:

Мне нужен человек, равный мне по чести,
Ибо подругой павлина может быть лишь павлин.

ОТВЕТ ШАПУРА ХОСРОВУ

¹ Так как камфара, согласно понятиям средневековой медицины, отдувала жар, то речь Шапура уподоблена камфаре. Смысл двустишия: Шапур начал успокаивать вылившего гневом Хосрова.

² Ссора влюбленных подобна вспышке молнии, которая тут же гаснет.

³ Сожженная амбра перестает благоухать.

⁴ В подлиннике сказано: Женщина и луна, очевидно, созданы из одной материи, если ты закроешь дверь, они проникнут к тебе через отверстие дымохода.

⁵ Счастье — Ширин; власть — Хосров.

ШИРИН СОЖАЛЕЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ ХОСРОВА

¹ Т. е. пусть он примет все мои условия и готовится к сватовству.

² Сад роз — Хосров.

СНОВИДЕНИЕ ХОСРОВА И ТОЛКОВАНИЕ
СНА ШАПУРОМ

¹ Хосров хочет сказать, что он спит, а Шапур бодрствует, будучи звездой его счастья.

² В подлиннике: «Я увидел, что в просторном саду лампада подносит мне вино».

³ В подлиннике: «Объясни мне, что значит эта лампада, при свете слепи и луны растакуй мне этот сон».

ХОСРОВ УСТРАНЯЕТ ПИР

¹ Яхонты Джемшида — звезды.

² Внезапный вор — солнце.

³ Т. е. при появлении вора, который сложил в свой мешок джемшиды яхонты, птицы испугались, начали взмахивать крыльями и кричать, а напуганные женщины торопливо бегать туда-сюда, звеня ножными браслетами.

⁴ Черные стражники — негры выглядели вокруг белого царского шатра так, словно черную Эфиопию прикрепили к поле белого исфаханского халата.

⁵ По преданию, Хосров постоянно держал в руке мягкий золотой шарик — символ справедливости; когда же Хосров сжимал его в гневе, золото проступало между пальцами.

⁶ Некиса так прекрасно играл на чанге, что боги музыки Зухра (Венера) заслушались и перестали играть на своем органе.

⁷ Заря любой пирн — Ширин.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

¹ Раскупоривать фuku (см.) — идиоматическое выражение, означающее: завершать незначительное дело. Смысл двустишия: Если ты не удостоишь меня чести подарить тебе розовую воду, быть твоей крапчей, то пусть хотя бы я буду ярловой служанкой у тебя на побегушках.

² Смысл бейта: Если я не сумею быть твоей порничкой и украшать твою одежду узорами, то пусть, по крайней мере, я буду твоей служанкой: тогда я буду жечь ругу, чтобы уберечь тебя от дурного глаза.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВСМ

¹ В подлиннике сказано:

Мое обоняние чувствует аромат друга,
Лампада моей души видит образ моей спарожницы.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ

¹ Он начал петь прекрасные, как розы, слова в ладе «Нору».

²⁻⁴ Китайские зеркала отличались чистотой подделки и искусством изображения. Смысла бейта: «Не бери в руки китайского зеркала, ибо оно отражает всякого, и чьи руки попадет. Тебе нужно такое зеркало, как мое лицо, ибо оно может отражать лишь один твой лик». Ширин сравнивает здесь непостоянную Некису с китайским зеркалом, а свой лик с зеркалом, в котором запечатлен лишь один образ — Хосрова.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВСМ

¹ Запястья ног — золотые браслеты, которые носили на ногах белые, знатные женщины.

² Нариссы — глаза; гиацинты — кудри.

³ Имеются в виду косы.

⁴ Жемчужины — зубы.

⁵ Т. е. пальцы Ширин были так белы, что кинившийся белозной снего меха горностаей от зависти мог бы укусить их.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НЕКСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ
ШИРИН

¹ Ширин уподобляет Хосрова двум мирам — земле и небосводу, стараясь оправдать себя в том, что не пустила Хосрова к себе в замок: если два мира не могут уместиться в одном чертоге.

² Продолжая оправдываться, Ширин уподобляет Хосрова слону и Симургу, а себя муравью и свой замок муравейнику.

³ Полуоткрытые фиштики в классической восточной позе обычно сравнивались с раскрытыми смеющимися губами.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВом

¹ В прежние времена среди мясников существовал такой обычай. Чтобы поймать в стаде самого жирного барана, мясник читал специальную волшебную молитву, с помощью которой «заговаривал» ноги предводителя отары — бородатого козла и вместе с ним обходил стадо. Увидев козла, все овцы собирались около него и мясника, и последний выбирает нужное ему животное. Смысл бейта: Рок заговорил, околоводил меня, чтобы я всегда крутился вокруг тебя.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВом

¹ Т. е. слова песни Нексы воспламенили Хосрова, словно огонь, и Барбед вождем своей песни хотел потушить это пламя.

² Т. е. мне говорят, что она (Ширин) отказала мне в счастье, но я отвечаю им, что я счастлив уже тем, что она счастлива.

ВЫХОД ШИРИН ИЗ ШАТРА

¹ Он несколько поклонился ей в ноги.

² Т. е. отбросив плотскую страсть, он воспылал к Ширин чистой любовью.

³ Ширин — вода, Хосров — огонь.

⁴ Т. е. он распускал ее волосы и закрывал ими ее луноподобное лицо.

⁵ Т. е. Хосров подносил ее ноги к губам, чтобы поцеловать их.

⁶ Т. е. звуки поцелуев заглушали звуки небесной кеманчи.

⁷ Лунный предел — созвездие, в котором находится луна. В персидском языке и созвездие, и башни обозначаются одним словом «бурдж». Т. е. Хосров приказал проводить Ширин в свой замок.

⁸ Хосров велел астрологам выбрать счастливый день для того чтобы луноподобную Ширин привести во дворец солнцеподобного Хосрова.

ПРИЕЗД ШИРИН ДЛЯ ВЕНЧАНИЯ В МЕДИАН

¹ Т. е. когда взошло солнце.

² Встречая невесту, близкие жениха обсыплют их сладостями, фиштак-ками, орехами, но вместо этого Хосрова и Ширин обсыпали жемчугами и самоцветами.

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИН

¹ Семь украшений — семь красок, которыми испокон веков пользовались восточные женщины для своего туалета: 1) хна, которой красили полосы, кончики пальцев и ладони рук; 2) басма — черная растительная краска, которой красили брови и ресницы; 3) белиза; 4) румина; 5) галия — смесь мускуса, амбры и других благовоний; 6) сурьма и 7) золотая фольга.

² Хосров ворвался в Хузистан — страну сладости и вкусил сладости сладкого леденца (табарзада).

³ Вино — губы Ширин; гранаты — ее груди.

⁴ Участники свадьбы после первой ночи новобрачных окрошивали ладони хной.

⁵ Крепость Дизакне — одна из старейших крепостей Аррана, ныне она называется Дизакан и находится на территории Армянской ССР. Слово «Дизакне» состоит из двух частей: «диз» (крепость) и «Акне» (название крепости).

⁶ Белый жасмин — седина. Смысл двуступица: Хосров еще в молодости, подобно Низамн, начал размышлять и печалиться о неизбежной старости.

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ
И ЗНАНИИ

¹ Согласно воззрениям Низамн, добрые деяния человека выступают заступниками за своего хозяина в судный день на том свете.

ВОПРОСЫ ХОСРОВА К БУЗУРГУ-УМИДУ
И ЕГО ОТВЕТЫ

¹ В стихе обыграно этимологическое значение имени Бузург-Умид, которое означает «Великая надежда».

² По представлениям средневековых ученых, небосвод, состоящий из девяти сфер, является границей материального мира, а за пределами небосвода находится непостижимая неизвестность.

³ В подлиннике буквально сказано:

Лишь о том, что приходит и уходит (пронсходит)
Имеет смысл рассуждать, в этой [земной] обители,

² В стихе вместо «воадух» сказано «небесовод».

³ В подлиннике буквально говорится: «Этот мир есть наличная форма этого мира». Иными словами, тот мир (т. е. загробная жизнь) носит духовный характер, а этот мир, земная жизнь — единственная реальная форма существования душевного мира. Поэтический перевод стиха далек от оригинала. Между тем, эта мысль поэта имеет важное значение для усвоения сущности его философских познаний.

⁴ В подлиннике сказано: «Невозможно видеть душу без тела». Поэтому не следует бессмысленно попарить о душе без тела, плоти.

⁵ В подлиннике буквально сказано:

Шах снова спросил: «Если душа существует,
То разве образы тел не абсурдны?»

Т. е. если допустить, что душа продолжает жить и после смерти тела, то откуда же берется образ, внешний вид погибших тел, которые мы видим во сне, где же они живут после смерти хозяев?

⁶ В подлиннике сказано:

Когда сон и мысль объединяются,
То обычно души появляются во сне.

Т. е. когда работа мысли и сон вступают в сотрудничество в воображении, перед мысленным взором возникают картины реальной жизни.

⁷ В тексте буквально сказано:

Ты тот свет, который до того, как приблизился
к земле,

Имея свою обитель над небесами.

Т. е. до того как спуститься на землю в форме плоти, тела, ты жил в виде света (духа) в надземном мире.

⁸ Этот ответ Бузург-Умид соответствует мусульманскому учению о сотворении человека, согласно которому Аллах сначала начертил на своей скрижали, хранящейся в надземном мире, план и судьбу всей вселенной, затем создал землю и небо, потом духов, ангелов и людей, после этого сотворил Адама — прародителя человечества.

⁹ Буквальный перевод двустишия:

Первый из них сказал: «Это похоже на то, как
во сне

Человек бросается в подвороты».

О НАЗНАЧЕНИИ ПРОРОКА

¹ Кадилла и Димна — так звучат по-арабски имена Караката и Динакия, героев Биднаа, сборник которых послужил образцом для

воображения в арабской, персидской и тюркской литературах целой серией аналогичных сборников басен. Источником для первого перевода этого сборника на среднеперсидский язык (пехлеви) послужили идиотские эпосы «Разавина» и «Панчашатра». С пехлеви сборник был переведен на арабский язык в 40-х годах XIII в. Абдаллахом Ибн-ад-Мукаффи. В 30-х годах X в. рационалистик персидско-таджикской литературы Рудак (ум. в 940 г.) осуществил поэтическую обработку сборника, из которого до нас дошли лишь отдельные разрозненные двустишия. Персидско-таджикскую прозаическую обработку в середине X в. завершил знаменитый vizир Саманидов Балави. Впоследствии появились целый ряд прозаических и поэтических вариантов этих басен, осуществленных различными писателями и поэтами. Судя по всему, Низами излагает причту в обработке Рудака.

СОРОК ПРИТЧ ИЗ «КАДИЛЛА И ДИМНА» С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ СОРОКА ТОШКИХ МЫСЛЕП

¹ Все эти сорок притч восходят, как точно установил Е. Э. Бертельс, к сороку рассказам, изложенным в «Кадилла и Димна». Ниже приводится краткое содержание этих рассказов в изложении Е. Э. Бертельса (Ислам и Хосров и Шарин. Пер. К. Линскерова. Предисловие и комментарии Е. Э. Бертельса. М., 1955, с. 533—538).

² Бык, Шатраба и лев, бывшие друзьями, были направлены друг на друга шакалом; в результате бык, Шатраба был разорван львом.

³ Занятие обезьяны плотничеством. Обезьяна, подражая плотнику, начала выделывать забитые в бревно клинья; бревно затесало ей ножку и она упала без чувств.

⁴ Лисица и барабан. Лисица, увидев на дороге толстый барабан, предположила в нем обилие жира, но, разорвав его, обнаружила пустоту.

⁵ Скучной подлинник, проигравший вору одежду. Вор обманул приотворившего его отшельника и завладел подаренными ему царем драгоценными одеждями, отшельник в горючении долго отсиживал кара.

⁶ Ворон и змея. Ворон, желая избавиться от съеданной его змеюшкой змеи, по совету шакала похитил у женщины ожерелье и на виду у всех отнес и змеюшку вору, явившись за ожерельем убил змею.

⁷ Цапля и рак. Цапля, пытавшаяся обмануть путем перенести рака, подобно другим рыбам, из пруда в укромное место, чтобы съесть его, была задушена им.

⁸ Кролик и лев. Посланный на сведения ко льву кролик обманом погубил льва, заставив его прыгнуть в глубокий колодезь.

⁹ Три рыбы и спасение одной из них из сетей. Выловленная и положенная на берег река рыба, притворившись мертвой, бросилась в реку и спаслась от ловивших ее рыбаков.

¹⁰ «Сторож шакала, полка и пороны на убийство верблюда». Шакал

волок и ворон, предварительно створившись друг с другом, обманули верблюда, заставив его предложить самого себя на съедение тигру.

¹¹ «Птица Титанив против морских волн». Морская птица Титанив, праждавшаяся с морем, затоплявшая ее гнездо с птенцами, восстопниа против моря всех птиц и повелительству птица Анку, заставила море смириться и изорвать отпыхах птенцов.

¹² «Утки и черепаха». Черепахе перенесли утку по воздуху, она держалась пртом за несомую ими тростинку, но, заговорив, упала на землю и разбилась.

¹³ «Птица, обещаныя и светлячка». Простодушная птица, заметив, что обещаныя приняла светлячка за огонь, смущалась к шим, чтобы разъяснить им ошибку, и за это поодталась голодной.

¹⁴ «Умный купец и простодушный купец». Коварный купец обманул путем выталоа присвоить принадлежачую простодушному купцу часть пайдиного имн обмни кааа, но благодаря вмешательству судьи, который раскрыл его обман, понес заслуженную кару.

¹⁵ «Лигунка, змея и ласка». Лигунка, желая погубить съедавшую ее детенышей змею, указала ласке дорогу к змеиной норе; добравшись до змеиной норы, ласка съела не только змею, но и детенышей лигунки».

¹⁶ «Поедающая железо мышь и похищающий ребенка сокол». Человек, взынший от своего друга на хранение железо, присвоил его, сказав ложивну, что железо посли мышь. Владелец железа ушел домой и по дороге похитил сына обманщика. На вопрос отца о местонахождении его сына он в свою очередь ответил: «Сокол унес твоего сына»; после этого он сонадел в обмане и возвратил железо владельцу.

¹⁷ «Чуждая жена и сжигающий свой плащ живописец». Живописец увиделся с женой другого о том, что черный плащ будет служить ему отличительной приметой в лунную ночь, а белая подкладка плаща его — приметой в темную ночь. Раб живописца похитил плащ и, выдвиг себя при помощи плаща за живописца, провел часть ночи с возлюбленной живописца; пришедший несколько позднее живописец понял свою оплошность и в огорчении съел свой плащ.

¹⁸ «Несвежестенный врач, смешавший лекарство с ядом». Невежда, выдававший себя за врача, перепутал целебные травы и вместо целебного лекарства приготовил отраву, от которой умерла царская дочь.

¹⁹ «Вяхрь и спасенные голубей из сетей». Голубь вяхрь, погнавшись вместе с другими голубями в сети охотника, уговорил голубей действовать дружно и, похитив вместе с сетью, довелся до крыска, которая не вырвалась улья сетей и освободила голубей.

²⁰ «Свино-ворона, мышь и газель». Ворон, мышь и газель были друзьями; мышь вырвала из беды попанущую в сеть газель, перегрызая сетку, ворон же перетаскивал в клюве мышь с одного места на другое, заставляя при этом свой клюв, чтобы она не выпала из него.

²¹ «Мышь, подвижник и выходящее подвижником золото». Мышь, похищавшая у подвижника продукты, жила в норе с золотом. Вследств эту мышь и поваря ее нору, зощь подвижника обнаружил там золото и разделал его пополам с подвижником.

²² «Волк, умерший от того, что хотел съесть тетиву лука». Голодный волк впал на дороге убитого охотника со стрелами и луком, убитую охотником газель, и прожорливую стрелой доуху свиной. В намерении сорхнуть находку при зааас мозг решил удовлетвориться одной тетивой лука. Едва была вырана тетива, как дух выпрыгнулся и поразил вожака.

²³ «Ворон и сова». Ворона всегда праждавала с совой.

²⁴ «Изгнание слонов от родника вода зайцем». Зощь выдвд себя перед слоном за посланца луны, а источник, находившийся в стране зайца, — за лунный источник, и своєю хитростью заставила слонов не пользоваться этим источником.

²⁵ «Кошка-подвижница, куропатка и заяц». Кошка, притворившись подвижницей, разбирала спор между зайцем и куропаткой и, заставив их прибраться, съела обонх.

²⁶ «Похитение норам барана подвижника». Ворн поочередно уверяли подвижника в том, что его баран является собакой, и, заставив это поверить этому и бросить барана, похитили животное.

²⁷ «Муж, жена и вор». Неповидавший мужа жена при виде забравшегося к ней вора крепко обвила своего мужа, ища у него защиты.

²⁸ «Оборотень, вор и отшельник». Оборотень, намеревавшийся задунить благочестива, и вор, стремившийся украсть у этого же благочестива корову, поспорили друг с другом из-за того, кто должен первым осуществить свое намерение, и в яду пререканий разбукли благочестива, который, таким образом, спаяс от обонх.

²⁹ «Жена столяра и отен жены». Столяр, желая проверить верность своей жены, приталил под кроватью, но, несмотря на совершенное на его глазах прелюбодеяние, был обманут своей женой и поверил в ее верность.

³⁰ «Выбор в мужья мышь девушкой-мышью». Превращенная в девушку мышь вместо солнца, облака, ветра и горы предпочла себе и мужья мышь.

³¹ «Обезьяна и черепаха». Обезьяна хитростью заставила возопитаться черепахе, отвозившую ее к себе домой, чтобы вырвать у нее сердце для лечения своей жены.

³² «Обманывание осла лисицей и доставление его льву». Лисена обманыва путем привела осла ко льву, нуждающемуся в сердце осла для своего излечения. Когда лев растерзал осла, лисица съела его сердце и уверила льва в том, что сердца у осла вовсе не было.

³³ «Попусту мечтавший отшельник и кушине с медом и маслом». Отшельник накопил кушине масла и меда и так размечтался по поводу будущих доходов от их продажи, что в яду мечтаний разбил кушине.

³⁴ «Убийство отшельником невинной ласки». Отшельник проручил газель наблюдение за своим ребенком, а сам ушел. Ласка загрызла змею, лежащую на ребенка. Возвратясь, отшельник увидел кровь змеи на морщавке дочке ласки и, не разобрав в чем дело, убил преданную ласку палкой, думая, что на ней кровь ребенка.

³⁵ «Убийство голубки голубем». Голубь заподозрил голубку в том,

что она съела заготовленное на зиму зерно, в аклевал ее насмерть, после чего убедились, что зерно было не съедено, а выскохло и уменьшилось от этого в своих размерах.

¹⁶ «Разгизали мышью сетей кошка». Мышь постепенно перегрызла сети и последний узел перегрызла в момент прихода охотника с тем расчетом, чтобы кошка не смогла на нее броситься.

¹⁷ «Кубарре, шах и шахзаде». Птица Кубарре выклевала у царевича глаз за то, что он убил в гневе ее птенца, после чего, опасаясь царского гнева, улетела на высокое место и не поддавалась на утешения царя, стремившегося вернуть ее и отомстить за глаз сына.

¹⁸ «Шакал-подвижник и донос на него зверей льву». Подвижник-шакал, за свою честность возведенный львом в высокий сан, был оклеветан другими животными, но в конце концов оправдан и снова назначен на прежнюю должность.

¹⁹ «Странник, золотильщик и змея». Змея за то, что странник вытаскил ее из ямы, спасла его, избавив от казни по подозрению в убийстве царской дочери.

²⁰ «Четгаре сына»: куница, земледельца, царя и богача испытали свои способности, оказавшись в нужде. В итоге оказалось, что больше всего получила сын царя благодаря справедливой судьбе.

²¹ «Юхота лышны и номика ее льята». В отсутствие лышны отправившейся на охоту всадник нашел оставленных в лововнях льят и увез их, что и явилось возмездием за совершенное лышней злодеяние.

ОПИСАНИЕ ШИРУПЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

¹ Т. е. после того, как Хосров постиг суетность жизни, он забил доской дверь этой лавочки сует — мир: т. е. он понял, что жизнь — суета сует, и оторвался от мирского.

² Ширупе — буквально означает «завенюка», а из пасти льва всегда выходит зловоле.

³ В подлиннике сказано:

Он смотрел на нее, словно дивя на пери,
Так, как осел смотрит на ремесло седельщика.

Т. е. он невидел ее, как злой дух ангела и как осел седельщика (седельщик изготавливает седла, чтобы оседлать осла).

ХОСРОВ УЕДИНЯЕТСЯ В ХРАМ ОГНЯ, ШИРУПЕ ЗАКЛЮЧАЕТ ЕГО В ТЕМНИЦУ

¹ Муканна (см.), подняв бунт против арабских захватчиков в Хакмебе, объявил о чуде, призванном доказать, что он является воплоще-

нием божества. «Чудо» его заключалось в зеркале, сделанном из полированного железа и положенном на дно колоды. Муканна заявил, что оно является «чудотворной душой».

Ширин сравнивает Ширупе с Муканной (хотя Муканна выступил со своим «чудом» на сто тридцать шесть лет позднее описываемых событий, в 776 г.) и говорит, что подобно тому, как от старости зеркала порывало и обман открылся, так и обман Ширупе тоже будет вскоре разоблачен.

² Т. е. одержать над миром победу. Как отмечалось выше, эта аллегория заимствована из игры в чадган.

ШИРУПЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

¹ Двурогий — Исхандер (Александр Македонский), герой последней поэмы Низами, в которой пост обличает, почему его прозвали двурогим.

² Звездные узоры — символ колдовской судьбы.

ШИРУПЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ШИРИН

¹ Растертые яхонты, жемчуга и некоторые другие самоцветы и средневековой медицине использовались как лекарства, входили в состав многих целебных мазей.

СМЕРТЬ ШИРИН В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

¹ Хабшский негр — черная ночь; камфара — утро; серебро — горизонт. Т. е. черная ночь, похожая на эфиопского негра, несла на руках утро, словно камфару в склянках; склянка разбилась, и утро растеклось по горизонту.

² Из небесной крепости черная ночь глядела на месяц и заземлялась, из ее чрева показались утро, словно белые зубы изо рта негра.

³ Как только баснула зари, Ширин приказала изготовить царские носилки из благоухающего кезарского дерева — алоэ, разукрашенны их драгоценными камнями и золотом.

⁴ Кады — тростниковое перо с тонким срезом в середине кончика для того, чтобы оно было эластичнее и лучше удерживало чернила. Пальцы Барбела от горя стали словно расщепленные кончики пера.

⁵ Жасмин — Ширин; кипарис — Хосров.

⁶ Мутриб (левей, музыкант) в Африке — ночь, мутриб на Руси — день.

В ОСУЖДЕНИЕ МИРА

¹ Небо названо быкоподобным потому, что на нем находится созвездие Тельца. Смысл двустишия: Мир этот жесток и измечен, не надеясь на него, собери свои пожитки — добрые дела и вовремя отправляйся в вечную жизнь.

² Мир этот — пустынный солончак, и его миражи мавит жаждущих жизни и губят их.

³ В подлиннике буквально сказано:

Много хаджа (паломников в Мекку) упали с верблюдов,
А уояв, не смогли отделить колоковниту от шавеса.

Т. е. многие мусульмане, стремясь достичь высшей благодати, совершали паломничество в Мекку, чтобы узреть Каабу, однако они часто падали во дороге с верблюдов и расставались с жизнью, не будучи в состоянии отделить горькую ядовитую траву колоковниту от целебного шавеса.

⁴ Млечный Путь уподобен змею, дракону, сплещему над сокровищем — жемчуж; кому же может доставить удовольствие жить в пасти дракона? Поэтому будь разумен и вовремя отрекись от сокровища — жизни.

⁵ Знамя — земная жизнь.

В НАЗНАДАННЕ

¹ Т. е. смерть не мучает того, кто задолго до смерти отрекся от мирских привязанностей, кто умертвил свои страсти и познал суетность мира.

² Четыре вещества — четыре стихии (вода, огонь, воздух и земля), составляющие материальное тело, плоть. Смысл двустишия: Если сумеешь отделиться от низменных телесных страстей и посвятить себя служению духовному миру, ты возысишься выше семи небесных сводов.

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

¹ *Кавказский мой кумир*. — Речь идет об Афак, первой жене Низами.

² Т. е. Афак носила свою фату словно доспех, и никто не осмелился бы подойти к ней с дурными мыслями. Низами гордился целомудрием и благочестием своей супруги Афак, которая была невольницей правителя Дербента, однако не покорилась ему, несмотря ни на какие домогательства и угрозы.

³ Поэт призывает господа оберегать его сына, рожденного от тюрчанки.

В НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ СВОЕМОМУ МУХАММЕДУ

¹ По мусульманскому преданию, пророк Мухаммед во время своего вознесения к Алаузу приблизился к нему на расстояние двух выстрелов на лука. Поэт желает своему сыну счастья служения богу и приближения к нему.

² Т. е. ты сейчас молод, как молодой месяц, а когда ты достигнешь совершенлетия и станешь словно полная луна, мы желали бы видеть тебя в окружении достойных людей, достигших благодаря своим знаниям и мудрости высоты звела.

ХОСРОВ ВИДНТ ВО СНЕ ПРОРОКА

¹ Хосров II Парвиз и пророк Мухаммед были современниками и почти ровесниками. Хосров умер на четыре года раньше (628) Мухаммеда (ум. в 632). Эта глава, очевидно, написана во время второй редакции поэмы. Поэт, вероятно, хотел обелить себя в глазах представителей официального ислама, обвинявших его в том, что главными героями поэмы он сделал огнепоклонников (см. в начале поэмы главу «В оправдание этого сочинения»).

² По мусульманскому учению, Мухаммед является последним из пророков, после него пророка больше не будет, поэтому он сравнивается с печатью под списком посланников Алаузу.

³ Одним из чудес Мухаммеда было расщепление Луны, другое его чудо заключалось в том, что он мог «спустить луну с неба» и спрятать ее в своем плаще.

⁴ Мухаммед, якобы поговорив с гранитом, смыл его, сделав мягким, как воск.

⁵ Негус — абиссинский король.

ПОСЛАНИЕ ПРОРОКА ХОСРОВУ

¹ По преданию, легендарного тирана Немврода, преследовавшего пророка Ибрахима (Авраама), погубил москит, который по ищению бога проишь ему в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб. Во втором полустииши намекается на эпизод с пророком Элифом, который не мог справиться с нашествием муравьев.

² Пламень — огонь, которому поклонялись огнепоклонники — идоловерцы Хосрова; мотылек — Хосров.

³ По поверью, заблудший бешенством не может выносить даже одного вида воды.

⁴ В 645 г. арабские мусульманские войска около местечка Зикар одержали решающую победу над иранскими войсками.

³ Т. е. некто и подкупил шайку перед мысленным изором Хосрова с помощью в руке, разломил его и сказал ему: «Вот ты и разломил твою пещеру».

⁴ *Ибраһимис* — см. *Мустафа*.

⁵ Горюк — в поэзии Низами символ мужества, красоты, безстрашию предводителю и вождю. Папыная пророчка «торюма», что поэт делает частью, он подчеркивает все его пышущиеся качества. Смысл бейта: О мудрый предводитель, отважный вождь, красивый и великодушный пророк, ты поглядишь племена всех семи богатых частей света, и весь неподкупный мир салдаит тебя.

⁶ Луши — пророк Мухаммед, который светом своего учения озарил весь мир, пребываящий до этого во мраке измачства.

⁷ В дуэтиничи пять ежедневных молитв сравниваются с пятью поубагтами (Франфарам), в которые били перед дворами могущественных султанов и царей, символизировав их власть. Во второй строке намечается на вознесение пророка к Аллаху.

ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОРОКА

¹ *Слеза семи шагров, миндальпоглазый алмаз...* — Джабраил (архангел Гавриил). Поэт называет его миндальпоглазым, метафорически уподобляя тучку, а тюрки, как отмечалось выше, в классической поэзии символизировали красоту.

² Разорвал сердце созвездия Скорпиона, он поглядел мимоходом лоб Звезд и в созвездие Джиабхи, состоящее из четырех звезд, как бы образующих «лоб» созвездия Льва, и пролетел выше.

³ *Колос* — созвездие Девы.

⁴ Рыба — созвездие Рыбы. Юнус — библейский Нона, призванный исламом как пророк, который был проглотен китом, а затем счастливо освобожден из его чрева. Мухаммед, пролетевший мимо созвездия Рыбы, уподоблен Юнусу, спасшемуся от Кита.

⁵ Ближнею Корану, когда Мухаммед пролетал мимо сказочного небесного сада, Аллах велел ему: «Не оглядывайся!», дабы он не увлекся необычайной красотой рая и не отклонился с пути.

⁶ Пашма — Аллах. Он разрешил Мухаммеду приблизиться к нему на расстояние двух выстрелов из лука.

НАСТАВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

¹⁻² Переносимая игра названиями двух городов в Иране — Гургана и Кизрыла. «Гурган» одновременно обозначает «волки», а «Кизрыл» — «орля». Смысл бейта: В смертный час, спасаясь от волков этого

мира, мы отирались в страну червей, которые сожрут нашу плоть. Т. е. наш путь до смерти значительно короче, чем путь из Гургана и Кизрыла.

³ Популярный рассказ о попугае, вошедший во многие классические сборники басен, гласит, что попугай, стремясь нырнуть из воды, пригнулся мертвым, его выбросил, и он улетел к себе на родину, в Индию.

⁴ Т. е. Деши и его золото давно истлели, и потому они не стоят именованного зерна.

⁵ Т. е. в 576 г. была завершена эта поэма; указанная дата соответствует 1180—81 гг. пятого левонислания.

⁶ Т. е. подобно тому, как шелковичный червь, пожирая древесные листья, дарует шелк, и тоже, несмыывая листья, дарую читателям «шелковичные стихи».

ПОРЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

¹ По преданию, Иисус, когда оживил мертвых своим дыханием, гадился на колени, произносил молитву, а затем вдувал в рот мертвого свое дыхание. Придворные поэты садлись перед Низами в позе Иисуса, стараясь изречь животворные мысли, однако они скоро, подобно ослу, уязвали в грязь и не могли сказать ничего путного.

² Придворные поэты, обрабатывая мои стихи, могут, как звезды, глеть отраженным светом, но они никогда не научатся свить, подобно мне, как солнце.

³ Бейт переведен вольно, и подлиннике сказано:

Посмотри ты на мою выдержку, что видя своего
идийского грабителя,
Подобно тюркам, и веду за ним запасного коня.

Т. е. я вижу, как придворные поэты, как черные индийские воры, обрабатывают меня, и же, подобно великодушным белым тюркам, делаю вид, что не замечаю этого и даже подаю ворам запасного коня.

⁴ Как указывает поэт в начале поэмы, в главе «В оправдание сомнения этой книги» завистники и бласкетители чистоты ислама упрекали Низами за то, что он прославил свое произведение воспеванием истории любви огненпоклонников, «воздав Каюбу изд камнем огня».

⁵ Я подобен наполненному жемчугами морю, а мои враги и завистники сбрасывают камешки в это море, из которого сами воровски добывают жемчуга.

⁶ Я похож на вола на току, который вращает крупорушку в всем сыплет зерно, в сам шет, где бы раздобыть зерно.

⁷ Змея не могла попасть в рай из-за высокой ограды, и тогда она попросила павлина, чтобы тот разрешил ей обвиться вокруг его ног; пав-

лиш согласился и перелез через ограду вместе со амсеб, которая таким образом попала в рай.

¹⁻¹⁰ Все эти двустишия представляют собой ответ обвинителям Низами, упрекавшим его в «греховности» тема, избранной им для своей поэмы. Оправдываясь, поэт сравнивает свои стихи с сокровищем, красивой тюрчанкой и лампадой, а сюжет поэмы — с драгоценом, игром и крестом. Он предлагает читателям взять сокровище, красавицу-тюрчанку и лампаду, оставив все остальное.

ТОГРУЛ-ШАХ ТРЕБУЕТ К СЕБЕ УЧЕНОГО НИЗАМИ

¹ Когда поэт закончил поэму и от всех умных людей поступили пожелания, он вспомнил арабскую поговорку: «Путь разума один». Т. е. если все умные люди хвалят поэму, то она действительно удалась.

² Поэма «Хосров и Ширин» удоболена палангину, а содержание поэмы — соннику.

³ Т. е. когда поэма была завершена, Низами преводил ее арестату, заказавшему ее, — атабеку Мухаммеду Джахан-Пахлавану. Поэма была принята весьма благосклонно и были обещаны поэту неразрезанные куски китайского шелка, великолепный хутальский конь, несколько рабов и рабынь и т. д., однако эти обещания не были исполнены, заказчик долгу похандил в походах, и затем он умер, и поэт не получил ничего из обещанного вознаграждения.

⁴ Т. е. приглашен к атабеку Кызыл-Арслану (1186—1191), который после смерти своего старшего брата Мухаммеда Джахан-Пахлавана стал верховным правителем Азербайджана и всего Иранского Ирака.

⁵ Т. е. Кызыл-Арслан находился на расстоянии примерно 180—200 км. от Гянджи. Как удалось им установить, Низами вышел из Гянджи на встречу с Кызыл-Арсланом по старой нухчеванской дороге, и встреча их состоялась в Сикасе-Шахи, расположенном на расстоянии примерно 80 км от г. Нухчевана, вблизи курортного местечка Иетису.

⁶ На голову свою и возложил указ — высказал глубокое почтение указу.

⁷ Газельподобные красавицы-певницы исполняли под звуки чанга и органа газели Низами.

⁸ Т. е. поцеловал шаху в ноги.

⁹ Небо поднялось — Кызыл-Арслан поднялся.

¹⁰ Во времена Низами, следуя еще более древнему обычаю, каждый крупный поэт имел своего сказителя-декламатора, который читал его стихи.

¹¹ Пишется в виду атабек Шемседдин Мухаммед по прозвищу Джахан-Пехлеван, что значит «Богатырь мира».

¹² Хамдунима — название деревни, которую Кызыл-Арслан пожаловал Низами.

СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ШАМСЕДИНА МУХАММЕДА ДЖАХАН-ПАХЛАВАНА

¹ Другой — Александр Македонский, которому угодил в стихи атабек Мухаммед Джахан-Пехлеван. Александр Македонский в поисках живой воды проник в подземное царство мрака, но не нашел там ее источник. Смысл стиха: Могучий и мудрый, как Александр Македонский, атабек Мухаммед не обрел вечной жизни.

² По свидетельству некоторых историков, атабек Мухаммед был отравлен.

³ Сын Мухаммеда Джахан-Пехлеван Нуверет-ад-дин пришел к власти после смерти своего дяди Кызыл-Арслана в 1194 г. и правил до 1201 г. Из этого известно, что диния главы, как и главы «Хосров видит во сне пророка», «Послание пророка Хосрова», «Вознесение пророка» написаны значительно позже самой поэмы, первая редакция которой была завершена в 1180—81 гг.

⁴ Сына атабека Шамседина Мухаммеда звали Абубекр Нуверет-ад-дин. В стихе он удоболен первому халифу (см.) *Абубекру* (632—634).

⁵ *Сияет Мухаммед*. — Атабек Шамседдин Мухаммед, *пред Мухаммедом*. — Перед пророком Мухаммедом.

СЛОВАРЬ

*собственных имен, географических названий
и непереведенных слов*

- Аббасиды* — династия арабских халифов (749—1258).
Абиссиния — см. *Хабеш*.
Абу-Бакр — см. *халиф*.
Абу-Дулаф — см. *Асади*.
Абхазия — в средневековой географии так называли всю современную Грузию; абхазцы — грузины.
Авеста — священная книга зороастрийцев (см. *Зардушт*).
Аджам — все неарабские страны, входившие в состав арабского халифата (см. *халиф*). Этим словом чаще всего обозначался Иран.
Айаз — самый любимый раб (впоследствии облаченный в сан эмира) могущественного султана из династии Газневидов Махмуда (999—1030).
Айван — крытая терраса перед домом или портал дворца; приемный зал, отделенный от двора аркой.
Алан — название города в Туркестане, где изготавливались высококачественные кошмы.
Алапы — ираноязычные племена, обитавшие во II—IX вв. в Прикавказье и Предкавказье, предполагаемые предки современных осетин.
Алиф — первая буква арабского алфавита, изображаемая в виде прямой вертикальной линии; в поэзии — символ стройности.
Алмагест — распространенное в средние века название главного труда античного ученого Птолемея Клавдия (II в.) «Сочинение или математическая система», известное на Востоке также под названием Меджисте (от греч. *μαγιστε* — величайший).

Алаз — алобовое благовонное дерево, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии. Его сжигали и в курительницах.

Альбурз (Эльбурс) — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря; его высшая точка — потухший вулкан *Демавенд* (см.), у подножия которого расположен Тегеран.

Амбра — благовонное вещество, широко применявшееся на Востоке. Добывается из желудка и кишечника кашалота.

Амариты — европеизированное название арабского племени Бени Амир.

Анатус — это имя, по-видимому, неслучайно переписчиками, которые забыв пропустить одну точку над буквой «т», перепутали ее в «из». Тяждус или Тизатус — восточная форма произношения имени византийского принца Феодосия, брата императора Маврикия (582—602).

Анка — огромная мифическая птица, которую нельзя увидеть; синоним всего невидимого, нематериального.

Анкарак — гора Аншарак на территории современной Армении. В прежних изданиях эта гора ошибочно отождествлялась с горой Кавказ, расположенной недалеко от Гинджи, в результате обвала после землетрясения здесь образовалось высокогорное озеро Гей-Гель.

Ануширван — буквально «бессмертный», прозвище иранского царя из династии Сасанидов Хосрова I (531—579). После него царствовал Ормуз (579—590), а после Ормуза — прототип героя «Хосрова и Ширин» Низами — Хосров II Парвиз (590—628). При Ануширване была призведена опись всех земель и установлены точные размеры налогов, до него взимавшихся произвольно, за что этот царь прозвали Справедливым.

Арсаан — распространенное на Востоке дерево или полудекустарник с ярко-красными цветами, называется также «нудным деревом»; синоним багрового или пурпурного цвета.

Ардашир Бабахан — основатель династии Сасанидов в Иране (224—241).

Аржанг (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. *Мани*), которая будто бы была украшена предельными миниатюрами с многочисленными изображениями красивых лиц. Аржанг — символ всего прекрасного, изысканного.

Аристотель — древнегреческий философ (384—322 гг. до н. э.), ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского. Известен на Востоке под именем Арасту.

Арши — мера длины, примерно соответствующая русскому аршину

Арран — древнее название западной части современного Азербайджана; столицей этой области были **Барда** (см.), а затем Гянджа, родина Низами. В средневековой географии Арран и Армения зачастую рассматривались как одна страна.

Арслан — номинальный правитель Азербайджана и Иранского Ирана султан Арсланшах (1161—1176), сын султана Тогрула II (1132—1135) и отец султана Тогрула III (1176—1194). При нем фактическим правителем Азербайджана и Иранского Ирана был атабек Шамс ад-Дин Иа-Девиз — (1136—1175).

Асади — персидско-таджикский поэт XI века, автор поэмы «Гершид-наме», которая была преподнесена Абу-Дулафу, правителю Нахичевани.

Аспид — черный сланец, оглецовый материал; использовался также для письменных досок.

Атабек — букв. «отец-воспитатель». После распада Сельджукской империи на территории султаната-княжества фактическая власть перешла в руки атабеков — «воспитателей» сельджукских принцев.

Афрасиэб — легендарный туркский царь, патриарх тюрков; его войны с иранским царем **Кей-Хосровом** (см.) подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Ахриман (Ариман) — имя злого духа древнеиранской религии. Ахриман — владытель зла на земле, враг человека, находившийся в постоянной вражде с богом добра Ормуздом (Ахурамаздой).

Ахселтан I (1160—1196/97), сын Мануиухра — ираншах, правитель феодального государства Ширван в Северном Азербайджане.

Аят — стих в Коране; его текст подразделяется на суры (главы), а последние состоят из стихов.

Бадахшан — в середине века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира (ныне Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) и горные районы Северного Афганистана. Там добывали драгоценные камни — рубины и гранаты. В стихах Низами губы красавиц часто сравниваются с бадахшанскими далами.

Базахран — см. **Бахарзан**.

Базилек — см. **рейхан**.

Бакан — лаковая краска

Балх — один из древнейших городов и культурных центров Востока, столица Бактрии. Он был расположен в оазисе Балхаб на территории Северного Афганистана. В середине века Балх иногда назывался **Бами** или **Балхи-Бамийан**.

1.

«Барсем пач» — зороастрийская молитва с барсемом (барсемом) в руках. Барсем — пучок гранатовых веток или камыша длиной в пядь, который держал жрец или молящийся в руках перед собой, вознося хвалу Ахурамазду за то, что он сотворил растительный мир, кормящий всех живых существ.

Барбат (*барбед*) — восточный струнный музыкальный инструмент.

Барда, **Берда** (*бердада*) — в X в. главный город **Аррана** (см.). В 943 г. был разграбен и сожжен **русами** (см.) и с тех пор утратил свое значение. Развалины его находятся недалеко от г. Барда Азербайджанской ССР.

Басма — растительная краска для волос и бровей.

Бахарзан — местность в Армении.

Бахрам Чубин — полководец Ормузда, отца Хосрова. В 589 г. он подавил восстание против Хосрова и захватил власть. Хосров сбежал в Барду, а оттуда направился в Константинополь и, заручившись помощью византийского императора, одержал победу над Бахрамом, который бежал в Среднюю Азию, где и был убит наемными убийцами. Битва между Хосровом и Бахрамом произошла около Гянджи.

Бахрам — сын Нефендара (см.), персонаж «Шах-наме» Фирдоуси. После смерти отца он захватил в Иране престол и отомстил потомкам **Рустаму** (см.).

Бейт — двустишие

Бек — титул знатных и богатых людей.

Бери — веселье, доверенность, письмо, указ о выплате денег, выдаче имущества и т. п.

Берберийцы — берберы и жители Северной Африки.

Берда — см. **Барда**.

Бижен — один из персонажей «Шах-наме». В наказание за любовь к дочери туркского царя **Афрасиэба** (см.) прекрасной Манже он был посажен в глубокий колодезь.

Билаль — легендарный **муджин** (см.) пророка Мухаммеда родом из Эфиопии (Хабеша).

Вильюки — жена царя **Сулеймана** (см.), библейская царица Савская.

Бисутун — скала у дороги из Хамадана и Керманшах (северо-западный Иран). По приказу Дария I (V в. до н. э.) на ней были высечены клинописная надпись и рельефные изображения, которые связывались с легендой о Фархад. В этом же районе находится развалины шахского дворца, известные под названием «Замок Ширин».

Бури — один из вождей тюркских племен, обитавших на армянском нагорье (см. *Нахата Буери*).

Булиае Румийский — Аполлоний Тианский, философ-неоплатоник, математик (ум. ок. 100 г.), много путешествовавший по Востоку. Легенды о нем как о мага-заклинателе, чародее были широко распространены на Востоке.

Бурак — легендарное верховное животное (полукобы, полумула), на котором Мухаммед совершил свое вознесение.

Бургасы — племя, обитавшее в низовьях Волги, тюркского или финно-угорского происхождения.

Бухари — Мухаммед ибн-Исмаил ибн-Ибрахим (810—870), бухарский богослов и ученый, прославившийся тем, что собрал подлинные предания (хадисы) о пророке Мухаммеду и назвал свой труд «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный свод»).

Вишир (везир, визири) — главный советник шаха, первый министр.

Вии — город в Туркестане, области, расположенной к северу от Ирана и в древности заселенной восточноиранскими, а позже тюркоязычными народами.

Вии — буква происходящий из города *Вии* (см.). Так назывался высококачественный шелк, выделывавшийся в Виие.

Вир — водоворот.

Вис — главная героиня поэмы «Вис и Рамин» персидского поэта Фахр ад-Дина Гургани, написанной между 1048 и 1056 гг. на сюжет парфянской повести о любви парня Вис к брату паря Рамину.

Гаарина — см. *Джабрина*.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, построенное на монорифме (*аа, ба, аа* и т. д.), второе значение слова «газель» — антилопа, отличающаяся стройностью и быстротой бега.

Газна — средневековый город, столица султана Махмуда (999—1030), основателя династии Газневидов. Развалины Газны находятся около г. Газни в Афганистане.

Гален — знаменитый греческий врач и философ (131—210 гг. н. э.).

Гебры — распространенное и популярное в Иране мусульманское название зороастрийцев. Низами называет гебры также индийских огневоковников — незороастрийцев.

Гилян — область в Иране у берегов Каспийского моря, которая славилась своими быстроногими конями и плодотворными пчелами. «Гиль» по-персидски означает: прах, земля. Низами думал, что Гилян — мно-

жественное число от этого слова и потому он часто употреблял его как синоним брешности мира, грешной земли.

Гоухар — драгоценный камень или жемчужина; слово «гоухар» обозначает также первичную субстанцию. Омонимия эта, восходящая к мифу о происхождении мира из белой жемчужины, нередко используется в стихах Низами.

Гуло — злой дух, который сбивает путника с дороги, застывает его плутать, а затем пожирает его, взявмогшего от голода и жажды.

Гульсен — конь Ширин, рожденный той же кобылицей, которая принесла *Шехбиза* (см.), и не уступающий ему в быстроте бега.

Гульшикар — засахаренные лепестки роз, варенье из лепестков роз.

Гулям (*гулям*) — раб, слуга, обычно тюрк или славянин. Из рабов, поставляемых невольничьими рынками, рекрутировались гвардии халифов и других принцев. Отсюда второе значение слова «гулям» — гвардеец, воин.

Гумбаз — гробница с куполом.

Гурган — город в Иране.

Гур — дикий осел онятр. Название это созвучно слову, означавшему по-персидски «могила».

Гур (с горнатым «г») — старинное название области, занимавшей часть территории современного Афганистана.

Гурни — очень светские и нечно юные райские дева, которые предназначены в рай для праведников.

Гюлистан — сад роз, цветник.

Гюрза — ядовитая змея.

Газ — мера длины, соответствующая старому локтю (пятиугольменьше метра).

Гянджа — родина Низами, один из древнейших городов Азербайджана. В XII в. Гянджа была не только столицей Азербайджана, но и политическим, экономическим и культурным центром Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Гянджа находилась в пяти километрах к северо-востоку от современного Кировабада.

Давид — см. *Давуд*.

Давуд — мусульманский вариант имени библейского Давида (X в до н. э.), царя древних евреев. Ислам причисляет его к сонму пророков. По легенде, Давуд, отец *Сулеймана* (см.), был необычайно мудрым. Тюрк Забура (псалмов), он обладал дивным голосом, первым из людей выковал кольчугу: железо в его руках делалось мягким, как воск.

Дануб, Денеб (Зенит) — звезда Альфа в созвездии Лебедя; астрологи считали ее наиболее вредным.

Дари — язык персидской классической литературы.

Дарий — древнеперсидский царь Дарий III Коломен (336—330 гг. до н. э.), последний из династии Ахеменидов, империю которого разгромил Александр Македонский, воспетый в «Искандер-наме» Низами.

Дастан — сказание, поэма, сюжетный рассказ, нередко роман-история о влюбленных.

Дастархан — скатерть.

Дастур — советник шаха в древнем Иране.

Дебир — писец, секретарь, состоящий при шахе.

Дей — десятый месяц древнего иранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

Дейлемский топор — топор из Дейлема, области прикаспийской части Ирана, жители которой славились своими железными изделиями, в частности топорами.

Дербент — область и город на севере Азербайджана, на западном берегу Кавказа. Во времена поэта Дербент входил в состав владений *ширваншахов* (см.).

Дервиш — мусульманский монах, часто — странствующий паломник.

Джабраил — вестник Аллаха; в Библии ему соответствует Гавриил.

Джан — душа, душечка.

Джебран — вид антилопы. См. *газель* во втором значении.

Джепал — правитель одного из могущественных индийских государств.

Джейхун — арабское название реки Аму-Дарья.

Джем, Джемшид (Джамшид) — мифический царь древнего Ирана, в варьирование которого не было ни болезни, ни смерти, ни вражды. Когда Джемшид возгордился, бог в наказание отдал власть над ним тирану Заххаку, который зверски казнил его — распял на дыбе. Джемшид был обладателем чудесной чаши, с помощью которой он мог видеть все, что происходит в любой точке земли. Легенды приписывали ему также установление *Новруза* (см.).

Джиряк — гора в Армении.

Джуляб — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, а также применяют как лекарство, розовая вода.

Джмагенд — потухший вулкан, расположенный к северу от Тегерана, покрытый вечными снегами.

Дестур — советник.

Дехлиз — прихожая, коридор, галерея вокруг дома.

Деций — римский император.

Див — злой дух, демон.

Диван — правительственная канцелярия, государственный совет, в другом значении — сборник стихов одного или нескольких авторов, где материал расположен в определенном порядке.

Джизья — подушная подать, взимавшаяся в мусульманских странах с иноверцев.

Джим — пятая буква арабского, шестая — персидского алфавита.

Джинн — злой дух, демон громадного роста и страшного вида, умеющий мгновенно менять свой облик.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряной, весом около 3,5 г.

Дихкан — первоначально представитель домусульманской иранской земельной аристократии; потом этим термином стали обозначать земледельца-крестьянина. У Низами часто употребляется в значении «хранитель древних преданий».

Дувал — глиняный забор.

Дуррадж — см. *турак*.

Духан — винная лавка.

Дэв — см. *див*.

Едигерд — иранский шах из династии Сасанидов (ум. в 420 г.). Едигерд похушался урезать привилегии зороастрийского духовенства, за что получил прозвище Грешник.

Занг — Занзибар, группа островов у восточного побережья Африки; у Низами — вообще страна, населенная неграми.

Заратуштра — см. *Зардушт*.

Зардушт — Зороастр, основатель зороастризма, древней религии Ирана VII в., главным в этой религии был культ огня.

Зардушти — зороастриец.

Занге — медитат (вырезанка) — приспособление, с помощью которого играют на струнных музыкальных инструментах.

Занка (Занка) — налог с имущества и пользу бедных мусульман; милостыня.

Занка — священный камень в Мекке (см.), около храма Каабы (см.). Его минеральной породе приписывают акустические свойства.

Занка (Занка-Авеста) — название священной книги зороастризма (см. Зардшт), распространенное во времена Ислама. В действительности книга называлась «Авеста», а «Занка» — позднейший комментарий к ней на языке пехлеви.

Занжван — один из древнейших городов Ирана, расположенный в районе Зендана-руд. Иначе является центром первого остана Ирана.

Занкай — см. Даниш.

Зарбафт — плотная узорчатая ткань из шелковых и золотых нитек.

Зарбафкен — один из ладов древней иранской музыки.

Завар — название местности, где произошла первая битва между арабами-мусульманами и войском сасанидов Ирана в 615 г. и арабы нанесли сокрушительное поражение персам.

Завдан — темница, тюрьма.

Завде-руд — река в Иране.

Завидж (Завидж) — шир.

Зави — восхваление: «Прекрасно!», «Браво!», «Эй!» одновременно обоим означает вышитую кайму на кафтане, халате.

Зардшт — см. Зардшт.

Зариф — локоны, узары.

Зунгар — грубая холмоной пояс, который обязаны были носить христиане, подданные мусульманским правителям. Зунгаром назывался также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы-огнепоклонники.

Зухра (Зухре) — планета Венера, уподоблявшаяся небесному музыканту; на старинных восточных миниатюрах она изображалась в оде красивой девушки с бубном в руках. См. также: *Харут* и *Марут*.

Иблис — демон, стоящий выше других духов зла.

Ибн-Мука (ум. в 939) — знаменитый арабский каллиграф.

Ибн-Хали (937—972) — арабский поэт, оратор и софист; славился своим поэтическим искусством.

Ибрагим (Ибрахим) — библейский Авраам, причисленный исламом

к шести великим пророкам (Адам, Авраам, Иов, Моисей, Иисус, Мухаммед). По мусульманской традиции, Ибрагим был сыном Ахера-плохоты. Праздник единбожия, Ибрагим начал разрушать идолы, созидание одного и другими мастерами. Таран Широд велел бросить Ибрагима в горящую печь. Через некоторое время, открыл дверцу печи, служителя Широда увидели, что огонь и печь превратились в шипение, и Ибрагим вышел из нее. За свою безграничную веру и божь Ибрагим возмудил прозвание Халдулава — Друг Аллаха.

Изад — см. Язид.

Ислами — географические области, на которых делалась тогда новая обитаемая часть суши (Хорасан, Ирак, Туркестан, Занкабар, Рум, Индостан, Египет). Ислами — также семь обитаемых поясов между необитаемыми джунглями, проведенными параллельно экватору: на 20°, 27°, 33°, 38°, 43°, 47°, 53° с ш. Прочие северные широты считались необитаемыми.

Ильдениз (Ил-Дениз) — название рода племени, из которого происходили азербайджанские атабеки. Так звали также основателя одного азербайджанских атабеков Шама ад-Дина Ильдениза (1124—1175) сына Шама ад-Дина Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кизыл-Арсланга.

Ильяс — распространявший верования восточных атеистов (в Библии ему соответствует Илья-пророк), помогающий мореплавателям, спасающий терпящих кораблекрушение. На суше аналогичные благодеяния оказывает *Хызр* (см.).

Индико — синяя краска для тканей. Синий оттенок на Востоке символизирует траур.

Индия — во времена Низами включала в себя новую территорию современных Индии, Бангладеша и Пакистана. Индия в классической поэзии из-за смуглости населения служила символом черноты, Индия (Индуса) обычно служила стражниками у восточных правителей.

Ионийцы — греки, живущие на островах Ионического моря, греки вообще.

Иосиф — см. Юсуф.

Ирак — в средневековой географии существовало два Ирака: 1) Ирак арабский (Ирак-и-араб) и Ирак Иранский (Ирак-и-аджам — букв. Ирак неарабский). Первый включал в себя почти всю территорию современной Иракской арабской республики, а второй состоял из центральной части современной Исламской республики Иран от Хамадана до Тегерана, включая города Керманшах, Хамадан, Малайир, Арак, Гулабаган и Исфаган.

Ираки — один из ладов восточной классической музыки.

Фредж — младший сын Фердуна, легендарного царя Ирана. Фердун в старости разделил свое царство между тремя сыновьями — Туром, Сельвом и Фреджем. Иран (центральная часть державы) достался Фреджу, а Туру и Сальму — Туран и Рум. Сальма и Тур из зависти убили Фреджа, и из-за этого возникла длившаяся веками вражда Ирана и Турана. Предание об Фредже подробно изложено в «Шах-наме» Фердоуси.

Ирем — прекрасный сад, созданный мифическим тираном Шеддалом, который решил устроить на земле подобие ада и рая. По легенде, Шеддал умер, не успев войти в свой рай.

Иса — Иисус Христос, причисленный исламом к шести великим пророкам (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). Мусульманский Иса — не сын Бога, а лишь пророк, человек, передавший людям божественное откровение. Согласно поверью, Иса обладал способностью встречать мертвых своим дыханием.

Александр — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Исрафил — архангел, который звуком своей трубы должен возвестить начало Страшного Суда. От звука этой трубы расколется земля, рассыпаются в прах горы, и мертвые встанут из могил.

Истахр — Персеполь, столица древнего Ирана при царе Дарии III (см.), развалины которой находятся на юге области Фарс, неподалеку от Шираза.

Ису — название, которое, как полагают ученые, относится к племенам ису (или вези), обитавшему вокруг Белого озера, по рекам Шекене, Мологе и Тверцу и в X—XII вв. ассимилировавшемуся с русскими племенами.

Исфахиский лад — один из ладов восточной классической музыки.

Исфаган — один из древнейших городов Ирана.

Исфендиар — легендарный иранский богатырь, обладавший будто бы железным телом, один из героев «Шах-наме» Фердоуси.

Исхак — библейский пророк, сын патриарха Авраама.

Ифриты — самый страшный и злобный вид нечистых духов.

Изем — страна на юге Аравийского полуострова, в поэзии Низами — синоним счастья, счастливого предзнаменования (см. *Сухайль*).

Кааба — храм в Мекке (см.) кубической формы, где хранится священный монолит — черный камень. Кааба — величайшая святаяinja ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане.

Каба — род кафтана без воротника, шерстяной халат, обычная верхняя одежда во времена Низами, сохранившаяся в Иране и поныне.

Каборса — разновидность небольшого безрогого оленя, из искусственных желез сабери добывают *мускус* (см.).

Каве — персонаж из «Шах-наме» Фердоуси. Куниен Каве поднял восстание против тирана Заххана, надел на острие пика свой кожаный фартук. Когда Заххак был свергнут и на престол возшел шах Феридун, фартук Каве распылил жемчугом и драгоценными камнями и сделалли шахским штандартом — «Кавеевым стигом».

Кадыр-хан — титул древних тюркских императоров.

Кайсар, Кейсар (кисра) — византийский император, арабизированная форма слова «кесарь» (цезарь).

Калам — перо для писания, изготовлявшееся из тростника.

Калыи — выкуп за невесту ее родителями. Хотя пророк Мухаммед заметил этот обычай выдателя суммы для обесчещенной жены на случай развода, калым все же сохранился в мусульманских странах вплоть до наших дней.

Касеб — густой сок некоторых деревьев, растущих в Аравии и Иране.

Камфара — кристаллическое более сильно пахнущее вещество, добывается из камфарного дерева, произрастающего в юго-восточной Азии и употребляется как стимулирующее средство при сердечных болезнях.

Канопус — см. *Сухайль*.

Капелла — звезда первой величины в созвездии Возничего.

Карача — дерево с плотной древесиной, высотой до 20 м, используется как строительный материал, топливо и в декоративных целях.

Карун — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен землей вместе со своими богатствами. Предание о сказочном богатстве Каруна идет от мусульманской традиции.

Касиб — тонкая желтая льняная материя. В мусульманских странах ее должны были носить евреи для отличия их от мусульман и христиан.

Касу — см. Кей-Канус.

Касыда — большое стихотворение с монорифмой (за, ба, ва и т. д.), нередко панегирического (ода) или философского содержания.

Кав, Кавские горы — легендарные горы восточной географии, находившиеся будто бы на краю земли; в этих горах, по поверью, обитает птица Симург.

Кебаб — жареное на вертеле мясо, шашлык.

Кей (*Кейи*, *Кай*) — титул древних иранских шахов из мифической династии *Кетишид* (см.), иногда синоним слова «шах».

Кейван — планета Сатурн, символ необратимого времени, несущего печаль и смерть.

Кей-Кавис — легендарный шах древнего Ирана.

Кей-Кубад — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными приемами.

Кей-Хосров — легендарный шах древнего Ирана. В «Шах-наме», где рассказана история его правления, Кей-Хосров на вершине своего могущества отрывается от власти и таинственно исчезает в горах.

Кестани — восточный смычковый музыкальный инструмент, род скрипки с тремя или четырьмя струнами. Этот инструмент и ныне пользуется большой популярностью в Азербайджане.

Кехри — см. *Хосров*.

Кирманшак — город на северо-западе Ирана, недалеко от которого находится «Замок Ширак» (см. *Бисутун*).

Китай — в поэзии Низами страна тиров, не соответствующая современному географическому представлению о Китае, Китайский Туркестан, страна, откуда привозят прекрасных белокожих рыбьих — тюрчан, где живут искусные художники. Китай — это также Восток, страна восходящего солнца.

Кисар (*Кисер*) — один из райских источников, упоминаемых в Коране.

Колкышт — горькое ядовитое растение; применялось в медицине.

Константинополь — столица Византии до 1456 г., когда турки завоевали его и переименовали в Стамбул.

Кубла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

Кызил-Арслан — атабек Музаффараддина Кызил-Арслан (1186—1191), сын Шамсаддина Нильтеза и брат Шамсаддина Мухаммеда Джалил-Пехлевана (1176—1186). Он покровительствовал Низами и другим поэтам, литераторам и ученым.

Кулах — головной убор иранских крестьян, а также *дишкан* (см.), которые носили высокие полойные шапки, расшитые жемчугом и драгоценными камнями. В другом смысле «кулах» — корона, шахский венец.

Лал — рубин, обычное сравнение с устами красавицы.

Лат — название одного из многочисленных доисламских племен в Мекке.

Лакор — индийский город, ныне находящийся на территории Пакистана.

Лотос — водное растение из семейства кувшинковых с красивыми крупными цветами, почитавшееся древними египтянами и индусами.

Маси — в поэзии Низами зороастрийцы, жрецы-огнепоклонники, кудесники, волшебники. Так как ислам запретил употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.

Масри — западная часть средиземноморской Африки (Алжир, Тунис, Марокко), иногда и Египет, и арабская Испания.

Мазендеран — область в Иране.

Майдак — см. *Мейдак*.

Майоран — душистое растение, употребляемое в пищу как пряная приправа.

Малик — страж ада, упоминаемый в Коране.

Мандур — древнее название Мисской степи на юге Азербайджана.

Мани — (казен в 244 г.) — основатель манихейства. Манихейство — дуалистическая религия, включавшая в себя раннехристианские и гностические первоначала. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами известен прежде всего как искусный художник (см. *Аржанк*).

Маррих — планета Марс.

Махди — Мессия, последний XII изам, якобы таинственно скрывающийся. Он явится перед концом мира на белом коне, организует мир от северных, наследия, тирании и установит идеальный порядок.

Махмуд — самый выдающийся представитель династии Газневидов (Газна — столица Газневидов, город на территории нынешнего Афганистана), могущественный султан Махмуд (999—1030), создавший обширную империю, завоеватель Индии.

Медани — арабское название Ктесифона, древней столицы иранских царей династии Сасанидов, находившейся неподалеку от развалин дворца Сасанидов, известных в народе под названием «Дворца Хосрова».

Меджисте — см. *Алмагест*.

Меджлис — шахский прием, на котором читали стихи, слушали музыку. Меджлис — это и духовная беседа суфийского старца со своими учениками.

Меджнун — букв. одержимый, неистовый; прозвище Кейса, героя арабского сказания, возложенного в основу поэмы Низами «Лейли и Меджнун»; в нарицательном значении — безумно влюбленный человек.

Медина — город на Аравийском полуострове, где Мухаммед впервые утвердился как пророк и где он похоронен.

Мелик — по-арабски царь, государь; почетный титул многих султанов и правителей.

Мелик-шах — могущественный сельджукинский султан (1072—1092).

Мейдан — площадь, пристанище для игры в конное поло.

Мекка — священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове, на берегу Красного моря. В Мекке находится знаменитый храм Кааба.

Мен (мин) — мера веса от 3 до 12 кг.

Мери — исторический город в Средней Азии (ныне город Мари Туркменской ССР).

Месих, Мессия — см. *Иса*. Древнееврейское слово «Масиха», из которого произошло «мессия», в I в. стало обозначать Иисуса Христа.

Миль — палочка для сурмления век и ресниц.

Мишбар — кафедра в мечети.

Мискаль — мера веса, равная 4,6 г.

Мирадж — вознесение пророка Мухаммеда к Аллаху, которое он совершил вне времени.

Миробалан — терракотный, вязнувший народ, содержащий большое количество таннина; применялся в медицине.

Михаил — архангел Микала.

Михраб — стрельчатая, сплюснутая ниша в мечети, указывающая направление в сторону Мекки. Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу. Михраб — обычное в поэзии Востока сравнение с бровями красавицы.

Мобед — зороастрийский жрец-огнепоклонник; в поэзии Низами часто — жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще (напр., индульский мобед).

Моисей — см. *Муса*.

Муанья — Муганская стена, низменность к югу от нижнего течения Аракса в Азербайджане.

Музаффараддин — см. *Кызыл Арслан*.

Муканна — буквально: человек с закрытым лицом; прозвище Хашима ибн Халима из Меры, подлинного около 776 г. восставшего против арабских завоевателей. Муканна считал себя божественным избранником и закрывал лицо зеленым покрывалом будто бы потому, что обычные люди не могли выдержать исходящего от него ослепительного сияния. Согласно легенде, он изготовил из глины искусственную дуну, которая по ночам светила из колодца.

Муриан — река (канал) в Бухарском оазисе.

Мунджук — бунчук, эмблема в виде полумесяца на вершине древка меча. Под мунджуком находилось блюдо из драгоценного металла.

Муса — арабизированная форма имени библейского пророка Моисей. Муса пришел и называемые Господом время на гору Синай и «беседовал» с ним Господь. Он сказал: «Господи! Дай мне посмотреть на тебя». Он сказал: «Ты меня не увидишь, но посмотри на гору, если она удержится на своем месте, то ты меня увидишь». А когда открыл его Господь горе, он обратил ее в прах, и вал Муса пораженным (Коран, гл. 7, стих 139). Муса совершил два чуда: когда он бросил свой посох перед фараоном, тот превратился в змею; когда же он вынул руку из-за пазухи, она излучала свет. Отсюда выражение «белая рука», что в классической литературе метафорически обозначает необычайное мастерство, искусство.

Мускар — свирель, дудка.

Мускус — ароматическое вещество, добываемое из пушка самца кабарги.

Мустафа — избранный, почетное прозвище пророка Мухаммеда, ибо Аллах из всех пророков избрал его и приблизил к себе.

Мутриб — певец и музыкант, трубадур; слова «мутриб» и «трубадур» имеют в основе общий арабский корень «трб», обозначающий радость, веселье.

Мухаммед (570—632) — пророк мусульман. Родился в Мекке на Аравийском полуострове. В детстве лишился родителей, воспитывался в доме своего дяди Абу-Талба. В 595 г. женился на богатой вдове Хадиджат, служил ирраваником. Выступил с пророчествами в начале VII в. В 622 г., спасаясь от преследований соотечественников, переехал вместе со своими сподвижниками в г. Медину К 630 г. проповедуемая им монотеистическая религия — ислам была признана господствующей частью населения Медины, Мекки и других близлежащих районов. Умер в 632 г. в зените славы и всеобщего признания. Он считался последним пророком, хотя в поле сотворен Аллахом еще тогда, «когда Адам был глиной». Он остался после себя священную книгу мусульман Коран, который был дан ему Аллахом как откровение.

Мухтасиб — должностное лицо в мусульманском городе, обязанное следить за соблюдением шариата. Мухтасиб осматривал город, базары, проверял правильность тирь, зовил продаленный вино, шашки и т. д.

Мухтар — аманета Юнтер.

Муррид — послушник, ученик духовного наставника, последователь суфизма.

Набат — род леденцов, больше круглые конфеты из хорошо очищенного сахара.

Набис — алкогольный напиток, вино.

Най — небольшая тростниковая флейта, пронзительные звуки которой служили сигналом к началу сражения.

Нарды — широко распространенная на Востоке игра. Игроки на специальных досках делают ходы, которые определяются количеством нафр, вышедших из игральных костей; дважды шесть — высшее число, которое может выпасть на костях.

Нат — важная подставка, из которой обезглавливали осужденного.

Нейсан, Нисан — месяц древнего солнечного сирийского календаря, соответствующий с апреля.

Незрод (Низрод) — легендарный тиран, извергнувший и огненную нечь пророка Ибрагима (Авраама). За это бог наказал его, спустив на него москита, который через ухо вошел в мозг и терзал тирана до тех пор, пока тот не погиб.

Несрин — вид дикорастущего парнеса, жонкаль.

Нил — река в Египте; символизирует голубой цвет, индigo.

Набат (наубат) — место перед воротами дворца, где пять раз в день били в литавры. Эта процедура символизировала могущество султана, царя.

Нопрузи — один из ладов восточной классической музыки.

Незшеб — город в Средней Азии, впоследствии Карши.

Нилтус — брат византийского императора; подлинное имя его Тивадус (Чезодсий), ему было поручено командование византийской армией, направленной на помощь Хосрову Парвизу.

Нисар — древний обычай осыпать новобрачных или вступающего на престол золотыми монетами, драгоценными камнями, карамелью.

Нопруз — новый год древнего персидского календаря, приходящийся на 21 марта.

Ной (Нух) — библейский патриарх, спасшийся в ковчеге во время всемирного потопа; почитается мусульманами как пророк.

Нубия — чернокожий из Нубии; и поэзия Низами — символ верности небу; улыбка нубийца на первом лице — метафора, обозначающая рассвет.

Нунитири — колдун во время шурмана, символизировал «На стороне, да будет сладостно шурман!».

Нунитрири — см. *Анунитрири*.

Оавэр — дикая меза, вулкан (см. *сур*).

Оави — область и город в юго-восточной части Аравийского полуострова.

Орсион — небольшой мусульманский инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник современного органа.

Оризу — см. *Анунитрири*.

Падинах — царь, шах.

Пажети Бизра — равнина (плынь) Бугры на территории современной Армении.

Палуде — вид желе, лакомство.

Пардус — барс.

Парам — шама, стержень и черенки дерева которого как символ власти признавали пучок волос из конского хвоста.

Пера — фея, прекрасная лицом и алан душой, символ женской красоты.

Пехлешин — непобедимый, могучий богатырь; атабег Шамсэддин Мухаммеда звали Джахан-Пехлавани.

Пехлешин — среднеперсидский язык, официальный язык Персии до прихода туда арабов в 650 г. Отсюда — пехлевийский лал, пехлевийский язык и т. д.

Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, известный на Востоке под именем Афлатун.

Резг — один из ладов восточной классической музыки.

Раффаф — название звесы между девятым сводом неба и местом пребывания Бога.

Рахази — один из ладов восточной классической музыки.

Рей — древний иранский город, который был расположен в южной части территории современного Тегерана.

- Рейхан* — базилик, благовонная трава вроде мяты.
- Ремесде (Румкула)* — историческое название пустыни, расположенной, как указывает поэт, на расстоянии 600—700 км от горы Аншарак в Армении (см. *Анкарак*).
- Рибат (рабат)* — караван-сарай, постоялый двор.
- Рисман* — страж райских ворот, упоминаемый в Коране.
- Рисар* — орнито: маринад, кислые фрукты.
- Рудман* — отверстие в пещерке для света и воздуха.
- Руд* — струнный музыкальный инструмент.
- Рум* — Византия, Малая Азия.
- Румиц* — *Искендер* (см.).
- Рустам* — главный герой так называемого систанского цикла иранского героического эпоса, непобедимый богатырь-испикан; персонаж «Шах-наме» Фирдоуси.
- Руты* — растение, которым окуривали от «дурного глаза».
- Саз* — струнный музыкальный инструмент, чаще всего рубаб.
- Саклаба* — арабское название слани.
- Саксин* — в древности было несколько городов с таким названием. Слово «Саксин» образовано из двух слов: «Сакка», «сакка» (скифы, тюрки) и «сина» — обиталище, край. Позднейшая форма этого имени — Шакшина, а современная форма — Шаки. На территории Азербайджана находятся два города с этим названием. В данном случае Низам вместе в виду г. Шаки, расположенный на расстоянии 80 км от Нахичевани.
- Саманиты* — независимая от халифата династия иранского происхождения, правившая с 888 г. до 999 г. Хорасаном и Мавераннахром со столицей в Бухаре.
- Самарканд* — один из древнейших городов, культурных, политических и экономических центров Средней Азии.
- Самум* — смерчная буря в африканских странах.
- Сандад* — сандаловое дерево, обладающее приятным запахом.
- Сапфир* — драгоценный камень синего или голубого цвета. Сапфирные чаши — голубые, синие небеса.
- Сарджун* — проба пищи из котла, первая ложка пищи для проверки вкуса и готовности блюда.

Савуши (Сивуши) — один из героев древнего иранского эпоса, сын легендарного царя *Кей-Кавуса* (см.). Своясья от предвещиваний плодородия отца, он бежал к патриарху тюрков Африкабу, который ласково принял его и выдал за него дочь. Фергана. Однако позже Африкабу поверил клевете своего брата Гаревалаза, убил Савуша. После этого иранцы, чтобы отомстить, за кровь Савуша, начали длительную войну с турками. Предание о Савуше было широко распространено и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сибр — (букв. кедр) — мифическое дерево, растущее у небесного престола, дальше которого не могут подняться даже ангелы и архангелы. В коране это дерево зафиксировано в форме «сидрат-ал-мутакха», что обычно переводится на русский язык как «дерево крайнего предела».

Сикба — особым образом изготовленный лекарственный будиак, напиток.

Симуре — мифическая огромная птица, обитавшая на горе Каф, царь птиц; символ всего невидимого, таинственного.

«*Сокровищница гайн*» — первая поэма Низама, завершённая в 1187 г., в которой он в дидактическом ключе изложил свои этические, эстетические взгляды, художественные принципы, социальные и философские воззрения.

Соломон — см. *Сулейман*.

Справедливый — см. *Ануширван*.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — Соломон), величайший исламом в число второстепенных пророков, бывших до Мухаммеда Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, *пери* (см.) и *джинны* (см.), которые носили его на ковровом ковре по всему его царству.

Сурья — созвездие Плеяд, состоящее из семи звезд, находится на небе называемом выше других созвездий.

Суруш — древний Сраоша, один из ангелов зороастрийского (см. *Зардушт*) пантеона; вошел в мусульманские легенды как божественный вестник, несущий откровение, внутренний голос.

Сухейль (Какопус) — главная звезда созвездия Корабль Арго. Появляющаяся в определенное время года в южной части неба, она думается всеми видами в Йемене. В поэзии Низама Сухейль и Йемен — взаимозаменяемые понятия. Сухейль — это символ красоты, блеска и счастья.

Табарзад — кусковой сахар, карамель; синоним сладости.

Табархун — ива пурпуровая, розги из сандалового дерева.

Тамгадж — область в средневековом восточном Туркестане.

Тараз — область и город в Туркестане, поставивший белокожих красавцев робинь; символ белизны, света, утра, противоположность *Хабесту* (см.). Развалины Тараза находятся неподалеку от современного г. Джамбула.

Тигр — одна из двух главных рек Ирана.

Тизитрис — звезда Сириуса.

Тизрид, сын Ардани — номинальный султан Азербайджана и Иранского Ирака Тогрул III (1176—1194). Фактическими же правителями при Тизриде III были Мухаммед Джахан-Пехлеван (1175—1186) и его брат Вильям Арслан (1186—1191).

Тибя — райское дерево.

Турция — во времена поэта состояла из части Малой Азии (Азрум, Кония, Сивас, часть побережья Черного моря); в нее не входила столица Византии Константинополь (Стамбул) и прилегающие области.

Тутия — декоративная мазь для глаз.

Туран — мифическая страна иранского героического эпоса; тураниа — народ обитает с иранцами происхождения, но враждебный им. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.

Турчя (дуррадж) — птица из семейства фаззинов (франколлинов). Вормитание турчя считается на Востоке приятным.

Туррудж — умеренная, небольшой горько-кислый плод, похожий на яблоки, сок которого употребляют при приготовлении соусов.

Тут — тутовое дерево.

Тюрки — народы и племена тюркской расы; в классической поэзии Белого тюрки — символ белизны, красоты.

Умм-хати — одна из жен пророка Мухаммеда, из дома которой он совершил свое пошествие.

Униаб (ушаби) — записываемый обыкновенный (грудиная ягода), красивый и вкусный плод, традиционно поэтическое сравнение униаби с губами и обращенными к ней пальцами красавицы.

Утарид — планета Меркурий, покровитель мудрости, он же искусный писец.

Ушнас — один из львов восточной классической музыки.

Фарфор — букв. сын бога; титул китайских императоров (отсюда русское «фарфор»).

Фарр — божественная благодать, которой согласно теократическим

представлениям древнего Ирана, должен был обладать законный правитель. Фарр изображался в виде сияния (шамба) вокруг головы.

Фарсане — путевая мера; столько, сколько может пройти конь за один час, т. е. шесть-семь (иногда десять) километров.

Фарси — персидский язык, язык классической литературы.

Фархар — восходит к санскритскому слову «вишара» — буддийский храм. Является также названием нескольких городов в Китайском Туркестане. Храм Большой Фархар, отличающийся величием и красотой, находился в одноименном городе в Тибете.

Фешке — чудесная птица, которая, создавая древнеиндийским мифом, достигнув старости, сажала себя в пламя и в нем возрождалась из пепла, молодой и прекрасной.

Феридун — один из мифических царей древнего Ирана, герой «Шах-наме» Фердоуси, пернувший себе ирон с помощью кузнеца Кави. Феридун в старости хотел разделить свою державу между тремя сыновьями, но братья Сальм и Тур из зависти к Фреджу, которому предназначался Иран (а им достались Рум и Туран), убили Фреджа, из-за чего возникла длившаяся веками вражда между Ираном и Тураниею.

Феридуси — великий персидский поэт (936—1020), автор эпоса «Шах-наме» («Книга царей»).

Фирман — царский указ.

Фука — бродячий ванщик, шива.

Хабест — Эфиопия, откуда во времена Пизгями привозили темнокожих рабов; в поэзии — синоним ирака, ночи, и противоположность *Таразу* и *Хотану* (см.).

Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку, к храму *Кайбы* (см.).

Хаджи — мусульманин, совершающий паломничество в священный город Мекку.

Хаджиб — приближенный шаха.

Хазарское море — Каспийское море.

Хазары (хазарийцы) — ханарцы-хазары — народность тюркского происхождения, которая с V до XI в. образовала государство на обширной территории, на западном и северном берегах Каспийского моря.

Хакан — император древних тюрков, титул китайского императора, хакан Китая, Турании и кайсар Рума в поэзии Низами также же противоположности, как Рум и Туран, как Запад и Восток.

Хаким — мудрец, правитель, суфий, а также врач.

Халиф — религиозный глава мусульман и одновременно верховный правитель мусульманского государства; халифат сложился в VII в. после смерти пророка Мухаммеда, преемниками которого были четыре «праведных» халифа: Абу Бакр (632—634), Умар (634—644), Усман (644—656) и Али (656—661); в начале XI в. халифы потеряли светскую власть и сохранили лишь религиозный авторитет.

Халлах — город в восточном Туркестане, жители которого — турки. В поэзии служил символом красоты и противопоставляется Хабелу — символу верности и нравя. Халлах сланился также споним кабаргами — быками, из желез которых добывали ароматическое вещество — мускус.

Хан — титул тюркских и монгольских правителей, князь, глава племени, феодал, помещик; почетный титул, присоединяемый к мусульманским именам собственным.

Ханзад — колоковит, горючий, ядовитый плод пустынного растения.

Хар — см. *Рей*.

Хариар — букв. ослепший выюг; крупная мера веса, колеблящаяся в зависимости от места, где она применялась (от ста до четырехсот килограммов).

Харт и Марит — два ангела, которые, по мусульманской легенде, были даны испытанию посланы на землю и в человеческом облике. Они влюблись в красавицу *Зухру* (см.) и под влиянием охватившей их страсти совершили преступление. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного Суда. *Зухра*, ставшая причиной их падения, вознесена на небо, где приняла облик планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.

Хатун — тюркский титул правительницы или жены *хакана* (см.), благородной тюркской дамы.

Харжин — ток, амбар, место, куда складывают собранный урожай.

Хиари — один из ладов восточной классической музыки.

Ходжа — феодальный придворный титул; впоследствии — «господин», «почтенный человек».

Хорасан — обширная область, по средневековой географии занимавшая территорию современного Ирана — от Тегерана до берегов Аму-Дарья — и часть Афганистана (Балх, Газна).

Атрели — древняя страна в районе Хорезмского оазиса, в низовьях Аму-Дарья, один из старейших очагов высококоразвитой земледельческой культуры.

Хосров, Хосрой — шах Хосров *Ануширван* (см.), чье имя стало па-

риательным титулом могучего владетеля, подобно тому, как стало нариательным имя Цезаря.

Хотан — название области в Туркестане, откуда привозили красных рабынь, как и Тараз, и Кизил, споним света, белизны, красоты.

Худжасте — высококороткая бумага особого формата.

Хукистан — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Цезаря привозили финики, споним сладости.

Хурма — круглый сочный фрукт, широко распространенный в Азербайджане.

Хумз — скалопад огромной птицы, приносящая счастье. По поверью, из кою упадет тень этой птицы, тот станет царем (Отсюда — Гамзалин из русских сказок).

Хьыр — таинственное существо в зеленых одеждах, обладающее вечной жизнью, открывшее источник «живой воды». Хьыр чудесно передвигается в пространстве и приходит на помощь путникам, погибавшим в пустыне. Суфии считали Хьизра второстепенным пророком.

Чанг — большой струнный инструмент, напоминающий арфу. Современный чанг больше похож на шимбал).

Чач — один из древнейших городов в Средней Азии, современный Ташкент.

Чан — см. *Китий*.

Чоуган (чоуган) — конное воло; всадники клячками «сбирают» друг у друга шар и загоняют его между двумя столбами; човалом намазается и клячка изогнутой формы. В поэзии — споним исто изогнутого, в частности, кудрей красавицы.

Шадуриан — шахский шатер.

Шаир — по-арабски «человек», персидский эквивалент его *дэмоу* (см.), что одновременно служит мерой веса, равной 1/96 г. крушина.

Шамес — металлическое изображение солнца, укрепленные на фронтонах дворцов или на ирригационных колодах мечей.

Шариат — законодательство, свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на Коране.

Шаханин — букв. «царь царей», древний титул иранских царей во время династии Ахеменидов (559—329 гг. до н. э.).

Шахиджан — арабизированная форма слова «Шахнган» («царственный»), почетное название древнего города Мерв (ныне Мары во Туркменистане Туркменской ССР). Крупнейшие города имели в те времена присвоенные им почетные названия (титулы).

Шахрузур — город, расположенный недалеко от древней столицы Ирана Эббатана.

Шахрӯд — река в Иране.

Шибаниз — легендарная птица; считается, что по ночам она жалобно стонет.

Шиблиз — черный конь Хосрова Парвиза; символ ночи.

Шихна — правитель города, начальник военной и полицейской власти.

Шустар — Сузы, одна из древнейших столиц Ирана; ныне — Шүш, небольшой город на юге Ирана.

Эбен — черное тропическое дерево с ценной, твердой, благоухающей древесиной; символ черноты и крепости.

Эвклид (Евклид) — знаменитый древнегреческий математик.

Эдем — по библейской легенде, земной рай, местопребывание первых людей до трехпадения; благодатный уголок земли.

Эмирай — самая высокая часть неба, обиталище Бога.

Эрженс — то же, что и *Аржанс* (см.).

Юсуф — герой мусульманской легенды, восходящей к Библии (Иосиф Прекрасный), любимый сын *Якуба* (см.). Был из зависти похищен другими сыновьями Якуба и брошен в колодезь, откуда его извлекли случайные путники. Он был продан в рабство египетскому вельможе Китфину (Потифару), жена которого Зулейха влюбилась в Юсуфа. Легенда о Юсуфе и Зулейхе послужила основой для многочисленных сказаний и поэм на этот сюжет. Юсуф — символ красоты, мудрости, целомудрия, благоволения.

Яма — город в Восточном Туркестане, славившийся своими красавицами-дворняжками.

Язад (Изад) — древнее имя зороастрийского божества.

Якуб — библейский Иаков; по учению ислама, один из пророков, бывших до Мухаммеда, отец Юсуфа. Когда Иосиф исчез, Якуб ослеп от горя и слез.

Яснен — жасмин.

Яхн (сокращение от яхн-илон) — род ялова, где вареное мясо яла иурна кладутся под рис, на дно котла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
В восхваление бога	43
В разъяснение примыги постижения и познания разумом	45
Мольба о прощении	48
В восхваление пророка великого, да благословит его аллах и да приветствует	50
О том, что предшествовало написанию книги	51
В поздраву Тогрул-Арслану	54
В восхваление атабэка великого Шамседдина Абу-Джафара Мухаммеда Иби-Ильдинга	56
Обращение во время исцеления земли	59
В восхваление шаха Музаффараддина Кызыл-Арслана	61
О проникновении в сущность сей книги	64
Несколько слов о любви	67
В оправдание сочинения этой книги	69
Начало рассказа	72
Выезд Хосрова на охоту	75
Хосров со старшими идет к своему отцу	77
Хосров видит во сне своего деда Ануширвана	79
Рассказ Шанура о Ширин	80
Поездка Шанура в Армению за Ширин	85
О происхождении Шиблиза	87
Шанур в первый раз показывает Ширин изображение Хосрова	88
Шанур во второй раз показывает Ширин изображение Хосрова	90
Шанур в третий раз показывает Ширин изображение Хосрова	91
Появление Шанура в одежде мага-жреца	94
Бегство Ширин от Михин-Бану в Медани	99
Купанье Ширин в источнике	104
Хосров видит Ширин в источнике	105
Приезд Ширин в замок Хосрова в Медани	112
Постройка замка для Ширин	114
Приезд Хосрова в Армению к Михин-Бану	116
Прирештво Хосрова	118
Возвращение Шанура	120

Шаур второй раз едет за Ширин	122
Хосров узнает о смерти отца	126
Хосров восходит на трон вместо отца	128
Шаур провозит Ширин к Михли-Бану	129
Искусство Хосрова от Бехрама Чубине	130
Встреча Хосрова и Ширин на охоте	132
Наставление Михли-Бану Ширин	134
Хосров и Ширин приходят в догаан	136
Обещание весны и веселья Хосрова и Ширин	139
Хосров убивает льва во время пира	141
Рассказывание притч Хосровом, Ширин, Шауром и девушками	144
Хосров и Ширин остаются одни	151
Ответ Ширин Хосрову	153
Ответ Хосрова Ширин	154
Ширин слова отвечает Хосрову	157
Хосров умоляет Ширин	158
Хосров выкалывает Ширин и направляется в Рум. Вечание Хосрова с Мариам	161
Сражение Хосрова с Бехрамом и бегство Бехрама	164
Висещение Хосрова на престол в Медане по второй раз	167
Стенания Ширин в разлуке с Хосровом	171
Завещание Михли-Бану	174
Возвращение Ширин	177
Прибытие Ширин в Медани	179
Хосров узнает о смерти Бехрама Чубине	180
Хосров приказывает Барбеда	185
Хосров просят у Мариам свихождения к Ширин	188
Хосров нисылает Шаура за Ширин	190
Уприси Ширин Шауру	191
Начало любви Ферхада	195
Приезд Ширин к месту работ Ферхада	199
Наказ Ферхада от любви к Ширин	200
Хосров узнает о любви Ферхада	203
Совещание о Ферхаде	204
Хосров вызывает к себе Ферхада	205
Спор Хосрова с Ферхадом	206
Рассказание горы Ферхадом и жалобы его	209
Ширин направляется к горе Бисутун, и конь ее падает	216
Хосров узнает о поездке Ширин, Гибель Ферхада	219
Письмо Хосрова к Ширин, выражающее сочувствие, но написанное в насмешку	224
Смерть Мариам	227
Сочувственное письмо Ширин Хосрову по поводу смерти Мариам, написанное в отместку	229
Письмо Ширин приходит к Хосрову	231
Описание справедливости Хосрова	232
Хосров, пируя, восседает на троне Такдис	233
Хосров выслушивает описание Шекер Исфаханской	236

Поездка Хосрова в Исфахан за Шекер	238
Распроса Хосрова о Шекер и его сватовство	242
Одиночество Ширин и ее стенания	246
Восхваление утра	248
Ширин возмост хвалу богу	250
Поездка Хосрова к замку Ширин под предлогом охоты	250
Свидание Хосрова с Ширин	256
Первый ответ Ширин Хосрову	257
Первый ответ Хосрова Ширин	261
Второй ответ Ширин Хосрову	262
Второй ответ Хосрова Ширин	264
Третий ответ Ширин Хосрову	266
Третий ответ Хосрова Ширин	268
Четвертый ответ Ширин Хосрову	270
Четвертый ответ Хосрова Ширин	272
Пятый ответ Ширин Хосрову	275
Возвращение Хосрова от замка Ширин	279
Ответ Шаура Хосрову	282
Ширин сожалеет об отъезде Хосрова	284
Сновидение Хосрова и толкование сна Шауром	287
Хосров устраивает пир	287
Первая песня Некисы, подказанная Ширин	291
Первая песня Барбеда, подказанная Хосровом	292
Вторая песня Некисы, подказанная Ширин	294
Вторая песня Барбеда, подказанная Хосровом	296
Третья песня Некисы, подказанная Ширин	298
Третья песня Барбеда, подказанная Хосровом	301
Четвертая песня Некисы, подказанная Ширин	302
Четвертая песня Барбеда, подказанная Хосровом	304
Выход Ширин из шатра	306
Приезд Ширин для венчания в Медани	309
Свадьба Хосрова и Ширин	311
Наставления Ширин Хосрову о справедливости и знании	317
Вопросы Хосрова к Бузург-Умиду и его ответы	319
О назначении пророка	325
Сорок притч из «Калилы и Димны» с высказыванием сорока тонких мыслей	326
Мудрость и наставления Низами	329
Описание Ширине и конца царствования Хосрова	330
Хосров уединяется в храм огня, Ширине заключает его в темницу	332
Ширине убивает Хосрова	334
Притча	336
Пробуждение Ширин	336
Ширине сватается за Ширин	337
Смерть Ширин в усыпальнице Хосрова	339
В осуждение мира	341
В назидание	344

Смысл сказа о Хосрове и Ширин	345
В наставление сыну своему Мухаммеду	346
Хосров видит во сне пророка	347
Послание пророка Хосрову	351
Визитные пророка	354
Наставление и завершение книги	355
Порчиание завистником	359
Творд-шах требует к себе ученого Низами	362
Событие по поводу кончины Шамседдина Мухаммеда Джахи Пашавана	369
Комментарии	372
Словарь собственных имен, географических названий и непереведенных слов	430

Низами Гянджеви

N65 Хосров и Ширин. Поэма. Перевод К. Липскерова. Научный редактор, автор вступит. статьи и комментариев Р. Алиев, Б. Язычи, 1983. — 458 с. портрет.

Поэма «Хосров и Ширин» — вторая по величине в классической «Пятернице» Низами, выделяется своим сложным богатством, яркими многоплановыми образами, привычным лирическим, органически сочетающимся с традициями героического эпоса.

В центре повествования стоит история любви благородной и знойной красавицы Ширин и иранского царевича Хосрова. В единственном образе Ширин Низами воплотил свой идеал женщины. Без поэма звучит как гимн возвышенной, самоотверженной любви. Наряду с этим в ней получили свое конкретное развитие гуманистические идеи Низами о социальной справедливости, об обязанности духовного совершенствования человека.

И 4702060100—51 Реш. кол. Госк. издательства за № 83 от
М-656—83 31 марта 1982 г.

С(Аз)1

Редактор Николай Хатунцев,
Художник Р. Назаров,
Художественный редактор А. Мелконян,
Технический редактор В. Пантелеев,
Корректоры Н. Шакирова, Г. Мовсисян,
ИБ № 1003

Сдано в набор 20.11.1982 г. Подписано к печати 21.01.1983 г. Формат бумаги 60/90/16. Бумага № 1. Литературная гарнитура. Высота печати. Физ. и условн. н. л. 28,73+1 вкл. Учетн. изд. л. 24,74. Заказ № 820. Тираж 15000. Цена 2 руб. 40 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Изычи», 370085 Баку, проспект Кирова, 18.

Новая Книжная типография, 370102 г. Баку, ул. Али Тагинзаде, 4.

Низами Кенчеви

ХОСРОВ ВƏ ШИРИН

Поема

Баки—1983

„Язычы“ nəшријјаты. 370088.

Баки. Киров проспекти. 18.

Јени китаб матбэəsi. 370102.

Баки, Əли Тагызadə кучəsi. 4.

